

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт философии

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2014 году

Выпуск

3

Минск
«Беларуская навука»
2016

В третий выпуск ежегодного сборника научных трудов включены работы, которые охватили основные разделы современной философской науки – философию истории, социальную динамику, гуманитарные технологии в социальной инженерии и ценностно-нормативные компоненты современного общества, методологические аспекты цивилизационного и мир-системного подходов, философско-антропологические исследования, философию культуры, религии, морали и образования, философско-методологические проблемы науки и техники, проблемы формирования экологической культуры. Авторами сборника являются ученые Беларуси, России и Украины.

Рассчитан на философов, ученых, преподавателей, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами философской культуры, развития современного общества и человека, методологии науки.

Сборник научных трудов «Философские исследования» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по философской отрасли науки (Приказ Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь № 156 от 19.06.2015 г.).

Рекомендовано :

Ученым советом ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»,
протокол № 6 от 14 июня 2016 г.

Редакционная коллегия :

- Т. И. Адуло* (главный редактор), доктор философских наук, профессор;
А. Л. Кушиш (зам. главного редактора), кандидат философских наук, доцент;
А. О. Карасевич (ответственный секретарь), магистр психологических наук;
П. Ганчев, доктор философских наук, профессор (Болгария);
Л. Ф. Евменов, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор философских наук;
А. А. Лазаревич, кандидат философских наук, доцент;
В. А. Максимович, доктор филологических наук, доцент;
О. П. Пунченко, доктор философских наук, профессор (Украина);
Э. М. Сороко, доктор философских наук, доцент;
А. И. Субетто, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);
Д. И. Широканов, академик НАН Беларуси, доктор философских наук

Рецензенты :

- Е. М. Бабосов*, академик НАН Беларуси, доктор философских наук;
В. И. Чуешов, доктор философских наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

Ивин А. А. Об истории человечества	7
Карпенко А. С. Контрфактуальное мышление	22
Адуло Т. И. Проблема синтеза идей философии, социологии и теории права: концептуальный подход Г. Д. Гурвича	36

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

Лазаревич А. А. Феномен глобализации и ее вызовы.....	46
Титаренко Л. Г. Глобальные риски и ценности модернизации: Россия и Беларусь	59
Капитонова Т. А., Белокрылова В. А. Исследования исторической памяти в современном социогуманитарном знании: трансдисциплинарная перспектива.....	69
Сивецкий А. В. Влияние глобальных научных революций на трансформацию цивилизационного подхода.....	77
Серeda Ю. П. Особенности трансформации ценностно-нормативной компоненты современного общества.....	89

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Павловская О. А. Проблема сущности человека: поиск духовно-нравственных оснований... ..	101
Цепаев С. П. Некоторые особенности институциональной интерпретации проблемы человека.....	114
Карасевич А. О. Моделирование структуры жизненного мира по Ю. Хабермасу	126
Куксачёв Н. Н. Понятие сострадания в «Поэтике» и «Риторике» Аристотеля.....	134

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Максимович В. А. Коммуникативно-творческие аспекты традиции в формировании национально-культурной идентичности.....	142
Санько С. І. Славянские <i>světъ</i> 1) 'lux', 2) 'mundus' у святле архаічных уяўленняў аб прыродзе зроку	155
Земляков Л. Е., Шерис А. В. Актуальные вопросы взаимоотношения государства и Римско-католической церкви в современной Беларуси	167

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Пунченко О. П. Научное творчество и рациональность: грани взаимопроникновения	175
Нестерович Ю. В. Очерк по экспликации понятия науки.....	183
Павлюкевич В. И. Логико-семантическая экспликация модальностей <i>de re</i>	193
Спасков А. Н., Козина О. А. Метафизическая структура времени: «вертикальный срез» реальности.....	202
Куиш А. Л. Интертеоретические связи в системе научного знания	215

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Савченко В. К. Этические риски геномных технологий и их социально-правовое регулирование	226
Каракo П. С. Концепция природы И. Пригожина и постнеклассическая рациональность	245

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мякчило С. А. Белорусская академическая философия: исторический путь и новые горизонты (К юбилею Института философии НАН Беларуси)	257
Адуло Т. И. Постигаая сущность бытия и динамику эпох (К 85-летию Е. М. Бабосова).....	265
Салеев В. А. Жрец прекрасного	273
Павлюкевич В. И. Труженик, воин, мыслитель (К 95-летию со дня рождения А. К. Манеева).....	281
Куиш А. Л. Философ и педагог (Памяти И. Я. Левяша).....	285
Сведения об авторах	289
Информация для авторов	291

CONTENTS

PHILOSOPHY OF HISTORY

Ivin A. A. About the history of humankind	7
Karpenko A. S. Counterfactual thinking	22
Adoulo T. I. The problem of synthesis of the ideas of philosophy, sociology and the theory of law: G. D. Gurvitch's conceptual approach	36

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SOCIAL DYNAMICS

Lazarevich A. A. Globalization phenomenon and its challenges	46
Titarenko L. G. Global risks and modernization values: Russia and Belarus	59
Kapitonova T., Belokrylova V. Memory studies in contemporary socio-humanitarian knowledge: the transdisciplinary perspective	69
Sivitski A. The impact of global scientific revolutions on the transformation of civilizational approach	77
Serada Yu. The features of transformation of the value-normative component of modern society	89

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL RESEARCH

Pavlovskaya O. A. The problem of human essence: search for spiritual-moral grounds	101
Tsepaev S. P. Some peculiarities of institutional interpretation of the problem of human	114
Karasevich A. O. Modeling of the structure of the life-world according to J. Habermas	126
Kuksachou M. M. Compassion in "Poetics" and "Rhetoric" by Aristotle	134

PHILOSOPHY OF CULTURE AND EDUCATION

Maksimovich V. A. Communicative-creative aspects of tradition in formation of the national-cultural identity	142
San'ko S. Slavic <i>svěť</i> 1) 'lux', 2) 'mundus' in view of archaic notions about the nature of vision	155
Zemlyakov L. E., Sheris A. V. Topical issues of relationship between state and Roman Catholic Church in modern Belarus	167

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Punchenko O. P. Scientific creativity and rationality: the facets of interpenetration	175
Nesterovich Y. V. Essay on the explication of the Concept of science	183
Pavlyukevich V. I. Logical-semantic explication of modalities <i>de re</i>	193
Spaskov A. N., Kozina O. A. The metaphysical structure of time: "vertical cut" of reality	202
Kuish A. Inter-theoretical connections in the system of scientific knowledge	215

PROBLEMS OF ECOLOGICAL CULTURE FORMATION

Sauchanka U. K. Ethical risks of genomic technologies and their social and legal regulation....	226
Karako P. S. Prigogine's conception of nature and postnonclassical rationality	245

SCIENTIFIC LIFE

Myakchilo S. A. Belarusian academic philosophy: historical path and new horizons (To Anniversary of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus).....	257
Adoulo T. I. Perceiving the essence of life and dynamics of epochs (To E. M. Babosov's 85 th anniversary).....	265
Saleyev V. A. Priest of beautiful things.....	273
Pavlyukevich V. I. Hard worker, warrior, thinker (To A. K. Maneev's 95 th anniversary).....	281
Kuish A. L. Philosopher and educator (Professor I. J. Levyash memory).....	285
Information about the authors	289
Information for authors	291

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

УДК 1:3+930.1

Поступила в редакцию 03.02.2015
Received 03.02.2015

А. А. Ивин

Институт философии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

ОБ ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В качестве общего понимания хода человеческой истории предлагается представление о двухполюсной, многофакторной и полилинейной истории. Полюсами истории являются коллективизм и индивидуализм. Факторы, определяющие развитие обществ и цивилизаций, многообразны и меняются со временем. Каждое общество имеет собственную линию развития.

Ключевые слова: философия истории, общая концепция истории, коллективистические цивилизации, индивидуалистические цивилизации, многофакторность эволюции обществ, полилинейность социального развития.

A. A. Ivin

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ABOUT THE HISTORY OF HUMANKIND

The idea of bipolar multifactorial and polyline history is offered as general understanding of the course of history. The poles of the history are collectivism and individualism. The factors that determine development of societies and civilizations are diverse, and they change over time. Every society has its own line of development.

Keywords: philosophy of history, general concept of history, collectivist civilizations, individualist civilizations, multifactorial nature of evolution of societies, polyline nature of social development.

Человечество прошло путь от примитивного первобытного общества, добывающего огонь трением, до современного постиндустриального общества, запускающего космические спутники и готовящегося к полетам на другие планеты. Постоянное развитие – одна из фундаментальных характеристик человеческого общества. Рассматривать общество вне истории, отвлекаясь от его непрерывного изменения, все равно что рассуждать о жизни отдельного человека, абстрагируясь от того, что он в определенный момент рождается, затем взрослеет, старится и умирает.

Философия истории призвана давать философскую интерпретацию исторического процесса. Одна из основных ее задач – исследование развития чело-

веческой истории, выделение движущих ее причин, основных исторических эпох, цивилизаций, культур. Пока эта задача не решена. Нет никакой общепринятой концепции истории. Нет даже относительно устойчивых исторических школ, развивающих какое-то общее и обоснованное представление о человеческой истории. Едва ли не у каждого крупного философа и социолога, затрагивающего общие проблемы хода истории, имеется свое решение этих проблем.

Во многом это объясняется краткостью известной нам истории. Из многих тысячелетий человеческой истории более или менее известны только последние шесть тысяч лет. Истоки человечества покрыты глубоким мраком, и о них можно только догадываться. Будущее человечества неопределенно. Трудно сказать, что будет даже спустя 100 лет, когда окажутся исчерпанными запасы нефти, газа, угля и других полезных ископаемых, а численность человечества удвоится или утроится.

В этой ситуации темноты прошлого и неясности будущего построение общей концепции человеческой истории является непростым делом. И нужно отдавать себе отчет, что всякая такого рода концепция, какой бы обоснованной она ни казалась, будет носить во многом гипотетический характер уже в силу ограниченности того эмпирического материала, на который она опирается. Это относится и к излагаемой далее идее о двухполюсной, многофакторной и полилинейной человеческой истории.

Коллективизм и индивидуализм

Автором на протяжении довольно длительного времени развивается представление об истории как движении обществ и цивилизаций между двумя относительно устойчивыми полюсами: *коллективизмом* и *индивидуализмом*¹. Эта концепция двухполюсной истории уже показала, как кажется, свою плодотворность в философской антропологии², философии науки³, социальной философии⁴ и в ряде других областей.

История движется между двумя полюсами, одним из которых является *коллективистическое общество*, другим – *индивидуалистическое общество*. В индустриальную эпоху коллективизм и индивидуализм вступают между собою в непримиримую то «горячую», то «холодную» войну. Если бы в буду-

¹ Впервые эта концепция была подробно изложена в работах: Ивин А. А. Введение в философию истории. – М. : Владос, 1997. – Гл. 2, 3; Его же. Философия истории. – М.: Гардарики, 2000. – Гл. 2.

² См.: Ивин А. А. Обнаженность и отчуждение: философское эссе о природе человека. – СПб. : Алетейя, 2015.

³ Ивин А. А. Современная философия науки. – М. : Высш. шк., 2015. – Гл. 1–3; Его же. Философское исследование науки. – М. : Проспект, 2016. – Гл. 13.

⁴ См.: Ивин А. А. Из тени в свет перелетая...: очерки современной социальной философии. – М. : Прогресс-Традиция, 2015; Его же. Философское измерение истории. – М. : Проспект, 2016. – Гл. 2–4.

шем один из этих типов общества был полностью вытеснен другим, это говорило бы в известном смысле о конце истории.

Всякое конкретное общество или находится на одном из двух полюсов (в непосредственной близости от него), или, что бывает гораздо чаще, с той или иной силой тяготеет к одному из данных полюсов. Формы коллективизма и индивидуализма меняются от эпохи к эпохе, отдельные общества дрейфуют от коллективизма к индивидуализму и наоборот, но две крайние точки, между которыми разворачивается история, остаются почти неизменными в своей глубинной сути.

Идею двух полюсов истории можно пояснить такой простой географической аналогией. Имеются два географических полюса Земли – Северный и Южный. Отдельные страны находятся или в непосредственной близости к этим полюсам, или в каком-то отдалении от них. Дрейф материков может приближать какую-то страну к одному из полюсов, отдаляя ее тем самым от другого, но он не меняет ни положения самих полюсов, ни деления земной поверхности на северное и южное полушария. На самих полюсах в конкретный исторический период может не находиться ни одна из стран. Но тем не менее все страны делятся на находящиеся в северном полушарии и находящиеся в южном полушарии, и одни из них ближе к одному полюсу, в то время как другие ближе ко второму полюсу. Эта аналогия поверхностна, но она помогает уяснить в первом приближении идею двухполюсности человеческой истории.

Будем понимать под *коллективизмом* социальную систему, которая стремится с помощью любых средств, включая и насилие, радикально преобразовать общество во имя достижения некой единой, подавляющей все другие, цели и отрицает во имя этой цели автономию индивида.

Коллективизм может быть теоретическим, существующим в форме более или менее разработанного проекта коллективистического переустройства общества, и практическим, существующим в виде конкретного коллективистического общества.

Коллективизму противостоит *индивидуализм*, не намеревающийся решительно перестраивать общество ради какой-то универсальной, обязательной для всех, цели и допускающий в широких пределах независимость индивидов. Индивидуализм может существовать как в форме теории, так и в виде реального индивидуалистического общества, возможно, не руководствующегося в своей жизни никакой теорией.

Промежуточные между отчетливым коллективизмом и отчетливым индивидуализмом общества требуют самостоятельного анализа, тем более важного, что такие общества составляют подавляющее большинство. Однако своеобразие любого из промежуточных обществ не может быть успешно проанализировано без учета того, к какому из двух возможных полюсов оно тяготеет.

Примером античного индивидуалистического общества может служить Древняя Греция, и прежде всего афинская демократия. Практический древний коллективизм хорошо иллюстрирует древнеегипетское общество. Харак-

терным примером современного коллективистического общества является тоталитаризм, подчиняющий все без исключения стороны социальной и индивидуальной жизни контролю государства. К современным индивидуалистическим обществам относятся страны Европейского союза и Северной Америки.

Термины «коллективизм» («коллективистическое общество») и «индивидуализм» («индивидуалистическое общество») широко употребляются с конца XIX – начала XX в., то есть с того времени, когда радикальный социализм – ведущая форма современного коллективизма – начал превращаться из вопроса теории в дело реальной социальной практики.

Истоки противопоставления коллективистического и индивидуалистического обществ лежат еще в Античности. Требование перестроить каждое общество по коллективистическому образцу можно назвать *платоновской традицией* в философии истории¹. Намерение строить общество по индивидуалистическому сценарию является *аристотелевской традицией*². К первой традиции примыкали Фома Аквинский, Г.-В.-Ф. Гегель, К. Маркс и др.; ко второй – И. Кант, О. Конт, Н. А. Бердяев, К. Ясперс, К. Поппер, Ф.-А. Хайек и др.

Коллективизм и индивидуализм представляют собой два крайних, диаметрально противоположных способа общественного устройства. В чистой форме они проявляются только в немногих обществах. Остальные общества не являются явно коллективистическими или открыто индивидуалистическими, а только тяготеют – притом с разной степенью интенсивности – к одному из этих полюсов. Скажем, в современном мире к собственно коллективистическим странам относятся коммунистические Северная Корея, Куба и, возможно, ряд арабских стран, строящих «национальный социализм». К открыто индивидуалистическим принадлежат либерально-демократические общества Западной Европы и Северной Америки. Остальные страны лишь тяготеют к одному из этих полюсов, находясь от них на самом разном удалении. Ряд стран, и в их числе Россия, долгое время составлявших ядро коллективизма, сейчас достаточно устойчиво движутся в сторону индивидуалистического общественного устройства.

Выделение коллективизма и индивидуализма как двух чистых форм (или полюсов) устройства общества не означает, конечно, что мировая история представляется как арена никогда не затихающей борьбы между данными формами. Коллективизм и индивидуализм противостоят друг другу как способы общественного устройства, но из этого вовсе не следует, что они непременно ведут открытую или тайную войну друг с другом. Коллективистические и индивидуалистические общества вполне могут мирно сосуществовать. Об этом говорит современная история и почти вся предшествующая история. История не движется борьбой коллективизма с индивидуализмом точно так же, как она не движется ни борьбой классов, ни борьбой наций.

¹ См.: Платон. Диалоги: Государство. Законы.

² См.: Аристотель. Политика. Кн. 2–6.

Двухполюсность человеческой истории очевидным образом не совместима с идеей гомогенности исторического времени, вытекающей из метафизики Просвещения, а затем и марксизма. Гетерогенность истории, неравномерность развития отдельных обществ и регионов, тяготение их то к одному, то к другому из полюсов истории связаны с изменчивостью факторов духовной и материальной жизни конкретных обществ, с плюрализмом культур, с многообразием социально-исторического опыта и т. п.

Романтизм и реализм

Интересно отметить, что противопоставление коллективизма и индивидуализма во многом сходно со старым противопоставлением романтизма и реализма в искусстве, и прежде всего в литературе.

Суть реализма – изображение мира таким, каким он является, или, как говорят, правдивое его изображение, избегающее как приукрашивания, так и очернения реального положения вещей. Реализм представляет жизнь в образах, соответствующих явлениям самой жизни. Он прибегает к типизации, но не судит существующий мир и живущего в нем человека с точки зрения каких-то высоких идеалов. Писатель-реалист видит несовершенство жизни и описываемых им людей, но избегает противопоставления им некой иной, более возвышенной жизни, в которой действовали бы совершенные герои.

Романтизм, напротив, делает предметом изображения не типическое, постоянно повторяющееся в реальной жизни, а необычное и, создавая особый мир воображаемых обстоятельств и исключительных страстей, показывает личности, особо богатые в душевном, эмоциональном отношении, сложные и сильные. Реальные люди кажутся романтику чересчур прозаическими, чтобы вызывать какой-то интерес.

Чтобы не создавалось впечатления известной искусственности описания романтизма и приуроченности этого описания к сопоставлению романтизма с коллективизмом, воспользуемся характеристикой романтизма, которую давал ему когда-то поэт К. Бальмонт. Он перечисляет ряд общих признаков романтизма как особой школы в искусстве, сложившейся к 30-м годам XIX в. Ключевой среди этих признаков – любовь к дальнему: «Любовь к далекому, что связано с мечтой и достижением, – вот, быть может, первый из этих признаков. Романтик, воплощая в себе жажду жизни, жажду разносторонности, являясь четкой вольной личностью, всегда стремится от предела к Запредельному и Беспредельному. От данной черты к многим линиям Нового»¹.

Романтики намного раньше Ф. Ницше стали употреблять слово «сверхчеловек» и противопоставлять совершенного во всех отношениях будущего человека обычному, слабому и не достойному любви человеку. Реальная

¹ Бальмонт К. Романтики // Бальмонт К. Избранное : стихотворения, переводы, статьи. – М. : Худож. лит., 1991. – С. 506.

родина романтикам недостаточна. «Их родина – не их родина, а бег души к вечной родине мыслящих и красиво творящих. Это выражается в романтиках и внешне. Любя Землю как планету не в частичном минутном ее лике, они жадно устремляются к новым, еще не познанным ее частям, к иным странам, к чужим краям»¹. Каждый истинный романтик должен быть путником, ибо только в путях и странствиях завоевываешь мир и себя. Завет романтиков – «совершенный человек в совершенной природе» (Новалис). Бальмонт завершает свою заметку словами, прямо перекликающимися с определением коллективизма и противопоставлением древнегреческого индивидуалистического общества коллективистическому: «В человеческой душе два начала: чувство меры и чувство внемержного, чувство безмерного. Древняя Эллада – это чувство меры. Пафос романтики и творческий огонь нашей современности – это чувство внемержного, беспредельного. Мы хотим пересоздания всей Земли, и мы ее пересоздадим, так что все на Земле будут красивы, и сильны, и счастливы. Это вполне возможно, ибо Человек есть Солнце и его чувства – его планеты»².

Романтизм и коллективизм очевидным образом роднят следующие моменты: реальная жизнь несовершенна и не отвечает высокому предназначению человека;

особенно ярко несовершенство жизни проявляется в несовершенстве современного человека, который представляет собой только сырой материал для создания полноценной личности;

необходимо перестроить все, начиная с самих основ, и добиться иной, совершенной, природы и нового, совершенного, человека;

человек – это переходное существо, живущее не только в убогом настоящем, но и мечтою в прекрасном будущем, где все не только сильны и счастливы, но даже одинаково красивы;

только будущий, совершенный, человек достоин любви; ныне живущие, пусть и близкие нам, но слабые люди, не достойны ее.

Романтизм формировался примерно в то же самое время, когда начал складываться достаточно отчетливый социалистический коллективистический идеал. Романтики и теоретики социализма никак не были связаны друг с другом, однако они развивали сходные общие идеи, касающиеся совершенного мира и совершенного человека. Близость устремлений романтизма и теоретического социализма хорошо показывает, что самые, казалось бы, далеко друг от друга отстоящие области не только искусства, но и культуры в целом оказываются в конце концов связанными друг с другом. В идеалах романтизма и социализма выразился один и тот же «дух времени».

¹ Бальмонт К. Романтики. – С. 507.

² Там же. – С. 507–508.

Многофакторность и полилинейность развития обществ

Движение конкретных обществ к тому или иному полюсу в конкретный период времени диктуется многообразными, по преимуществу внутренними факторами. В их числе обширность общества и его национальный состав, устойчивость или, напротив, нестабильность общества, его консерватизм или готовность к переменам, его окружение, его религия, мораль, уровень экономического развития, представляющиеся ему наиболее целесообразными перспективы будущего социального развития, господствующая в данном обществе идеология, его традиции и доминирующие социальные образцы, существующие в нем политические партии или группировки, предыдущая история общества, окружение общества и т. д. В одних обществах доминирующим является один набор факторов, в других – другой, причем с течением времени сами факторы могут существенным образом меняться. Нет никаких общих и устойчивых принципов, которые позволяли бы определить, к какому из двух возможных полюсов будет двигаться конкретное общество и будет ли оно вообще менять в конкретный исторический период направление своего движения в сторону какого-то из полюсов. Для каждого общества все решает его конкретная история и те социальные тенденции, которые уже созрели в нем.

Сопоставляя коллективистические и индивидуалистические типы обществ в истории человечества, следует заметить, что коллективистическое устройство общества пока изучено довольно слабо. И это притом, что коллективизм играет в человеческой истории более заметную роль, чем индивидуализм. Коллективистический характер носили цивилизации Древнего Египта, Древнего Китая, шумерская, индская, хеттская, арабская, андская, майянская и др. Коллективистическими по своей природе являлись и западноевропейское феодальное, и российское общества вплоть до конца XX в. Большая часть человеческой истории – история коллективистических обществ. Индивидуалистические общества существовали лишь в античных Греции и Риме, а потом утвердились в Западной Европе начиная с XVII в. В ряде европейских стран индивидуалистические общества в XX в. были заменены коллективистическими на довольно длительный период.

Проблема классификации обществ, продуманной истории их развития остается пока открытой. Язык, который не обманывает историка, – это язык длительной временной протяженности и исторической связности.

В истории после архаического, или первобытного, общества выделяются следующие три основные эпохи: древнее аграрное общество; средневековое аграрно-промышленное общество; современное индустриальное общество. Выделение данных исторических эпох и противопоставление друг другу коллективистического и индивидуалистического обществ как двух типов цивилизаций, которые могут иметь место в каждую из этих эпох, позволяют уточнить оба центральных понятия истории – понятие длительной временной

протяженности и понятие исторической связности¹. Коллективизм и индивидуализм не только универсальны и хорошо различимы, но и в определенном смысле измеримы и потому могут служить необходимой для изучения истории единицей исторического времени.

Коллективистическое или индивидуалистическое устройство общества определяет все сколько-нибудь существенные характеристики социальной жизни, начиная с государства, прав личности и ее автономии и кончая культивируемыми в обществе разновидностями любви.

Каждая новая эпоха воспроизводит коллективизм и индивидуализм, причем воспроизводит их в новой форме. Это означает, что ход человеческой истории не является прямолинейным, в частности он не является, вопреки К. Марксу и его сторонникам, последовательным восхождением от предыстории человеческого общества к его истории, наиболее полно отвечающей «природе человека». Это не удивительно, так как даже история техники, по словам Ф. Броделя, – это никоим образом не прямолинейная история, в ней существует не единое действие, но многие действия, многие отступления и многие «сложности».

То, что эволюция конкретных обществ определяется многими, притом разными для разных обществ и к тому же меняющимися со временем наборами факторов, показывает, что история не носит сугубо линейного характера. Общества движутся не по одной линии, конечными точками которой являются полюса коллективизма и индивидуализма. Движение осуществляется по разным линиям, сходящимся в этих полюсах.

Используя еще раз аналогию с земным шаром (или глобусом), можно сказать, что каждое конкретное общество движется по своему уникальному меридиану, но всякий меридиан ведет к Северному и Южному полюсам, на которых все меридианы смыкаются. Концепция движения обществ между двумя относительно устойчивыми полюсами является, таким образом, теорией *многофакторности* и *полилинейности* двухполюсной человеческой истории.

Здесь можно вспомнить теорию факторов, сложившуюся в конце XIX – начале XX в. в качестве реакции на неудачные попытки объяснить общественное развитие решающим воздействием какого-то одного, остающегося постоянным фактора: географического, экономического, геополитического, демографического, расового и др. Суть указанной теории сводится к идее, что общественное развитие определяется взаимодействием многих факторов: экономики, науки, техники, религии, морали и т. д.; в разные периоды развития общества ведущим является какой-то один из таких факторов или их группа. Например, в средние века социальная жизнь определялась прежде всего религией и традицией. В индустриальном обществе ведущими факторами являются развитие науки и техники.

¹ Об этом см.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Игры обмена. – М.: Прогресс, 1986. – С. 595–596.

Но если, например, однофакторные концепции географического детерминизма Ш.-Л. Монтескье и экономического детерминизма К. Маркса были теориями, то теория факторов теорией в общем-то не является. Она представляет собой только общую, хотя и небезынтесную, рекомендацию по построению теории социального развития. Теория факторов не является научной теорией, поскольку она не способна служить основанием ни для объяснения (предсказания) социальных явлений, ни для их понимания.

Иначе обстоит дело с представлением о многофакторной, полилинейной, двухполюсной истории человечества: оно является научной теорией в обычном смысле этого понятия. Выражаясь кратко, можно сказать: то, чем занимаются ученые, сводится к двум основным задачам: *обоснованию выдвигаемых идей и теорий* и *рационализации мира* с помощью этих идей и теорий. Понятие рационализации в философию науки было введено недавно¹. Рационализация изучаемого научной теорией фрагмента реальности – это набрасывание на него сети научных, достаточно строго определенных и связанных между собою понятий. Рационализация позволяет объяснять, предсказывать и понимать исследуемые явления. Эта цель может быть достигнута только при условии, что научная теория является в достаточной мере обоснованной и имеет убедительные эмпирические основания.

Рационализация находит свое выражение в двух дополняющих друг друга операциях: *объяснении* и *понимании*. Изучаемые явления объясняются исходя из системы теоретических представлений о них; эти явления понимаются на основе тех ценностей, которые явно или неявно постулируются теорией. Операции объяснения и понимания составляют сущность процесса рационализации, или теоретического осмысления исследуемых объектов, подведения их под те схемы взаимных отношений, которые диктуются теорией. Операция предсказания является частным случаем операции объяснения. Предсказание представляет собой объяснение, направленное в будущее и касающееся тех объектов или событий, которые еще не наступили.

Концепция многофакторной, полилинейной, двухполюсной истории отвечает двум основным требованиям, стоящим перед научными теориями: она опирается на надежные, в том числе эмпирические, основания и позволяет объяснять и понимать исторические явления.

Эпохи и цивилизации

Как уже было отмечено, в истории после первобытного общества можно выделить следующие три основные эпохи: древнее аграрное общество; средневековое аграрно-промышленное общество; современное индустриальное общество. В рамках каждой из этих эпох могут существовать одна или несколько цивилизаций. Отдельная цивилизация не обязательно охватывает всю свою эпоху. Цивилизация понимается предельно широко, так что она

¹ Об этом см.: Ивин А. А. Философское исследование науки. – С. 31–36.

включает всю сложную, иерархически упорядоченную систему явных и неявных запретов, повелений, принципов и категорий теоретического и практического освоения мира, определяющих своеобразие мышления, строя чувств и действий своих индивидов. «Цивилизации... – пишет Ф. Бродель, – представляют океан привычек, ограничений, одобрений, советов, утверждений, всех этих реальностей, которые каждому из нас кажутся личными и спонтанными, в то время как пришли они к нам зачастую из очень далекого прошлого. Они – наследие, точно так же, как язык, на котором мы говорим. Всякий раз, когда в обществе обнаруживается тенденция к появлению трещин или провалов, вездесущая культура заполняет или по меньшей мере маскирует их, окончательно замыкая нас в рамках наших повседневных задач»¹. Цивилизация подобна живому организму, проходящему путь от рождения до смерти, постоянно воспроизводящему себя и придающему неповторимое своеобразие всем протекающим в нем процессам.

Если в одну эпоху имеется два или большее число вариантов коллективистической или индивидуалистической цивилизации, они должны внутренне походить друг на друга, и сходство двух, скажем, коллективистических цивилизаций одной и той же эпохи должно быть неизмеримо большим, чем сходство любой из этих цивилизаций с индивидуалистической цивилизацией своей эпохи.

Коллективистические общества одной эпохи, даже находящиеся в разных частях света и не связанные между собой, обнаруживают удивительное и далеко идущее сходство, начиная со способов мышления и строя чувств и кончая формами коллективных действий, собственности, идеологии, искусства и т. д. Точно так же обстоит дело с индивидуалистическими обществами, относящимися к одной и той же эпохе.

Нет сомнения, например, что древнеегипетское и древнекитайское общества сходны друг с другом во многих, даже конкретных деталях социальной жизни. Родство древнегреческого и древнеримского обществ очевидно.

Еще более примечательно то, что все коллективистические общества, принадлежащие к трем разным историческим эпохам, обнаруживают глубинное, но тем не менее несомненное сходство между собой. Разделенные иногда тысячелетиями, они демонстрируют очень похожие стили теоретического мышления, настрои чувств и способы коллективной деятельности. Но если в случае коллективистических обществ одной и той же эпохи можно говорить о содержательном сходстве их мышления, верований, действий и т. д., то применительно к коллективистическим обществам разных эпох речь должна идти о формальном, или структурном, сходстве. Сходным образом подобны друг другу и индивидуалистические общества, относящиеся к разным эпохам. Есть несомненное сходство, например, между средневековым феодальным коллективистическим обществом и современными формами социалистического

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм... – С. 563.

устройства общества, подобными коммунизму. Столь же очевидно сходство, существующее, скажем, между индивидуалистическим обществом Древней Греции и современным западным индивидуалистическим обществом.

Коллективизм и индивидуализм являются, так сказать, двумя полюсами того магнита, между которыми проходит вся человеческая история. От эпохи к эпохе радикально меняются общества и те конкретные формы коллективизма и индивидуализма, которые могут быть реализованы в данную эпоху. Можно сказать, что разные формы коллективизма одной и той же эпохи походят друг на друга, как однояйцевые близнецы; так же походят одна на другую и разные формы индивидуализма одной эпохи. Коллективизм и индивидуализм одной и той же эпохи различаются, как родные братья, имеющие разный генетический материал: они рождаются одной и той же эпохой, но с разными предпосылками и, возможно, в разное время.

Представление о двух возможных полярных типах социального устройства показывает неединственность так называемого западного пути, как неединственность социалистического (коммунистического) выбора. Нет общей дороги, которую должно было бы пройти – пусть в разное время и с разной скоростью – каждое общество. История не идет в направлении, когда-то предсказанном К. Марксом, – к социализму, а затем к коммунизму. Но она не является и повторением всеми обществами того пути, который прошли в свое время западные страны.

Человеческая история, до сих пор слагающаяся из историй отдельных обществ, многообразна и никоим образом не представляет собой последовательного прохождения разными обществами одного и того же predeterminedного пути. Вместе с тем история обладает внутренним единством. Она не является совокупностью мало похожих друг на друга цивилизаций и допускает определенную систематизацию.

Двухполюсность истории как социальная тенденция

Наука история занимается уникальным и неповторяющимся. В ней нет никаких «исторических законов», которые хотя бы отдаленно напоминали законы физики, биологии, экономической науки или социологии. Исторические объяснения опираются не на «железные законы истории», а на причинные связи, обнаруживаемые между историческими событиями, и на устойчивые социальные тенденции, только внешне напоминающие научные законы, но не являющиеся ни необходимыми, ни универсальными. Примерами таких тенденций могут служить технический прогресс, ставший одним из основных факторов социального развития начиная с Нового времени, рост народонаселения в некоторых обширных регионах мира и т. п.

Тенденции не являются законами истории, хотя их часто путают. Прежде всего, научный закон – это *универсальное утверждение*, высказывание же

о тенденции является не универсальным, а *экзистенциальным*: оно говорит о существовании в определенное время и в определенном месте некоторого направленного изменения. Если закон действует всегда и везде, то тенденция складывается в конкретное время и срок ее существования ограничен.

Скажем, тенденция роста численности человечества сохранялась сотни и даже тысячи лет, но она может измениться за считанные десятилетия. Технический прогресс охватывает три последних столетия, однако при определенных неблагоприятных обстоятельствах его результаты могут быть утрачены в течение жизни одного поколения. Тенденции, в отличие от законов, всегда условны. Они складываются при определенных условиях и прекращают свое существование при исчезновении этих условий.

Одной из типичных ошибок, связанных с тенденциями исторического развития, является распространение тенденций, кажущихся устойчивыми в настоящем, на прошлое или на будущее. В самом начале XX в. некий американский футуролог сделал любопытный прогноз. Он подсчитал, что если увеличение числа лошадей в Нью-Йорке будет идти теми же темпами, то к 1930 г. улицы будут заполнены конским навозом до уровня второго этажа или же всему населению города придется поголовно превратиться в уборщиков навоза. Этот прогноз родился на свет буквально накануне появления автомобиля. Тенденции не только возникают, но могут и умирать.

Отчетливые в настоящем, они могут никак не проявлять себя в прошлом и будущем. Двухполюсность истории – не закон истории. Это – одна из социальных тенденций, говорящая о том, что в известной нам истории встречаются цивилизации трех разных типов: коллективистические, индивидуалистические и промежуточные между ними цивилизации, с той или иной силой тянущиеся к одному из двух полярных типов социального устройства. Эта социальная тенденция не касается, в частности, первобытного общества. Насколько далеко она уйдет в будущее, сейчас сказать не просто трудно, а невозможно.

«Идеальное общество»

От философии истории, изучающей социальные системы с точки зрения общей концепции развития общества, иногда требуют, чтобы она давала оценку конкретным системам. Очевидно, однако, что поиски наилучшего социального устройства связаны с финалистским истолкованием человеческой истории.

XX век со всей очевидностью показал, что идеального общества не существует и никогда не будет. После крушения идеи коммунизма, приведшей не к раю на земле, а к жестким тоталитарным режимам, трудно стало даже вообразить, каким могло бы быть совершенное общество.

Всякое общество несовершенно, оно представляет собой постоянную борьбу с проблемами, продолжающуюся до тех пор, пока эти проблемы не начнут нарастать в геометрической прогрессии и не разрушат данное общество.

Кроме того, с точки зрения общей концепции истории как движения между двумя полюсами – индивидуализмом и коллективизмом, вопрос о совершенном устройстве общества во многом утрачивает смысл. Индивидуализм, в частности капитализм, совершенен, если он требуется обстоятельствами места и времени. В другое время и в иных обстоятельствах более совершенным оказывается уже коллективизм или какая-то форма общественного устройства, промежуточная между ясно выраженными индивидуализмом и коллективизмом. Спрашивать в общей форме, что предпочтительнее: коллективизм или индивидуализм, все равно, что ставить вопрос, что лучше: пила или молоток, не определяя, для какого дела потребуется выбираемый инструмент.

Коллективизм индустриального общества (тоталитаризм) следует рассматривать не как временный отход некоторых обществ от некоей магистральной линии человеческой истории и не как исторический тупик, в который они попали по недоразумению или по злему умыслу недалеких вождей и политических партий. Коллективистическая форма устройства являлась для этих обществ естественным продолжением их предшествующего развития. Она была воспроизведением в современных условиях, – но уже в современном виде, отличающемся особой жестокостью, – того коллективизма, который является постоянным фактором человеческой истории. Побуждения сторонников современного коллективизма были, можно думать, искренними. Однако мечта о прекрасном мире, построенном на началах разума и справедливости, привела к совершенно неожиданным результатам. По мнению Ф. Гёльдерлина, что всегда превращало государство в ад на земле, так это попытки человека сделать его земным раем.

Противопоставление коллективизма и индивидуализма не означает и умаления роли коллективистических начал в жизни общества: без них общественная, то есть совместная, жизнь людей невозможна. Всякое общество представляет собой некоторый обширный коллектив, члены которого действуют совместно и связаны между собою тысячами и тысячами нитей. Древний человек был стадным животным и, отбившись от стада, погибал. Человек как *Homo sapiens* также не способен существовать вне определенного человеческого сообщества. Более того, вне такого сообщества он не способен даже стать человеком. Если ребенок выросал, как это иногда случалось, среди дикой природы, позднее, оказавшись среди людей, он оставался диким существом, не способным стать полноценным человеком. Общество – это определенная взаимосвязь коллективности и индивидуализма, действий человека в составе определенных сообществ и его автономных, индивидуальных действий. Умаление коллективистических начал в любом обществе, будь оно коллективистическим, индивидуалистическим или промежуточным, чревато разрушением такого общества. Общество представляет собой определенное равновесие коллективного и индивидуального.

Своеобразие коллективистического общества в том, что оно доводит коллективные принципы социальной жизни до крайности. Под флагом глобальной цели коренного переустройства общества оно стремится растворить индивида в его коллективе и в обществе в целом, лишить личность всякой автономии, предельно ограничить ее свободу и сделать ее тем самым простым «винтиком» огромного социального организма. Индивидуалистическое общество, напротив, предоставляет своим индивидам существенную независимость в определенных сферах их деятельности, но постоянно рискует при этом нарушением хрупкого баланса коллективного и индивидуального в своей жизни.

Глобальная цель коллективистического общества

Как показывает история, цель, которую ставит перед собой коллективистическое общество, всегда является утопической и не может быть воплощена в жизнь. Попытка реализовать высокую, но неосуществимую утопию – основной источник тех огромных трудностей и противоречий, которыми переполнено существование такого общества.

Коллективистические общества порождаются разумом человека и действуют по заранее выработанным планам, направленным на достижение явно очерченных целей. Индивидуалистические общества складываются стихийно исторически, не воплощают конкретного замысла и не контролируются из единого центра. Координация в них достигается не благодаря некой общей цели и конкретным командам, исходящим из центра, а соблюдением универсальных правил поведения. Основной чертой индивидуализма является уважение к личности как таковой, то есть признание суверенитета взглядов и социально приемлемых наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования.

Общая черта коллективистических систем, противостоящих индивидуализму, – стремление к сознательной организации производительных сил общества для выполнения определенной общественной задачи. Различные виды коллективизма по-разному определяют природу той единой цели, которой должны направляться все усилия общества. Но все они расходятся с индивидуализмом в том, что стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинении одной конечной цели и отказываются признавать какие-то сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной целью.

Коллективизм предполагает *плановую экономику*, призванную вытеснить всякую конкуренцию и создать условия для осуществления того или иного идеала распределения. Речь идет при этом не просто о внедрении в экономику отдельных элементов планирования, а о централизованном управлении всей экономической деятельностью, осуществляемой по такому единому

Об истории человечества

плану, где однозначно расписано, как будут «сознательно» использоваться общественные ресурсы, чтобы определенные цели достигались определенным образом.

Централизованное планирование, вводимое коллективизмом, неминуемо ведет к диктатуре единомыслия, особой морали и особой системе ценностей, к извращению языка и т. д. Парадоксальным образом коллективистская доктрина, выдвигая принцип «сознательного» планирования, неизбежно наделяет высшей властью какой-то индивидуальный разум, в то время как индивидуализм, наоборот, позволяет понять значение в общественной жизни надындивидуальных сил. Смирение перед социальными силами и терпимость к различным мнениям, характерные для индивидуализма, являются тем самым полной противоположностью интеллектуальной гордыне, стоящей за всякой идеей единого руководства общественной жизнью.

А. С. Карпенко

Институт философии Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

КОНТРАФАКТУАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Контрфактуальное мышление есть мышление о прошлом, которое не произошло. Грамматическая форма контрфактуалов очень проста: если бы было А, то было бы С. Термин «контрфактуальный» означает «буквально противоположное фактам». Контрфактуальные рассуждения являются базовыми для человеческого мышления и встречаются повсеместно. Принципы контрфактуального мышления и его результаты проявляются в настоящее время в самых различных дисциплинах: логика, философия, психология, когнитивные процессы, социология, экономика, история, политические науки и т. д. Главная особенность контрфактуалов заключается в том, что они являются ментальными имитациями различных вариантов того, что могло бы произойти в прошлом. Установлено, что две уникальные человеческие характеристики – контрфактуальное мышление (представление альтернатив прошлому) и фундаментальное стремление создавать смыслы в жизни – причинно взаимосвязаны. Постепенно пришло понимание того, что мы имеем дело с феноменом исключительной важности.

Ключевые слова: контрфактуалы, контрфактуальное мышление, семантика возможных миров, метафизика модальностей, альтернативная реальность.

A. S. Karpenko

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

COUNTERFACTUAL THINKING

Counterfactual thinking is thinking about a past that did not happen. This often takes place in 'if only...' situations, when we wish something had or had not happened. Counterfactual reasoning is basic to human cognition and universal in occurrence. Currently, the principles of counterfactual thinking and its results appear in research in various disciplines, such as logic, philosophy, psychology, cognitive processes, sociology, economics, history, political science etc. The special thing about the counterfactuals is that they are the mental imitations of the different variants of what could have happened in the past. It is observed that two uniquely human characteristics – counterfactual thinking (imagining alternatives to the past) and the fundamental drive to create meaning in life – are causally related. Gradually, we have come to understand that we are dealing with the phenomenon of exceptional importance.

Keywords: counterfactuals, possible world semantics, counterfactual thinking, metaphysical modalities, alternative reality.

Контрфактуалы

Над человеческим мышлением все бóльшую власть приобретают контрфактуалы¹, и это – общая тенденция. Чтобы понять причины такого явления со всеми вытекающими из него следствиями, рассмотрим функцию контрфактуалов в рассуждениях и возникающие при этом проблемы.

Грамматическая форма контрфактуалов очень проста: *если бы было А, то было бы С*, то есть ($A \rightarrow C$). Термин «контрфактуальный» означает «букваль-

¹ Термин «контрфактуал» введен в обращение Н. Гудманом [38].

но противоположное фактам». Например, если бы не большевистский переворот в России 1917 года, то Россия была бы самой экономически развитой страной в мире. Часто в литературе встречается такой прозаический контрфактуал: «Если бы я не пил вечером много, то не страдал бы сегодня от похмелья». Контрфактуальные высказывания представляют собой условные предложения, сослагательная форма которых подразумевает, что реальное положение дел отлично от описываемого антецедентом и консеквентом, взятыми в изъявительной форме¹. В этом случае возникает логическая проблематика контрфактуальных высказываний, которая состоит в отыскании критериев, позволяющих считать такие высказывания истинными. И это реальная проблема, поскольку приходится оценивать мыслимые ситуации, противоречащие реальным фактам, и не понятно, где искать факты (или «контрфакты»), которые делают контрфактуальные высказывания истинными. Одно из решений заключается в том, что этими фактами обеспечивает нас аппарат семантики возможных миров с отношением *сходства* (similarity) между мирами. Впервые семантика возможных миров для контрфактуалов была предложена Р. Сталнакером [62] и затем модифицирована Д. Льюисом [47]².

Хотя логическая проблематика контрфактуалов, которая включает в себя больше, чем построение для них семантики возможных миров, очень интересна (см.: [47, 52]), нас будут занимать еще более важные, фундаментальные вопросы: почему человеческие существа имеют строгую предрасположенность генерировать контрфактуалы, порождая этим мыслимые (воображаемые) альтернативы к происшедшему? Что определяет эту способность человека? Наконец, какую основную функцию выполняет контрфактуальное мышление и что оно означает?

Последние два десятилетия интерес к контрфактуалам только увеличился. Принципы контрфактуального мышления и его результаты привлекли к себе внимание ученых из самых различных областей, таких как логика, философия, психология, когнитивная психология, социальное поведение, экономика, лингвистика, квантовая физика, искусственный интеллект, теория организации, политические науки, историография, литературные исследования и т. д.³ Было установлено, что контрфактуальные рассуждения являются базовыми для человеческого мышления и встречаются повсеместно

¹ См.: [4, 20, 24, 53, 56, 73].

² Истинностные условия для контрфактуалов выглядят следующим образом: высказывание ($A \rightarrow C$) является истинным, если и только если максимально сходный возможный мир (т. е. сходный с актуальным миром), в котором A истинно, есть мир, в котором C также истинно. В дальнейшем появились многочисленные работы по усовершенствованию данной семантики (см.: [22, 39, 54, 65, 68]). В последней, в основном технической, работе подчеркивается, что вопрос «Что было бы, если...?» лежит в сердцевине философии и научного метода в общем и использует контрфактуальные структуры.

³ Укажем только следующие работы: [16; 25; 27; 28; 31; 41; 45; 51, Ch. 7 and 8; 64; 67; 74].

как в естественных рассуждениях, так и в формализованном дискурсе. Они играют значительную роль в различных когнитивных процессах, таких как концептуальное (понятийное) научение, планирование, принятие решений, социальное познание, перемена настроения и повышение производительности.

Еще в самом начале систематических исследований контрфактуального мышления подчеркивалось, что без должного внимания к альтернативному рассмотрению реальности мы вынуждены принять прошлое как бывшее неизбежным и должны верить, что для событий будущего становится характерной такая же неизбежность, при этом применение контрфактуалов дает нам гибкость в мышлении о возможных вариантах будущего и подготавливает на лучшее в этом будущем [42]. Постепенно пришло понимание того, что мы имеем дело с феноменом исключительной важности, в силу которого мышление, использующее идею контрфактуальности, предстает как общее свойство человеческого сознательного ментального ландшафта [34]. Очевидно, что контрфактуалы являются ментальными имитациями различных вариантов того, что могло бы произойти в прошлом. Целые главы фундаментального издания [63] рассматривают контрфактуальное мышление в общем контексте ментального имитирования и ментального путешествия во времени. Характеристическим свойством контрфактуального мышления является *репликация*: мы можем легко по своему желанию реконструировать происшедшие события.

Уже на экспериментальном уровне показывается, что две уникальные человеческие характеристики – контрфактуальное мышление (представление альтернатив прошлому) и фундаментальное стремление создавать смыслы в жизни – причинно взаимосвязаны [46]. В последнее время экспериментальные исследования приобретают все больший размах. На уровне нейронных сетей показано [69], что, в отличие от эпизодического мышления о прошлом и будущем, контрфактуальное мышление мобилизует определенные области в мозгу более строго и интенсивно и, кроме этого, активизирует другие области мозга человека. Все это говорит об уникальности нейронных процессов, лежащих в основе контрфактуального мышления. Для нас особенно важно утверждение, сделанное в указанной работе, что контрфактуальные события не являются просто фантазиями – они на самом деле могут заменять реальность.

Кажодневное употребление контрфактуалов поистине удивительно. Это неотъемлемая часть жизнедеятельности человека, начиная с самого раннего возраста. В недавно появившейся обзорной работе [23] отмечается, что многие исследования указывают на способность развития контрфактуального мышления у детей, начиная с трехлетнего возраста. Более того, контрфактуальное мышление в целом свойственно всем нациям и проходит через все культуры [29].

История в сослагательном наклонении

В мире контрфактуалов особое место занимают вариации прошлого. В связи с этим обратим внимание на огромный интерес серьезных западных историков к альтернативной истории¹. Так, Н. Фергюсон в большом введении к [72] говорит о «хаотической» теории прошлого. Когда-то незыблемая и совершенно неизменная ткань прошлого становится легко изменяемой и значительно расширяет представляемый человеком универсум. Сборник научно-исторических альтернатив [76], изложенных видными учеными и повествующих о ключевых моментах истории от античности до нашего времени, под редакцией Р. Коули приобрел известность во всем мире². В научных работах об альтернативной истории утверждается мысль, что контрфактуалы фундаментально необходимы, и лучшие исторические работы должны высвечивать альтернативы, доступные действующим лицам на исторической сцене.

В качестве таких действующих лиц выступают персонажи, во многом определившие тот или иной ход мировых событий. Вот некоторые примеры. Каково было бы развитие западноевропейской философии, если бы Сократ погиб в Пелопонесской войне? Что было бы, если бы Александр Македонский не умер так рано?³ Часто встречается пример с Юлием Цезарем, который все-таки не перешел Рубикон⁴. Очень много примеров с Наполеоном, который выиграл сражение при Ватерлоо. Есть и такой: что было бы, если бы Гитлер был убит во время Первой мировой войны? Рассматривается также возможная ситуация с Лениным: что было бы, если бы Ленина по распоряжению Временного правительства от 7 июля 1917 г. арестовали как немецкого шпиона?⁵ Встречаются также примеры, связанные с убийством президента США Дж. Кеннеди и т. д.

Конечно, трагические события первой половины XX в. с двумя мировыми войнами (невозможно сосчитать, сколько раз люди задавали себе вопрос: что было бы, если бы не убийство 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца Фердинанда, послужившее поводом для начала Первой мировой войны) способствовали обострению чувства контрфактуальности. Не случайно первые *специальные* работы стали появляться сразу после окончания Второй мировой войны.

¹ В наиболее известном контрфактуальном исследовании истории Р. Фогель [37] (лауреат Нобелевской премии по экономике в 1993 г.) построил математическую модель, оценивающую возможное состояние транспортной системы США в случае отсутствия железных дорог. Из многочисленных недавних работ отметим только следующие: [26, 30, 35, 59, 72, 75–77].

² Имеется перевод на русский язык [1]. Также были переведены многие другие сборники. Стали появляться и отечественные книги на эту тему (см.: [8]).

³ Этот вопрос был рассмотрен знаменитым историком Арнольдом Тойнби в 1969 г. См. сокращенный перевод [17]. Оригинальный текст содержится в приложении к [66].

⁴ Такая возможность, как альтернативная реальность, представлена в приложении к статье А. С. Карпенко [5, № 7, с. 106–108]. Расширенный вариант см.: [6, № 12. С. 1674–1675], который перепечатан в приложении к данной статье.

⁵ В шутливо-иронической форме такой вариант рассмотрен в [15, с. 30–32].

Однако наблюдается и противоположный эффект. Например, террор, и в особенности государственный, лишает людей способности к контрфактуальному мышлению, препятствуя таким образом развитию и даже делая государство нежизнеспособным, поскольку, контрфактуально оценивая прошлое, мы тем самым прогнозируем будущее с благоприятным исходом, что может иметь практическое значение для выживания в сходной ситуации.

Но если будущего нет или оно раз и навсегда предопределено, то способность к контрфактуальному мышлению отмирает. Наверное, этим объясняется полное отсутствие отечественных работ даже в такой популярной области, как контрфактуальная история, вплоть до начала 1990-х годов¹. В известной статье Б. Невского отмечается, что советская историография, ведомая принципами марксизма и партийности, решительно отвергала «альтернативность» развития общества [10]. Статья имеет критическую направленность и призывает к более серьезной разработке альтернативной истории как метода научного анализа. Только в 2006 г. появляется первая отечественная научная монография В. А. Нехамкина, посвященная контрфактуальным исследованиям в истории [11]. В журнальной статье этого же автора [12] рассматриваются генезис, современное состояние и перспективы сослагательных моделей истории. Отметим также работу М. А. Малышева [9], где говорится о том, что пусть виртуально, но можно восстать против судьбы.

Обратим внимание на то, что контрфактуальную историю все же следует отличать от переинтерпретации уже устоявшихся архивных материалов и отчетов, а также от альтернативных историй, описывающих миры, отличные от нашего. Сутью контрфактуальной истории является намеренное отрицание любого исторического события и, вследствие этого, порой неосознанное, активное вмешательство субъекта в исторический процесс посредством конструирования альтернативного прошлого. Хотя, как мы увидим далее, все эти разновидности «игр» с прошлым имеют один и тот же источник.

Необходимо сделать еще одно важное замечание. Прошлое как таковое и его возможная вариативность давно привлекли к себе внимание философов. Во-первых, анализ серьезных фаталистических аргументов, начиная от Аристотеля, показывает, что они основываются на посыле о *неизменяемости* прошлого. Но, согласно некоторым детерминистским концепциям, прошлое предопределяет будущее, и в этом случае, если мы не можем воздействовать (affect) на прошлое, то не можем воздействовать и на будущее (см.: [3, 57]). Отсюда можно сделать вывод, что человек имеет свободу воли, *если он имеет власть над прошлым*. Во-вторых, с середины XX в. идет дискуссия, инспирированная видным философом и логиком М. Даммитом, об обратной (backward) каузальности, допускающей воздействие на прошлое (см. обзор [36]). В-третьих, философы (и среди них такие известные, как Д. Льюис [48], П. фон Инваген [71] и многие дру-

¹ См.: [2, 14, 19]. В 1999 г. в Институте всеобщей истории Российской академии наук прошел круглый стол на тему «История в сослагательном наклонении?» [13].

гие) подвергли глубокому философскому анализу проблему путешествия во времени¹. В-четвертых, начиная с конца XX в. среди маститых физиков идет оживленная дискуссия о возможности путешествия во времени, поскольку ни законы теории относительности, ни законы квантовой механики этого не запрещают².

Огромный интерес к данной тематике вызван как раз тем, что, с одной стороны, мыслится физическая возможность путешествия в прошлое, а с другой стороны, мыслится логическая невозможность этого в силу возникновения многочисленных логических парадоксов, самый знаменитый из которых «парадокс дедушки»³. На самом деле логика (возможностное мышление) не запрещает путешествие в прошлое, она лишь конструирует различные сценарии, которые *возможны*. Наиболее распространенное решение парадоксов, связанных с путешествием во времени, состоит в том, что попадание в прошлое ведет к ветвлению Вселенных, и человек оказывается в другой Вселенной, хотя и максимально схожей с нашей⁴.

В последнее время, судя по многочисленным обзорам, интерес к указанной проблематике только возрастает. Вариативность прошлого становится объектом тщательного исследования, и это вполне согласуется с общей контрфактуальной направленностью человеческого разума.

Контрфактуалы и модальности

При рассмотрении контрфактуалов, особенно при моделировании исторических процессов, появляются различные модальные понятия, в частности следующее: «Если бы было A , то, возможно (might), было бы C » ($(A \rightarrow \diamond C)$, где \diamond – знак возможности). И для этого есть глубокие логические основания.

Среди тех, кто одним из первых обратил внимание на взаимоотношения между контрфактуальными рассуждениями и модальной логикой, был Н. Решер [55]. При этом важной остается уже упоминавшаяся фундаментальная работа Д. Льюиса [47], в которой сформулирован *принцип дуальности* между контрфактуалами и модальностью «возможно»⁵.

¹ См. обстоятельный обзор [61].

² См. обзоры [21] и [33]. К дискуссии присоединились и знаменитые физики-космологи, в том числе И. Д. Новиков, К. Торн и С. Хокинг [18]. Статья И. Д. Новикова в этом сборнике называется «Можем ли мы изменить прошлое?». См. также раздел «Невозможное» в [6, № 11, С. 1517–1519].

³ «Парадокс дедушки» означает, что некто отправился в прошлое и убил своего биологического деда до того, как тот встретил бабушку путешественника. Но в этом случае он сам впоследствии не сможет появиться на свет и осуществить свой дурной замысел.

⁴ См. также фундаментальный обзор [60], включающий все указанные направления, кроме анализа фаталистических аргументов, имеются работы и о контрфактуальных моделях для путешествия в прошлое [58].

⁵ Принцип дуальности утверждает, что $(A \rightarrow \diamond C) = Df \neg (A \rightarrow \neg C)$, где \neg есть операция отрицания. Для многих исследователей это означало, что посредством контрфактуалов можно определить сам оператор возможности \diamond : $\diamond A = Df \neg (A \rightarrow \neg A)$. То есть A возможно, если и только если не имеет места, чтобы A не было бы, если бы A было. Для оператора необходимости \square имеем: $\square A = Df \neg A \rightarrow A$.

То, что *возможность* выводима из независимых принципов контрфактуального рассуждения, имело серьезные последствия, поскольку эта возможность (might-возможность) с полным правом стала называться метафизической возможностью. Отсюда следовало, что метафизические модальности есть специальный случай контрфактуальных рассуждений. Независимо друг от друга в одно и то же время появились работы, утверждающие, что наше знание метафизической модальности является специальным случаем нашего знания контрфактуалов и, таким образом, эпистемология метафизической модальности является специальным случаем эпистемологии контрфактуального мышления¹.

Эти работы, особенно статья, а затем книга Т. Вильямсона, оказали большое влияние на развитие новой эпистемологии метафизической модальности. Об этом свидетельствует, например, статья Т. Кроэдела, который в самом начале делает интересное заявление о том, что «если есть такая вещь, как философское знание, то огромной частью его будет модальное знание» [44, р. 1], а заканчивает допущением того, что именно контрфактуалы помогут нам в объяснении модального знания.

Обратим внимание на то, что главной особенностью контрфактуального мышления является расширение действительного мира посредством представления или воображения того, что могло бы быть. Другими словами, контрфактуальная мыслимость (представимость) непосредственно ведет к метафизической возможности, которая определяется относительно пространства возможных миров. Если высказывание о некоторой ситуации истинно в некотором возможном мире, то она является метафизически возможной. Как отмечается в одной из первых серьезных работ по модальной эпистемологии, многие важные аргументы дедуцируют актуальность из возможности, например аргумент мыслимости Бога, и «это вызывает удивление, как вещи, которые есть или должны быть, могут быть дедуцируемы из посылок о том, как вещи могли бы (might) быть» [70, р. 67].

В том-то и дело, что уже в наше время всё большее внимание привлекают аргументы, говорящие о реализации того, что возможно. Например, в книге Д. Льюиса «О множественности миров» [49], которая считается одной из самых значительных работ по метафизике за последние полвека, развивается концепция *модального реализма*, утверждающая актуальность всех мыслимых возможных миров. Другая очень распространенная теория получила название «многомировой интерпретации квантовой механики» благодаря работам Х. Эверетта (см.: [50]). Эверетт вводит понятие «ветвления», что в многомировой интерпретации обозначает *возможные истории*, все из которых реализуются. И это происходит постоянно при каждом измерении квантового объекта².

¹ См.: [40, 43, 78, 79].

² Эти две теории и сходные с ними рассмотрены в [7].

Не случайно модальные эпистемологи так настойчиво ставят вопрос о механизме модального мышления. Например, Дж. Диверс, написавший более десятка работ о модальностях, поднимает вопрос о функции модальных суждений, о той *принуждающей* силе, которую несут в себе метафизические модальности (см.: [32]).

* * *

Два главных предрассудка мешают развитию мыслительных способностей человека:

1) глубоко укоренившееся мнение, что у истории нет сослагательного наклонения;

2) надежда на то, что всё рано или поздно заканчивается.

Как первое, так и второе говорит о крайней ограниченности мышления современного человека.

Список использованных источников

1. А что, если бы?.. Альтернативная история / сост. Р. Коули. – СПб. : АСТ, 2002. – 604 с.
2. Бестужев-Лада, И. В. Ретроальтернативистика в философии истории / И. В. Бестужев-Лада // Вопр. философии. – 1997. – № 8. – С. 112–122.
3. Карпенко, А. С. Фатализм и случайность будущего: логический анализ / А. С. Карпенко. – Изд. 2-е. – М. : ЛКИ, 2008. – 216 с.
4. Карпенко, А. С. Контрфактические высказывания / А. С. Карпенко // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : Канон+, РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 385–386.
5. Карпенко, А. С. Философский принцип полноты. Ч. I / А. С. Карпенко // Вопр. философии. – 2013. – № 6. – С. 58–70; Ч. II / А. С. Карпенко // Вопр. философии. – 2013. – № 7. – С. 95–108.
6. Карпенко, А. С. Философский принцип полноты. Ч. I / А. С. Карпенко // Философия и культура. – 2013. – № 11. – С. 1508–1522; Ч. II / А. С. Карпенко // Философия и культура. – 2013. – № 12. – С. 1660–1679.
7. Карпенко, А. С. Основной вопрос метафизики / А. С. Карпенко // Философ. журн. – 2014. – № 2 (13). – С. 51–73.
8. Лещенко, В. Ветвящееся время. История, которой не было / В. Лещенко. – М. : АСТ, 2003. – 592 с.
9. Малышев, М. А. Сослагательное наклонение – виртуальный бунт против судьбы / М. А. Малышев // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. – 2015. – Т. 15, № 1. – С. 5–27.
10. Невский, Б. А что, если бы? Альтернативная история как наука / Б. Невский // Мир фантастики. – 2004. – № 6. – С. 12–16.
11. Нехамкин, В. А. Контрфактические исследования в историческом познании: генезис, методология / В. А. Нехамкин. – М. : МАКС-Пресс, 2006. – 176 с.
12. Нехамкин, В. А. Контрфактические исторические исследования / В. А. Нехамкин // Историческая психология и социология истории. – 2011. – Т. 4, № 1. – С. 102–120.
13. Одиссей. Человек в истории 2000: история в сослагательном наклонении? / отв. ред. А. Я. Гуревич. – М. : Наука, 2000. – 343 с.
14. Померанц, Г. С. История в сослагательном наклонении / Г. С. Померанц // Вопр. философии. – 1990. – № 11. – С. 55–66.

15. Псевдонимы / сост. А. С. Карпенко. – СПб. : ЦГИ, 2011. – 224 с.
16. Рёзе, Н. Контрфактуальное мышление / Н. Рёзе // Горизонты когнитивной психологии : хрестоматия / под ред. В. Ф. Спиридонова, М. В. Фаликман. – М. : Языки славян. Культур : Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ), 2012. – С. 243–254.
17. Тойнби, А. Если бы Александр не умер тогда... / А. Тойнби // Знание – сила. – 1979. – № 2. – С. 39–42.
18. Будущее пространства и времени / С. Хокинг [и др.]. – СПб. : АМФОРА, 2009. – 254 с.
19. Экштут, С. А. Сослагательное наклонение в истории: воплощение несбывшегося. Опыт историософского осмысления / С. А. Экштут // Вопр. философии. – 2000. – № 8. – С. 79–87.
20. Anderson, A. R. A note on subjunctive and counterfactual conditionals / A. R. Anderson // *Analysis*. – 1951. – Vol. 11. – P. 35–38.
21. Arntzenius, F. Time Travel and Modern Physics [Electronic resource] / F. Arntzenius, T. Maudlin // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2009. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/time-travel-phys/>. – Date of access: 23.01.2016.
22. Arregui, A. On similarity in counterfactuals / A. Arregui // *Linguistics and Philosophy*. – 2009. – Vol. 32, N 3. – P. 245–278.
23. Conditional reasoning and emotional experience: A. Review of the development of counterfactual thinking / S. R. Beck [et al.] // *Studia Logica*. – 2014. – Vol. 102, N 4. – P. 673–689.
24. Bennet, J. F. *Philosophical Guide to Conditionals* / J. F. Bennet. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2003. – 408 p.
25. Bigaj, T. *Non-Locality and Possible Worlds: Counterfactual Perspective on Quantum Entanglement* / T. Bigaj. – Frankfurt : Ontos Verlag, 2006. – 294 p.
26. Black, J. M. *Other Pasts, Different Presents, Alternative Futures* / J. M. Black. – Bloomington : Indiana Univ. Press, 2015. – 252 p.
27. Byrne, R. M. J. *The Rational Imagination: How People Create Alternatives to Reality* / R. M. J. Byrne. – Cambridge : MIT Press, 2005. – 268 p.
28. *Causation and Counterfactuals* / eds. by J. Collins, N. Hall and L. A. Paul. – Cambridge : MIT Press, 2004. – 480 p.
29. Culture and counterfactuals: On the importance of life domains / J. Chen [et al.] // *J. of Cross-Cultural Psychology*. – 2006. – Vol. 37. – P. 75–84.
30. *Counterfactual Thinking – Counterfactual Writing* / eds. by D. Birke, M. Butter and T. Köppe. – Berlin ; Boston : De Gruyter, 2011. – 256 p.
31. *Counterfactual Thought Experiments in World Politics: Logical, Methodological, and Psychological Perspectives* / eds. by P. E. Tetlock and A. Belkin. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1996. – 344 p.
32. Divers, J. Modal commitments / J. Divers // *Modality: Metaphysics, Logic, and Epistemology*. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2010. – P. 189–219.
33. Earman, J. Time Machines [Electronic resource] / J. Earman, C. Wüthrich // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2010. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/time-machine/>. – Date of access: 17.12.2015.
34. Epstude, K. The functional theory of counterfactual thinking / K. Epstude, N. J. Roese. // *Personality and Social Psychology Review*. – 2008. – Vol. 12, N 2. – P. 168–192.
35. Evans, R. J. *Altered Pasts: Counterfactuals in History* / R. J. Evans. – London : Little, Brown, 2014. – 224 p.
36. Faye, J. Backward Causation [Electronic resource] / J. Faye // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2015. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/causation-backwards/>. – Date of access: 17.12.2015.
37. Fogel, R. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric History* / R. Fogel. – Baltimore : The John Hopkins Press, 1964. – 296 p.
38. Goodman, N. The problem of counterfactual conditionals / N. Goodman // *J. of Philosophy*. – 1947. – Vol. 44, N 5. – P. 113–128.

39. Gunderson, L. B. Outline of a new semantics for counterfactuals / L. B. Gunderson // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 2004. – Vol. 85, N 1. – P. 1–20.
40. Hill, C. Modality, modal epistemology, and the metaphysics of consciousness / C. Hill // *The Architecture of Imagination: New Essays on Pretense, Possibility and Fiction*. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2006. – P. 205–236.
41. Ippolito, M. Subjunctive Conditionals: A Linguistic Analysis / M. Ippolito. – Cambridge, MA : MIT Press, 2013. – 216 p.
42. Johnson, M. K. Constructing and reconstructing the past and the future in the present / M. K. Johnson, S. J. Sherman // *Handbook of Motivation and Cognition: Foundations of Social Behavior*. – N. Y., 1990. – Vol. 2. – P. 482–526.
43. Kment, B. Counterfactuals and the analysis of necessity / B. Kment // *Philosophical Perspectives*. – 2006. – Vol. 20. – P. 237–302.
44. Kroedel, T. Counterfactuals and the epistemology of modality / T. Kroedel // *Philosophers' Imprint*. – 2012. – Vol. 12. – P. 1–21.
45. Kvart, I. A Theory of Counterfactuals / I. Kvart. – Indianapolis : Hackett, 1986. – 283 p.
46. From what might have been to what must have been: Counterfactual thinking creates meaning / L. J. Kray [et al.] // *J. of Personality and Social Psychology*. – 2010. – Vol. 98, N 1. – P. 106–118.
47. Lewis, D. Counterfactuals / D. Lewis. – Cambridge, MA : Harvard Univ. Press, 1973. – 160 p.
48. Lewis, D. The Paradoxes of time travel / D. Lewis // *American Philosophical Quarterly*. – 1976. – Vol. 13. – P. 145–152.
49. Lewis, D. On the Plurality of Worlds / D. Lewis. – Oxford : Blackwell, 1986. – 288 p.
50. Many Worlds? Everett, Quantum Theory, and Reality / eds. by S. Saunders [et al.]. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – 618 p.
51. Nickerson, R. Conditional Reasoning: The Unruly Syntactics, Semantics, Thematics, and Pragmatics of “If” / R. Nickerson. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2015. – 472 p.
52. Nute, D. Conditional logic / D. Nute, C. B. Cross // *Handbook of Philosophical Logic*. – 2nd ed. – Dordrecht, 2001. – Vol. 4. – P. 1–98.
53. Pollock, J. Subjunctive Reasoning / J. Pollock. – Dordrecht : Reidel, 1976. – 255 p.
54. Pollock, J. A refined theory of counterfactuals / J. Pollock // *J. of Philosophical Logic*. – 1981. – Vol. 10. – P. 239–266.
55. Rescher, N. Hypothetical Reasoning / N. Rescher. – Amsterdam : North Holland, 1964. – 95 p.
56. Rescher, N. Conditionals / N. Rescher. – Cambridge : MIT Press, 2007. – 260 p.
57. Rice, H. Fatalism [Electronic resource] / H. Rice // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2014. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/fatalism/#4>. – Date of access: 11.12.2015.
58. Sider, T. Time travel, coincidences and counterfactuals / T. Sider // *Philosophical Studies*. – 2002. – Vol. 110. – P. 115–138.
59. Sládek, O. On the Worlds of Counterfactual History: Between History and Fiction, 2006 [Electronic resource] / O. Sládek. – Mode of access: <http://narratologie.chess.fr/index.php?589>. – Date of access: 23.01.2016.
60. Smeenk, C. Time travel and time machines / C. Smeenk, C. Wüthrich // *The Oxford Handbook of Philosophy of Time*. – N. Y., 2011. – P. 577–633.
61. Smith, N. J. J. Time Travel [Electronic resource] / N. J. J. Smith // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2013. – Mode of access: <http://plato.stanford.edu/entries/time-travel/#ChaPas>. – Date of access: 23.01.2016.
62. Stalnaker, R. A theory of conditionals / R. Stalnaker // *Studies in Logical Theory*. – Oxford, 1968. – P. 98–112.
63. *The Handbook of Imagination and Mental Simulation* / eds. by K. D. Markman, W. M. P. Klein, and J. A. Suhr. – N. Y. : Psychology Press, 2009. – 488 p.
64. *The Psychology of Counterfactual Thinking* / eds. by D. R. Mandel, D. J. Hilton, and P. Catelani. – London : Routledge, 2005. – 264 p.

65. Tooley, M. The Lewis-Stalnaker approach to counterfactuals / M. Tooley // J. of Philosophy. – 2003. – Vol. 100. – P. 371–377.
66. Toynbee, A. J. Some Problems in Greek History / A. J. Toynbee. – London : Oxford Univ. Press, 1969. – 538 p.
67. Understanding Counterfactuals, Understanding Causation: Issues in Philosophy and Psychology / eds. by C. Hoerl, T. McCormack, and S. R. Beck. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2012. – 272 p.
68. Unterhuber, M. Possible Worlds Semantics for Indicative and Counterfactual Conditionals?: A Formal Philosophical Inquiry into Chellas-Segerberg Semantics / M. Unterhuber. – Frankfurt : Ontos Verlag, 2013. – 333 p.
69. Counterfactual thinking: an fMRI study on changing the past for a better future / N. van Hoeck [et al.] // Social Cognitive and Affective Neuroscience. – 2013. – Vol. 8, N 5. – P. 556–564.
70. Van Inwagen, P. Modal epistemology / P. van Inwagen // Philosophical Studies. – 1998. – Vol. 92, N 1. – P. 67–84.
71. Van Inwagen, P. Changing the Past / P. van Inwagen // Oxford Studies in Metaphysics / ed. by D. W. Zimmerman. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – Vol. 5. – P. 3–28.
72. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals / ed. by N. Ferguson. – London : Macmillan, 1997. – 548 p.
73. Von Fintel, K. Subjunctive conditionals / K. von Fintel // The Routledge companion to philosophy of language / eds. by G. Russell, D. G. Fara. – N. Y. : Routledge, 2012. – P. 466–477.
74. What Might Have Been: the Social Psychology of Counterfactual Thinking / eds. by N. J. Roese, J. M. Olson. – Mahwah, NJ : Erlbaum, 1995. – 424 p.
75. What Might Have Been: Imaginary History from Twelve Leading Historians / ed. by A. Roberts. – London : Orion Publishing, 2005. – 208 p.
76. What If?: The World's Foremost Military Historians Imagine What Might have Been / ed. by R. Cowley. – N. Y. : Berkley Books, 2000. – 416 p.
77. What If? 2: Eminent Historians Imagine What Might have Been / ed. by R. Cowley. – N. Y. : Berkley Books, 2002. – 448 p.
78. Williamson, T. Armchair philosophy, metaphysical modality and counterfactual thinking / T. Williamson // Proceedings of the Aristotelian Society. – 2005. – Vol. 105. – P. 1–23.
79. Williamson, T. The Philosophy of Philosophy / T. Williamson. – Blackwell Publishing, 2008. – 352 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Альтернативная реальность: Гай Юлий Цезарь¹

10 января 705 года от основания Рима² на берегу Рубикона стоял Гай Юлий Цезарь, проконсул Галлии. Эта река отделяла его провинцию от Италии, и Цезарь знал, что переход через Рубикон с армией фактически означает объявление войны. Было жарко, хотя солнце еще не успело подняться высоко и его красный шар, утопая в молочно-белой пелене неба, наполнял воздух духотой и какой-то непонятной тяжестью, мешал сосредоточиться на главном.

А главным было то, что в нарушение договора сенат отказался продлить срок его полномочий и потребовал распустить армию. Цезарь внаштал такой

¹ Автор приложения – А. С. Карпенко.

² 49 г. до н. э.

страх, что сенаторы, распустив слухи о подготовке им государственного переворота, объявили его врагом республики и призвали граждан к оружию. Армию возглавил Гней Помпей Великий. В ответ на предательство сената Цезарь собрал солдат 13-го легиона (*Legio XIII Gemina*), единственного легиона, который находился с ним вместе по эту сторону Альп, и обратился к ним с пламенной речью. Эту речь произнес великий полководец, который 29 лет с мечом в руках отстаивал величие Рима, несмотря на заговоры убийц, мечи германцев и волны неведомого Океана. Из них последние девять лет ушли на завоевание Галлии, где он взял штурмом более 800 городов, покорил 300 народностей и одержал победу над врагом численностью в 3 млн человек, из которых 1 млн был уничтожен и столько же взято в плен. Благодаря ему границы римских владений были расширены до Ла-Манша и Рейна. И Цезарь повел бы свои легионы дальше, если бы не политическая борьба внутри и вокруг сената, если бы не интриги... С горечью говорил он о насильственной отмене права трибунов на *veto*, права, которое оставил неприкосновенным даже Сулла. Цезарь напомнил о блистательных победах, которые совершила его армия во славу Рима, и наконец обратился к своим легионерам, многих из которых знал по имени, с призывом защитить его доброе имя и честь. Он зажигал сердца своей речью¹, и солдаты восторженным криком изъявили готовность идти за Рубикон. Теперь только от решения Цезаря зависела его судьба и судьба мира.

Однако он медлил. Глядя на пылающее солнце, Цезарь попытался глубоко вздохнуть, но воздух не шел в легкие. Он почувствовал сильное головокружение и пошатнулся, успев заметить, как от звона доспехов разлетелась в стороны стайка мелких рыб. Неожиданно в глазах Цезаря все потемнело, река исчезла и на фоне необъятного небосвода, покрытого стремительно несущимися облаками, перед ним возникла странная и ужасная картина.

Это были два огромных существа, состоящие из деформированных, как бы случайно сросшихся частей человеческого тела, которые росли и менялись на глазах. Одно существо состояло из искаженного болью лица, человеческой груди и ноги; второе – из двух рук, исковерканных самой природой, и тазобедренной части. Сцепленные между собой в жуткой схватке, эти существа-мутанты внушали страх и отвращение. Цезарь сразу понял: это предчувствие гражданской войны. Знак, который он как будто уже видел. Может быть, в Испании? Да, он там воевал в молодости. Ничем не примечательная провинция. «Надо будет вернуться туда с парочкой легионов и разобраться, в чем дело. Или, – продолжал вспоминать Цезарь, – это было гораздо позже?..»

Внезапно от реки поднялся свежий ветер и вместе с ним вверх взметнулась небольшая серебристая рыбка, едва не коснувшись его колен. «Еще

¹ Об этой речи см. в: Моммзен Т. История Рима. – М., 1997. – Т. 3. – С. 336–337; а также в: Утченко С. Л. Юлий Цезарь. – М., 1976. – С. 208–209.

один знак, и совершенно новый», – подумал Цезарь. Не обращая больше внимания на пламенеющее солнце, он приказал разбить у реки лагерь и снова послал гонца для переговоров, но не в продажный сенат, а напрямую к Помпею. Ведь когда-то они были друзьями, вместе с Крассом создали триумvirат, и Цезарь даже отдал ему в жены свою единственную дочь Юлию. Если бы она не умерла так рано... Но сейчас главное – не допустить гражданской войны.

Цезарь не знал, что Помпей, обычно столь нерешительный и медлительный, за несколько дней до этого увидел себя во сне в Египте обезглавленным и сейчас выше по течению переходит Рубикон. Вскоре в лагере раздался звон мечей и предсмертные крики. В результате внезапного натиска весь 13-й легион был полностью уничтожен, а Юлий Цезарь погиб в бою как герой, успев обгадить свой меч кровью врага. Последнее, что он увидел перед смертью, – были какие-то два уroda. Один – рябой, в высоких черных сапогах, а другой – бесноватый, с небольшими усиками, сначала заклинали его не умирать, а потом вдруг сами начали распадаться. И только переходя в подземный мир, Цезарь понял свою главную ошибку: он так и не произнес эти гордые слова на греческом: «ἀνερίφθω κύβος»¹, и не двинул свой легион на Рим. «Это богиня подземного царства Геката Тривия наслала на меня безумие и погрузила во мрак», – горестно подумал Цезарь. Но мрак вдруг исчез и все озарилось ослепительно ярким светом...

Рубикон же потемнел от крови, и багровая пена билась о берег. По щиколотку в этой пене стоял Помпей Великий и смотрел на мертвого Цезаря. В руках он держал тот самый меч, который консул Гай Клавдий Марцелл 13 декабря в Куманской вилле Помпея вручил ему для защиты республики.

* * *

Как отмечали историки, после этого знаменательного события республика в Риме просуществовала еще полтора столетия. Сенека как-то сказал: «Диктатура – это не гибель страны, а гибель богов». Самые прозорливые исследователи (и здесь особо стоит отметить небезызвестного А. С. Беловежского) заметили, что сражение у реки Рубикон каким-то неведомым образом повлияло на весь ход мировой истории, и именно по этой причине к началу XX века все диктаторские режимы сошли на нет...

Конечно, обсуждаемое нами историческое событие оказало огромное влияние на европейскую литературу и искусство в целом. Приведем только первую и последнюю строки героической поэмы Вергилия «Рубикон»², исполненные величия и стоицизма:

¹ «Жребий брошен» (греч.).

² Publius Vergilius Maro. RUBICO // Omnia quae extant opera. – Ëulogos, 2007.

Контрфактуальное мышление

*Nescio, quid Rubico est, ||
quo nos ducentve profunda*
[Я не знаю, каков Рубикон,
И куда заведет глубина.]

*Est lex, quoque die ||
transire iubens Rubiconem*
[Есть на свете великий закон:
Каждый миг проходить Рубиконы.]¹

Но, пожалуй, самым впечатляющим творческим откликом на то сражение стала известная картина великого французского художника Жака Луи Давида «Рубикон»². На холсте размером 621 × 979 см маслом запечатлен финал битвы: волны реки, обогранные кровью, всюду – порубленные воины 13-го легиона и эта багровая пена, в которой стоит с обнаженным мечом Гней Помпей Великий и смотрит на мертвого Цезаря. А в правом верхнем углу изображена молодая женщина на коленях, со скорбным лицом протягивающая зрителю оливковую ветвь.

Феномен этой картины поразителен и рациональному объяснению не поддается. Огромный зал, где расположена картина, всегда заполнен посетителями со всех концов света, застывшими в немом оцепенении. Когда у них потом спрашивают, что с ними происходило, то все отвечают одно и то же: они оказались внутри той реальности, не в сегодняшней суете, а там, в настоящей реальности, они наблюдали живую картину утихающей битвы и слышали голос умирающего Цезаря.

¹ Заметим, что у Вергилия не может быть таких коротких строчек, ибо он, будучи эпическим поэтом, пользовался почти исключительно гекзаметрами. Впрочем, в латинском гекзаметре всегда имеется мужская цезура посередине строки, так что при чтении их можно смело делать паузу после третьего ударного слога (перевод А. Чаха).

² Картина находится в 75-м зале на 1-м этаже галереи Денон в Лувре. Код: INV. 3699.

Т. И. Адуло

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА СИНТЕЗА ИДЕЙ ФИЛОСОФИИ, СОЦИОЛОГИИ И ТЕОРИИ ПРАВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД Г. Д. ГУРВИЧА

Французский исследователь Г. Д. Гурвич поставил задачу преодолеть ограниченность юридической науки, и в особенности наличную практику абстрактного теоретизирования по поводу права. Значение его теоретических разработок состоит в том, что в них высвечены новые грани понимания права, акцентировано внимание на необходимости исследования конкретного механизма функционирования права, органичной связи права, морали и других форм общественного сознания, различных уровней функционирующего права – индивидуального и коллективного сознания, теоретического и обыденного сознания. Труды ученого послужили мощным импульсом для более глубокого осмысления права с философских позиций, стимулировали социологические исследования в области права.

Ключевые слова: методологические основания правовой науки, правоведение Г. Д. Гурвича, философия права, социология права, теория права, плюралистическая философия права, юридический опыт, правовые нормы, правовые механизмы.

T. I. Adoulo

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

THE PROBLEM OF SYNTHESIS OF THE IDEAS OF PHILOSOPHY, SOCIOLOGY AND THE THEORY OF LAW: G. D. GURVITCH'S CONCEPTUAL APPROACH

French researcher G. D. Gurvitch set the task to overcome limitations of jurisprudence and the existing practice of abstract theorization about law. The importance of his theoretical developments is that they show the new verges of understanding of law, underline the need of research of a specific mechanism of law functioning, connection of law, morality and other forms of public consciousness, different levels of law – individual and collective consciousness, theoretical and trivial consciousness. The works of researcher stimulated deeper understanding of law from philosophical position and sociological research of law.

Keywords: methodological base of jurisprudence, Gurvitch's jurisprudence, legal philosophy, legal sociology, theory of law, pluralistic legal philosophy, legal experience, legal regulations, legal mechanisms.

Современная Беларусь, как и другие постсоветские государства, реализует стратегию модернизации социальных систем. Она охватывает экономику и духовную сферу, различные формы общественного сознания. Но, как отмечает известный белорусский философ Е. М. Бабосов, «для того чтобы эффективно осуществлять модернизационные преобразования в экономике, социальной, научной и образовательной системах, необходимо последователь-

но и энергично вводить в активное действие культурные факторы модернизации» [1, с. 9]. Несомненно, к таковым факторам следует отнести фундаментальные современные философские, социологические и правовые разработки, а также теоретическое наследие прошлых эпох, вобравшее в себя богатый исторический опыт. Его осмысление и диалектическое снятие с соответствующей критической переработкой позитивных идей способны помочь найти правильное решение существующих проблем или по крайней мере предостеречь нас от возможных ошибок и заблуждений в процессе их разрешения.

При этом теоретическая мысль прошлого должна рассматриваться не сама по себе, не в ограниченном жесткими хронологическими рамками конкретной эпохи пространстве, а в исторической перспективе – в виде закономерных логических ступенек формирования и развития человеческого духа (культуры) во всем его многообразии, как воспроизведение в мысли самой человеческой истории, а главное, как один из методов осмысления и научного решения актуальных проблем современного социального бытия, антропологических вопросов, затрагивающих каждого человека в его повседневности, наконец, как один из инструментов активизации субъекта, развития его сознания и самосознания, повышения его креативного потенциала. Ведь даже «краткий экскурс в динамику размышлений о сущности и смысле бытия, осуществляемых философией и социологией начиная с V в. до н. э. и до нынешних дней, убедительно свидетельствует о неуклонном перемещении акцентов на возрастающей значимости активных созидательных действий человека как источника и движущей силы развития социального бытия» [2, с. 35].

В этом плане хотелось бы обратиться к недостаточно изученному творчеству Г. Д. Гурвича, принимая во внимание также и то обстоятельство, что выдвинутые мыслителем отдельные идеи, в частности идея синтеза философии права, социологии права и теории (догмы) права, по-прежнему актуальны в наше время, представляют интерес для мировой и отечественной гуманитарной науки и социальной практики.

Георгий Давидович Гурвич (1894–1965) – известный французский философ и социолог, хотя он выходец из России (родился в Новороссийске) и, как считают отдельные авторы, является представителем Петербургской школы правоведов, поскольку именно в Санкт-Петербургском университете вступил на стезю ученого-исследователя.

Как и многие другие правоведы конца XIX – первой половины XX в., Г. Д. Гурвич считал существующие правовые механизмы, закрепленные Декларацией прав и свобод 1789 г. и Кодексом Наполеона, устаревшими. Если во второй половине XIX в. они обеспечивали в целом более или менее стабильное развитие общества, то в первой половине XX в. уже не в состоянии были выполнять отведенную им регулятивную функцию. Поэтому, считал ученый, требуются глубокие изменения правовой жизни, новые теоретические разработки в области права. Но вместо того чтобы создавать правовые нормы, мо-

дернизировать теорию права применительно к изменившимся условиям общественной жизни, большинство правоведов ограничиваются лишь критикой существующего права.

Г. Д. Гурвич поставил перед собой иную задачу: не критику сущего (ее было предостаточно), а творчество должного – разработку новой, отвечающей запросам развивающейся социальной практики правовой теории, которая включала бы в себя обновленные и приведенные в систему философию права, социологию права и теорию (догму) права. Для столь масштабной работы ученый обладал развитым интеллектом, достаточно глубокими познаниями в различных областях социально-гуманитарной науки и богатым научно-исследовательским опытом.

Однако что же представляла собой правовая теория в первой половине XX в., вернее, после Первой мировой войны, то есть в тот период, когда французский мыслитель активно разрабатывал свои теоретические конструкции?

В целом, не касаясь частностей, в философии права той эпохи можно отчетливо выявить две основные линии, одна из которых шла от феноменологии Э. Гуссерля, а вторая – от экзистенциализма. Первая линия утверждала «онтологию права», то есть отвергала неокантианское направление, господствовавшее в последней трети XIX – первой трети XX в., с его устремлением укоренить объект в самом мышлении и как бы возвращала к гегелевскому пониманию права в виде одной из форм (наряду с нравственностью и государством) объективного духа.

«Онтология права» в лице А. Рейнаха предполагала изначальное бытие права («правовых эйдосов», «сущностей», «ценностей» и иных подобных феноменов). Правовед в таком случае лишь открывает уже существующие правовые понятия. Фактически исследователь воспроизводил идею Г. Гегеля, согласно которой «в праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права» [3, с. 57].

Вторая линия (В. Майхофер, Е. Фехнер), напротив, утверждала «подлинное бытие права не в комплексе норм, а в правовом переживании конкретных ситуаций» [4, с. 735]. Следовательно, согласно такой трактовке, «правосудие призвано к тому, чтобы извлекать право из конкретных ситуаций, а не из предустановленных правил» [4, с. 735]. Французскому исследователю в большей мере импонировала именно такая трактовка права.

Для разработки любой теории требуется определенная методологическая база. Г. Д. Гурвич выстраивал свою правовую теорию, руководствуясь следующими методологическими принципами. В основу своих теоретических разработок он положил идею органичной взаимосвязи философии права, социологии права и теории (догмы) права. Это его кредо, и тем самым он решительно отличался от своих коллег, которые размежевывали три названные дисциплины. Возражая своим коллегам-оппонентам, французский ученый писал: «Было бы совершенно неправильно, соглашаясь с Кельзенем, говорить,

что в силу того, что всякая наука (в широком смысле этого слова) должна иметь свой собственный объект, конструируемый с помощью свойственно-го такой науке метода, три названные нами научные дисциплины не могут иметь никакой взаимосвязи» [5, с. 278]. Не менее важной методологической установкой для исследователя выступала идея возможности и необходимости понимания правовой действительности лишь на основе юридического опыта. Третьим методологическим принципом служила идея плюралистичности.

Свои философские воззрения Г. Д. Гурвич называл «диалектическим гиперэмпиризмом». Уже сам этот термин свидетельствует о том, что исследователь в противовес формально-дедуктивным теориям, а также эмпиризму, господствовавшим в западноевропейской социологии XIX в., предпринял попытку взять на вооружение диалектику. Но диалектика была им представлена не в ее классической (гегелевской) форме, а своеобразно – в форме абсолютизированного, доведенного до предела изменения и движения объектов, то есть в форме релятивизма. Именно в таком виде она была использована в качестве теоретико-методологической основы философии права. Своеобразная трактовка диалектики дополнялась *плюралистической установкой* ученого, поскольку, по его мнению, «всегда незаконченный плюрализм социальных закономерностей и их относительная унификация (через никогда не прекращающиеся стремления и конфликты) в рамках собственно социологического детерминизма меняются каждый раз со сменой типа глобального общества, оставляя при этом простор для вмешательства человеческой свободы (как индивидуальной, так и коллективной) в общественную жизнь» [5, с. 839].

Нельзя не сказать и о том, что формирование мировоззренческих установок и философско-теоретической позиции Г. Д. Гурвича было чрезмерно динамичным и, пожалуй, столь же антиномичным, как и представленный исследователем «непосредственный юридический опыт». В работе «Мой интеллектуальный дневник, или Изгнанный из стада» он перечислил немало мыслителей, чьи идеи его в свое время привлекали, вызывая повышенный научный интерес. Вот лишь некоторые из них – это Н. О. Лосский, С. Л. Франк, И.-Г. Фихте, К.-А. Сен-Симон, П.-Ж. Прудон, Г. Гроций, Г.-В. Лейбниц, Ж.-Ж. Руссо, Ж. Сорель, К. Маркс, К. Мангейм, М. Шелер. Как видим, спектр профессиональных интересов французского ученого весьма широк, охватывает право, философию, социологию, психологию. В поле его зрения попали просветители, представители утопического и научного социализма, анархо-синдикализма. Думается, что, основываясь на идеях столь не совместимых друг с другом в мировоззренческом плане мыслителей, вряд ли можно было создать системное учение. Ведь система, считает известный российский методолог науки В. Н. Садовский, – это «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство» [6, с. 552]. Хотя, опять же по утверждению этого ученого, «в силу принципиальной сложности каждой системы ее адекватное познание

требует построения множества различных моделей, каждая из которых описывает лишь определенный аспект системы» [6, с. 552].

Очевидно, и сам Г. Д. Гурвич понимал опасность сведения разрозненных и при этом зачастую взаимоисключающих концепций в одно целое. Возможно, именно по этой причине он решительно отмежевывался от идей других авторов и шел исключительно своим собственным путем. «Ритм моего мышления, – отмечал ученый, – практически всегда не совпадал с тем направлением мысли, который был в моде» [5, с. 840–841].

Не избежал «критических стрел» в свой адрес и Л. И. Петражицкий. Г. Д. Гурвич не считал для себя нужным слепо следовать за своим учителем: он признавал несомненные научные заслуги профессора, но при этом отмечал и серьезные недостатки его теоретических разработок. К научным заслугам своего учителя Г. Д. Гурвич отнес то, что тот «пытался перейти от понятийной оболочки мумифицированного права... к непосредственному правовому переживанию. Последнее же (т. е. “юридический опыт”) представлено по отношению к такому праву как особый вид эмоциональной жизни, являющейся одновременно и активной, и пассивной» [5, с. 255]. Помимо этого, Л. И. Петражицкий выработал критерии разграничения права и нравственности, признавал изменчивость юридического опыта, приходил к четко сформулированному правовому плюрализму. Ограниченность же взглядов петербургского ученого проявилась в том, что юридический опыт представлен им «исключительно как *опыт индивидуальный*». «Вместо того чтобы принять специфическую правовую действительность в качестве объективных данных юридического опыта, Л. И. Петражицкий заканчивает свои рассуждения субъективистским психологизмом, который сводит правовую действительность к психической жизни изолированного индивида» [5, с. 256], – таково заключение Г. Д. Гурвича. С этим заключением нельзя не согласиться.

И все-таки Г. Д. Гурвич не смог полностью преодолеть теоретические выводы и методологические установки других исследователей: освоенные идеи постоянно напоминали о себе – поневоле всплывали в процессе мыслительной деятельности и так или иначе, в преломленном виде находили отражение в его собственных теоретических построениях. В результате этого философские основания правовой системы оказались эклектичными, то есть не представляли собой системы.

В своих исследованиях ученый поднимает прежде всего весьма актуальную проблему методологических оснований правовой науки. С одной стороны, он отмечает тот бесспорный факт, что методология права в своем развитии значительно отстает по сравнению с методологией других дисциплин, даже по сравнению с методологией морали. С другой стороны, Г. Д. Гурвич показал необоснованность претензий различных философских, социологических, психологических и других школ на якобы вакантную роль методологии права. Все эти претензии, по оценке исследователя, необоснованны – «общий

для всех этих попыток недостаток заключается в сведении специфической действительности права к действительности совершенно иного порядка: нормативного, понятийного, психологического, социологического, нравственно-го, вплоть до действительности силы и произвола...» [5, с. 217].

Утверждая «плюралистическую философию права», Г. Д. Гурвич дает критическую оценку существующим системам философии права. Их главный недостаток он усматривает в *догматизме* правоведов, проявляющемся в чрезмерном обособлении друг от друга трех дисциплин – «догмы права» (систематизации и интерпретации действующего права), социологии права (описания социальных функций права) и философии права (рассуждений об идеальной структуре права). Ученый считал, что «разрыв между этими тремя научными дисциплинами, символизируемый взаимной враждебностью правоведа с юридического факультета и занимающихся правовой проблематикой социолога и философа, является причиной изолированности каждой из данных дисциплин, присущих им догматических тенденций и поражающего воображение отставания от общего развития философской и научной мысли» [5, с. 220].

Какие задачи призвана решать философия права? Прежде всего она должна обосновать критерии, позволяющие отличать правовую действительность и юридический опыт от иных видов действительности и опыта, раскрыть специфику непосредственного юридического опыта. Помимо этого, «на нее возложена задача осуществления инверсии и редукции, которые необходимы для очищения обыденного юридического опыта от корки концепций и интересов путем актуализации непосредственного юридического переживания, скрытого в основании такого опыта» [5, с. 278–279]. Философия права решает также важную задачу «верификации объективности различных правовых ценностей», интегрирует ценности разнообразных юридических опытов в целостный образ справедливости. В конечном счете философия права решает две задачи: задачу «редуктивного описания специфики непосредственного юридического опыта и схватываемой в рамках такового опыта правовой действительности» и задачу «реконструкции образа справедливости по духовным элементам названного опыта» [5, с. 279]. Таким образом, философия права актуализирует непосредственный юридический опыт и делает его «доступным для сознания, тогда как юристы и социологи переживают такой опыт бессознательно» [5, с. 280].

Социология права занимается изучением «типичных образцов реального поведения и чувственно воспринимаемых социальных институтов» [5, с. 280]. В отличие от философии права работает не с собственно непосредственным юридическим опытом, то есть опытом, уже очищенным путем прохождения процедуры редукции и инверсии (эту процедуру осуществляет философия права), а с обыденным юридическим опытом, выявляя и описывая его позитивное содержание.

Теория права представлена Г. Д. Гурвичем как «объяснение и систематическое изложение права, действующего в определенной социальной

среде» [5, с. 281]. Она выстраивается путем абстрагирования реальных образов поведения с учетом их динамики, обладает способностью направлять деятельность судов. И хотя она более концептуальна и более статична, тем не менее зависима от философии права, социологии права, данных юридического опыта. Как видим, французский мыслитель не разделял точку зрения Г. Кельзена, считавшего систему «нормативных фактов», создаваемых теорией права путем абстрагирования, как чистое должествование. «Нормативный смысл, который теория права абстрагирует из непосредственно переживаемых данных юридического опыта, – разъяснял Г. Д. Гурвич, – не может быть “чистым должествованием” лишь потому, что он не автономен; что его обывающая сила зависит от реального действия компетентного правотворящего авторитета, на который этот смысл опирается; что его содержание целиком формируется существующей правовой действительностью (либо в ретроспективном, либо в проспективном аспекте)» [5, с. 282]. При этом в процессе выделения такого нормативного смысла используются критерии, обоснованные философией права. Ученый ратует за то, чтобы теория права постоянно делала систему нормативных смыслов «более гибкой и эластичной по отношению к живой и находящейся в постоянном движении правовой действительности» [5, с. 282].

Еще раз обратим внимание на главную идею французского исследователя. Конкретизируя характер отношений между философией права, юридической социологией и теорией права, он высказывается за их тесный союз, поскольку онтологическим основанием данных трех дисциплин является специфический юридический опыт. Г. Д. Гурвич приходит к следующему заключению: «Разграничение “догмы права”, “социологии права” и “философии права”, что в глазах большинства правоведов представляет собой последнее слово методологической мудрости, на самом деле является, как мы попытаемся продемонстрировать ниже, искусственным и бесплодным, так как ведет к беспомощности каждой из этих трех научных дисциплин» [5, с. 219]. Органичное единство этих дисциплин не отрицает их специфики. Ученый считал, что философия права призвана обеспечивать «теоретическое размышление» в области права, «верифицировать объективность ценностей, переживаемых в разнообразии юридического опыта... поскольку юридический опыт, равно как и всякий другой непосредственный опыт, не является знанием» [5, с. 276]. При этом философия права должна опираться на данные, предоставляемые ей социологией и историей права. Значимость философии права видится и в том, что именно она «может играть роль мощного фактора, консолидирующего и очищающего правовые верования и, таким образом, воздействующего непосредственно на сам юридический опыт» [5, с. 277].

В целом выстраиваемая Г. Д. Гурвичем модель механизма взаимодействия философии права, социологии права и теории права выглядит таким образом. Философия права – предельно общая дисциплина, которая занята разработ-

кой критериев описания и оценки юридического опыта. Социология права собирает, систематизирует практический юридический опыт. Теория права конструирует нормативную базу, которая используется в судах. Все эти три органично взаимосвязанные и динамично развивающиеся дисциплины суть правового механизма.

Представленная Г. Д. Гурвичем модель правового механизма достаточно привлекательна прежде всего потому, что она органично привязана к социальной практике, базируется на принципе справедливости – величайшей гуманной ценности. Ученый пытался преодолеть абстрактные правовые концепции, органично связать теорию с повседневным бытием человека. В то же время в теоретико-методологическом плане предложенная модель не лишена изъянов. Один из них – заложенный разработчиком методологический принцип плюралистичности. Его ограниченность можно проиллюстрировать на трактовке философом юридического опыта.

Юридический опыт занимает важное место в исследованиях французского ученого. Перед тем как рассматривать юридический опыт, Г. Д. Гурвич дает свое видение опыта как такового. Изучив труды известных философов той эпохи – У. Джеймса, А. Бергсона, Ф. Рау, Э. Гуссерля, М. Шелера и других, исследователь приходит к заключению о существовании множества не сводимых друг к другу видов духовного опыта. Любой из них представляет собой бесконечную множественность опытных восприятий. Ученый считает, что «все виды духовности постигаются посредством непосредственного интегрального опыта через их воплощения в чувственных данных», а «актуализация интегрального непосредственного опыта, и в частности духовного опыта во всех его проявлениях, есть задача философии» [5, с. 250–251]. Юридический же опыт «является одним из видов непосредственного коллективного опыта – особой формы интегрального опыта, в рамках которого воспринимается как духовное, так и чувственное и который противопоставляет себя всяческому конструктивному и рассудочному опыту, и особенно научному опыту» [5, с. 261]. Заметим, что в трактовке юридического опыта явно ощущается влияние основателя психологической школы права Л. И. Петражицкого, который за отправную точку объяснения социально-исторических явлений взял психические процессы и обратил особое внимание на эмоции, представив их в качестве своеобразного двигателя человеческого поведения. Отсюда вытекала основная задача политики права, которая сводилась к очищению психики людей от антисоциальных склонностей.

Г. Д. Гурвич тоже акцентирует внимание на психических явлениях. Он считает, что «в повседневном опыте юристов, судей и работников суда, истцов и всех иных заинтересованных в рассмотрении дел лиц обнаруживается в *потенциальной форме* непосредственный юридический опыт как *бессознательная основа* всего того, что они говорят и делают» [5, с. 261]. Таким образом, юридический опыт является коллективным и, кроме того, он драматичен

по своей сущности (в нем преобладают элементы антиномичности) и чрезвычайно изменчив. На основании этого ученый сделал вывод о том, что «радикальный юридический эмпиризм, то есть верность непосредственным данным юридического опыта и их чрезвычайно насыщенной изменчивости, с необходимостью приводит к плюралистической правовой концепции» [5, с. 274]. Плюралистичность охватывает как духовные данные юридического опыта, так и очаги юридического опыта (правопорядок). Отсюда следует вывод о «тщетности претензий государства на априорное юридическое господство над иными группами, являющимися созидательными очагами своих собственных правопорядков и центров юридического опыта, не менее компетентными и значимыми, чем само государство» [5, с. 275].

Несмотря на динамичность, противоречивость и незавершенность теоретических построений Г. Д. Гурвича, в них можно выделить ряд базовых положений, которые, по признанию самого ученого, стали определяющими. К ним исследователь отнес следующие: «...1) социальное право рождается спонтанно и независимо от государства и его юридических конструкций, причем его взаимоотношения с государством могут принимать разнообразные формы; 2) существуют глубинные уровни социальной действительности, иерархическое положение и взаимоотношения которых друг с другом постоянно меняются, то противореча друг другу, то переплетаясь между собой; 3) первичным элементом социологического анализа является не только индивид, но и социальная группа как микрокосм форм социальности; 4) социальные классы и глобальные общества реально существуют как макрокосм социальных групп; 5) присутствует возможность общественного устройства на основе коллективного планирования экономики и федералистической концепции собственности» [5, с. 838].

В заключение отметим следующее. Не все идеи, высказанные Г. Д. Гурвичем, обрели заверченный, или, лучше сказать, системный вид, не все они были поняты и положительно приняты современниками. Нельзя не согласиться с рецензентом Н. С. Тимашевым, отмечавшим, что «нигде Гурвич не дает окончательных, притом достаточно точных формул. Приходится за него достраивать; при этом возможны, конечно, ошибки, отступления от той линии, по которой движется его мысль» [5, с. 811]. Аргументированными являются и другие замечания, высказанные рецензентом в адрес Г. Д. Гурвича. Это касается интуитивного права, существование которого, по мнению Н. С. Тимашева, французский мыслитель не доказал, а также отсутствия в исследованиях ученого связи права с властвованием и подчинением [5, с. 816].

В своих исследованиях Г. Д. Гурвич пытался преодолеть ограниченность юридической науки, и в особенности наличную практику абстрактного теоретизирования по поводу права. В этом направлении он многое сделал. В отличие от многих его коллег ученого интересовало прежде всего действующее, функционирующее право. Отчасти поэтому он вводит в научный оборот такие понятия, как «переживание», «признание» и «коллективное признание»,

увязывает в единое целое право и мораль. В результате в правовое поле вляется ценность как неотъемлемый компонент «правового переживания».

Значение исследований Г. Д. Гурвича состоит, может быть, не в том, что в них дана принципиально новая теория философии права, а в том, что в них высвечены новые грани понимания права, акцентировано внимание на необходимости исследования конкретного механизма функционирования права, органичной связи права, морали и других форм общественного сознания, различных уровней функционирующего права – индивидуального и коллективного сознания, теоретического и обыденного сознания. В конечном счете его труды послужили мощным импульсом для более глубокого осмысления права с *философских* позиций, стимулировали *социологические* исследования в области права. Однако ученому не удалось осуществить все свои замыслы, и, к сожалению, его исследования во многом не лишены той же абстрактности, против которой он так активно боролся, что и отмечали его современники. Ратуя за конкретность, он нередко сам создавал абстрактные схемы, ратуя за диалектику, зачастую сам оставался на позиции эклектизма. Главный замысел исследователя – создание философии права в системном виде – так и не был им реализован. Эта задача не решена до сих пор. Существующий пробел в социально-гуманитарной науке призваны устранить совместными усилиями правоведы, философы и социологи.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е. М. Модернизация социальных систем / Е. М. Бабосов. – Минск : Беларус. навука, 2014. – 256 с.
2. Бабосов, Е. М. Человекомерность философии – ее сущностное ядро и перспектива дальнейшего развития / Е. М. Бабосов // Философские исследования : сб. науч. тр. – Минск : Беларус. навука, 2014. – Вып. 1. – С. 17–36.
3. Гегель. Философия права : пер. с нем. / Гегель ; ред. и сост.: Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
4. Философский энциклопедический словарь. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
5. Гурвич, Г. Д. Философия и социология права : избр. произведения / Г. Д. Гурвич ; пер. М. В. Антонова, Л. В. Ворониной. – СПб. : Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юрид. фак. С.-Петербур. гос. ун-та, 2004. – 848 с.
6. Садовский, В. Н. Система / В. Н. Садовский // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 552–553.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИНАМИКИ

УДК 101.1:316+316.42

Поступила в редакцию 02.03.2016
Received 02.03.2016

А. А. Лазаревич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ФЕНОМЕН ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЕЕ ВЫЗОВЫ

В статье рассматривается феномен глобализации и его современные проявления, связанные как с позитивной трансляцией общечеловеческих достижений и ценностей, так и с нивелированием национально-культурных интересов и персонализированного опыта субъекта. Рассмотрена связь процессов глобализации с тенденциями становления информационного общества. Охарактеризованы социально-антропологические риски глобализации и условия их преодоления.

Ключевые слова: глобализация, универсализм, партикуляризм, национальное государство, транснациональные корпорации, глобальные сетевые структуры, социально-антропологические риски.

A. A. Lazarevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

GLOBALIZATION PHENOMENON AND ITS CHALLENGES

The article is devoted to globalization phenomenon and its modern manifestations connected both with positive transfer of universal achievements and values and with leveling of national-cultural interests and personalized experience of an individual. There was discussed the connection between globalization processes and the trends of information society formation. There were characterized the social-anthropological risks of globalization and conditions of their overcoming.

Keywords: globalization, universalism, particularism, national state, multinational corporations, global network structures, socio-anthropological risks.

Тема глобализации вот уже несколько десятилетий тесно связана с осмыслением фактически всех процессов социального развития. Сегодня трудно найти какой-либо дискурс, в рамках которого не использовалось бы это понятие. «Глобализация – термин, который должен занять ключевое место в лексиконе общественных наук», – небезосновательно подчеркивает известный британский эксперт Э. Гидденс [1, с. 113]. Данный термин, эпизодически

применявшийся с конца 60-х годов XX в., впервые был поставлен в центр концептуальных построений в 1981 г. американским социологом Дж. Маклином. К середине 1980-х годов концепция глобализации была распространена уже столь широко, что, например, М. Уотерс писал: «Подобно тому, как основным понятием 80-х был постмодернизм, ключевой идеей 90-х может стать глобализация, под которой мы понимаем переход человечества в третье тысячелетие» [2, с. 98]. В этот же период основные терминологические аспекты теории были разработаны Р. Робертсоном, который в 1983 г. вынес понятие «globality» в название одной из своих статей, в 1985 г. дал подробное толкование термина «globalization», а в 1992 г. изложил основы своей концепции в специальном исследовании [3].

Проблемы глобализации разрабатывались и продолжают разрабатываться с различных точек зрения: экономической, политологической, социологической, культурологической, философской. В мозаике взглядов на этот феномен нельзя недооценивать поляризацию как исследовательских подходов, так и различных общественных мнений и оценок. В частности, нередки выводы относительно того, что глобализацию не следует преувеличивать и абсолютизировать, что процессы взаимодействия экономик, культур, цивилизаций, их поглощение друг другом, интеграция и интернационализация жизни уже имели место, и в этом смысле они не новы. Более того, встречаются и такие доводы, что значительная часть населения земного шара вообще не имеет представления о том, что существует некая глобализация и что она что-то меняет в мире.

Однако наука, учитывая общественное мнение, не может идти на поводу у него. Под этим углом зрения уместна постановка следующих вопросов: связаны ли государства и присущие им общественные системы, соответствующие культуры, экономики между собой? Обладают ли они «отзывчивостью» по отношению друг к другу? Если нет, значит, они развиваются как самодостаточные, и тогда бессмысленно говорить о человечестве как универсальном понятии. В таком случае разнообразие культур и цивилизаций не образует планетарной общности.

Но возможен и востребован другой подход. Государственные и общественные системы могут быть по-своему уникальны и различны. Однако это не означает, будто они отгорожены друг от друга. Напротив, ориентация на уже апробированный, синтезированный опыт, на систему общечеловеческих ценностей может явиться тем объединяющим началом, которое необходимо в условиях современного нестабильного развития.

Если говорить иначе, то в соответствии с первым подходом мы фактически имеем дело с некоммуницирующими системами – государствами, которые ведут трудную и опасную борьбу за выживание. В экзистенциальном плане это означает принципиальное одиночество государств и народов в этом мире, а потому его доминирующим мироощущением является неуверенность, чувство постоянной тревоги и опасности. Во втором же варианте мы имеем дело с культурно-цивилизационным сценарием структурно-упорядоченного мира,

в котором каждое из суверенных государств соблюдает общецивилизационный свод норм и правил, какими являются международное право, незыблемость сложившихся территориальных границ, уважение национально-культурных и религиозных ценностей, прав человека на достойную жизнь, мирный диалог, общая забота за судьбу планеты и т. п.

Иными словами, обозначенная проблематика выражается в известной оппозиции партикуляризма и универсализма. *Универсализм* – это мировоззренческая установка на культурный синтез, поиск путей сближения, выработку и использование общезначимых идеалов и норм развития. Для данного подхода важно постижение общей судьбы человечества, его единства в многообразии различных социально-культурных, экономических, политических и других программ жизнедеятельности. Напротив, *партикуляризм* – это мировоззренческая установка на разъединение, обособление, автаркию культур и социальных общностей, поиск неких исключительных, только данному государству присущих путей развития. То есть предлагается изобрести нечто свое, не вдаваясь при этом в сравнительный анализ уже выработанных человечеством и апробированных опытом эффективных экономических и социальных механизмов развития.

Еще И.-В. Гете писал: «Только вся совокупность людей составляет человечество, только все силы, взятые вместе, составляют мир. Между собой они часто приходят в столкновение и стремятся уничтожить друг друга, но природа связует их и воссоздает снова» [4, с. 603]. Парадокс заключается в том, что все глобальные проблемы по определению являются общечеловеческими, но далеко не все из последних – глобальными. Поэтому независимо от избранного аспекта рассмотрения исходным должен стать методологический принцип дифференциации объекта и предмета, вычленение *предмета* глобалистики и ее проблематики из такого непреходящего объекта социогуманитарного знания, как человечество, его структура и динамика.

Нет сомнения в том, что мобильность и взаимосвязь населения мира, стран и народов в целом возрастает. Этому способствует унификация жизненных стандартов, возросшая информированность, утверждение взаимоприемлемых норм межгосударственных отношений, интернационализация науки, образования и технологий, гуманизация воспитания и т. п. Универсализация индивидуального опыта ведет к росту критического отношения к традиционным стереотипам поведения, сформировавшимся в пределах локальных социальных пространств и соответствующих культур. Все это действительно наводит на мысль о становлении качественно новой системы мирового социального порядка, национально и культурно обезличенной, в которой доминирует дух цивилизационной однородности, не оставляющий места национально-историческим традициям, нормам и ценностям.

К числу наиболее значимых *черт* глобализации обычно относят: усиление взаимозависимости стран и народов во всех сферах человеческой деятель-

ности; образование всемирного рынка финансов, товаров и услуг – мировой экономики; становление глобального информационно-коммуникационного пространства, трудно контролируемого национально-государственными институтами и обеспечивающего коммуникационную мобильность населения в реальном масштабе времени; превращение информации и знания в основное условие общественного богатства и социальной солидарности; выход бизнеса за национальные рамки посредством формирования транснациональных корпораций (ТНК), которые сводят на нет регулирующие возможности государств; доминирование в практике международных отношений и внутривнутриполитической жизни народов универсальных человеческих ценностей; формирование теоретических подходов, обосновывающих принципиальную неспособность экономически слабых государств следовать в русле мирового развития, что неизбежно ведет к их хроническому отставанию и выпадению из мировой экономики.

Особенно значима взаимосвязь глобализации с современными тенденциями и проблемами формирования постиндустриального и информационного укладов общества. Их ценности, технологии, наука и культура во все большей мере определяют предстоящую перспективу технологической и социокультурной динамики. При такой постановке вопроса создаются предпосылки методологической корректности и в то же время неопределенности соотношения понятий «глобализация», «постиндустриальное общество», «информационное общество». Вопрос не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Действительно, постиндустриальный и особенно информационный уклады общества обладают набором явных признаков глобализации, то есть являются общественными укладами *глобального* характера. Вместе с тем сущностные признаки постиндустриального и информационного миров все же заключаются не в их глобальности, а в переходе к третичному и последующим, более сложным секторам хозяйственно-экономической и социально-культурной деятельности. М. Кастельс определил глобализацию как «новую экономику», назвав в качестве основных ее характеристик информацию, знания и информационные технологии, которые выступают главными источниками роста производительности и конкурентоспособности. Эта новая экономика организуется, по мнению эксперта, преимущественно через сетевую структуру менеджмента, производства и распределения [5].

Таким образом, постиндустриальные процессы, как и процессы информатизации, информационные технологии и соответствующие межкультурные коммуникации, являются каузальными *детерминантами* глобализации, в то время как сама глобализация при такой постановке вопроса относится к разряду *следственных* процессов. Тем не менее, опираясь на логику взаимосвязи причины и следствия, глобализация и ее особенности должны быть рассмотрены в контексте постиндустриального и информационного развития, подчеркивая тем самым его тенденции и сущность.

Налицо усиливающееся стремление международного сообщества к координации информационных взаимодействий. Так, Окинавская хартия глобального информационного общества (2000 г.) и Декларация принципов, принятая на Женевской встрече на высшем уровне по вопросам глобального информационного общества (2003 г.), устанавливают ряд новых *принципов* международных информационных сетей и отношений, которые можно сформулировать следующим образом:

1) использование возможностей информационных технологий, заключающееся в координации социальных изменений под влиянием телекоммуникационных технологий;

2) обеспечение культурного и языкового многообразия, означающее уважение самобытности народов, сохранение разнообразия языков, традиций и религий при осуществлении трансграничного информационного обмена;

3) уважение этических норм и ценностей, выражающееся в уважении прав и свобод всех людей, включая неприкосновенность частной жизни и право на свободу мысли, совести и вероисповедания, а также соблюдение таких общечеловеческих ценностей, как мирное сосуществование, свобода, справедливость, равенство и др.;

4) всеобщий характер партнерства, означающего сотрудничество и партнерские отношения между самими государствами, международными организациями, институтами гражданского общества, представителями частных структур и отдельными индивидами;

5) ответственность, выражающаяся в обязанности государств нести международную ответственность за неправомерную деятельность в информационной сфере, осуществляемую ими, под их юрисдикцией или в рамках международных организаций, членами которой они являются.

Глобализация в своем цивилизационном измерении чревата всеобщей унификацией и экспансией. В известной степени это закономерный процесс системной организации отдельных элементов, всегда испытывающих влияние целостности всей системы. Человечество выступает как глобальное (в географически-территориальном смысле) образование по отношению к входящим в него отдельным этносам, нациям, культурам и т. п. Поэтому влияние социальной целостности всегда имело и имеет место. Это справедливо также в том смысле, что развитие человечества всегда богаче и опережает развитие отдельных его субъектов. Среднестатистический человек отставал и будет отставать от глобального человечества. Он объективно не способен в полной мере усваивать наследие прошлого, имея в виду накопленную сумму знаний, опыта, исторические традиции, нравственно-этнические ценности и т. д. Сегодня человек находится под воздействием постоянно обновляющейся информации, с трудом используя лишь маленькую ее часть и в этом смысле проявляя избирательные связи с окружающей его действительностью. Это же в принципе можно утверждать и об отдельных странах, народах, националь-

но-этнических образованиях, культурах. Все они, несмотря на свою самооценку и богатство собственного содержания, несомненно, беднее целостности всемирного культурно-исторического опыта и всегда будут испытывать его воздействие, потребность в дополнении и обогащении им. Данное обстоятельство выступает одной из объективных предпосылок глобализации современного общества.

Особая проблема – это не только объективный, но и *субъективный* характер глобализации, ее порой внешне традиционные, но по сути совершенно новые движущие силы и структуры. Мощным и весьма противоречивым субъектом этого процесса являются *ТНК*. Внешне они почтенного возраста, имеют многовековую предысторию. Видимо, транснациональным учреждением, созданным в 1119 г., был Орден тамплиеров, который специализировался на банковских транзакциях. Первой транснациональной компанией является основанная в 1600 г. Британская Ост-Индская компания. Голландская Ост-Индская компания, созданная двумя годами позднее, была первой акционерной компанией и самой крупной из ранних международных компаний. Кроме того, она, вероятно, была первой в мире финансово-политической мегакорпорацией, обладая квази-государственными полномочиями, в том числе возможностью вести войну, участвовать в политических спорах, чеканить монету, а также создавать колонии.

Современные ТНК не только во многом унаследовали стиль деятельности своих предтеч, но и кардинально изменили масштабы и способы, прежде всего организационно-технологическую и информационно-коммуникативную базу своей деятельности. «Новейшие телекоммуникационные информационные технологии, – пишет эксперт МГИМО, профессор Ю. В. Шишков, – создали наднациональные мосты, благодаря которым информация легко преодолевает на своем пути физические преграды и государственные границы. Беспрецедентно облегчается организация международного инвестирования капиталов, кооперирования производства и маркетинга на фирменном уровне, как и взаимоприспособление макроэкономической политики разных государств на уровне правительств и центральных банков... Благодаря информационной революции формируется, в сущности, новая мировая экономика, где... конкуренция национальных технико-экономических потенциалов резко обостряется. Вместе с тем в условиях информационного интегрирования мира складываются предпосылки для глобализации таких процессов, которые до сих пор оставались локальными по самой своей природе...

На почве углубляющегося международного разделения труда и революции в сфере телекоммуникаций в последние десятилетия произошел скачок в развитии ТНК. Уже к 1970 году в 14 ведущих странах мира насчитывалось 7,3 тыс. ТНК, имевших 27,3 тыс. зарубежных филиалов, а их оборот оценивался в 626 млрд долл. Особенно стремительно вывоз прямых зарубежных инвестиций наметился в последние десятилетия. С середины 1980-х годов они

буквально хлынули на мировую арену, многократно превосходя вложения в основные фонды. Это как раз тот период, когда стала развиваться всемирная компьютерная сеть. Вряд ли такое совпадение во времени, – подчеркивает Шишков, – было случайным» [6, с. 152].

В целом ТНК обеспечивают около 50 % мирового промышленного производства. Они играют очень весомую роль в мировых научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработках (НИОКР). На долю ТНК приходится более 80 % зарегистрированных патентов и около 80 % финансирования НИОКР. Им принадлежит более 70 % мировой торговли, причем 40 % этой торговли происходит внутри ТНК, то есть не по рыночным, а по так называемым трансфертным ценам, которые формируются не под давлением рынка, а согласно долгосрочной политике материнской корпорации. Очень большие ТНК имеют бюджет, превышающий бюджет некоторых стран. Из 100 наибольших экономик в мире 52 – транснациональные корпорации, остальные – государства. ТНК оказывают большое влияние в регионах, так как имеют обширные финансовые средства, связи с общественностью, политическое лобби.

По сути планетарный размах деятельности таких корпораций привел к появлению *глобальных* сетевых структур и методов их деятельности. К их основным характеристикам относятся: 1) отказ от рутинных средств коммуникации; 2) выстраивание горизонтальных связей, замена односторонней зависимости взаимозависимостью; 3) замещение административных указов (иерархия) нормами «справедливого обмена»; 4) гибкость и адаптивность; 5) формирование взаимовыгодного подхода, заменяющего формальный; 6) синергетический эффект как результат объединения возможностей отдельных элементов организации [7].

Многонациональные корпорации – это, как правило, глобальные сетевые организации, которые на основе прежних (традиционных) технологий коммуникации едва ли могли бы возникнуть в силу четырех основных препятствий: большие расстояния, замедленный темп деятельности, разные временные зоны, разнообразие культур. Современные электронные технологии коммуникации достаточно успешно позволяют нейтрализовать первые две причины. Третья проблема едва ли может быть решена лишь за счет технического прогресса, но электронные переводчики, мультимедийные сети и коммуникационные базы данных позволяют смягчить ее остроту [8].

Данное обстоятельство приносит существенные изменения в представления о глобально-коммуникативной общности организаций. Если традиционно такая общность формировалась по территориальному признаку, а работники прежде всего идентифицировали себя с конкретной организацией, имея в виду ее географическое, экономическое или политическое положение, то возникновение глобальных сетевых организаций предполагает формирование коллективов из разбросанных по всему миру людей с общими интересами, предполагая их виртуальное присутствие в структуре организации.

Иначе говоря, современные средства и формы коммуникации не только характеризуют тип технологического уклада в его традиционном социально-производственном значении, но и существенно влияют на формирование новых типов организации и особенностей ее функционирования. Анализ зависимости организационной структуры и технологий коммуникации позволяет утверждать, что в настоящее время коммуникационные технологии и организации являются однородными гомогенными образованиями, во многом определяя существование и развитие друг друга. «Разработка формы, в которой существует информационная технология, – отмечают Х. Лукас и Дж. Бароди, – и формы существования организации в значительной степени являются сходной задачей» [9, р. 9].

Наряду с ТНК все более заметную роль в процессе глобализации, обеспечении ее целостности играет так называемый *новый регионализм*. Этот феномен обусловлен тем, что наиболее приемлемый характер развития той или иной системы основывается на комплементарном взаимодействии входящих в систему элементов. В случае с глобальными социальными системами это означает, что входящие в них отдельные страны, культуры, этносы строят свои взаимосвязи на согласованном сближении позиций, обмене опытом, традициями и т. п.

Современная социальная наука констатирует существование объективно-го закона, который получил название закона *региональной общности*. Этот закон указывает на то, что у наций, живущих в какой-либо части мира, имеются общие интересы, связанные с поддержанием добрососедских отношений, экономической кооперации, отношений с третьими странами, решением глобальных проблем. Пространственная близость в условиях современного мира стоит перед дилеммой: либо соседи будут устанавливать отношения сотрудничества, либо их ожидает состояние конфронтации в условиях все более высокого давления со стороны экономических, национальных и глобальных проблем. Географическая близость, сходство региональных проблем сами по себе являются фактором стремления к сотрудничеству и интеграции.

В то же время данный подход не предполагает игнорирование специфических особенностей государств-соседей. Региональная близость обязывает формировать долгосрочную стратегию существования, которая не может свестись к абсолютной автономии и изоляции. Это тем более невозможно в условиях резкого обострения современных глобальных проблем, которые имеют наднациональный, надгосударственный и надрегиональный характер. Поиск совместных путей решения обозначенных проблем представляет собой устойчивый фактор координации и сближения программ жизнедеятельности государств и народов не только в конкретно региональном, но и в общемировом плане. Данный процесс стал объектом такого инновационного направления постдисциплинарного знания, как *регионализм*, – исследования закономерностей взаимодействия новых регионов не только в пределах государств, но и *асимметрично* к их государственно-административным границам [10].

Современная глобалистика свидетельствует, что наиболее трудно координируем региональный уровень отношений. Национально-государственный уровень, естественно, легче организуем, но этого явно недостаточно. Что касается общемирового уровня, то успех здесь видится в посредничестве региональных взаимосвязей, которые в силу этого приобретают ключевое значение.

Регионализация по-новому поставила вопрос о месте и роли уже традиционного субъекта международных отношений – *нации-государства*. Именно здесь сосредоточен национальный, культурный, этнический, конфессиональный, наконец, социально-экономический интерес каждого конкретного народа и человека.

По вопросу о роли и судьбе национального государства в условиях глобализации, а более конкретно – информационно-коммуникационной революции высказываются самые разные мнения: от его абсолютизации до полной нивелировки его функций и возможностей. В обыденном сознании национальное государство предстает как универсальная форма организации общества, призванная создать все необходимые условия для жизни людей, защиты их прав, достоинств, деятельности. Еще совсем недавно государства представлялись как исключительные субъекты международных отношений и посредники в поиске и обеспечении сотрудничества для различных внутригосударственных субъектов. В условиях глобализации ситуация резко меняется. Ее сутью становится во многом неподвластный государству процесс информационных, финансово-коммерческих, культурных и иных коммуникаций, которые лежат в основе формирования новых надгосударственных общностей.

Становление и развитие новых транснациональных надгосударственных общностей, пишет В. В. Соколов, «создает угрозу для одной из фундаментальных ценностей цивилизации – гражданского равенства, поскольку люди, вошедшие в мощные и организованные объединения, получают преимущества перед людьми, не включенными в такие объединения или принадлежащими к относительно слабым общностям. Поэтому представительство и защита интересов людей, не входящих в такие объединения, становится одной из важнейших функций государства... Отказ государства от исполнения этих функций вызовет выпадение огромных масс населения как из мирохозяйственной системы, так и из гражданских политических отношений» [11, с. 14]. Эту же мысль продолжает Н. А. Симония, подчеркивая, что «национальное государство должно отстаивать интересы своей страны и регулировать ситуацию не против глобализации, а за... более бесконфликтную интеграцию данного национального государства в эти глобальные процессы. Вот почему роль национального государства даже возрастает, чтобы плавно интегрировать свое сообщество в мировое» [12, с. 40]. В этом смысле оно (государство) и призвано выступать гарантом сохранения национальных, этнических, культурных, языковых и иных ценностей, а глобализация в таком случае не должна означать размывание всех национальных рамок и культурной специфики.

Государства и общества, как известно, состоят из конкретных людей, выступающих носителями определенной культуры, традиций, мировоззрения, сознания и самосознания. Сознание человека является концентрированным выражением социально-практических и духовно-культурных ценностей определенной национально-территориальной среды обитания, выступает индикатором ее жизнеспособности и продолжателем в будущем. Конкретно-историческая зрелость национально-культурного самосознания индивида определяется степенью естественности и подлинности связанного с ним социально-природного пространства.

Риски глобализации, особенно в ее глобально-информационном, постиндустриальном измерении, состоят в том, что человек постепенно утрачивает каналы непосредственной связи с естественным природным и социально-культурным пространством, которое медленно растворяется в супертехнологическом развитии современного общества, унифицируется под воздействием новых стандартов массовой культуры и стилей жизни. Это пространство приобретает черты непредсказуемой искусственности, оно конструируется и символизируется, обуславливая соответствующие состояния сознания отдельных людей и общества в целом. Такая ситуация влияет на духовно-интеллектуальную и культурную стабильность человека и общества, чревата утратой основ национально-культурной идентичности, своеобразия своего существования как следствия «непрочности» знания, временности и неустойчивости наших внутренних образов растворяющейся в глобализации первоначальной (природной) естественности. Поэтому важнейшая задача современных образовательных и воспитательных институтов государства и гражданского общества заключается в том, чтобы формировать у человека устойчивые мировоззренческие структуры, отличающиеся относительной инвариантностью и выступающие нормативными и культурно-ценностными критериями отбора и освоения информации.

Как видим, сохранение и обновление субъектности государства в условиях глобализации неотделимо от формирования во взаимодействии с ним *гражданского общества*, и, если быть точным, совокупности гражданских обществ в более или менее развитых странах мира. Во многом этот феномен обусловлен претензией некоторых из них на гегемонию и преимущества в перераспределении мирового ВВП в свою пользу. Действительно, глобализация предоставляет неравные условия для ее участников. Мир не интегрируется с учетом интересов всех стран, его деловая активность контролируется ограниченным числом наиболее развитых государств. В связи с этим высказаны опасения участников так называемого Форума тысячелетия, собравшего в мае 2000 г. в Нью-Йорке представителей свыше тысячи неправительственных и иных гражданских организаций из более чем ста стран мира. Эти опасения указывают на то, что глобализация нуждается в эффективном демократическом общественном контроле. Блага глобализации распределяются неравно-

мерно, мировой рынок не действует по правилам, основанным на общих для всех социальных задачах. Поэтому главный вызов времени состоит в том, чтобы координировать процессы глобализации в интересах всего человечества.

Одобренная Форумом программа действий достаточно конкретна и лишена какой-либо специфической социальной или идеологической окраски. Она не призывает к борьбе против глобализации, но определяет направление совместных усилий по координации процессов глобализации в интересах людей. Предусмотренные программой меры, как считают ее авторы, должны проводиться в жизнь Организацией Объединенных Наций, правительствами, гражданскими обществами на основе сотрудничества.

В документах Форума четко просматривается различие глобализации «сверху», проводимой в интересах богатых и воспринимаемой большинством людей как установление экономического, политического и культурного господства более сильных над более слабыми, и глобализации «снизу», выражающейся в беспрецедентных контактах, связях, обменах, взаимодействии между индивидами, организациями, странами, в кристаллизации нового общественного сознания на основе ценностей мира, демократии, социальной справедливости [13, с. 53–54].

В контексте решений Форума тысячелетия следует особо подчеркнуть бесперспективность политики однополюсного сосредоточения власти и финансово-экономических ресурсов у незначительной части стран и организаций мира, провоцирующей поглощение «глобализации достатка» глобализацией бедности, болезней и эпидемий, истощения природных ресурсов и экологических катастроф, экономической и политической нестабильности. Важно сегодня найти приемлемый баланс встречных потоков «верхних» и «нижних» уровней глобализации.

Наконец, структура глобализации имеет и более глубокое и «сквозное» измерение планетарного *конфликта или диалога цивилизаций и культур*. Противостояние цивилизаций было отражено в нашумевшей статье С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?», появившейся в 1993 г. Хантингтон полагал, что основной конфликт эпохи можно свести к противостоянию современности и традиционности, столкновению важнейших культур-цивилизаций, к которым относятся западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, православно-славянская, латиноамериканская и африканская цивилизации. (Столкновения цивилизаций происходят по линиям культурных разломов, то есть по линиям пространственных границ метакультурных областей.) Различия между культурами-цивилизациями будут сохраняться еще долго, так как межкультурные различия более фундаментальны, нежели различия политические или экономические [14].

Но сейчас можно говорить, скорее, не о противостоянии цивилизаций, а о противостоянии локальных, национально-государственных и глобальных культур, прежде всего на уровне социально-политических процессов. Своего рода изо-

лированность локальных культур, оторванность от производства новых технологий сделали их всего лишь потребителями предлагаемых ноу-хау, не давая возможности проявления себя и своей культуры в общем процессе глобализации. Все это, как известно, приводит к различным актам противостояния глобализации, в том числе и к социально-политическому движению антиглобализма.

В социально-практическом отношении процессы противодействия глобализации обретают конкретные формы политических, экономических и духовно-культурных мероприятий. Но каковы бы ни были эти мероприятия, достойное и эффективное противостояние глобализации может реализовываться только путем проявления следующих двух групп активности: во-первых, генерирования материальных и духовных инноваций (не исключая при этом значения существующих ценностей) и, во-вторых, создания технологий их экстраполяции за пределы сфер локально-государственного и даже регионального значения. Однако предрасположенность различных субъектов к такой деятельности не дана автоматически. Например, известный американский социолог Н. Дж. Смелзер в главе «Культура» учебника по социологии отмечает: «Все человеческие общества сделали свой выбор культурных форм... В одних обществах к технологиям относятся с пренебрежением, в иных высокие достижения в этой области» [15, с. 119].

Не случайно в состязательном технологическом развитии государств предпочтение отдается разработкам новых средств коммуникаций и техникам владения ими. Речь идет не только о возможностях приобщения к другим культурам и ценностям, но и об экстраполяции собственного опыта, создающей предпосылки творчества и достойной конкуренции в соответствующих областях деятельности.

Превосходство ряда современных государств неотделимо от их преимуществ в инновационно-технологической и информационно-коммуникативной сферах. Именно по этим показателям они демонстрируют сегодня дух глобализационной экспансии, что связывается с восприятием глобализации как экспансии ценностей отдельных государств. Последнее обстоятельство также можно отнести к числу отрицательно воспринимаемых черт глобализации. Но противопоставить что-либо данной тенденции можно лишь в контексте осознания того, что глобализация – это своего рода конкуренция и состязательность, наводящие на мысль о качестве товаров, услуг, демонстрирующих свои преимущества в глобализирующемся универсуме аналогичных явлений. Только таким образом можно сохранить самобытность и оригинальность материальной и духовной культуры.

И это не самый трудный способ противостоять процессам глобализации и влиять на них. Трудности более серьезного характера связаны с неподвластностью обычным нормам социального регулирования чувственно-бессознательной сферы человека, расположенной к оценке различных феноменов по особым критериям психологического восприятия. В ряду наиболее серьезных

факторов глобализации можно назвать массовую культуру, универсализирующую современный социум, особенно молодежную его среду, по принципам приверженности моде, популярности, дестандартизации поведения, способам самовыражения и т. п. Все это в конце концов приводит к унификации (деперсонализации) сознания, мышления и поведения человека, что не может не вызывать отрицательной реакции со стороны образовательных и воспитательных институтов современного общества.

В заключение отметим, что глобализация – это все же объективный процесс, с которым приходится считаться, но который тем не менее не может находиться вне наших оценок и влияния. Контроль за этим процессом должен осуществляться как со стороны национальных государств и их совместных действий, так и со стороны широкой международной общественности. Важно при этом понимать, что поиски отдельными людьми, их сообществами своего места в мире и, стало быть, своей идентичности продуктивны лишь тогда, когда они направлены не на жесткое противостояние миру и не на самовывпадение из мира, а на отыскание своего места в пространстве коммуникаций между индивидами, народами, созидательными традициями, культурами.

Список использованных источников

1. Гидденс, Э. Последствия модернити / Э. Гидденс // Новая индустриальная волна на Западе : антология / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999. – С. 101–122.
2. Waters, M. Globalization / M. Waters. – London : Routledge, 1995. – 125 p.
3. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson. – London : Sage, 1992. – 340 p.
4. Гёте, И. В. Собрание сочинений : в 10 т. / И. В. Гёте. – М. : Худож. лит., 1976. – Т. 2. – 510 с.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Шишков, Ю. В. Глобализация экономики – продукт индустриализации и информатизации социума / Ю. В. Шишков // Обществ. науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 146–160.
7. Porat, M. The Information Economy: Development and Measurement / M. Porat, M. Rubin. – Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1977. – 265 p.
8. Monge, P. R. Global network organizations / P. R. Monge // Organization means communication / eds.: R. Cesaria, P. S. Shockley-Zalabak. – Rome : SIPI, 1995. – P. 135–151.
9. Lucas, H. C. The Role of Information Technology in Organization Design / H. C. Lucas, J. Baroudi // J. of Management Information Systems. – 1994. – Vol. 10, N 4. – P. 9–24.
10. «Новый регионализм» и белорусско-российское приграничье / С. В. Востриков [и др.]. – Смоленск : СмолГУ, 2013. – 435 с.
11. Соколов, В. В. Контуры будущего мира: нации, регионы, транснациональные общности / В. В. Соколов // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 3. – С. 3–15.
12. Симония, Н. А. Глобализация и неравномерность мирового развития / Н. А. Симония // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 3. – С. 35–44.
13. Вебер, А. Что стоит за так называемым антиглобализмом? / А. Вебер // Мировая экономика и междунар. отношения. – 2001. – № 12. – С. 50–56.
14. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.
15. Смелзер, Н. Дж. Социология. Гл. 2 : Культура / Н. Дж. Смелзер // Социол. исслед. – 1990. – № 12. – С. 116–137.

Л. Г. Титаренко

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

ГЛОБАЛЬНЫЕ РИСКИ И ЦЕННОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ

В статье рассматриваются глобальные экологические и социальные риски современности во фрейме западных и российских теорий «общества риска». Показано, что российская теория риска О. Н. Яницкого релевантна и для Беларуси, так как оба общества находятся на сходной ступени модернизации. Недооценка вызовов глобальных рисков представляет угрозу не только процессу модернизации в этих странах, но и принятия населением базовых ценностей модернизации, без усвоения которых невозможен переход на более высокий уровень развития общества и повышения качества жизни.

Ключевые слова: модернизация, ценности, глобальные риски, общество риска, Россия, Беларусь.

L. G. Titarenko

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

GLOBAL RISKS AND MODERNIZATION VALUES: RUSSIA AND BELARUS

The author analyses global and social modern risks within the frame of western and Russian theories of "risk society". It is argued that Russian theory of risk society by Oleg Yanicki is relevant to Belarus because both countries reached the same level of modernization. Underestimation of challenges of global risks is a threat not only to the process of modernization in these countries, but also to the adoption of basic modernization values by the population. The latter makes impossible the transition to a higher level of societal development and improvement of quality of life.

Keywords: modernization, values, global risks, risk society, Russia, Belarus.

Постоянно растущие новые социальные и экологические риски и вызовы в современную эпоху являются глобальными, однако их концептуализация начиналась в западноевропейских странах во второй половине XX века. Позднее проблему рисков стали изучать и в других странах мира. Особенность современного этапа науки состоит в том, что сегодня концепции глобальных рисков разрабатываются во фрейме диалога ученых, в котором участвуют представители как западных, так и постсоветских стран, причем обе стороны критично оценивают нынешнюю ситуацию, признавая необходимость в радикальных практических стратегиях на национальном и глобальном уровнях. Постсоветские авторы, вступая в этот диалог, существенно дополняют концепции западных авторов, внося свое понимание в проблему сочетания на-

циональной специфики с общецивилизационными проблемами. Покажем плодотворность такого диалога разных культур на примере концепции общества риска У. Бека, с одной стороны, и сходной концепции рисков, разработанной российским социологом О. Н. Яницким, – с другой.

Современная наука предоставляет большие возможности взаимного обмена передовым опытом и критическими идеями. Происходит постоянное взаимопроникновение идей и концепций, а также взаимная адаптация неких «универсальных» идей к национальным социально-историческим контекстам с целью сохранения национальных традиций при одновременном «встраивании» в контексты глобального развития. Для постсоветского пространства эти процессы особенно важны, ибо они позволяют переосмыслить подходы, уже получившие апробацию в других странах.

Поскольку для постсоветских стран актуальным является завершение процессов модернизации, которая протекает в сложных условиях глобальных кризисов, обращение к зарубежному опыту более развитых в экономическом отношении стран вполне закономерно. Переосмысление этого опыта позволяет нашим ученым включаться в социокультурный научный диалог на мировом уровне, используя теоретические наработки Запада и творчески применяя их к анализу и пониманию процессов в своих странах. Участие России, Украины, Беларуси в Европейских исследованиях ценностей (EVS) позволило рассматривать происходящие здесь ценностно-нормативные сдвиги в контексте других стран Европы, что, несомненно, дало прирост теоретического знания о постсоветских странах и зарубежным и отечественным социологам.

В спорах конца 1990-х – начала 2000-х годов между сторонниками особой национальной российской социологии, базирующейся на якобы особом российском менталитете, и сторонниками включенности социологии любой страны в глобальные научные процессы более убедительную аргументацию приводили «глобалисты». Они исходили из тезиса, что «становление национальной российской теории предполагает преемственность мировой социологии» [1, с. 100]. По мнению В. А. Ядова, следование в русле мировых теорий также вполне оправданно: хотя социология развивается в национальной форме, по содержанию она должна подниматься на уровень более общих объяснительных схем и подходов. Ядов приводил пример актуальных для России теорий трансформации общества. Адаптация теоретических концепций трансформации к российской почве, учет историко-культурных особенностей страны, находящейся на длительном этапе постсоветской трансформации, – с этим невозможно спорить, считает ученый. Однако, уточняет В. А. Ядов, речь идет именно о национальной специфике глобальных миросистемных изменений. Следовательно, российская социология может создавать лишь «суб-теории российской трансформации», опирающиеся на общую теорию (*grand theory*) [2, с. 128].

Независимо от степени, в какой российские авторы готовы заимствовать западные идеи и аргументы, результат этого заимствования не являет-

ся культурной апроприацией – это вполне самостоятельное теоретизирование в форме явного или латентного научного диалога, в котором общность идей и концептов лишь подтверждает их значимость и научную ценность. Будучи эмпирически тесно связаны с национальными реалиями, российские концепции часто воспринимаются аудиторией как сугубо российские и служат фундаментом для новых традиций в российских социологических исследованиях. Именно так можно расценивать и концепцию общества риска, созданную О. Н. Яницким [3], – первую российскую теорию риска. Эта теория опирается главным образом на концепцию общества риска, разработанную У. Беком [4] совместно с Э. Гидденсом [5]. Книга Бека «Общество риска. На пути к другому модерну», вышедшая в свет после аварии на Чернобыльской АЭС, сразу стала бестселлером и вызвала в России и Беларуси большой резонанс. Ключевым аспектом концепции является тезис, что современное общество, которое в других теориях называют информационным, постиндустриальным, модерном и постмодерном и т. д., является одновременно и обществом риска. О. Н. Яницкий видел свою задачу «во вторичном анализе и обобщении отечественного материала в изложенном (т. е. зарубежном) концептуальном контексте, критически осмысливая его с помощью встречного потока теоретических обобщений» [6, с. 19]. Российские социологи высоко оценили работу исследователя в области социологии риска [7]. Позднее появились другие российские теории риска, методологически связанные с западной парадигмой риска [8].

О. Н. Яницкий три года работал в международном исследовательском проекте по изучению экологических движений России под руководством французских социологов А. Турена и М. Вивьерка (1991–1994 гг.), что дало ему возможность тщательно изучить как зарубежный опыт, так и российские практики, прежде чем он обобщил свои наработки в собственной концепции социологии риска, а затем в экологической социологии и социологии социальных движений.

Социология риска О. Н. Яницкого базируется на российском эмпирическом материале, учитывает и осмысливает в понятиях парадигмы риска российские реалии постсоветского периода, чем, прежде всего, и отличается от западных трактовок общества риска. «Рискология» Яницкого неразрывно связана с его концепциями экологической социологии и социальных движений, поэтому ее можно рассматривать как пример творческой реконцептуализации западной парадигмы общества риска, в результате которой была создана парадигма не отдельной сферы социальной жизни, а новая картина современной российской реальности, рассмотренная в теоретическом фрейме рисков, экологии и массовых социальных движений. Более того, социология риска Яницкого связана с переосмыслением процесса российской модернизации, для эффективного осуществления которой российские ученые (Н. И. Лапин, Л. И. Беляева и др.) обращались к зарубежным теориям модернизации с целью использования их опыта.

Предложенная Яницким социология риска вмещает в себя множество аспектов рассмотрения современных рисков, причем автор трактует их не как технические риски, вероятность которых можно рассчитывать и прогнозировать, а как социокультурное явление, как реально существующий факт или потенциальную угрозу. Это означает, что созданная Яницким социология риска следует не только подходу, представленному Беком и Гидденсом, но и культурно-символическому подходу, развитому М. Дуглас и ее коллегами. На основе анализа этих подходов Яницкий выделил «две линии рискологических исследований – умеренную и радикальную. Сторонники умеренной полагают, что риск есть объективно существующая опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными стереотипами и процессами. Представители радикальной утверждают, что риск как таковой не существует. Есть лишь восприятие риска, которое всегда будет продуктом исторически, политически и социально обусловленного взгляда на мир» [6, с. 4]. Сам автор склоняется к радикальной позиции. Согласно избранной им методологической установке риск – это не побочный продукт человеческой деятельности и не результат «ошибки»: он регулярно и даже легитимно производится обществом или его отдельными группами. Человеческое общество по мере своего развития и все большей ориентации на массовое производство материальных благ сделало свою культуру двойственной – не только созидательной, но и агрессивной, продуцирующей разрушения общества и природной среды. Таким образом, культура в современном обществе не обязательно гуманистична: она может быть как созидающей, так и разрушающей.

Очевидно, что трактовка предмета исследования парадигмы риска, данная Яницким, расширяет традиционное проблемное поле социологии, так как включает в сферу социологического анализа всю совокупность производимых благ и бедствий, действий и их последствий, решений и их результатов – как предсказуемых, так и непредвиденных, непредсказуемых.

Новое (рискогенное) качество современного общества состоит в том, что теперь любое производство становится и производством рисков, которые имманентно присущи этому процессу. На этом основании Яницкий и называет современное общество «обществом риска» [6, с. 7]. Исследователь подробно рассматривает «новую экологическую парадигму», которая еще в 1980-е годы позволила ученым понять, что риски более не отделены от общества никакими барьерами: больше не существуют отдельно природа и общество, они соединились в единый сложный феномен. То, что раньше представлялось внешним фактором воздействия (природа), сегодня соединилось с обществом. Поэтому природные риски из внешних факторов превратились во внутренний, социоприродный фактор [5].

Российский социолог принимает и использует теоретический вывод У. Бека о том, что природа более не является *Другим* для человеческого общества: природа и общество едины. Отсюда с неизбежностью вытекает, что

человечество поставлено лицом ко всем рискам, которые связаны с разрушением природы, что сами эти риски стали социальными. Данный тезис, по мнению Яницкого, имеет огромное методологическое значение для исследования современного российского общества.

В изложении ученого все социальные структуры и процессы понимаются как вероятностные. Это значит, что больше нельзя рассуждать о следовании общества «по пути прогресса» – прогресс в одном оборачивается регрессом общества в другом. Абсолютного блага тоже больше нет – всегда есть цена достижения конкретного блага. Вероятностный подход означает, что возникающие в обществе проблемы не могут быть решены окончательно: любое их решение, даже хорошо просчитанное, может порождать новые риски и угрозы. Поэтому никакой социальный порядок, никакая модель общественного устройства не могут трактоваться как абсолютно устойчивые и тем более как идеальные [1, с. 181]. Вслед за Н. Луманом российский автор постулирует так называемую «вторичную нормальность» рисков: это не несчастья, которых можно избежать, а неизбежное следствие вполне «нормальной» жизни, «нормального» функционирования общественных институтов. Поэтому необходимо осознать, что эпоха стабильности и устойчивости общества безвозвратно ушла в прошлое. Современное общество не позволяет рассчитать или предсказать все возможные риски, которые неизбежно будут случаться в нем. Риск – это современная универсальная и не решаемая проблема. Именно поэтому все попытки рационально действовать в обществе риска обречены на неудачу: само понятие рациональности действия утратило свое былое значение [9, р. IX].

Используя работы зарубежных специалистов по обществу риска как теоретическую основу анализа российских реалий в категориях общества риска, О. Н. Яницкий показывает, что и здесь риск выступает не как побочный, а как регулярно и легитимно производимый общественный продукт. По его мнению, больше нельзя представить состояния российского общества, когда риски будут в нем отсутствовать. Риск стал неотъемлемой характеристикой жизни общества в целом и всех его групп населения независимо от того, продуцируют ли они сами риски или становятся «риск-жертвами». Вместе с тем производство рисков всегда выгодно тем или иным социальным акторам, поскольку в условиях рисков быстро формируются новые социальные размежевания и политические субъекты, которые осуществляют пересмотр существующего положения, стремясь к упрочению своего положения и навязывая свое понимание о «пределах безопасности» в условиях рисков. Как считает Яницкий, Россия стала ярким примером современного «общества риска»: последние пронизывают все социальные, экономические, политические стороны жизнедеятельности, проявляются в повседневной жизни, в действиях правящих элит и простых людей. От риска никто не застрахован, поэтому доминирующими ценностями большинства людей стало выживание, безопасность и сохранение того, что уже имеется. Для сплочения такого общества

необходим общий враг, поэтому в обществе появилась «осуждающая модель опасности» [3, с. 28]. Данный фактор уже не может, по мнению Яницкого, дать людям реальную безопасность, так как люди, не привыкшие к постоянной рефлексии по поводу себя и постоянно меняющейся ситуации в обществе, не могут быстро выработать критическое мышление и понять новую природу рисков. В конечном счете они не могут изменить себя, чтобы более адекватно осознать риски в ответ на новые «вызовы общества». Поэтому традиционно в российском массовом сознании риски воспринимаются как трагедия, несчастье, беда [3, с. 29].

Рассуждая о массовых действиях в постсоветской России, автор вводит два понятия: *энергия социальной мобилизации*, направленная на сохранение ценностно-нормативной структуры общества и сплочение людей в решении творческих задач, и *энергия социального распада*, выплескивающаяся в межэтнических конфликтах, локальных войнах, террористических актах, убийствах и т. п. Последняя приводит к производству все новых групп риска (беженцев, мигрантов, безработных, жертв террора) и в конечном счете к социальной деструкции и разрушению. Эмиссия энергии социального распада продуцирует снижение уровня организованности всего социума, вплоть до превращения социальных акторов в «отходы», способствует рассеиванию «полезных ресурсов» общества в среде [3, с. 33]. Те акторы, которые производят риски в российском обществе в силу наличия у них власти и экономических ресурсов, навязывают свои «правила игры» всему обществу, создают и поддерживают в нем такой социальный порядок, который способствует их дальнейшему обогащению, а остальных ведут к обнищанию, переходу на позиции жертвы. Они создают новые риски (кризисы, дефолты, приватизация), если это служит источником их обогащения, тем самым окончательно разрушая привычный социальный порядок и различия между социальной нормой и социальной патологией. Постепенно общество, страны разделяются на небольшую группу производителей рисков, находящихся на вершине власти, и массы невольных потребителей риска, испытывающих на себе их негативное воздействие. В случае критической ситуации эти массы жертв рисков могут стать разрушительной силой, готовой бороться за свой утерянный социальный статус, сопротивляясь власти преобладающим из последних сил.

В такой ситуации могут формироваться риск-солидарности. Автор классифицирует их, выделяя, с одной стороны, солидарность производителей рисков, готовых агрессивно защищать свою власть всеми способами, и солидарность жертв риска, которые готовы бороться за возвращение социального порядка, отстаивают социальную справедливость в обществе, другие коллективные интересы и ничего не требуют за это для себя лично. Эти «жертвы рисков» способны мобилизовать человеческие ресурсы, пользуясь лишь легитимными средствами. В противостоянии производителей рисков и их жертв большую роль, по мнению О. Н. Яницкого, играет среда обитания человека,

которая включает в себя природные объекты и акторов. Эта среда может сама продуцировать новые «вызовы» обществу, а может помогать в их преодолении до тех пор, пока сохраняется ее «несущая способность», или прочность. Исследователь утверждает, что до начала постсоветской трансформации эта несущая способность российского общества была высокой, но к настоящему времени она значительно истощилась и перестала защищать людей от рисков. Истошенная среда сама стала продуцировать новые риски, формировать новые формы риск-солидарностей в теневых и криминальных структурах. По этой причине нынешнее российское общество обладает значительным контрмодернизационным потенциалом, препятствует проведению любых реформ, негативно влияет на качество человеческих ресурсов общества, продуцируя новые слои более низкого качества и постепенно разделяя все общество на легальное и теневое, создавая «теневой порядок», конкурирующий с властью легального правительства [3, с. 43].

Критике Яницкого подвергаются как экономические структуры, способствующие деградации страны, так и ее политические акторы, ставящие во главу угла личные и групповые интересы. Риск становится в этом обществе всеобъемлющей характеристикой, переходящей и на глобальный уровень. В теоретическом плане возникновение общества риска сопровождается пересмотром нормативного социального идеала, ведет к отказу от прогрессизма, что также снижает человеческий капитал и мобилизационный потенциал общества.

Созданная автором в его монографии мрачная картина российского общества всеобщего риска получила детализацию, эмпирическую верификацию в ряде последующих публикаций – о российских пожарах, социальных движениях, экологических катастрофах, войнах за ресурсы в XXI веке и т. п. [10, 11].

Когда в конце первого десятилетия XXI в. власти России выдвинули на первый план задачу модернизации, О. Н. Яницкий подверг глубокому анализу возможности ее реализации, используя парадигму «общества всеобщего риска» в качестве теоретико-методологической основы анализа. Он исходил из того, что условий для модернизации по западным образцам в России нет: Россия только начинает переход от индустриальной стадии к информационной. Напротив, на Западе «вторая модернизация» в основном завершилась уже в 1990-е годы, а в 2000-е годы развернулись публичные дискуссии о том, как максимально приспособить новейшие технологии для нужд социальной и культурной жизни этих стран, как вовлечь в этот процесс все население. Иначе говоря, модернизационные изменения обсуждались и регулировались на основе диалога и консенсуса власти и общественности. Движущей силой «второй модернизации» были социальные движения гражданского общества: они несли обновление, защищая права и свободы человека, поддерживая нематериальные ценности и окружающую среду [12].

В условиях продолжающегося затяжного кризиса теория модернизации должна учитывать социально-экономические и экологические риски, кото-

рые могут стать серьезным вызовом процессу модернизации и ее ценностям. Использование и эмпирическое тестирование методик оценки успехов модернизации, уже разработанных в зарубежных теориях и использованных в международных исследованиях, помогает понять тренды модернизационного развития на постсоветском пространстве.

Яницкий выдвинул для анализа российской ситуации гипотезу, названную им парадоксом «*риск-симметрии*» модернизации: «Коль скоро российское общество вступило на путь модернизации по западному образцу, не только его продвижение вперед, к последующей фазе, но и отход назад, то есть демодернизация, и даже просто “стояние” на этом пути чреваты интенсификацией производства рисков. Демодернизация столь же рискогенна, сколь и недостаточно отрефлексированный ее переход к следующей фазе. Это – фундаментальная закономерность развития техногенной цивилизации: чем более мир нашей жизни становится искусственным, рукотворным, тем более он нуждается в уходе, “профилактике” поддержания этой цивилизации в “рабочем состоянии”» [12].

На наш взгляд, предложенный Яницким подход к оценке возможностей и ценностей модернизации приложим не только к России, но и к Беларуси, так как понимание природы рисков, распространение в массовом сознании белорусских граждан экологических ценностей, активная защита окружающей среды, формирование экологической культуры – необходимые условия дальнейшей модернизации и белорусского общества [13].

Сущностным моментом данного подхода является утверждение, что риски, явные и скрытые, отложенные или трансформировавшиеся, – очень серьезное ограничение любых модернизационных усилий. Причин этому много:

- 1) все больше ресурсов требуется на устранение последствий рисков;
- 2) люди болеют, рано умирают, молодежь стремится убежать из рискогенных зон в другие города и страны, что снижает качество человеческого капитала населения страны или региона;
- 3) страх риска стимулирует в регионе торговлю живым товаром и рабство, то есть худшие проявления алчности криминального бизнеса;
- 4) создается атмосфера неопределенности и непредсказуемости, потому что никто не может дать точный прогноз, когда случится очередная авария, подобная тем, что были в Чернобыле или на Саяно-Шушенской ГЭС.

Заслуга российской парадигмы общества риска, разработанной О. Н. Яницким, в том, что автор, используя эвристический потенциал западной парадигмы риска, раскрыл разнообразные источники рисков в российском обществе. Ученый показал природу новых рисков как не устранимых в современном обществе ввиду его высокой сложности и отсутствия в нем интегрирующих все социальные группы интересов и ценностей, дал жесткую критику существующему положению в России и показал, какие факторы и почему подрывают модернизационный потенциал общества.

Таким образом, модернизация понимается сегодня российскими учеными (Яницким, Лапиным и др.) как «переход цивилизованного общества к новым способам создания основных средств жизнедеятельности с новыми их качествами» [14, с. 6]. Нынешняя российская модернизация связана с поиском своей собственной модели развития и желанием властей сделать страну высокоразвитой постиндустриальной державой.

Российские авторы показали, что модернизация России и других постсоветских стран по западному образцу не может быть успешной, но может породить новые риски. Сложность ситуации в том, что и отказ от модернизации уже невозможен: он сам является рискогенным. Данный российский парадокс, осмысленный в рамках парадигмы риска, привел Яницкого к необходимости сделать вывод: всякие современные риски существенно ограничивают любые модернизационные усилия, поскольку требуют огромных ресурсов и на их реализацию, и на устранение непредсказуемых негативных последствий рисков. Даже успешная модернизация, которая бы интегрировала Россию в западный мир, будет рискогенна в силу того, что она может подтолкнуть молодежь к массовому выезду в более развитые страны Запада, как это случилось в Центральной Европе [12]. Опираясь на творческое использование зарубежных концепций рисков и модернизационных ценностей, Яницкий считает необходимым разработать **социально-гуманитарную** модель модернизации России, ориентированную на развитие интеллектуального потенциала личности. По его мнению, надо широко обсуждать перспективы российской модернизации не только в России, но и за рубежом, чтобы принимать во внимание опыт других стран. Эту задачу, как считает О. Н. Яницкий, уже реализуют Н. И. Лапин, Н. Е. Покровский и другие российские ученые, которые ориентируются в своих теориях на социально-культурный аспект модернизации не меньше, чем на экономический и технологический, ищут новые субъекты модернизации и являются открытыми для критики. По мнению Н. И. Лапина, например, главным критерием современной российской модернизации является ее человеческое измерение, а ее функциями – безопасность государства и общества, устойчивое функционирование всех их структур, повышение качества жизни населения до средневропейского [15, с. 10–11]. Новизна такого подхода состоит в интерпретации разброса и культурной разнородности ценностей россиян как «толерантного симбиоза», сформированного жизненным миром российского общества в ответ на аксиологический вызов глобализации.

Как полагает Лапин, те же тренды, что проявляются в Китае, имеют место и в России: на втором этапе модернизации, переходе страны от индустриального к информационному обществу, усиливается неравномерность этого процесса, так что одни регионы страны вступают на этот этап раньше других. Возникает необходимость координации и интеграции усилий всей страны по достижению более высокой конкурентоспособности и повышению уровня жизни населения [16, с. 4]. Отсюда вытекает задача социальных наук – выявить

наборы ценностей, определяющие каждую ступень, разработать критерии их замера в эмпирическом исследовании, а затем, проводя исследования в мониторинговом режиме, отслеживать ход модернизации по регионам, сокращая разрывы в развитии этих регионов. Решение этой задачи означает практическое плодотворное продолжение диалога культур.

Список использованных источников

1. Качанов, Ю. Л. К социологии социологической теории / Ю. Л. Качанов // Социс. – 2001. – № 1. – С. 97–101.
2. Ядов, В. А. По поводу статьи А. И. Малинкина / В. А. Ядов // Социс. – 2006. – № 8. – С. 126–129.
3. Яницкий, О. Н. Социология риска / О. Н. Яницкий. – М. : LVS, 2003. – 192 с.
4. Beck, U. Risk Society. Toward a New Modernity / U. Beck. – London : SAGE, 1992. – 260 p.
5. Beck, U. Reflexive modernization. Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / U. Beck, A. Giddens, S. Lash. – Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 1994. – 226 p.
6. Яницкий, О. Н. Социология риска: ключевые идеи / О. Н. Яницкий // Мир России. – 2003. – Т. XII. – № 1. – С. 3–35.
7. Давыдов, А. А. Рецензия на книгу О. Н. Яницкого «Социология риска» / А. А. Давыдов // Социс. – 2004. – № 4. – С. 149–154.
8. Кравченко, С. А. Социология риска: полипарадигмальный подход : учеб. пособие для ВУЗов / С. А. Кравченко, С. А. Красиков. – М. : Анкил, 2004. – 385 с.
9. Luhmann, N. Risk: A Sociological Theory / N. Luhmann. – N. Y. : Walter de Gruyter, Inc., 1993. – 236 p.
10. Яницкий, О. Н. «Пасынки» социологии: природные аномалии и катастрофы / О. Н. Яницкий // Социс. – 2012. – № 1. – С. 67–76.
11. Яницкий, О. Н. Социальные движения в современном обществе: вопросы теории / О. Н. Яницкий // Социс. – 2013. – № 3. – С. 50–59.
12. Яницкий, О. Н. Социальный коридор российской модернизации [Электронный ресурс] / О. Н. Яницкий. – 2010. – Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_modern_2.html. – Дата доступа: 25.05.2015.
13. Зеленков А. И. Устойчивое развитие и социально-экологические параметры качества жизни [Электронный ресурс] / под ред. А. И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2011. – Деп. в ГУ «БелИСА» 31.05.2011 г., № Д201113.
14. Лапин, Н. И. Социальноэкономическая и социокультурная модернизация регионов России / Н. И. Лапин // Социс. – 2015. – № 1. – С. 5–10.
15. Лапин, Н. И. Проблемы формирования концепции и человеческих измерений стратегии поэтапной модернизации России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социс. – 2014. – № 7. – С. 8–19.
16. Лапин, Н. И. Изменение модернизации российских регионов и социокультурные факторы ее стратегии / Н. И. Лапин // Социс. – 2012. – № 9. – С. 4–24.

Т. А. Капитонова, В. А. Белокрылова

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

**ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ:
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПЕРСПЕКТИВА¹**

Рассмотрен философско-методологический статус исследований исторической памяти в современном социогуманитарном знании. Обосновывается важность решения задачи трансдисциплинарного синтеза для дальнейшего развития memory studies. Намечены ориентиры для выработки единого парадигмального подхода в исследованиях исторической памяти.

Ключевые слова: исследования исторической памяти, индивидуальная память, коллективная память, устная история, биографический метод, историографический метод, трансдисциплинарные исследования.

T. Kapitonova, V. Belokrylova

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

**MEMORY STUDIES IN CONTEMPORARY SOCIO-HUMANITARIAN KNOWLEDGE:
THE TRANSDISCIPLINARY PERSPECTIVE**

The philosophical and methodological status of memory studies in contemporary socio-humanitarian knowledge is determined. The importance of transdisciplinary synthesis for further memory studies progress is emphasized. The guidelines for the development of the unified memory studies paradigm are outlined.

Keywords: memory studies, individual memory, collective memory, oral history, biographical method, historiographical method, transdisciplinary research.

Проблематика исследований исторической памяти (в англоязычной интерпретации *memory studies*) занимает важное место в современном социогуманитарном знании. Термин «историческая память» выходит далеко за пределы узкого академического сообщества, формируя повестку дня широких общественных дискуссий и претендуя на статус ключевого концепта современности, названной французским историком Пьером Нора «эрой коммеморации» [1].

Изучение различных форм присутствия прошлого в настоящем прошло свой эволюционный путь от соответствующих представлений социальной

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант БРФФИ № Г15-106).

мифологии, от категорий «традиция» и «наследие» до «памяти» и сопряженных с ней «забвения» и «воспоминания» как ключевых концептов современного социогуманитарного знания. Так, немецкий культуролог Я. Ассман в своей книге «Культурная память», заявляя о рождении новой парадигмы наук о культуре, отмечает: «По всем признакам похоже, что вокруг понятия воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре; что различные явления и сферы культуры – искусство и литература, политика и общество, религия и право – могут быть рассмотрены в новой связи» [2, с. 12].

Философско-методологический инструментарий, наработанный в современной западной гуманитаристике для изучения феномена исторической памяти, представлен в трудах М. Хальвабкса, Ж. Ле Гоффа, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума, П. Рикера, Я. Ассмана, П. Нора и др. В русскоязычном пространстве систематические исследования этой проблематики проводят И. М. Савельева, А. В. Полетаев, Л. П. Репина, О. Б. Леонтьева, Н. Е. Копосов, А. И. Филюшкин.

Термин «историческая память» традиционно определяется через систему представлений, основанных на субъективно интерпретируемой и ценностно маркируемой рефлексии о ключевых для этноса, народа, нации событиях прошлого. Так, Л. П. Репина дает дефиницию исторической памяти как «набора передаваемых из поколения в поколение исторических сообщений, мифов, субъективно преломленных рефлексией о событиях прошлого» [3, с. 10]. В свою очередь А. Васильев расширяет привычную трактовку исторической памяти до «трансдисциплинарной области знания историко-культурологического характера, обладающей своим предметом, то есть позволяющей под определенным углом зрения рассмотреть всю совокупность явлений человеческой культуры, увидев их взаимосвязь с точки зрения того, как “образы-воспоминания” сохранялись, передавались, актуализировались, вытеснялись и использовались в той или иной культуре» [4].

Источники формирования исторической памяти достаточно многообразны. Это прежде всего устная традиция, в рамках которой происходит межпоколенческая трансляция культурно-исторических представлений. Кроме того, в формировании исторической памяти активно задействован широкий круг нарративных источников, в числе которых учебники истории, мемуары, историография, а также художественная литература. В современном информационном обществе значительную роль в вопросах формирования исторической памяти играют также масс-медиа и сетевой контент.

Если роль источников формирования исторической памяти связана с задачами фиксирования и преобразования исторической информации в образы (литература, искусство) или рационально-логические структуры (наука), то механизмы формирования исторической памяти отвечают за трансляцию имеющихся в обществе исторических знаний и представлений. К подобным механизмам относятся: школьная и вузовская система преподавания истории,

средства массовой информации, коммеморации (места памяти, мемориалы, монументы, публичные празднования и т. п.), архивы, музеи и др. Стоит отметить, что ключевым механизмом формирования исторической памяти выступает система нарративов, циркулирующая в обществе, так как все прочие указанные механизмы могут функционировать в качестве таковых лишь в обозначенных системой рамках.

Проблема трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти. Наличные формы институционализации *memory studies*, трактуя историчность как неотъемлемую антропологическую универсалию, неуклонно расширяют сферу затрагиваемой проблематики: от исследований нации и национальной идентичности до изучения различных социальных общностей и организаций. Подобный широкий охват проблемного поля исторической памяти не только свидетельствует о возникновении новой трансдисциплинарной области исследований современного социогуманитарного знания, но и ставит нас перед необходимостью решения возникающих в этой связи теоретико-методологических проблем.

Так, исследования исторической памяти представляют собой, как правило, множество узкоспециализированных работ, посвященных отдельным аспектам и темам *memory studies*, авторы которых используют различные методологические подходы, работая зачастую в разных дисциплинарных сферах знаниях. Для подобного множества раздробленных, разобщенных, плохо скоординированных исследований серьезным вызовом, определяющим перспективы дальнейшего развития данного научного направления, является выработка единого парадигмального подхода, общего методологического инструментария и концептуально-теоретической базы. При этом использование междисциплинарного подхода, предполагающего работу в пределах конкретной, в нашем случае исторической, дисциплины с инкорпорацией достижений смежных областей знаний, здесь не представляется достаточно эффективным решением. По этой причине для исследований исторической памяти, проблематика которой не может быть в полной мере артикулирована в границах любой из взаимодействующих конвенционально установленных академических дисциплин, актуальной на сегодняшний день является задача трансдисциплинарного синтеза, позволяющего выйти на принципиально новый, более целостный, интегративный уровень решения проблемы, не достижимый в рамках конкретных дисциплин.

Как отмечает в этой связи один из авторов Хартии трансдисциплинарности Б. Николеску, трансдисциплинарный подход, стремясь отразить динамику изучаемого процесса или явления на нескольких дисциплинарных уровнях одновременно, соединяет фрагменты реальности, исследованные конкретными дисциплинами, в единую картину [5, р. 47–48]. Пытаясь репрезентировать исследуемую реальность в ее диалектической сложности, трансдисциплинарный подход объединяет по принципу дополни-

тельности то, что с позиций частных дисциплин рассматривалось как противоположное.

С каких позиций следует подходить к решению поставленной задачи, на что стоит ориентироваться в первую очередь? Как нам представляется, данную работу следует начинать с разработки концептуально-теоретического и философско-методологического уровней искомой трансдисциплинарной парадигмы, учитывающих в своих исходных допущениях, положениях, принципах основные особенности формирования исторической памяти.

О каких именно особенностях идет речь? По нашему мнению, такими структурообразующими элементами являются конструктивно-процессуальный характер формирования исторической памяти, а также диалектическая природа взаимодействия ее индивидуального и коллективного начал. Рассмотрим обозначенные моменты более подробно.

Конструктивно-процессуальный характер формирования исторической памяти. Изучение того, каким образом различные социальные институты работают со своим прошлым, как перерабатываются и реактуализируются нарративы о прошлом для реализации текущих целей общества и целей его будущего развития, – является одной из ключевых тем в изучении процессов формирования исторической памяти. Конструктивно-процессуальный характер подобного рода коллективной деятельности означает, что память об историческом явлении представляет собой конструируемый контекстуальный феномен; это процесс, мобилизующий разнообразные социальные дискурсы и практики в репрезентации исторического события и служащий выражением солидарности группы. Говоря другими словами, многочисленные данные, сохраненные различными способами на разных носителях информации, сами по себе, без соответствующей работы социальных акторов, не являются исторической памятью, но оказываются ею лишь тогда, когда извлекаются из хранилища и становятся предметом коммуникаций в рамках определенной нации, группы, сообщества.

Историческая память как способ переосмысления и актуализации прошлого для решения задач настоящего и реализации целей будущего развития выполняет две важные взаимосвязанные социальные функции: идентификации и легитимации. Как отмечает Ш. Линд в своей монографии «Работая с прошлым: нарратив и институциональная память», функция идентификации используется для конструирования стабильного нарратива идентичности общества, то есть позволяет показать, что «то, какие мы есть, и то, как мы существуем сейчас, находится в соответствии с тем, какими мы были всегда» [6, р. 3]. Обеспечивая ориентацию в историческом времени и социальном пространстве, знания о прошлом становятся основой культурной преемственности поколений и национально-гражданской идентичности.

В свою очередь функция легитимации позволяет политикам использовать память для обоснования своего права на власть, для оправдания своих

внутри- и внешнеполитических действий. Используемые ими исторические аналогии зачастую выступают в качестве неких прототипов, или образцов принятия политического решения, не только предлагая спектр возможных вариантов действия в данной ситуации, но также и обосновывая тот или иной политический порядок через отсылку к прошлому. Историческая память, очерчивая контуры внешней и внутренней политики, выступает важным элементом политической культуры социума.

Конструктивно-процессуальный характер формирования исторической памяти находит свое проявление и в том обстоятельстве, что она может выступать не только как фактор стабильности и интеграции общества, но и как средство социальных изменений, как движущая сила давно назревших общественных перемен и трансформационных процессов. Пересматривая ценности и установки прошлого, историческая память способна задавать новые горизонты смыслов и возможностей для будущего.

В свою очередь *диалектическая природа взаимодействия индивидуального и коллективного начал исторической памяти* также выступает одной из тем, активно разрабатываемых исследователями. Так, приверженцы социологической школы Э. Дюркгейма, разделяя точку зрения о существовании социальных механизмов организации памяти членов общества, полагают, что коллективная память (термин, введенный М. Хальбваксом в работе «Социальные рамки памяти» [7]) включает в себя индивидуальную, будучи при этом не механической суммой представлений отдельных личностей, а обобщенным образом этих представлений, принимаемым и узнаваемым всеми членами данного сообщества. В рамках данной традиции предполагается, что индивидуальная историческая память в силу своей фрагментарности и уникальности не может составлять основу, базис коллективной исторической памяти. Скорее, она должна вписываться определенным образом в общественное историческое пространство, тем самым выполняя функции контроля и верификации.

Тем не менее указанная точка зрения не является общепризнанной. В специальной литературе активно дискутируется вопрос об онтологическом статусе концепта коллективной памяти: можно ли говорить о существовании над- или внеиндивидуальной коллективной памяти (*memory collective*) или же более корректным будет вести речь о совокупной памяти (*memory collected*) вместе взятых отдельных воспоминаний членов общества.

Одной из методологических проблем теории коллективной исторической памяти является, по мнению В. Канштайна, неоправданный перенос на понятие коллективной памяти существующих нейрофизиологических и психологических представлений об индивидуальной памяти, что препятствует построению внеиндивидуального измерения данной теории [8, р. 179]. Другой проблемой является излишняя эмоциональность и политизированность изучения механизмов коллективной памяти. Например, в случае исследования тем Холокоста, Второй мировой войны, массовых репрессий и геноцида изу-

чаемый материал, как отмечает А. Васильев, «активно сопротивляется холодному и объективному исследовательскому взгляду, требует эмоциональной вовлеченности, сопереживания» [4], что в свою очередь мешает беспристрастному раскрытию общих механизмов работы нарративов памяти о разных событиях в жизни сообществ.

Диалектика взаимоотношений индивидуального и коллективного в феномене исторической памяти находит свое непосредственное продолжение и в изучении взаимодействия объективного и субъективного, фактического и экзистенциального пластов исторической памяти.

Так, в исследованиях исторической памяти можно выделить два основных подхода, зачастую противопоставляемых и в то же время диалектически дополняющих друг друга. Один из этих подходов, условно назовем его *историографическим*, делает акцент на восстановлении содержательно-фактической канвы событий прошлого. Его приверженцы (М. Хальбвакс, П. Нора и др.) постулируют, что историография призвана корректировать, сужать «слишком широкую» историческую память, отбрасывая «лишнее» и оставляя в ней лишь наиболее ценные, объективно-фактические компоненты, позволяющие построить относительно непротиворечивую картину исторического прошлого [1, 7]. Так, П. Нора, противопоставляя память и историю, пишет: «Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим... Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте. История не прикреплена ни к чему, кроме временных протяженностей, эволюции и отношений вещей. Память – это абсолют, а история знает только относительное. В сердце истории работает деструктивный критицизм, направленный против спонтанной памяти. Память всегда подозрительна для истории, истинная миссия которой состоит в том, чтобы разрушить и вытеснить ее. История есть делигитимизация пережитого прошлого» [1, с. 20].

В то время как альтернативный – *биографический* подход включает в себя, помимо объективного, содержательно-фактического каркаса, выступающего таким базовым фоном для разворачивания ленты личностных событий, также и субъективные, экзистенциально-смысловые компоненты. Так, наиболее влиятельная парадигма биографического подхода, обозначаемая как «устная история» (*oral history*) подразумевает сбор научно организованной устной информации от непосредственных свидетелей исторических событий [9]. Отличительной чертой биографического подхода является акцент на реконструкции исторических событий сквозь призму индивидуального опыта и субъективных смыслов очевидцев, что способствует обогащению знания о прошлом различными оттенками его личностного понимания, а также позволяет дополнить сведения, полученные из официальных источников, свидетельствами непосредственных участников событий [10]. Таким образом, биографический подход к формированию исторической памяти позволяет «увидеть» эпоху глазами ее очевидцев и участников, вводит в научный обо-

рот экзистенциальные установки респондентов, их жизненную философию, личный опыт пережитого.

Взаимодополняющий характер двух обозначенных подходов связан с тем важным обстоятельством, что историческая память как комплексный, многоуровневый феномен существует и развивается в единстве своих содержательно-фактических и экзистенциально-смысловых компонентов, оформляющих поток внешнего и внутреннего опыта исторического субъекта. С этой точки зрения историография, ориентированная на восстановление содержательно-фактической канвы событий прошлого, не дополненная возможностями биографического подхода, служит лишь одномерным, фактуально редуцированным отражением исторической памяти, оставляя за скобками проблематизацию ее смысловых, субъективно-экзистенциальных факторов формирования и воспроизводства. Устная история, вводя в научный оборот наполненную уникальными красками повседневность, позволяет устранить перекосы одномерного видения исторической реальности и преодолеть доминирование традиционной интерпретации предмета исследования. Множественность получаемых таким образом субъективных свидетельств позволяет сделать воссоздаваемую картину исторической реальности более объемной и многоплановой и тем самым более объективной и реалистичной. Исследовательская парадигма устной истории, актуализируя дополнительные смысловые пласты прошлого, открывает широкие возможности для трансдисциплинарного синтеза в исследованиях исторической памяти, требующего консолидированных усилий специалистов различных гуманитарных наук – историков, политологов, философов, социологов, психологов.

Memory studies как новая трансдисциплинарная область исследований социогуманитарного знания, задействующая различные методологические подходы и дисциплинарные области, ставит нас перед необходимостью выработки единого парадигмального подхода. Этот подход позволяет выйти на новый, диалектически более сложный уровень, соединяющий фрагменты реальности, что исследуются конкретными дисциплинами, в единую картину, при этом объединяя в единое целое по принципу дополненности то, что с позиций отдельных дисциплин выступает в качестве противоположностей. Разработка концептуально-теоретических и философско-методологических оснований искомой трансдисциплинарной парадигмы должна учитывать в своих исходных допущениях, положениях, принципах основные особенности формирования исторической памяти. В их числе – конструктивный характер процессов формирования исторической памяти, а также диалектическая природа взаимодействия ее индивидуального и коллективного начал. С этих позиций достаточно многообещающим в концептуально-теоретическом плане выглядит взаимодополняющее сочетание историографического и биографического подходов к исследованию исторической памяти.

Список использованных источников

1. Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора // Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.
2. Ассман, Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман ; пер. с нем. М. М. Сокольской. – М. : Языки славян. культуры, 2004. – 368 с. – (Studia historica).
3. Репина, Л. П. Культурная память и проблемы историописания / Л. П. Репина. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
4. Васильев, А. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов [Электронный ресурс] / А. Васильев. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>. – Дата доступа: 29.09.2015.
5. Transdisciplinarity – Theory and Practice / ed. by V. Nicolescu. – Cresskill : Hampton Press, 2008. – 320 p.
6. Linde, Ch. Working the Past: Narrative and Institutional Memory / Ch. Linde. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2009. – 264 p.
7. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс ; пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. – М. : Новое изд-во, 2007. – 348 с.
8. Kansteiner, W. Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies / W. Kansteiner // History and Theory. – 2002. – Vol. 41, N 2. – P. 179–197.
9. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М. : Весь мир, 2003. – 367 с.
10. Ritchie, D. A. Doing Oral History / D. A. Ritchie. – 3rd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2014. – 368 p.

А. В. Сивицкий

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ИПУ «Центр стратегических и внешнеполитических исследований»,
Минск, Республика Беларусь

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

В статье рассматривается трансформация философско-методологических оснований цивилизационного подхода как результат влияния глобальных научных революций, в рамках каждой из которых можно выделить господствующую аналогию. Соответственно механицистской, органицистской, системной и сетевой аналогии фиксируются представления о цивилизации как о динамическом действии (силе, процессе, движении), коллективном организме, системно организованном объекте, самоорганизующейся и сложноорганизованной сети взаимоотношений.

Ключевые слова: *цивилизационный подход, социальная философия, глобальная научная революция, сеть, цивилизация.*

A. Sivitski

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus,
Center for Strategic and Foreign Policy Studies, Minsk, Republic of Belarus

THE IMPACT OF GLOBAL SCIENTIFIC REVOLUTIONS ON THE TRANSFORMATION OF CIVILIZATIONAL APPROACH

The article examines the transformation of the philosophical and methodological foundations of the civilizational approach as a result of the impact of the global scientific revolutions, characterized by dominant analogy. According to mechanistic, organicist, system and network analogies civilization is represented as a dynamic effect (force, process, motion), collective organism, system organized object, complex self-organizing network of relationships.

Keywords: *civilizational approach, social philosophy, global scientific revolution, network, civilization.*

До сих пор цивилизационный подход, или теория цивилизаций, сохраняет за собой статус одного из наиболее популярных и востребованных методологических инструментариев для анализа глобальных процессов. Одним из ярких примеров востребованности является адаптация цивилизационного подхода к исследованию международных отношений, предпринятая С. Хантингтоном в разработанной им концепции «столкновения цивилизаций», конституирующей главным источником будущих конфликтов не идеологию и экономику, а культуру, общность которой в человеческих сообще-

ствах постепенно вытесняет идеологические различия [1]. В этой связи доминирующим фактором мировой политики станут конфликты между нациями и группами, принадлежащими к разным цивилизациям. В мире после холодной войны культура и различные виды культурной идентификации (которые на самом широком уровне являются идентификацией цивилизации) определяют модели сплоченности, дезинтеграции и конфликта. А возникающий мировой порядок основывается на цивилизациях – обществах, имеющих культурные сходства, сотрудничающих друг с другом и группирующихся вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций [2, с. 13–14].

Вместе с тем практические результаты глобализации, охватившей сегодня все человечество, заставляют кардинально переосмыслить такие традиционные для социальной философии объяснительные теории и концепты, как всеобщая история, мировые системы и цивилизации, сравнительное изучение цивилизаций, цивилизационная динамика, международные отношения, глобализация, столкновение цивилизаций и др., что связано с поиском новых единиц анализа социодинамики, способных адекватно отразить протекающие глобальные процессы [3, р. 43].

В этой связи перед цивилизационным подходом, претендующим на адекватное описание протекающих глобальных процессов, актуализируется задача по трансформации собственных философско-методологических оснований. С одной стороны, речь идет о необходимости преобразования цивилизационного подхода из общей теории в теорию среднего уровня, которая бы состояла из проверяемых обобщений, соединяющих теорию с исторической практикой [4]. С другой стороны, это требует пересмотра философско-методологических оснований цивилизационного подхода с учетом проникновения «парадигмальных прививок» из других областей социогуманитарного и естественнонаучного знания [5].

Современная динамика глобальных отношений все больше и больше начинает соответствовать характеристикам глобальной самоорганизующейся критичности [6, 7], что, в свою очередь, требует отказа от механицистских моделей в объяснении глобальных процессов и пересмотра классической цивилизационной парадигмы, рассматривающей мировое сообщество через призму взаимодействия относительно стабильных цивилизационных блоков. Классический цивилизационный подход, даже в лице С. Хантингтона, не смог учесть сетевую логику организации социальных структур и процессов, характерную для постиндустриального информационного общества [8, 9].

В этом контексте необходимо подвергнуть переосмыслению методологический статус самого понятия «цивилизация». Для этого предлагается проследить влияние глобальных научных революций (В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова [10]), характеризующихся радикальной трансформацией научной картины мира, идеалов и норм науки и ее философских оснований, на трансформацию содержания указанного понятия.

Под научной картиной мира будет пониматься складывающаяся в результате синтеза различных научных знаний система общих представлений о мире, которая обеспечивает целостную картину исследуемой реальности, выполняет функции исследовательской программы, определяющей постановку задач эмпирического и теоретического исследования, а также выбор средств их решения [10, с. 12–80]. Важным с методологической точки зрения посредником между научной картиной мира и конкретными предметными областями является аналогия, которая выполняет функцию трансляции «парадигмальной прививки». Соответственно четырем глобальным научным революциям и типичным для них научным картинам мира можно выделить четыре этапа в развитии цивилизационного подхода, в основе которых лежит влияние механицистской, органицистской, системной и сетевой аналогий на трансформацию его философско-методологических оснований.

Влияние механицистской аналогии на становление понятия «цивилизация» во второй половине XVIII – начале XIX в.

Слово «цивилизация» возникает во французском языке во второй половине XVIII в. В XVII–XVIII вв. под влиянием развития науки и философии формируется механицистская картина мира, которая истолковывала мир сквозь призму механических причин и субстанций – носителей сил, которые детерминируют наблюдаемые явления. Механицистская картина мира, хотя она и сформировалась в рамках физического исследования, в эту историческую эпоху функционировала и как естественнонаучная, и как общенаучная картина мира, что проявилось не только при изучении различных процессов природы, но и по отношению к знаниям о человеке и обществе, которые пыталась сформировать наука XVIII века. Естественным становится построение науки о человеке и обществе в качестве своего рода социальной механики на основе применения принципов механицистской картины мира. Весьма характерным примером такого подхода были размышления Ж.-О. Ламетри и П.-А. Гольбаха, которые активно использовали механические аналогии при объяснении социальных явлений и проблем человека как природного и социального существа. Когда Ламетри и Гольбах используют понятия особого природного тела [11, с. 219], часового механизма («заводящей саму себя машины»), беспрепятственного движения [11, с. 183; 12, с. 47], силы, инерции, притяжения, отталкивания для характеристики человека [12, с. 12, 47–48], то здесь отчетливо прослеживается язык механицистской картины мира.

Аналогичную исследовательскую стратегию можно обнаружить в социальных концепциях А. Сен-Симона и Ш. Фурье. А. Сен-Симон полагал, что «по своему строению история должна будет приблизиться к небесной механике» [13, с. 234]. Сходные идеи можно найти в творчестве Ш. Фурье, который

утверждал, что принципы и подходы механики позволяют раскрыть законы социального движения (законы притяжения по страсти) [14, с. 83–108].

Таким образом, механицизм был одним из важных истоков формирования соответствующих мировоззренческих структур, укоренившихся в культуре и влияющих на самые различные сферы функционирования общественного сознания [15, с. 619–621]. Влияние механицизма на генезис понятия «цивилизация» было выявлено в трудах таких известных лингвистов, историков идей и культуры XX в., как Л. Февр, Э. Бенвенист и Ж. Старобинский. Они установили, что слово «цивилизация» в момент своего появления являлось отглагольным существительным, сохраняющим значение динамического действия.

Помимо этого, Ж. Старобинский выявил семантическое единство глаголов «шлифовать» (*polir*) и «цивилизировать» (*civiliser*). По его мнению, благодаря ассоциации между «буквальным» образом блеска и гладкости с представлением о совершенстве ручной труд полировки на уровне переносного смысла делает равнозначными глаголы «*polir*» и «*civiliser*». Цивилизовать (людей или вещи) – значит устранять всякие грубые неровности и шероховатости, сглаживать любую шершавость, устранять всякие зазубрины. Напильник и полировальный станок – это инструменты, которые в фигуральном смысле позволяют превращать грубость и неотесанность в вежливость, обходительность, культурность. Более того, согласно Ж. Старобинскому, в словарных статьях XVIII в. можно найти представления о «полирующих агентах» («цивилизующих инстанциях»), таких как время, словесность, двор, искусство, беседа с дамами и т. д. В них также содержится список кандидатов на «полирующее» преобразование: варвары, провинциалы, юноши, вообще природа – «дикая» и «грубая», пока ее совершенствованием не займется искусство, изменяя ее путем смягчения, украшения и воспитания [16, с. 123].

Как отмечает Л. Февр, в издании «Академического словаря» 1798 г. можно найти следующее определение: «Цивилизация – цивилизирующее действие или же состояние того, что цивилизовано» [17, с. 245]. В этом контексте понятие цивилизации можно соотнести с понятием силы, или действия, которое необходимо приложить к чему-либо, чтобы добиться изменения (по аналогии со вторым законом Ньютона). В последующем понятие «цивилизация» ассимилирует понятие движения, с помощью которого в механике описывается изменение положения тела в пространстве относительно других тел с течением времени.

В этом семантическом аспекте понятие цивилизации (действие, имеющее целью сделать человека и общество более благовоспитанным) употреблялось во французских и английских энциклопедических словарях второй половины XVIII – начала XIX в., а также в творчестве таких социальных философов, как В.-Р. Мирабо, П.-А. Гольдбах, Н.-А. Буланже, Ш. Бодо, Дюпон де Немур, Д. Дидро, Г.-Т. Рейналь, Ф. Гизо и т. д.

Таким образом, можно зафиксировать факт влияния механицистской картины мира на формирование понятия «цивилизация» как динамического дей-

ствия (силы), которое необходимо приложить к объекту (индивиду, обществу), чтобы инициировать его изменения. Однако по мере экспансии механицистской картины мира во все новые предметные области знания накапливались и новые факты, которые все труднее согласовывались с принципами механицизма и требовали выработки новых, немеханических представлений. В социальных науках этот процесс проявился в распространении органицистской аналогии на понимание общества, что также нашло свое отражение и в цивилизационном подходе.

Органицистская аналогия и зарождение теории локальных цивилизаций

Зарождение теории локальных цивилизаций связано с проникновением в цивилизационный подход органицистской аналогии в конце XVIII – первой половине XIX в. Этот период знаменует собой начало второй глобальной научной революции, определившей переход к новому состоянию естествознания – дисциплинарно организованной науке. В это время механическая картина мира утрачивает статус общенаучной. В биологии, химии и других областях знания формируются специфические картины реальности, нередуцируемые к механической. Как показывает В. С. Степин, картина биологической реальности отчетливо приобретает в этот период автономные черты и предстает как система научных представлений, выявляющих особенности живой природы. В этот период важнейшую роль начинают играть новые «парадигмальные прививки» в область социальных наук из биологии (по мере развития в ней идей эволюции).

Возникновение концепции Ч. Дарвина завершило формирование биологии как науки, имеющей статус самостоятельной отрасли естествознания. Механицистская парадигма, распространенная на область социального познания, была модифицирована, причем в процессе такой модификации обозначился разрыв с принципами механицизма. Здесь важнейшую роль сыграли новые «парадигмальные прививки» в область социальных наук из биологии (по мере развития в ней идей эволюции) [15, с. 621–622]. Таким образом, в рамках социальных наук на смену механицистской картине мира приходит органицистская (биологическая) картина мира.

Г. Спенсер вслед за О. Контом начал определять общество не как механизм, а как особый организм, все части которого образуют целостность. В рамках общей теории эволюции он рассматривал развитие общества как особую фазу эволюции мира. Ученый не просто переносит на область социальных наук идеи биологической эволюции, а пытается выделить некоторые общие принципы эволюции и их специфические конкретизации применительно к биологическим и социальным объектам. Идея общества как целостного организма, согласно Г. Спенсеру, должна учитывать, что люди как элементы

общества обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре [18, с. 282–299].

Впервые понятие цивилизации во множественном числе в значении локальных цивилизаций начинает употребляться в работах философов и историков школы В. Кузена (1792–1867) [19, с. 65], среди которых важный вклад в развитие теории локальных цивилизаций внесли Т.-С. Жуфруа, Ш.-Б. Ренувье, Э. Кине. Главной особенностью школы В. Кузена явилась попытка интегрировать достижения немецкой и французской философской и исторической мысли (Э. Кине был переводчиком И.-Г. Гердера на французский язык), таким образом пытаясь синтезировать распространенную во Франции философию Спинозы и характерную для Германии философскую традицию Г.-В. Лейбница. Как показал И. Н. Ионов, философы и историки школы Кузена пытались дополнить французскую теорию цивилизации элементами немецкой теории культуры. Они хотели прежде всего выделить ведущий «принцип», логику развития локальных цивилизаций, их внутренние устремления. Но при этом опирались на идею иерархии цивилизаций и принимали во внимание перспективу создания универсальной мировой цивилизации – цели цивилизационного процесса. Существование локальных цивилизаций являлось, согласно таким теориям, лишь его этапом.

Вклад в дальнейшее развитие представлений о локальных цивилизациях внес Г. Рюккерт своим трудом «Учебник мировой истории в органическом изложении» (1857 г.). Отправной точкой для развития его идей послужил наблюдаемый самим Г. Рюккертом факт сопротивления цивилизаций внешним влияниям, который позволял уподоблять эти цивилизации организмам или индивидам, своего рода «монадам» исторического процесса. Именно в этом смысле Г. Рюккерт писал об «органичности» своего видения истории. В соответствие с лейбницеvской традицией он утверждает, что «правомочным оказалось относительно вечное существование различных культурных типов» [цит. по: 19, с. 72–73]. В основе подобной «вечности» лежит способность к независимому существованию и сопротивлению внешним воздействиям. История цивилизаций видится Г. Рюккертом как «некоторое число параллельно друг другу идущих рядов». Вместе с тем Г. Рюккерт полагает, что «слияние малых культурно-исторических организмов в одно более обширное целое есть постоянный факт» [19, с. 72–75].

В дальнейшем органицистская метафора находит свое концептуальное оформление в трудах таких социальных философов и геополитиков, как Н. Данилевский, Ф. Ратцель, О. Шпенглер, Р. Челлен, Л. Гумплович, Г. Ратценхофер и др. Аналогия культуры, цивилизации, общества или государства с живым организмом позволяла экстраполировать на данные социальные единицы некоторые сущностные характеристики и законы развития и существования живых организмов. В этой связи у цивилизаций и человеческих сообществ фиксируется наличие внутренней «программы», определяющей способ

и жизненный цикл их существования. О том, что культуры и цивилизации обладают некими «врожденными» программами существования, согласно которым происходит их функционирование в истории, писали такие классики цивилизационного подхода, как О. Шпенглер, А. Тойнби, Н. Данилевский, утверждавшие, что все цивилизации проходят один и тот же одновариантный «органический» цикл рождения, развития и гибели. И хотя А. Тойнби делает оговорки относительно некорректности циклических построений со строгой предопределенностью гибели цивилизаций и их аналогий с организмом, тем не менее его концепция испытывает на себе влияние биологической картины мира и философии жизни А. Бергсона [20, с. 214–310].

Системная аналогия и комплексные определения цивилизации

Влияние системной аналогии на становление понятия «цивилизация» можно проследить в период с конца XIX до середины XX в., который был связан с третьей глобальной революцией, ознаменовавшей становление нового, неклассического естествознания. В этот период происходит цепочка революционных перемен в различных областях научного знания: в физике (открытие делимости атома, становление релятивистской и квантовой теории), в космологии (концепция нестационарной Вселенной), в химии (квантовая химия), в биологии (становление генетики). Возникает кибернетика и теория систем, сыгравшие важнейшую роль в развитии современной научной картины мира.

В 1937 г. Л. фон Берталанфи формулирует общую теорию систем, основанную на идее наличия общих закономерностей при взаимодействии большого, но не бесконечного числа физических, биологических и социальных объектов. Ученый также ввел понятие и исследовал «открытые системы» – системы, постоянно обменивающиеся веществом и энергией с внешней средой [21, с. 28].

Появление общей теории систем и системного подхода совпало с появлением системных определений цивилизации как сложноорганизованного и развитого общества.

Согласно этим определениям, предпосылкой формирования цивилизации является достижение значительного уровня эффективности в производстве продуктов питания, при этом сельскохозяйственное производство повсюду является экономическим базисом цивилизации. Вместе с тем развитие технологии, включающее в себя не только орудия труда и ремесел, но и, что еще более важно, управленческих навыков, функционально привязано к процессам формирования цивилизации. Поэтому возникновение цивилизации может рассматриваться как революция, обусловленная усложнением духовных и технологических факторов [22, р. 413].

В социальной сфере всем цивилизациям присущи: 1) система экономических отношений, основанная на разделении труда – горизонтальном (профессиональная и укладная специализация) и вертикальном (социальная стратеги-

фикация); 2) контроль средств производства (включая живой труд) правящим классом, который осуществляет централизацию и перераспределение прибавочного продукта, изымаемого у первичных производителей через оброк или налоги, а также через использование рабочей силы для проведения общественных работ; 3) наличие сети обмена, контролируемой профессиональным купечеством или же государством, которая вытесняет прямой обмен продуктов и услуг; 4) политическая структура, в которой доминирует слой общества, концентрирующий в своих руках исполнительные и административные функции. Племенная организация, основанная на происхождении и родстве, замещается властью правящего класса, опирающейся на принуждение; государство, обеспечивающее систему социально-классовых отношений и единство территории, составляет основу цивилизационной политической системы [23].

М. Крузе определяет цивилизацию как совокупность идей и политических институтов, условий материальной и культурной жизни, производительных сил и общественных отношений, всех проявлений религиозной, интеллектуальной и художественной деятельности [цит. по: 24, с. 40].

Согласно А. Ничифоро, цивилизация – это совокупность способов бытия и способов деятельности группы людей, выражающихся в: 1) материальной жизни, 2) интеллектуальной жизни, 3) моральной жизни, 4) политической и социальной организации рассматриваемой группы [цит. по: 24, с. 40].

По У. Адамсу, цивилизация формирует уровень развития общества, для которого характерны наличие развитой технологии, хозяйственной специализации, производство предметов роскоши, торговля на дальние расстояния, централизованное управление экономикой, социальная стратификация, города или крупные административные центры, развитые правовые институты, постоянные армии, военные ведомства, специализация вооружений, государственная форма правления, религия олимпийского или монотеистического типа, кодифицированная история, монументальная архитектура и искусство [цит. по: 25, р. 6, 17–21].

Таким образом, цивилизация понимается как сложноорганизованная система, состоящая из различных интегрированных между собой материальных и нематериальных сфер жизни общества [26, с. 8–17].

Сетевая аналогия в цивилизационном подходе

Сетевая аналогия начинает проникать в цивилизационный подход в последнюю треть XX – начало XXI в. Этот период можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию, в ходе которой рождается постнеклассическая наука. В этой связи идеи синергетики вызывают переворот в системе наших представлений о природе, которые возникли и разрабатывались в ходе многочисленных прикладных исследований, выявивших эффекты фазовых переходов и образования диссипативных структур (структуры

в жидкостях, химические волны, лазерные пучки, неустойчивости плазмы, явления выхлопа и флаттера). Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием [15, с. 626–633].

С наступлением четвертой глобальной научной революции в цивилизационный подход под воздействием «парадигмальных прививок», прежде всего из синергетики, постепенно проникает представление о цивилизации как сложноорганизованном саморазвивающемся объекте. Сетевая аналогия становится тем методологическим инструментарием, с помощью которого возможно адекватное описание цивилизации как сложноорганизованного и саморазвивающегося объекта. В связи с этим цивилизация понимается по аналогии с сетью (Д. Уилкинсон, И. Пригожин, И. Кастельс, Ф. Харари, М. Баттел и др.).

К сетевой аналогии активно прибегает один из теоретиков цивилизационного и мир-системного подхода Д. Уилкинсон. При этом он также соотносит понятие цивилизации и сети со сложноорганизованными объектами (комплексными системами). Комплексные системы имеют составляющие части с большим количеством взаимодействующих элементов, сетей и полей. Комплексные (сложные) системы имеют сложную пространственную структуру: они являются целостностями, которые в результате больше, чем простая механическая сумма их частей [27, р. 37–38].

Как полагает Д. Уилкинсон, будучи подлинными целостностями, состоящими из связанных между собой частей, сложные системы могут рассматриваться как сети. Ф. Харари и М. Баттел определили систему как множество отношений между элементами на разных уровнях, где каждый уровень представляет собой граф, в котором каждый узел может содержать другую структуру графа, то есть встроенные сети. Д. Уилкинсон пытается апплицировать понятие сети на человеческие макросоциальные системы, такие как цивилизации или миро-системы. Согласно Д. Уилкинсону, цивилизации являются сложными социальными системами с очевидными сетевыми характеристиками [28, р. 82], в основе которых лежит взаимосвязь между городами и государствами. Критерием для выделения цивилизаций являются города и закрытые транзакционные сети между ними. Согласно этому критерию, города, население которых интенсивно и непрерывно взаимодействует, принадлежат к одной цивилизации, даже если их культуры сильно различаются, а взаимодействие носит по большей части враждебный, конфликтный характер. Цивилизации являются многоуровневыми сетями, связывающими посредством торговых путей города, а также узловые точки цивилизационной сети в лице государств, объединенных отношениями влияния, альянсов и войны. Цивилизация – это культурно, экономически и политически разнородная, однако внутренне конфликтная социальная система [29].

То есть в своей теории цивилизации Д. Уилкинсон при внедрении сетевой аналогии практически полностью игнорирует значение культурных фак-

торов. В отличие от него Р. Коллинз применил сетевую аналогию для исследования цивилизаций как культурных образований. В рамках этого подхода Р. Коллинз определил цивилизацию как зону престижа и сетевого контакта, имеющую один или несколько центров – мест, в которых производятся различного рода символические объекты, притягивающие внимание людей. Р. Коллинз выделяет у зоны цивилизационного притяжения два радиуса действия: 1) цивилизация как зона лояльности и социальной идентификации для людей, живущих на периферии цивилизации и являющихся ее членами; 2) цивилизация как сеть притяжения на длинной дистанции, проникающая из одной цивилизационной зоны в другую. Согласно Р. Коллинзу, для каждой цивилизации свойственно наличие двух разнонаправленных территориальных потоков людей. Один поток направлен внутрь, к цивилизационным центрам престижа, притягивающим студентов, туристов, других посетителей, прибывающих на время из периферии данной зоны и из других цивилизационных зон. Другой поток движется в обратном направлении, из центров цивилизации, отправляющих своих посланников (учителей и миссионеров) на периферию цивилизационной зоны и за ее пределы [30].

Зона цивилизационного престижа является сетевой структурой социальных контактов, потоков людей и их внимания. Из-за этого по своим размерам цивилизации всегда больше, чем общества или государства, то есть социальные системы, имеющие границы. Центры цивилизации могут располагаться внутри государств и в некоторой степени зависеть от них, но престиж цивилизационных центров, как правило, распространяется далеко за пределы государства.

Согласно Р. Коллинзу, понятие цивилизации как зоны престижа существенно отличается от определения цивилизации как культурной программы, или культурного кода в виде набора правил, концептов и ценностей, определяющих поведение людей, социальные институты. Р. Коллинз критикует представление о цивилизации как статичной и монолитной сущности. Наоборот, понятие цивилизации как зоны престижа направляет внимание на социальную деятельность и на культурное разнообразие как существенные характеристики цивилизации.

Таким образом, на протяжении своего становления цивилизационный подход испытывает существенное влияние глобальных научных революций. Установив зависимость между сменой научных картин мира и глобальными научными революциями, мы проследили в диахронном срезе влияние механической, органицистской, системной и сетевой метафоры на трансформацию философско-методологических оснований цивилизационного подхода. Соответственно механицистской, органицистской, системной и сетевой аналогиям фиксируются представления о цивилизации как о динамическом действии (силе, процессе, движении), коллективном организме, системно организованном объекте, самоорганизующейся и сложноорганизованной сети взаимоотношений. Учет этого влияния поможет лучше понять современные тен-

денции развития цивилизационного подхода, которые направлены на преодоление его методологической ограниченности, рассматривающей цивилизацию сугубо как культурную сущность, и отход от его идеологического фундамента в виде консерватизма. Сетевая же аналогия становится тем методологическим инструментарием, с помощью которого возможно адекватное описание цивилизации как сложноорганизованной и саморазвивающейся сети взаимоотношений между людьми, позволяет преобразовать цивилизационный подход из теории общего в теорию среднего уровня и, таким образом, преодолеть виртуальный характер цивилизационных сообществ, выделение которых характерно для классической версии цивилизационного подхода.

Список использованных источников

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.
2. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ : Апрель, 2011. – 571 с.
3. Gilb, C. L. Whose World? What History? / C. L. Gilb // Comparative Civilizations Review. – 1997. – N 35. – P. 43–62.
4. Roudometof, V. Globalization, World System Theory, and the Comparative Study of Civilizations / V. Roudometof, R. Robertson // Civilizations and World Systems: Studying World-Historical Change / ed. by S. K. Sanderson. – Walnut Creek, California : Alta Mira Press, 1995. – P. 273–285.
5. Резник, Ю. М. Социальная теория: предмет и междисциплинарный статус / Ю. М. Резник // Вопросы социальной теории : научный альм. – 2007. – Т. 1. – С. 306–320.
6. Mann, S. R. Chaos Theory and Strategic Thought / S. R. Mann // Parameters. – 1992. – Vol. 22, N 3. – P. 54–68.
7. Mann, S. R. The Reaction to Chaos / S. R. Mann // Complexity, Global Politics, and National Security / ed. by D. S. Alberts, and T. J. Czerwinski. – Washington, D.C. : National Defense University, 1997. – P. 62–68.
8. Castells, M. The Rise of the Network Society / M. Castells. – Malden ; Oxford : Blackwell Publishers, 1996. – P. 469–478.
9. Prigogine, I. The Networked Society / I. Prigogine // J. of World-Systems Research. – 2000. – Vol. 6, N 3. – P. 892–898.
10. Степин, В. С. Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации / В. С. Степин, Л. Ф. Кузнецова. – М. : Наука, 1994. – 272 с.
11. Ламетри, Ж. О. Сочинения / Ж. О. Ламетри. – М. : Мысль, 1983. – 510 с.
12. Гольбах, П. Система природы / П. Гольбах. – М. : Гос. социально-эконом. изд-во, 1940. – 456 с.
13. Сен-Симон, К. Избранные сочинения : в 2 т. / К. Сен-Симон. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. – Т. 1. – 468 с.
14. Фурье, Ш. Избранные сочинения : в 4 т. / Ш. Фурье. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951–1954. – Т. 1. – 428 с.
15. Степин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Степин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
16. Старобинский, Ж. Слово «цивилизация» / Ж. Старобинский // Поэзия и знание. История литературы и культуры : пер. с фр. – М. : Языки славян. культуры, 2002. – С. 110–149.
17. Февр, Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей / Л. Февр // Бои за историю / Л. Февр ; пер. А. А. Бобовича, М. А. Бобовича и Ю. Н. Стефанова ; вступ. ст. А. Я. Гуревича ; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М. : Наука, 1991. – С. 239–281.

18. Спенсер, Г. Синтетическая философия / Г. Спенсер. – Киев : Ника-центр, 1997. – 512 с.
19. Ионов, И. Н. Рождение теории локальных цивилизаций и смена научных парадигм / И. Н. Ионов // *Образы историографии* : сб. – М. : РГГУ, 2001. – С. 59–84.
20. Тойнби, А. Постижение истории : сб. / А. Тойнби ; пер. с англ. Е. Д. Жаркова. – М. : Рольф, 2001. – 640 с.
21. Берталанфи, Л. фон. Общая теория систем: критический обзор / Л. фон Берталанфи // *Исследования по общей теории систем* : сб. переводов / под общ. ред., вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. – М. : Прогресс, 1969. – С. 23–82.
22. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Unabridged. – Springfield, Massachusetts : G. & Merriam Co., 1966. – 2662 p.
23. Armillas, P. Civilization / P. Armillas // *The International Encyclopedia of Social Sciences*. – London, 1968. – Vol. 16. – P. 218–221.
24. Мчедлова, М. М. Вопросы цивилизации во французском общественном знании / М. М. Мчедлова. – М. : МГУ, 1996. – 80 с.
25. Melko, M. The Boundaries of Civilizations in Space and Time / M. Melko, L. R. Scott. – Lanham, MD : UPA, 1987. – 429 p.
26. Ерасов, Б. С. Сравнительное изучение цивилизаций : хрестоматия : учеб. пособие для студентов вузов / Б. С. Ерасов ; сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасова. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 556 с.
27. Wilkinson, D. From Systems Physics to World Politics: Invitation to an Enterprise / D. Wilkinson, A. Iberall // *Persistent Patterns and Emergent Structures in a Waning Century* / ed. M. P. Karns. – N. Y. : Praeger, 1986. – P. 35–71.
28. Wilkinson, D. Civilizations as Networks: Trade, War, Diplomacy, and Command-Control / D. Wilkinson // *Complexity*. – 2003. – Vol. 8, N 1. – P. 82–86.
29. Браславский, Р. Г. Сетевой подход в современном цивилизационном анализе: изменение парадигмы / Р. Г. Браславский // *Петербургская социология сегодня* : сб. науч. тр. Социол. ин-та РАН. – СПб. : Нестор-История, 2009. – С. 68–82.
30. Collins, R. Civilizations as Zones of Prestige and Social Contact / R. Collins // *International Sociology*. – 2001. – No 3. – P. 421–437.

Ю. П. Серeda

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ЦЕННОСТНО-НОРМАТИВНОЙ КОМПОНЕНТЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Эксплицированы главные контексты рассогласования ценностно-нормативной сферы современного общества наряду с деканонизацией традиционных ценностей и формированием новых культурных и социальных стереотипов. На основании осмысления социальных трансформаций, которые меняют коллективные представления о допустимом и недопустимом в социуме, в сравнительном ключе рассмотрены наиболее значимые в иерархии ценностей позиции: семья, труд, свободное время.

Ключевые слова: ценности, традиции, нормы, семья, труд, свободное время, молодежь, динамика социальных приоритетов

Yu. Serada

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

THE FEATURES OF TRANSFORMATION OF THE VALUE-NORMATIVE COMPONENT OF MODERN SOCIETY

The main contexts of misalignment of value-normative sphere of contemporary society along with the decanonization of traditional values and the formation of new cultural and social stereotypes have been explicated. Based on the understanding of social transformations, which change the collective beliefs about what is acceptable and unacceptable in society, in a comparative manner the major positions in the hierarchy of values – family, work, leisure time – have been considered.

Keywords: values, traditions, norms, family, work, leisure, youth, the dynamics of social priorities.

Для социальной системы ценностно-нормативная компонента представляется одной из фундаментальных и включает в себя (помимо норм и ценностей) убеждения, традиции, стереотипы и установки поведения индивида. Преимущественно она выполняет регулятивно-оценочную роль и является скорее гибкой структурой, чем жестко фиксированной, поскольку маркирует определенные объективные смещения (разломы) в сформировавшейся за определенный период системе ценностей и при соответствующей аналитической работе позволяет эксплицировать принципиальные, сущностные изменения в индивидуальных представлениях о смысле жизни, ее уровне и качестве, счастье, добре, справедливости, ответственности, свободе и т. д.

В философских и социологических дискурсах ценности интерпретируются как «порождаемые культурой и(или) задаваемые трансцендентно содержания,

вплетаемые в изменчивое многообразие социальной жизни как ее инварианты, позволяющие: связывать разные временные модусы (прошлое, настоящее, будущее); семиотизировать пространства человеческой жизни, наделяя все элементы в нем аксиологической значимостью; задавать системы приоритетов, способы социального признания, критерии оценок; строить сложные и многоуровневые системы ориентации в мире; обосновывать смыслы» [1, с. 1216]. В свою очередь понятие нормы характеризуется более регламентированным и социально обусловленным характером по отношению к индивиду. Социальные нормы, всю совокупность которых можно условно разделить на общие и специфические, отражают принципы и механизмы функционирования всей системы социальной регуляции в обществе. Также имеет значение, выполняются ли они в силу внутренней субъективной потребности личности или ввиду действия социальных предписаний как принуждения извне [2, с. 108].

Учитывая предельно широкий контекст социально-философской тематики современной системы ценностей, в рамках этой статьи остановимся на трех, на наш взгляд, наиболее базовых, но при этом крайне значимых в ценностной иерархии позициях: семья, труд (профессиональная самореализация) и свободное время (досуг).

В целях экспликации специфики трансформации ценностно-нормативной компоненты современного общества следует обратиться к результатам экспертной научно-исследовательской программы «Всемирное изучение ценностей» (The World Values Survey (WVS)), выполняемой Всемирной ассоциацией по изучению ценностей. Данная программа представляет собой одно из самых масштабных сравнительных исследований в этой области, которое проводится на базе университетов всего мира с целью изучения динамики мировой карты ценностей, предпочтений и убеждений населения. WVS – это уникальный академический проект, которому на сегодняшний день нет аналогов.

Разработчики программы WVS исходят из разделения всего спектра ценностей на следующие классификационные группы: 1) традиционные и светско-рациональные ценности и 2) ценности выживания и самовыражения [3]. Общества с ориентацией на традиционные ценности придают большое значение внутригрупповой сплоченности (уважению) в отношении уже сложившихся норм и установок, одновременно не признавая (вплоть до отрицания) возможности динамики ценностей и воздействия на них объективных факторов, которые выходят за рамки ценностно-нормативной структуры (практики разводов, суициды, аборт, эвтаназия). Соответственно общества со светско-рациональным ценностным вектором демонстрируют противоположные предпочтения. Также сегодня специалисты фиксируют факт кардинального поворота от ценностей выживания к ценностям самовыражения, прежде всего, в силу улучшения условий жизни, ее качества по ряду существенных показателей (развитие медицины, снижение смертности, повышение уровня безопасности) и интенсификации информационно-технологических процессов.

Рис. 1. Диаграмма «Ценность семьи» (в %). Источник: WVS [3]

Жизненные приоритеты населения стран с высокоразвитыми технологиями стремительно меняются с концентрации на вопросах безопасности (физической, экономической и пр.) на ценностные прерогативы, связанные с субъективным благополучием, самовыражением, уровнем и качеством жизни [4]. Так, в обществах с ценностями самовыражения уделяют значительное внимание проблемам улучшения и охраны окружающей среды, терпимости к другим (раса, религия, национальность), гендерного равенства/выбора, активной гражданской позиции, социальной самоорганизации, солидарности и добровольчества.

Ценность семьи традиционно характеризуется как наиболее значимая и отличается высоким социальным приоритетом. В рамках этой статьи для сравнительного анализа выбраны следующие страны: Беларусь (год исследования – 2011), Германия (год исследования – 2013), Казахстан (год исследования – 2011), Украина (год исследования – 2011), Швеция (год исследования – 2011)¹. Как видно из диаграммы «Ценность семьи», для всех рассматриваемых стран процент значимости семьи показательно высокий (рис. 1). Результаты исследований в процентном соотношении колеблются от 77,6 % (Германия) до 92,4 % (Казахстан). Для респондентов из Беларуси данный процент составил – 88,3 %. Для Казахстана, например, ответ «не очень важно» – 0,2 %, для остальных (кроме Германии) – 1,3 %. Отметим, что «не очень важно» ответили 3,6 % немцев – это самый большой процент из всех, что выделяет данную страну из списка выбранных национальных групп на фоне остальных. Можно предположить, что получившийся результат отражает определенные тенденции, которые можно зафиксировать в современной Германии. Среди них выделим специфику экономической системы (в частности, систе-

¹ Здесь и далее при ссылке на программу WVS страны и годы исследования меняться не будут.

ма налогообложения и социальных платежей), социокультурные подвижки в восприятии современными немцами роли официально зарегистрированных брачных отношений, а также повышение значимости личностной самореализации. Последняя воспринимается как стратегия обретения/сохранения индивидуальной свободы и все более сталкивается с критической переоценкой в контексте выполнения семейных/родительских обязательств.

Что касается Беларуси, то, несмотря на некоторую закономерность следования традиционным ценностям, сегодня специалисты акцентируют внимание на формирующиеся тенденции изменения ценностно-нормативных оснований семейного взаимодействия, супружества и родительства. Модификации института семьи связаны, прежде всего, с такими факторами, как снижение роли институциональных отношений и повышение легитимности «гражданского» брака, снижение роли социального статуса родительства, ослабление значимости родства [5]. По данным исследования, проводимого Институтом социологии НАН Беларуси в 2015 г., 52,8 % респондентов ответили, что среди их окружения есть люди, проживающие в «гражданском» браке [5, с. 16]. Также меняется восприятие роли родителей, а само родительство наделяется и отрицательными смыслами: дети как препятствие для профессионального/карьерного роста и улучшения материального статуса. По сути, семейные связи становятся более слабыми, увеличивается дистанция между поколениями.

В ходе исследований WVS были сформулированы вопросы о качествах, которые могут являться ценностью для будущего поколения. Из списка предложенных вариантов остановимся на некоторых из них, которые отражены в табл. 1.

Таблица 1. Качества, которые можно воспитать у детей в семье (в %).

Источник: WVS [3]

Вариант ответа	Страна				
	Беларусь	Германия	Казахстан	Украина	Швеция
<i>Воображение</i>					
Важно	12,1	29,5	12,4	13,0	46,7
Не важно	87,9	70,4	87,6	87,0	53,3
<i>Терпимость и уважение к другим людям</i>					
Важно	60,7	66,7	60,0	59,0	87,0
Не важно	39,3	33,3	40,0	41,0	13,0
<i>Бескорыстие</i>					
Важно	13,9	5,9	29,7	19,9	30,4
Не важно	86,1	94,1	70,3	80,1	69,6
<i>Независимость</i>					
Важно	38,6	73,5	43,7	42,8	70,3
Не важно	61,4	26,5	56,3	57,2	29,7

Результаты, приведенные в табл. 1, демонстрируют перспективы динамики социокультурной и ценностной карты подрастающего поколения в различных типах общества. Качества личности, которые закладываются в семье, в итоге станут основой для формирования и становления гражданина общества. Тревожным представляется факт того, что респонденты из рассматриваемых стран единодушны в вопросе о низкой значимости ценности бескорыстия, не эгоистичности в современном мире. Наибольший процент выбора позиции «не важно» по данной ценности – у Германии (94,1 %). Воспитание в семье терпимости и уважения к другим людям крайне важно на фоне остальных для шведов (87,0 %), а для транзитивных обществ, наоборот, позиция «не важно» лидирует применительно и для этой ценности, и для ценности «независимость». Таким образом, можно сделать вывод, что в силу происходящих трансформаций основательной переоценке подвергается не только семья как один из важнейших институтов социализации, но меняются и сами ценности, которые транслируются через родительское воспитание детям: от дисциплины и почтительного отношения к старшему поколению к обязательному развитию творческих способностей, толерантности и независимости. Во многом это связано с усилением ориентации на достижение благополучия и объективным расширением индивидуально-личностных возможностей. Брачные отношения активно интерпретируются, в том числе и как партнерские. Они все чаще связываются не с эмоционально-субъективными факторами, а с определенными выгодами и потенциально устойчивыми экономическими, социальными активами и при этом отличаются минимальными обязательствами. В этой связи в плане философского осмысления феномена семьи остро встает проблематизация ключевого в данном контексте вопроса об ее безальтернативности как ценности.

Следуя уже обозначенной логике статьи, обратимся к факту того, что сегодня не остается без изменений и ценность труда, и понимание основных смыслов, которые структурно связаны с интерпретацией понятий «работа» и «занятость».

Согласно результатам программы WVS, среди указанных в данной статье стран в Казахстане наибольшее количество респондентов (61,9 %) ответило, что для них работа очень важна (рис. 2). Наименьший процент в данной категории ответа – у Германии (39,4 %). В Беларуси результаты по данной позиции показали 45,2 %. Также по индикативным показателям Беларусь и Украина отличились среди остальных национальных групп по наибольшему проценту ответа «не важно» – 9,1 и 9,2 % соответственно.

Можно сказать, что на фоне трансформации системы авторитетов (культурных, ценностных и т. д.) происходит смещение баланса в распределении приоритетов профессиональной/трудовой занятости и отдыха (принцип «work-life balance»). Здесь наиболее явно проявляется формирование новой тенденции, которая маркирует определенные подвижки в соотношении таких феноменов, как трудовая самоэксплуатация и свобода. Речь идет о том, что

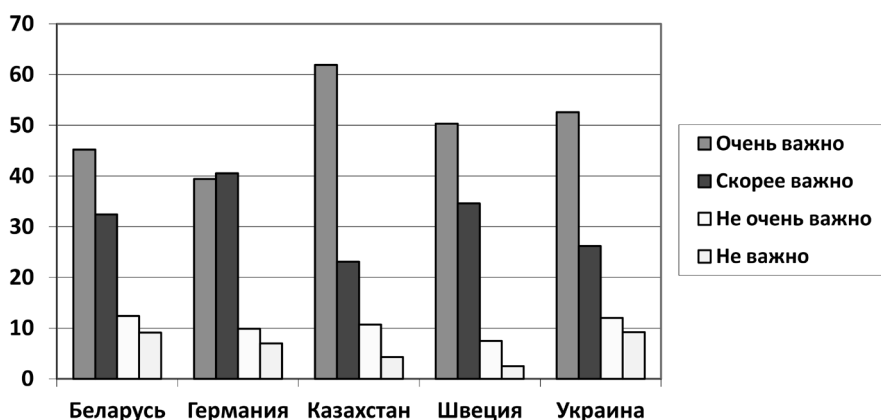

Рис. 2. Диаграмма «Ценность работы» (в %). Источник: WVS [3]

сегодня трудовая занятость только на одной должности в течение всей жизни с устойчивой карьерной мобильностью уже, с одной стороны, не является нормой и с другой – это не ценность. Первый момент связан с неустойчивостью самой экономической системы. В поисках достаточного дохода для обеспечения качественной жизни индивид все чаще вынужден искать дополнительный источник заработка, что обязывает его расширять список своих профессиональных компетенций и брать на себя дополнительные должностные обязанности. Второй момент – это следствие ломки социального стереотипа о том, что работа представляет собой полную занятость в строго фиксированное время на рабочем месте. В условиях стремительного развития информационно-компьютерных технологий данный стереотип – маркер уже совершенно ничем не оправданного «добровольного рабства». Это значит, что идеалом становится новый формат трудовых отношений, который характеризуется такими феноменами, как коворкинг (от англ. *co-working* – «совместная работа»), прекариальный труд и фриланс. Ключевой мотивацией к трудовой активности является не ценность труда как такового («труд украшает человека»), а возможность достичь желаемого/приемлемого уровня и качества жизни, реализовать свои идеи по саморазвитию, развить свой потенциал.

Эксперты сайта «Моя зарплата в Беларуси», который входит во Всемирную сеть Фонда Wageindicator, отмечают, что «54 % представителей поколения 80–90-х годов считают фриланс закономерной частью своей карьеры» [6]. Таким образом, занятость стандартного типа постепенно теряет свою ценность, меняется социально-трудовая структура занятости населения наряду с изменением принципов трудовых отношений между работником и работодателем, а также постепенным размыванием нормативных представлений о трудовой биографии [7]. С появлением фриланса как новой формы труда связана и прекаризация (от лат. *precarious* – «ненадежный», «неустойчивый», «угро-

жающий») – преимущественно краткосрочные трудовые отношения без социальных гарантий. Активное распространение данного феномена формирует новый социальный класс временно/частично работающих людей – прекариата. По наблюдениям британского социального теоретика Г. Стэндинга [8], прекариат характеризуется рядом специфических черт: 1) производственные отношения без гарантии постоянной занятости и рабочего места; 2) денежное вознаграждение за труд как единственная позиция трудовых отношений. Другими словами, прекариат не может рассчитывать на пенсии, пособия по безработице, выплаты по больничным листкам, начисления отпускных, государственных и производственных льгот; 3) отсутствие определенных прав (гражданских, социальных, экономических и т. д.).

Следует отметить, что наряду с предоставляемыми фрилансом возможностями достижения большей свободы более остро встает вопрос о чрезмерной трудовой самоэксплуатации. Современный российский исследователь Ж. Т. Тощенко высказывает мнение о том, что прекариат состоит из людей, которым «приходится работать больше и получать за свой труд меньшее вознаграждение, чем они рассчитывали. Более того, многие из этой группы лиц нередко обнаруживают, что подвергаются большей эксплуатации и самоэксплуатации, которая не адекватна вознаграждению за их труд. В России это, например, ярко проявилось в так называемой рационализации труда преподавателей вузов и других учебных заведений, когда под флагом социальной заботы их переводят на неполную занятость с неадекватным повышением интенсивности труда. Эта группа попадает в ситуацию, когда они постоянно подвергаются самым разным ограничениям, вынуждающим их прибегать к смене прежней и поиску новой работы» [9, с. 4–5].

Являются ли приведенные факты латентным симптомом «конца общества труда»? Скорее об этом говорить еще рано, однако на фоне макросоциальных процессов мы можем зафиксировать определенные смысловые и ценностно-культурные сдвиги по отношению и к трудовой деятельности, и к трудовым взаимодействиям между субъектами. Например, существенно снижается ориентация на содержательные аспекты труда, падает престиж работы «по званию», возрастает инструментальный характер труда, то есть его ценность все больше представляется в возможности реализовать свои личные интересы. Эксперты все более сходятся во мнении, что труд «должен перестать быть той странной штукой, к которой принуждают и которой удостаивают, которую возделают и от которой отлынивают, – одним словом, тем центральным для индустриального общества феноменом, который уже не адекватен модели общества, пришедшего ему на смену. Все большее число продуктов, изобретений, удобств, открытий обязаны своим существованием скорее свободному и творческому, нежели рабочему времени, для которого характерны монотонность, послушание, дисциплина и строго очерченные обязанности» [10, с. 75]. Примечательными в этом плане являются результаты социологических заме-

ров относительно значимости воспитания трудолюбия как выраженного позитивного отношения к трудовой деятельности у детей (рис. 3).

Из данной диаграммы видно, что транзитивные общества в этом вопросе единодушны: позицию «важно» выбрали все три рассматриваемые страны, для которых средний общий показатель составил 85,0 %, при этом для белорусов данная позиция составила наибольший процент среди всех – 87,6 %. Для Германии и Швеции результаты получились диаметрально противоположными: позицию «не важно» выбрали 82,0 % немцев и 86,2 % шведов.

В контексте проблематизации труда как ценности современных обществ заслуживающим внимания представляется феномен дауншифтинга, который непосредственно связан с распространением фрилансовой деятельности. Как правило, для активных дауншифтеров принципиальным фактором является смена своего географического пространства: они переезжают в сельскую местность и организуют с единомышленниками общины в виде, например, экопоселений. В Беларуси сегодня насчитывается 53 поселения (табл. 2). В таких общинах есть свой устав, общие обязанности, дети, как правило, не посещают детские сады и школы, а получают образование в рамках индивидуального (домашнего) плана обучения.

Таблица 2. Количество и процентное соотношение экопоселений по областям Беларуси.
Источник: информационный портал esoby.info [11]

Область	Количество (процентное соотношение)
Брестская	8 (15,09 %)
Витебская	17 (32,08 %)
Гомельская	5 (9,43 %)
Гродненская	8 (15,09 %)
Минская	9 (16,98 %)
Могилевская	6 (11,32 %)

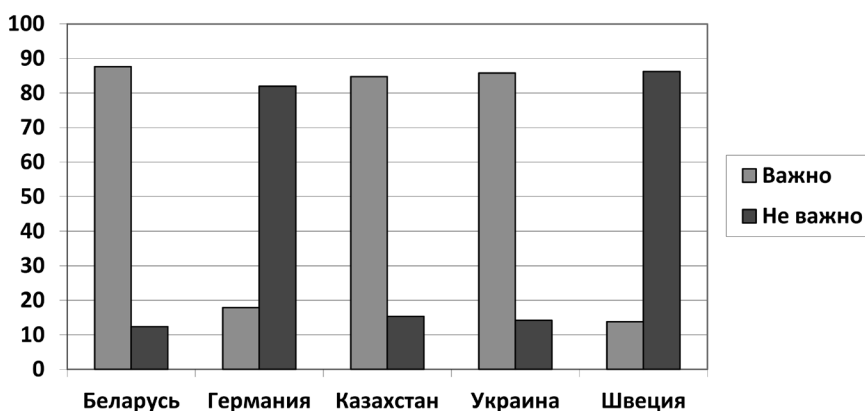

Рис. 3. Диаграмма «Качества, которые можно воспитать у детей в семье: трудолюбие» (в %).
Источник: WVS [3]

Дауншифтинг может рассматриваться как современная форма проявления социального ретритизма (от англ. *retreat* – «отшельничество», «убежище», «удаление от общества»). Когда внести изменения в социальную систему достаточно затруднительно, появляется потребность в выходе (побеге) из нее. В этом смысле социальный ретритизм выражается в том, что индивид не участвует в общественной жизни (отказ от участия в деятельности социальных институтов, выход из религиозных, профессиональных, демографических групп и т. д.). В целом, как осознанное нежелание взаимодействовать в сфере общественной жизни дауншифтинг обуславливается и личностно-психологическими аспектами: разочарование человека в сложившейся системе общественных/экономических отношений; неспособность или осознанное нежелание адаптироваться в социуме и следовать общепринятым стереотипам и стандартам; невозможность или трудности реализации профессионального/творческого потенциала; самоотстранение от активной роли в обществе.

На наш взгляд, можно утверждать, что границы между производительным и непроизводительным трудом размываются так же, как разница между профессиональной занятостью и досугом. В этой связи все более актуальными становятся концепция «цивилизации досуга» (Ж. Дюмазедье и Ж. Фурастье) и концепция компенсаторной функции досуга Ж. Фридмана, которые основаны на понимании свободного времени как самодовлеющей ценности. Дюмазедье выделил три основные взаимосвязанные функции досуга: отдых, развлечения, саморазвитие личности [12]. Изменения качества свободного времени, появление новых форм проведения досуга так или иначе характеризуют современные социокультурные потребности индивида. Сегодня можно говорить о том, что сфера труда и досуга не являются принципиально поляризованными, зачастую они могут функционировать в формате активного взаимопересечения.

Если снова посмотреть результаты социологических исследований в рамках программы WVS по интересующим нас национальным группам, то наибольший процент респондентов, для которых ценность досуга представляется принципиально важной, получается у Швеции – 53,6 %, на втором месте Казахстан – 42,3 %, Беларусь и Украина – в среднем 37,0 % (рис. 4). По позиции «скорее важно» лидирует Германия – 55,8 %. По выбранной позиции «не важно» наибольший процент из всех рассматриваемых стран у Беларуси – 4,5 %. Заметим, что наименьший процент ответа «не важно» у шведов – 0,5 % и немцев – 1,0 %.

Наибольшей ценностью досуг представляется для молодежной группы. Данные социологических исследований убедительно свидетельствуют о следующих аксиологических особенностях: переориентация молодежи с общественных на индивидуальные ценности, возрастание самооценки личности, падение престижа таких ценностей, как гражданственность, патриотизм, коллективизм, труд [13]. Анализ структуры ценностей молодежи указывает на формирование определенного ценностно-нормативного релятивизма. В меняющейся иерархии ценностей, помимо практик эскапистского характера (как

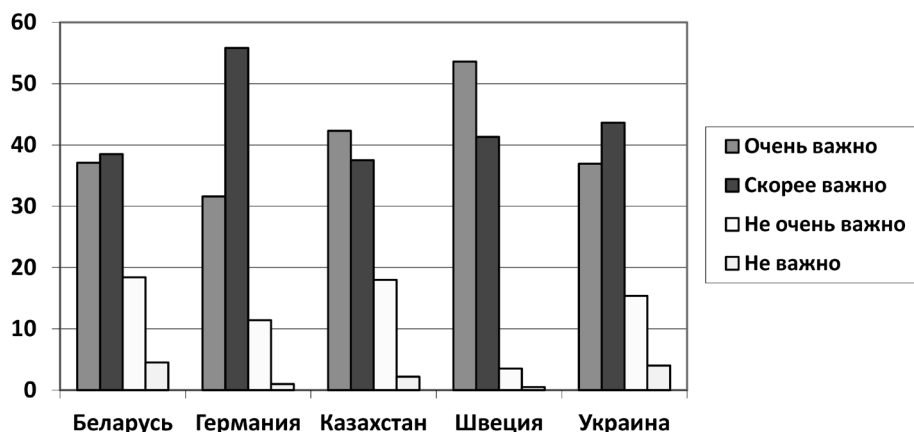

Рис. 4. Диаграмма «Ценность свободного времени» (в %). Источник: WVS [3]

практик уклонения от ответственности и следования установленным нормам), особое место начинает занимать феномен индивидуализации и рационализации ценностей. У современного человека в плане активности есть веер вариантов: выбирать способы поведения в непредсказуемо и стремительно меняющихся обстоятельствах, конструировать персональную систему ценностей, идентификационных структур и т. д. В данном случае свою роль также играет ориентация молодежи на преимущественно краткосрочные жизненные проекты, на быстрый результат/эффект/положительную оценку. Можно выделить такие общие ценности, как здоровье, дружба, любовь, права человека, возможность общения с близкими людьми, образование, самореализация, социальная справедливость. На периферии ценностного поля оказываются религия, национальная культура, искусство.

В целом, так называемая парадигма транзита по-новому проблематизирует происходящие социальные трансформации, которые вносят изменения в коллективные представления о допустимом и недопустимом в сообществе, социальной группе, так как исчезает однозначное представление о пределах возможного и невозможного, лежащих в основании рациональных решений и норм поведения индивида. Любые отношения индивида с обществом обусловлены его социально-психологическими и культурно-мировоззренческими установками, которые также способны формировать противоречия и конфликты. Современное общество столкнулось с трудностями встраивания человека в общепринятые рамки социальной системы. Проблема заключается в том, что все чаще встречаются индивиды, которые в меньшей степени, чем их предшественники, социально адаптированы и следуют нормам, транслируемым через социальные институты.

Итак, контекст аналитического рассмотрения трансформации ценностей и норм высвечивает «крупным планом» усложняющиеся задачи мировоз-

зренческой, культурно-аксиологической ориентации современного человека. Безусловно, ценностно-нормативная компонента играет определяющую роль в процессе достижения и сохранения социального баланса посредством коррекции системы взаимодействия общественных структур и поведения индивида, поскольку она есть критерий выбора из спектра возможных вариантов социального поведения. Благодаря ее функционированию социум может заранее прогнозировать действия своих субъектов. В свою очередь у индивида есть ориентир для координации своего поведения в контексте его соответствия или отклонения принятым общественным нормам и идеалам.

Таким образом, мы должны понимать, что сегодняшние масштабы воздействия деструктивных процессов на различные социальные группы несут глубокие трансформации в самой модели поведения человека, а именно в том, что подразумевается, когда мы говорим о гражданине общества, о том, каким он должен быть, какими обладать качествами и руководствоваться какими принципами в своей повседневной экзистенции, трудовой и личной жизни. Отсутствие высоких целей в развитии, в личной эволюции сознания – симптомы не только стереотипности, однообразия повседневности и роста числа пассивных, инертных индивидов, но и маркеры угрозы самому общественному устройству с его социальными нормами и законами. Разрушение/замена равно как и отсутствие подлинного, говоря языком экзистенциализма, «собственного Я» человека приводит к постепенному стиранию и «социального Я», и культурной идентичности, и целостности личности. В глобальном социокультурном масштабе это приводит к трансформации контекстов индивидуальной жизни человека, способствует появлению новых механизмов и стратегий манипуляции человеческим сознанием.

Рассмотренные в данной статье феномены и процессы указывают на формирующиеся новые тенденции в восприятии индивидом наиболее значимых сторон своей жизни. Новый формат человеческого существования представляется как *terra incognita* со своими экзистенциальными «ловушками» и личностными испытаниями. Также по-новому формулируются задачи ценностной ориентации, личностной мотивации и самоидентификации.

Другими словами, мы можем говорить об изменении общественных приоритетов, о формировании гибкой системы «новых» ценностей и установок поведения, а в более алармистском ключе – о добровольном отказе от норм и ценностей и их замене на разнообразие стилей жизни. К тому же нельзя не учитывать снижение влияния так называемых идеологизированных установок и ценностей. Как следствие на фоне утраты общего основания ценностей набирает обороты ценностный релятивизм, а просветительский формат культуры активно заменяется гедонистическим, развлекательным. Социальной нормой становится образ «среднего человека», который следует заданным обществом потребностям шаблонам и моделям поведения. Динамика распространения такого типа человека крайне стремительна, что практически полностью не только переформатируются социальные структуры и отношения, но и про-

исходит смещение ценностно-понятийного, культурно-мировоззренческого ядра современных обществ.

Также следует иметь в виду, что ценностные и нормативные установки разных слоев общества по-своему специфичны, особенно это касается молодежи, для которой аккумулированные традициями предыдущих поколений ценности не всегда воспринимаются (или вообще отрицаются) как часть индивидуального мира. Наоборот, представители молодежной среды предпринимают активные поиски собственных смыслов, которые чаще не совпадают с транслируемыми общественным сознанием поведенческими модулями и стандартами. Это подтверждается и тем, что досуг перестает играть роль дополнительной активности, а наделяется самостоятельным статусом. Для «цивилизации молодых» существенной ценностной прерогативой становится модус изменения как таковой. Изменение понимается как синоним современности, молодости и активности.

В итоге можно заключить, что вопрос о том, что лучше: плюрализм ценностей и норм или заданные так называемые универсальные ценности и ориентиры – остается открытым и дискуссионным.

Список использованных источников

1. Социология: Энциклопедия / А. А. Грицанов [и др.] ; под общ. ред. А. А. Грицанова. – Минск : Книж. Дом, 2003. – 1312 с.
2. Норма // Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Ин-т философии РАН ; Нац. обществ.-науч. фонд ; предс. науч.-ред. совета В. С. Степин. – М. : Мысль, 2010. – Т. 3. – 692 с.
3. World Values Survey [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>. – Date of access: 12.02.2016.
4. Deutsch, F. Emancipative Values and Nonviolent Protest: The Importance of “Ecological” Effects / F. Deutsch, C. Welzel // *British Journal of Political Science*. – 2011. – Vol. 42, N 2. – P. 465–479.
5. Сосновская, Н. Трансформация семейных ценностей в современном обществе / Н. Сосновская // *Наука и инновации*. – 2015. – № 9 (151). – С. 14–19.
6. Фриланс в Беларуси: как, становясь свободным, не остаться бесправным? [Электронный ресурс] // [Mojazarplata.by](http://mojazarplata.by) [сайт]. – 2016. – Режим доступа: <http://mojazarplata.by/main/rss-yandex-by/frilans-v-belarusi-kak-stanovjasq-svobodnym-ne-ostatqsja-bespravnym>. – Дата доступа: 15.02.2016.
7. Хусяинов, Т. М. Социальная проблематизация интернет-занятости / Т. М. Хусяинов // *Девятые Ковалевские чтения : материалы науч.-практ. конф. 14–15 ноября 2014 г.* / отв. ред. Ю. В. Асочаков. – СПб. : Скифия-принт, 2014. – С. 987–990.
8. Стэндинг, Г. Прекариат : новый опасный класс / Г. Стэндинг. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.
9. Тощенко, Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс / Ж. Т. Тощенко // *Социол. исслед.* – 2015. – № 6. – С. 3–13.
10. Маяцкий, М. Освобождение от труда, безусловное пособие и глупая воля / М. Маяцкий // *Логос*. – 2015. – Т. 25, № 3 (105). – С. 72–87.
11. Информационный портал ecoby.info [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа: <http://www.ecoby.info/>. – Дата доступа: 15.02.2016.
12. Дюмазедье, Ж. На пути к цивилизации досуга / Ж. Дюмазедье // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования*. – 1993. – № 1. – С. 83–88.
13. Грибов, Г. М. Базовые ценности студенчества Беларуси, Украины, Польши, Германии (Сравнительный анализ) / Г. М. Грибов // *Системная трансформация общества: инновации и традиции : сб. науч. тр. кафедр социал.-гуманитар. наук*. – Брест, 2013. – Вып. X. – С. 47–51.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 316.7+17.001

Поступила в редакцию 14.04.2016
Received 14.04.2016

О. А. Павловская

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ

На основе философско-методологического синтеза рассматривается проблема сущности человека как диалектической взаимосвязи природного, социального и духовного начал. Особое внимание уделяется обоснованию сути и значения духовно-нравственных сил в качестве важнейшего источника человеческого бытия и одного из основных факторов социального развития.

Ключевые слова: *сущность человека, социальность, духовные ценности, мораль, религия, достоинство личности*

O. A. Pavlovskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

THE PROBLEM OF HUMAN ESSENCE: SEARCH FOR SPIRITUAL-MORAL GROUNDS

On the basis of the philosophical-methodological synthesis, the problem of human essence is considered as a dialectical relationship of natural, social and spiritual fundamentals. Particular attention is given to the justification of the nature and importance of spiritual-moral strength as the most important source of human existence and one of the main factors of social development.

Keywords: *essence of man, sociality, spiritual values, morality, religion, human dignity.*

Познание сущности человека – одна из ключевых проблем философской рефлексии. Острый и неоднозначный характер рассмотрения этой проблемы связан с развитием философско-антропологического знания в XX в., когда под воздействием социально-экономических и политических коллизий, происходящих в это время, в человеке открывались новые признаки и атрибуты, связанные прежде всего с различными проявлениями его ценностной природы.

Опыт философского осмысления проблемы человека в XX в. отчетливо обозначил феномен его духовной сущности, представил достаточно разверну-

тую картину ее всевозможных реальных проявлений, вывел фундаментальные антропологические константы (целостность, универсальность, открытость миру, незавершенность, стремление к свободе и др.), но в то же время не был лишен всевозможных теоретически противоречивых представлений о сущности, потенциале и предназначении человека. Характерными чертами философско-антропологического дискурса были поиск и описание отдельных свойств человека, выстраивание их иерархии, субъективность и релятивность в трактовках человеческого бытия. Такая ситуация в сфере философского сознания, по сути, оставляет открытым вопрос о сущности человека как важнейшем теоретико-методологическом основании современного научно-технического прогресса.

Большое значение и новое звучание проблема познания сущности человека получает сегодня, при этом особо акцентируется внимание на ее духовно-нравственной составляющей, которая определяется как своеобразный стержень его внутреннего мира и с помощью которой раскрывается то, что еще называют собственно человеческим в человеке. «Серьезный всплеск разговоров о человеке и человеческом связан, прежде всего, с надеждами на духовное возрождение и с верой в то, что суть человека прежде всего моральная» [1, с. 7]. Но в современных условиях уже недостаточно только верить в нравственную силу человека, необходимо владеть глубокими знаниями об ее истоках, содержании, характере влияния на жизнь природы и социума, перспективах развития.

Применительно к философской проблеме сущности человека в контексте современной жизни, на наш взгляд, представляется интересным и конструктивным в методологическом плане переосмыслить позицию марксистской философии по проблеме соотношения объективного и субъективного в человеческом бытии, места и роли в нем духовно-нравственного начала.

Согласно методологической позиции, утвердившейся в советской философской традиции, «в марксизме требование адекватного воспроизведения объективного положения вещей становится основанием для субъективного самоопределения индивида внутри данной объективности» [2, с. 32], что способствовало весьма узкому трактованию морали как социального явления, обоснованию ее достаточно жесткой социальной детерминированности, социально-классовой природы, релятивистского характера. В результате социально-этические взгляды К. Маркса, по словам А. А. Гусейнова, стали представлять собой «шокирующий этический нигилизм». С одной стороны, «мораль – превращенная форма общественного сознания, она не отражает, не выражает, а *искажает и прикрывает действительное положение вещей*. Она, если говорить конкретно, дает ложный выход социальному негодованию масс, подменяет действительное решение проблем иллюзией их решения, представляет собой воплощенное бессилие (“бессилие, обращенное в действие” – так звучит одно из марксовых определений морали)... Люди нуждаются по-

этому не в теории морали, а в том, чтобы освободиться от ее дурмана» [3, с. 2]. И, соответственно, критически оценивались и отвергались как несостоятельные и утопические предшествующие марксизму этические теории. С другой стороны, согласно марксизму, перспективы социально-исторического развития связывались с закономерностью «коммунистического преобразования мира через революционную борьбу пролетариата» [3, с. 4], в ходе которой и должна была проявить себя новая мораль. Такая ситуация привела к тому, что в теоретико-методологическом плане мораль рассматривалась преимущественно как объективное основание человеческого бытия, непосредственно связывалась с общественной практической деятельностью, а ее субъективная сторона явно недооценивалась, весьма поверхностно представлялась роль морали в формировании свободного, осознанного отношения индивида к своей жизнедеятельности, в осуществлении личностного выбора.

Чтобы глубже проникнуть в сущность морали как движущей силы социально-культурного развития, необходимо рассматривать ее не с позиции общества как системы нормативно-долженствовательных отношений, а с позиции человека как живого существа, обладающего разумом и волей, чувствами и потребностями. В связи с этим особую значимость приобретает соотношение моральной проблематики с философско-антропологическим знанием, и прежде всего с проблемой сущности человека.

Обращаясь к философскому творчеству молодого К. Маркса, когда проблема сущности человека находилась в центре его внимания, мы получаем возможность проследить, как в человеческой природе отражается диалектическая взаимосвязь объективного и субъективного, как в ней раскрывается духовно-нравственное начало.

В теоретико-методологическом отношении резонно рассматривать марксистскую позицию по проблеме сущности человека в сопоставлении с философско-антропологическими воззрениями известного немецкого мыслителя Л. Фейербаха, под впечатлением которых находился в то время молодой Маркс. Сопоставление позиций Маркса и Фейербаха позволит увидеть не только то, что их разъединяет (об этом уже немало сказано в истории философии), а, напротив, то, что их может объединить в углублении наших знаний о человеке как субъекте истории и культуры. Такой подход может быть представлен как своего рода *синтез* философских идей этих мыслителей, направленный на научный поиск нового знания о сути человеческого бытия.

В советское время философское наследие Фейербаха, хотя и определялось в качестве одного из ведущих теоретических источников возникновения философии марксизма, преимущественно анализировалось и оценивалось в духе критического отношения к нему классиков марксизма. Сегодня становится очевидным, что необходимо отказаться от существовавших долгое время стереотипов в оценке философского творчества немецкого ученого, переосмыслить его с учетом происходящих изменений в социальной и духовной жизни.

Возрождая материализм, Фейербах считает главными и единственными объектами философского познания природу и человека как ее частицу, при этом наиболее совершенную. Следует уточнить позицию мыслителя относительно материализма. В частности он пишет: «Для меня материализм есть основа здания человеческой сущности и человеческого знания, но он для меня не то, чем он является для физиолога, для естествоиспытателя в тесном смысле... то есть он для меня не само здание. Идя назад, я целиком с материалистами; идя вперед, я не с ними» [4, т. 1, с. 267]. То есть, приступая к анализу человеческой сущности, Фейербах прежде всего признает человека как реальное природное существо, но не останавливается на этом, а подчеркивает, что человеческая сущность намного сложнее и многограннее, не ограничивается только природной составляющей, а включает в себя некоторое неведомое, «таинственное» содержание, явно выходящее за пределы естествознания. «Природа, – говорит Фейербах, – не имеет никаких намерений, кроме жизни. Человек не есть цель природы – он есть эта цель только в своем собственном человеческом понимании – он есть высшее проявление ее жизненной силы» [4, т. 1, с. 245]. Получается, что, с одной стороны, человек есть часть природы, но не вся природа, с другой – природа есть часть человека, но не весь человек. То есть обнаруживается особая область человеческой сущности, тесно связанная с природной основой, но и, что самое главное, выходящая за ее пределы, приобретающая самостоятельный статус. Эта область и есть область *собственно человеческого* в человеке.

Проблема *собственно человеческой* сущности человека, поставленная и разрабатываемая Л. Фейербахом, стала отправной точкой в развитии философских взглядов К. Маркса на проблему человека. Опираясь на фейербаховскую антропологическую концепцию, он разрабатывает очень важное, недостающее звено – проблему социальной сущности человека, а также необходимо особо подчеркнуть, что в своем раннем творчестве Маркс выходит и на проблему духовной (*человеческой*) сущности.

Такой методологический подход позволяет рассматривать сущность человека как диалектическую взаимосвязь трех основных частей – природного, социального и духовного начал.

Природная (естественная) сущность человека. Философский анализ проблемы сущности человека, естественно, начинается с того, что указывается связь человека с природой. «Человек *живет* природой, это значит, что природа есть его *тело*, с которым человек должен оставаться в процессе постоянного общения, чтобы не умереть» [5, с. 565], то есть удовлетворять свои витальные потребности, реагировать на болезни своего организма, испытывать положительные и отрицательные эмоции, воспроизводить себя в своих детях. Это, бесспорно, свидетельствует о том, что вне природы и без природы человек просто не может физически существовать. Природа является для человека единственным источником жизни и важнейшим жизнеобеспечивающим средством.

Однако не только физически, но и духовно человек связан с природой. В этой связи Фейербах определяет чувственность как источник наслаждений и страданий человека, что находит свое проявление и в человеческих добродетелях, и в человеческих пороках. Маркс, говоря о природной сущности человека, особо подчеркивает то, что человек является *деятельным и страдающим* существом [5, с. 631]. Страдание в свою очередь тесно связано внутри человека со страстью, которая есть «энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека» [5, с. 632]. Таким образом, природная сущность человека изначально амбивалентна по своему содержанию: включает в себя физические и духовные силы, которые находятся между собой в строгом, неразрывном единстве.

Естественно, когда речь идет о природной сущности человека, неизбежно возникает вопрос о том, чем отличается человек от животного. Фейербах вполне определенно отмечает, что человека отличает от животных не только наличие сознания и самосознания. Таким определяющим признаком является *универсальность*: «У человека нет обоняния охотничьей собаки, нет обоняния ворона; но именно потому, что его обоняние распространяется на все виды запахов, оно свободнее, оно безразличнее к специальным запахам. Где чувство возвышается над пределами чего-либо специального и над своей связанностью с потребностью, там оно возвышается до *самостоятельного теоретического* смысла и достоинства» [6, т. 1, с. 142]. Способность человека возвышаться над своим существованием, стремиться в своей жизни к высшим целям свидетельствует о наличии в нем заложенного природой мощного потенциала к восприятию, созданию, реализации и осознанию сферы духовных ценностей. Поэтому только человеку, считает Фейербах, свойственно *разумное и моральное* отношение к жизни.

Общее, что есть у человека и животных, – это их естественные силы, которые в животном не выходят за рамки его существования, а человек способен их видоизменить посредством своего сознания, воли и деятельности – как развивать и совершенствовать, так и искажать и разрушать, – тем самым превращая их в свои *собственно человеческие* силы. «Разница только та, – пишет Фейербах, – что то, что он (человек) имеет с ними (животными) общего, в нем очеловечивается, облагораживается, одухотворяется, но, увы, часто также искажается и ухудшается» [6, т. 1, с. 617].

«Человек – не только природное существо, он есть *человеческое* природное существо» [5, с. 632], то есть изначально в самой природе человека заключен потенциал не только физических, но и духовных сил, который, с одной стороны, однозначно свидетельствует о человеке как об уникальном природном существе, с другой – является необходимой основой для его превращения в социальное существо. Но понять, вследствие чего и каким образом происходит формирование и проявление *собственно человеческой* сущности человека, невозможно, не определив сути и значения его социальной (родовой) сущности.

Социальная (родовая) сущность человека. Бесспорно, глубокий и обстоятельный анализ социальной природы человека принадлежит марксизму. Однако и в философии Фейербаха содержатся интересные положения относительно родовой сущности человека.

Фейербах не просто говорит о том, что человек живет среди людей, а утверждает, что в человеке отражается по существу весь человеческий род (человечество). В человеке заключена его родовая сущность или, иными словами, *собственно человеческие* силы, то, что свойственно всем людям вместе взятым и каждому человеку в отдельности. Таковыми, по мнению мыслителя, являются разум, воля и сердце (чувство любви). Человек, осознавая в самом себе свой род, признает, что он является мыслящим, любящим, наделенным волей существом. При этом Фейербах особо подчеркивает, что разум, воля, любовь как сугубо человеческие сущностные силы, с одной стороны, изначально присущи человеку, составляют его жизненный потенциал, с другой – в них «закключаются *высшие* силы, *абсолютная сущность* человека как такового и цель его существования» [6, т. 2, с. 25].

Однако если в теоретическом плане логически можно обосновать единство разума, воли, чувства любви, то на практике отчетливо просматривается значительная дистанция (разница) между собственно человеческими силами как исходной потенциальной базой, с одной стороны, и собственно человеческими силами как высшими, идеальными сущностями – с другой. Принимая это во внимание, Фейербах дополняет представление о родовой сущности человека положением о его *собственной предметной сущности*, считая, что только через предметы, используемые в своей деятельности, человек может раскрыть свои индивидуальные особенности. В качестве предметов могут выступать самые различные объекты: как простые, земные, необходимые для повседневной человеческой деятельности (материальные), так и возвышенные, небесные, абстрактные (духовные), созерцание которых может доставлять человеку наслаждение, удовольствие, а также выступать в качестве объекта и цели познания. В различных материальных и духовных предметах отражается многообразие и уникальность собственно человеческой природы (физических и духовных сил).

Обращая внимание на этот аспект, классики марксизма резонно замечают: «Фейербах никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности, составляющих его индивидов» [4, т. 2, с. 24]. Однако несмотря на эту критическую оценку, подчеркивая, что взгляды Л. Фейербаха «никогда не выходят за пределы разрозненных догадок» и представляют собой не что иное, как «способные к развитию зародыши» [4, т. 2, с. 22], но именно эти «догадки», эти «зародыши» и стали мощнейшим источником для формирования собственных взглядов К. Маркса на проблему социальной сущности человека.

В основе анализа социальной сущности человека находятся проблемы отчуждения и присвоения. Маркс подробно останавливается на анализе тру-

довой деятельности в условиях буржуазного общества, когда в наиболее обостренной, открытой форме проявились характерные черты процесса отчуждения. Он выделяет различные виды отчуждения и самоотчуждения: отчуждение предмета труда от его непосредственного производителя, отчуждение человека от самого процесса труда, отчуждение человека от его рода и т. д. Отчуждение и самоотчуждение отрицательным образом сказываются на духовно-нравственном состоянии человека. «Чем больше ценностей он создает, тем больше сам он обесценивается и лишается достоинства... чем культурнее созданная им вещь, тем более похож на варвара он сам... В своем труде не утверждает себя, а отрицает, чувствует себя не счастливым, а несчастным, не разворачивает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуляет свою физическую природу и разрушает свой дух» [5, с. 561–563].

Все это отчуждается, самоотчуждается человеком в пользу другого, противостоящего ему, чуждого ему существа, как правило, не участвовавшего в процессе труда, но присваивающего его продукты или распоряжающегося его результатами. Самоотчужденные физические и духовные силы рабочего, вложенные им в труд и продукт труда, преобразуются в состояние отчуждения, духовную энергию отчуждения другого человека (не-рабочего). Этот процесс, разворачиваясь в масштабах истории, порождает чудовищную по своей силе власть человека, чуждого процессу труда, власть, олицетворенную в виде частного собственника, хозяина, господина, монарха, государства, монополии, корпорации и т. п. Эта власть чуждого существа подчиняет себе жизнь рабочего, превращает его труд в вынужденный, принудительный, порабощает его физическую и духовную природу. Основными характерными чертами этих взаимоотношений являются враждебность, агрессивность. И именно такой характер взаимоотношений реально служит источником нестабильности, взрывоопасности социальной системы.

Отчужденная, самоотчужденная природа человека отражается и в различных носителях отчужденного труда: произведенных материальных ценностях, заработной плате, деньгах и т. д. Но в наиболее концентрированном виде она выражается в частной собственности, которая одновременно является «следствием самоотчуждения труда... продуктом отчужденного труда... средством его отчуждения, реализацией этого отчуждения» [5, с. 569].

«Частная собственность является лишь чувственным выражением того, что человек становится в одно и то же время предметным для себя и вместе с тем чужим для самого себя и бесчеловечным предметом» [5, с. 591]. Закономерное развитие процесса отчуждения посредством движения частной собственности, с одной стороны, выражается в приумножении вещественного мира (материальной культуры), с другой – в разрушении внутреннего мира человека, превращении его в ту или иную часть этого предметного мира: человек рассматривается как объект, предмет, продукт, средство, «винтик», механизм и т. п.

Своеобразной вершиной процесса отчуждения является феномен частной собственности, заключающий в себе единство и противоположность объективных и субъективных сил человека и общества. Частная собственность, черпая свои отчужденные силы из объективной противоречивой природы человека, «превращается в субъект в ее деятельной форме, т. е. становится сущностью человека в одно и то же время как человека такового и человека как некоего изуродованного существа» [5, с. 582]. Отсюда и сама частная собственность наполняется противоречивой природой, что выражается как в увеличении предметного мира человека, возрастании объективных (материальных) сил социума, усилении его влияния на природу, так и в дальнейшем развращении, усугублении процесса самоотчуждения человека, в разрушении его внутреннего мира, ослаблении его субъективных духовных сил, лишении многих ступеней индивидуальной свободы.

Человек как субъект труда (материальной деятельности) «сам является напряженной сущностью частной собственности» [5, с. 582]. Историческое движение частной собственности все более убедительно демонстрирует, что исходными пунктами этого движения являются человек как объект и субъект труда и материал, продукт труда. Эти последние (вещественная сторона частной собственности) по мере экономического развития общества все более занимают доминирующее положение в структуре частной собственности и превращают самого человека из объекта и субъекта деятельности в средство деятельности, в ее отчужденный продукт, изуродованный продукт, а следовательно, и социальная природа человека в большей мере выражается как его предметная, вещественная сущность.

Одним из основных результатов отчужденного, самоотчужденного труда является то, что *объективно* человек в духовно-нравственном плане все более теряет себя самого, страдает, ощущает себя несчастным, существенно ограничен в проявлении своей свободы, вплоть до того, что становится рабом продукта труда и сложившихся производственных отношений. В такой ситуации заложенный в человеке от природы мощный потенциал физических и духовных сил не получает своего достойного развития.

«Родовая сущность человека – как природа, так и его духовное родовое достояние – превращается в чуждую ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования*. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую сущность*» [5, с. 567]. Этот сделанный К. Марксом вывод не только подводит главный печальный итог отчуждения, самоотчуждения, но и содержит очень важное методологическое положение, позволяющее выделить новую грань в сущности человека – духовную, *человеческую сущность*.

Духовная (человеческая) сущность человека. Выход молодого Маркса на проблему *человеческой сущности* как таковой явно был обусловлен влиянием фейербаховской философии.

Принимая за основу реального человека, Л. Фейербах раскрывает процесс отчуждения и присвоения человеческой сущности в религиозном сознании. «Религия есть сон человеческого духа, но и во сне мы находимся не на небе, а на земле, в царстве действительности; только мы видим действительные предметы не в реальном свете необходимости, а в чарующем блеске воображения и произвола» [6, т. 2, с. 17].

Специфика религии, по Фейербаху, заключается во взаимосвязи между собой процедур отчуждения и присвоения человеком своей собственной сущности. «Бог сам по себе – это отчужденное от человека его “Я”, которое он затем снова приписывает себе» [6, т. 2, с. 49]. Отчуждение и присвоение в религиозном сознании создают зону особого напряжения и противоречия. С одной стороны, посредством отчуждения человек отрицает ради божества свое знание, свое мышление и приписывает их Богу, отрекается от своей личности и признает личность Бога, отказывается от человеческого достоинства и переносит его в сферу божественного. С другой стороны, через процедуры присвоения человек постепенно и последовательно открывает для себя в религиозных формах свою подлинную человеческую сущность, свое духовно-нравственное содержание.

Исторически наибольшие возможности в плане постижения человеком своей сущности открываются, по мнению Фейербаха, в христианской религии, которая «в вопросах внешних предоставляла человека самому себе» [6, т. 2, с. 50], а во внутреннем своем содержании наибольшее внимание концентрировала именно на духовно-нравственной стороне человеческой жизни. По сравнению с другими религиями христианская религия «различала побуждения и аффекты людей по их свойствам и содержанию. Она приписывала Божественному Откровению и влиянию только добрые аффекты, нравственные мысли и чувства, которые она считала чувствами, аффектами и мыслями Бога... Если Бог обнаруживается только в нравственных побуждениях, то его существенным качеством является нравственное достоинство» [6, т. 2, с. 49].

Таким образом, в основе божественной сущности Фейербах видит человеческую сущность, которая отчуждается и превращается в самостоятельный идеализированный образ, в концентрированном виде выражающий духовно-нравственное содержание. «Бог как моральное существо есть не что иное, как обожествленное и нашедшее свое предметное выражение духовное существо человека» [4, т. 2, с. 514]. Присвоение объективированной и идеализированной сущности Бога посредством культурного освоения человеком исторического религиозного опыта открывает ему возможность вновь увидеть себя, свои различные проявления духовно-нравственной сущности. Но это сложный и длительный процесс, практически неосуществимый, как отмечает Фейербах, в течение жизни отдельного человека, а возможный лишь в исторической перспективе по мере развития образования и последовательного преодоления религиозного сознания как такового.

Духовная сущность человека непосредственно связана с его внутренним миром. Истоки духовности заключены в самой природе человека и выражаются в его чувственности, способности страдать, переживать, размышлять, проявлениях его воли и страсти и пр. Эти *потенциальные* духовные силы объективируются в процессе и продуктах деятельности человека, его отношениях с другими людьми, что сопровождается в случаях отчуждения деятельности отрицательными психологическими реакциями и деформациями морального сознания, в случаях же присвоения деятельности и ее результатов – положительными психологическими реакциями и моральными качествами.

В противовес *обесчеловечиванию* человека в условиях отчужденного труда поднимается Марксом проблема *очеловечивания* человека, осуществление которой связывается непосредственно с процессом *присвоения* человеческой жизни самим человеком (самоприсвоения). «Присвоение *человеческой* жизни есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному*» [5, с. 589]. Присвоение (самоприсвоение) как деятельная основа духовной сущности человека сопряжено с обогащением, совершенствованием его внутреннего мира в противовес процессу отчуждения (самоотчуждения), который связан с его обеднением, опустошением.

На уровне духовной сущности *присвоение* представляет собой процесс освоения человеком и для человека физических и духовных сущностных сил человека, воплощенных в свободной творческой деятельности и ее результатах, и преобразования их в свои внутренние ценностно-императивные структуры, а также в целом в личную культуру.

Процесс *очеловечивания* человека как присвоения им духовных сущностных сил как своих, так и других людей не может быть осуществлен без такого социального феномена, как культура. «Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается, богатство субъективной *человеческой* чувственности» [5, с. 593]. В этом высказывании К. Маркса вполне определенно просматривается то, что в выражении «предметно развернутое богатство человеческого существа» понимается внешняя культура, культура общества, а в словах «богатство субъективной *человеческой* чувственности» – внутренняя духовная культура человека. Культура как опредмечивание человеческой сущности, по мнению мыслителя, осуществляется как в теоретическом, так и в практическом отношении с двоякой целью: с одной стороны, «*очеловечить чувства* человека», то есть уже существующего человека, попавшего под воздействие отчуждения и самоотчуждения и испытавшего на себе их пагубные последствия, с другой – создать *человеческое чувство*, соответствующее всему богатству человеческой и природной сущности, то есть творчество новых духовных ценностей [5, с. 594].

Развитие духовной сущности человека, помимо процесса опредмечивания (окультурирования), теснейшим образом связано с процессом самоутверж-

дения человека как личности. Персонализация (личностное развитие) человека, обретение своего «я» – «То, что я делаю из моей особы», «Не только в мышлении, но и *всеми* чувствами человек утверждает себя в предметном мире» [5, с. 590, 593] – способно противодействовать негативному воздействию отчужденного труда и его продуктов, отчужденных человеческих отношений, противопоставить процессу обесценения, обезчеловечивания сущности человека процесс одухотворения, облагораживания, очеловечивания как свободное и творческое развертывание им своей физической и духовной энергии. Именно на личностном уровне концентрируется энергия мысли, энергия чувств, энергия страданий, энергия свободы и т. д. как реального проявления духовной сущности человека.

В личностном плане важнейшим результатом такого духовного развития человека становится обретение им своего *человеческого достоинства*, которое в концентрированном виде выражает ценность самого человека как духовного существа. Это, по словам Маркса, и есть «мое собственное достояние» [5, с. 592].

Своеобразной вершиной присвоения и самоприсвоения человеком духовных ценностей является *истинно человеческая собственность*. Именно такое понятие вводит К. Маркс в свой философско-экономический анализ. Хотя само это понятие им не анализируется подробно, все же логически можно судить о нем как о противопоставлении частной собственности. Если *частная собственность* представляет собой «материальное, резюмированное выражение отчужденного труда» [5, с. 571], то *истинно человеческая собственность* – духовное, концентрированное выражение присвоенной человеческой жизни.

Сфера личностного в человеке есть по существу «поле» борьбы, противостояния внутри него добра и зла как природных стихийных сил, отчужденных и присвоенных социальных отношений, так и сугубо индивидуальных проявлений духовной природы человека. В зависимости от характера взаимосвязи, степени соотношения между собой сил (энергии) добра и зла формируется качественное своеобразие и ценностное содержание духовного мира человека. Преобладание добра как особого позитивного качества во внутриличностных духовных структурах – путь к последовательному возвышению, облагораживанию человеческой природы, то есть в целом *очеловечиванию* человека, в противном случае – опустошение, деградация, моральное падение, вплоть до постепенного перехода в исключительно животное состояние, ведет к *обесчеловечиванию* человека.

Осмысление и оценивание различных сторон жизнедеятельности человека через призму понятий добра и зла (и, соответственно, их конкретизация в других понятиях этического характера – счастье, ответственность, свобода, справедливость, любовь и др.) указывают на то, что доминантой духовного мира человека является сфера морального сознания. Также и в реальности проявления человеческого духа сопряжены прежде всего с различного рода морально-ценностными признаками. И само понятие человечности как выс-

шей степени проявления человеческой природы традиционно ассоциируется с представлениями морально-психологического и культурно-этического характера. В связи с этим необходимо отметить, что в сложнейшей, многослойной, практически неуловимой и трудно фиксируемой структуре человеческой духовности нравственным компонентам отводится важная роль: их осмысление и оценка посредством развития когнитивно-творческих способностей дает человеку возможность последовательно открывать для себя самого и для других людей таинственный мир человеческой души. Духовно-нравственные ценности, освоенные индивидом и преобразованные в его личную культуру, становятся своеобразным «мостиком» между внутренним миром личности и внешним миром социума. Поэтому, говоря о духовной сущности человека как концентрированном выражении его *человеческой* сущности как таковой, можно использовать понятие «духовно-нравственная сущность». Это позволяет не только определить место нравственного начала как стержня духовного мира личности, но и обозначать его роль в качестве важнейшего источника духовной энергии, который, в свою очередь, может быть познаваем и осознаваем самим человеком, а следовательно, в состоянии направляться и контролироваться его разумом, с его помощью развиваться и совершенствоваться.

Таким образом, философская проблема сущности человека может быть представлена в виде своеобразной триады – диалектически взаимосвязанных между собой природного, социального и духовного начал. Мощный потенциал физических и духовных сил (энергии) человека, заложенный природой, опосредуется обществом, получает возможности, с одной стороны, для объективирования в материальных ценностях, реализации в деятельности и системе социальных отношений, с другой – для возвышения и духовно-культурного развития либо, напротив, для морального падения и деградации. Социум в различных своих конкретно-исторических формах представляет собой своеобразное «поле» противостояния (борьбы) сил отчуждения и присвоения, что объективно сказывается на формировании и проявлении человеком его сущностных сил, усиливая или ослабевая его позиции в мире материальных ценностей, открывая или закрывая от него мир духовной культуры. Объективное развертывание в социуме отчужденно-присвоенных сущностных сил человека опосредуется, в свою очередь, его собственным духовным миром, где непосредственно осуществляется процесс субъективирования его реальной жизнедеятельности (побуждения, прочувствования, осмысления, мотивации и пр.).

Внутренний мир человека при всех его сложнейших структурах и многообразных проявлениях становится по существу для самого человека сферой столкновения сил добра и зла. Именно понятия «добро» и «зло» выступают для самого человека в качестве главных критериев осознания и оценивания, смыслополагания жизни как таковой, являются ведущими ориентирами для осуществления его личного выбора убеждений и поступков, составляют основу его формирования отношений с другими людьми и социальными институ-

тами. В результате сложнейшей внутренней работы сознания и самосознания складывается система его отношений к себе самому, другому человеку, различным социальным группам, обществу, природе, где своеобразным стержнем становится духовно-нравственная составляющая, поэтому именно она и наполняет своим содержанием внутренний мир, становится одной из его сущностных сил. А сам человек в результате этого обретает свой уникальный и неповторимый личностный облик. В течение жизни под воздействием объективных условий и различных субъективных факторов духовно-нравственные силы (энергия) человека аккумулируются, преобразовываются в его чувства, мысли, убеждения, поступки, в целом жизненную позицию и личную культуру, которые, в свою очередь, становятся мощным потенциалом. Этот потенциал человек может использовать и использует по мере своих возможностей и окружающих его обстоятельств в качестве фактора воздействия на жизнь общества и противодействия различным социальным деформациям и природным катаклизмам.

Но в духовном плане человек обладает еще очень важной особенностью, корни которой уходят глубоко в его природную сущность: лично для себя все, с чем он соприкасается в своей жизни, он *хочет* прежде всего получать, иметь, оценивать сугубо с точки зрения положительных эмоций, позитивных результатов, добра для себя, то есть изначально в нем самом заложен источник аккумуляции и культивирования в себе самом позитивной духовно-нравственной энергии. Эта особенность играет важную, ключевую роль в жизни человека, открывая перед ним уникальные возможности благотворного влияния на жизнь социума и природы. Как утверждает Л. Фейербах, жить «чисто по-человечески» – значит желать себе и другим добра. В этом следует усматривать и толчок к осуществлению различного рода процессов по положительному упразднению негативных последствий своей личной жизни, жизни социума и природы, в том числе и процесса, по словам К. Маркса, «положительного упразднения частной собственности» как необходимого условия качественного преобразования социальной системы.

Список использованных источников

1. Марков, Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории / Б. В. Марков. – СПб. : Лань, 1997. – 384 с.
2. Кузнецов, Н. В. Субъективное и объективное в этике марксизма / Н. В. Кузнецов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6. – 2011. – Вып. 2. – С. 31–37.
3. Гусейнов, А. А. Марксизм и этика / А. А. Гусейнов // Карл Маркс и современная философия : сб. материалов науч. конф. к 180-летию со дня рожд. К. Маркса / Ин-т философии РАН. – М., 1999. – 379 с.
4. Фейербах, Л. Избранные философские произведения : в 2 т. / Л. Фейербах. – М., 1955.
5. Маркс, К., Энгельс, Ф. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1956. – 689 с.
6. Фейербах, Л. Сочинения : в 2 т. / Л. Фейербах. – М. : Наука, 1995.

С. П. Цепяев

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОБЛЕМЫ ЧЕЛОВЕКА

Анализируется сущность и особенности институционального и экономического подходов к анализу проблем человека. Указывается на ограниченность экономического подхода при анализе широкого спектра проблем человека. Рассматривается возможность комплексного использования данных подходов при создании социально-экономических моделей устройства и развития общества.

Ключевые слова: *институция, институт, культура, институциональный и экономический подходы к проблеме человека.*

S. P. Tsepayev

SOME PECULIARITIES OF INSTITUTIONAL INTERPRETATION OF THE PROBLEM OF HUMAN

There are analyzed the essence and peculiarities of institutional and economic approaches to analysis of human problems. There is underlined the limitation of economic approach in analysis of a wide range of human problems. There is considered the possibility of complex use of the given approaches in creation of social-economic models of society development.

Keywords: *institution, culture, institutional and economic approaches to human problem.*

Понимание человека непосредственно связано с различными трактовками социально-экономической реальности и предполагает признание вариантности сконструированной системы отношений, а также поиск корректных способов ее описания. Институциональная теория формируется как реакция на внеисторизм и механицизм в понимании социально-экономической деятельности, при этом институты интерпретируются как образцы и нормы поведения, устойчивые привычки мышления, присущие большой группе людей (Т. Веблен); коллективные верования и способы поведения (Э. Дюркгейм); всякое легитимное общественное объединение (М. Дуглас); конституционная система страны (Д. Рише); правила поведения, обеспечиваемые внешней властью и индивидуальными интересами (Э. Шоттер); формализованная в кодексах стратегия обеспечения эволюционного равновесия (М. Аоки); форма коллективной деятельности, контролирующая индивидуальное поведение через особые социальные структуры, которые определяют цели и предпочтения агентов (Д. Хоманс); установившиеся формы мышления (Ч. Кули); способы мышления или действия, опредмеченные в привычках группы или обычаях народа (У. Гамильтон); модели поведения членов группы (Ф. Чэпин); форма ожиданий, детерми-

нирующая поведение человека и социальные отношения (Т. Парсонс); система особых правил и установок поведения в обществе (Д. Хертзлер); совокупность идей, обычаев, инструментов, формирующихся в практике и регулирующих деятельность (К. Панунцио); материально объективированные групповые цели (Дж. Фейблман); совокупность созданных людьми ограничений, правил и норм (Д. Норт); система правил, которые конструируют само поведение (Дж. Сёрл); системы устоявшихся и общепринятых социальных правил, структурирующих социальные взаимодействия (Дж. Найт, Дж. Ходжсон); предписанные образцы коррелированного поведения (Дж.-Ф. Фостер) и т. д. [1].

Институты исследовались как в СССР, так и на постсоветском пространстве, где трактовались преимущественно в русле перечисленных подходов. В некоторых случаях ключевым для определения института оказывается понятие «норма», однако существует мнение, что суть институтов не сводима к нормам (О. В. Иншаков), последнее есть атрибут института, но не его социальная сущность, раскрытие которой требует более широкого методологического подхода [2]. Существуют попытки разграничить правила и нормы (Ф.-А. Хайек, М. Поланьи, А. Шаститко, Р. Туомела) и, напротив, включить нормы в институты как правила (Дж. Ходжсон). Экономическая наука не делает существенных различий между институтами, нормами и правилами, зачастую сводя их к повседневным социально-экономическим практикам. Однако предпосылки для выработки тождественности понимания существуют и расширяются за счет включения в экономический анализ культуры и человека в их целостности и многообразии. Институт основывается на норме и реализуется через те или иные формы социальных практик, которые могут существенно изменяться, появляться и исчезать, не меняя института, а тем более – нормы.

Наличие разночтений в трактовке институтов свидетельствует об отсутствии согласованности между категориально-концептуальным содержанием и используемым при этом языком, принятым в науке. Для того чтобы преодолеть такой разрыв, необходимо перейти от операций с подсхемами (подпарадигмами) знания к уточнению и упорядочиванию языка выражения. До сих пор не сформировался соответствующий категориальный язык, по существу происходит смещение доминант в анализе в сторону институциональной интерпретации при сохранении прежних концептуальных, парадигмальных схем. Более того, понятие «институт» используется практически всеми направлениями, сложившимися в структуре социально-экономических наук, поскольку придают им видимость новизны и т. д. Поэтому институты как понятие пока не выступают инструментами действенного анализа в социально-экономической теории [3].

С одной стороны, любой человеческий поступок определяется его индивидуальными особенностями и состоянием в данный момент. С другой стороны, содержание эмоций, мотивов человека, его видение ситуации и конкрет-

ные намерения в значительной степени сформированы надындивидуальным уровнем. Институты формируют социальное пространство, вне которого невозможно представить деятельность социального субъекта. Иными словами, институты выступают не просто атрибутом действий и взаимодействий, а их объективной предпосылкой и ресурсом. Однако надындивидуальные формы и структуры все-таки должны рассматриваться как производные от взаимодействий людей, а при таком подходе вскрываемое категориально-концептуальное общее должно адекватно представить некую особую форму бытия человека и его институционального окружения, что маловероятно при претендующей на междисциплинарный статус интерпретации институтов через конвенции.

Справедливо замечание О. Иншакова и Д. Фролова о необходимости разграничения институций и институтов [4]. В частности, В. Зотов, В. Пресняков, В. Розенталь отмечают, что если институции – это обычаи, традиции, правила и нормы социального поведения, то институты – это особые функциональные и организационные формы коллективной деятельности. Институты необходимо рассматривать как креативные системы, порождающие, преобразующие и сохраняющие консенсус устойчивости и изменчивости. Социальный процесс в этом случае выступает как некое идеальное движение, превращаемое в ту или иную реальность [5, с. 53]. Устройство креативных систем предполагает более или менее постоянную инфраструктуру, которая включает объективированные результаты взаимодействий с элементами этой системы, их свойства (язык взаимодействий, способы передачи информации, возможные типы идеальных объектов), составляющих единое целое. Его и анализировать необходимо в совокупности, что позволит понять особенности различных институтов, их «вписанность» в общую социально-экономическую среду, возможности взаимного заимствования и пути развития в современной социальной среде (В. Широнин). Но для этого необходимо интерпретировать институты как концепты связей (В. Лекторский), что представляется более корректным в плане исследования места человека в схеме институциональной регуляции.

Те или иные интерпретации человека в близких к экономической теории науках первоначально возникают как предпосылка, исходные принципы которой сформированы в других дисциплинах (философии, социологии, психологии), но уточняются в экономической теории. Социально-экономические теории формируют разнообразные нормативные модели человека как некоторые императивы, определяющие направление его развития и включающие понимание основных детерминант и форм деятельности человека, а в качестве гипотезы (или аксиомы) приемлют ту или иную интерпретацию основных мотивов и целей человека и его институционального окружения. В предельно общем виде это человек: действующий в своих интересах, но различающийся уровнем своей активности (А. Смит); деятельный и экономный, но использующий свои средства как ресурсы, обеспечивающие наслаждение

(Дж.-С. Милль, Дж. Бентам); ограничивающий себя рамками рационального понимания «справедливости» (Б. Гильдербранд, К. Книс); формируемый институтами общества и распадающийся на «капиталиста» и «рабочего» (К. Маркс); оптимизирующий потребление через обмен благ посредством денежного эквивалента (У.-С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас); рационализирующий ситуацию при помощи государства и тем самым снимающий состояние неопределенности (Дж.-М. Кейнс); формирующийся в результате влияния общественных институтов и умножающий общие знания людей, которые взаимодействуют на рынке (Ф. Хайек). В рамках парадигмы институциональной экономики мотивы поведения человека определяются его стремлением к изменению своего экономического положения в рамках институциональной системы, поэтому предмет исследования смещается в сторону анализа отношения человека и институтов.

Имеющая место узкая экономическая интерпретация человека является результатом неолиберальной экономической политики. При этом ограничиваются (в силу одномерности мотива) как сфера его собственного бытия, так и сфера общей социальной жизни, они замыкаются границами того или иного понимания рациональности, препятствуют своему собственному развитию, а это противоречит принципам «открытого общества»*. В неоклассической модели «экономический человек» ориентирован на максимизацию материальных благ, а «институциональный человек» – на укрепление своего статуса в общественной системе. Последний может ориентироваться на статус как единственную (либо главную) цель, но может рассматривать статус и как рациональное средство достижения совершенно иных целей, в том числе и связанных с выходом за пределы институциональных ограничений [6]. Экономическая наука все более глубоко понимает целостность и универсальность человека, невозможность его интерпретации исключительно экономическими категориями, осознает необходимость построения новой парадигмы, учитывающей многогранные связи экономики с другими социальными сферами и не только в их абстрактно-теоретическом выражении, а прежде всего в форме конкретного бытия, то есть культуры.

Построение соответствующих моделей возможно и в самой экономической науке, однако специфика ее предмета потребует жесткой модели человека, связанной прежде всего с анализом экономического поведения. Таковым оказывается анализ в концепции М. Вебера, где экономическое действие вы-

* То, что смежные с экономической теорией дисциплины не могут быть безоговорочной предпосылочной базой для интерпретации человека в экономике, убедительно показал Н. Д. Кондратьев, поскольку не все социальные действия могут рассматриваться как субстратные по отношению к экономическим отношениям и институтам. Собственно экономическим поведением является такое, где реализуется экономический интерес, причем система актов поведения соотносится с системой институтов, что предполагает многомерную интерпретацию как экономики, так и человека в ней.

ступает априорным конструктом, представляющим все возможные формы хозяйственной деятельности, воплощаемые в цивилизационном типе рационального выбора («духе капитализма»), ориентированном на получение выгоды посредством контроля над ресурсами. Следовательно, идеальный тип экономического поведения человека – это предельно абстрактная конструкция, ограничиваемая институционально-государственной структурой, сдерживающей максимизацию эгоизма, а рационализация экономической системы предполагает постоянное совершенствование системы институтов, благодаря которой происходит развитие общества, что оказывается определяющим по отношению к человеку и его мотивам. При этом любое поведение индивида интерпретируется как производное от существующего институционального порядка и степени его легитимности. Одним из первых, кто осознал несоответствие предлагаемых в рамках экономической теории парадигм, интерпретирующих человека, и реальной экономической жизни, был В. Парето. Согласно его мнению, экономическое поведение есть сложный комплекс традиционных, стереотипных, подсознательных и других элементов, где рациональность не обязательно является ведущей. Экономические действия должны рационализироваться, формализоваться, но выбор целей и принятие решений оказываются вне компетенции науки, поскольку интересы человека как субъекта разнообразных видов поведения не могут быть предметом строгого научного анализа, базирующегося на жестких правилах логического выбора.

Дальнейшее движение в направлении междисциплинарного синтеза в построении модели человека в экономике осуществляет Й. Шумпетер. Пытаясь дать интегральную оценку экономического поведения, подключая инструментарий экономической теории, экономической статистики, экономической истории и экономической социологии, однако не обеспечивая их органического единства, он справедливо полагал, что теоретические модели являются «каркасом» конкретного анализа и поэтому необходима методологическая интерпретация макро- и микроэкономических моделей средствами и инструментами других наук, в чью предметную область и включается человек.

Попыткой вырваться из хаоса парадигм и моделей, интерпретирующих человека в экономике, стал структурно-функциональный анализ Т. Парсонса, сформировавшийся на своих собственных предпосылках, это дало возможность совершенно иначе взглянуть на проблему и справедливо предположить, что экономику нельзя понять, используя только инструментарий экономической науки. Принципы, заложенные как постулаты тех или иных экономических моделей, не позволяют раскрыть сущность социальной реальности, частью которой является экономическая жизнь общества, а экономическое поведение не может быть абсолютно индивидуализированным в силу своего институционального оформления, последнее же детерминируется ценностями, призванными обеспечить социальное равновесие и соответствующий тип социальной интеграции.

Дальнейшая детализация экономического поведения человека осуществляется в рамках «новой экономической социологии», где индивид начинает рассматриваться как носитель рыночной активности, его индивидуальное экономическое поведение осуществляется в многообразном социальном контексте и трансформируется в некий экономико-максимизационный итог, лишь косвенным образом определяемый социальными институтами. Специфика механизма, формирующего экономико-максимизационный вектор трансформации, задается всем социальным контекстом. Чисто экономического поведения не бывает, оно конструируется из множества составляющих.

Эти идеи развивает М. Грановеттер, формируя концепцию «заклученности» экономического поведения в сеть общественных отношений, в рамках институционального оформления которой и становится возможным его реализация. Причем последнее может быть сконструировано индивидуально (уникальное по содержанию и мотивам), но согласованное с действующей системой институтов, либо существовать как некий интегральный результат, воплощающий цели, мотивы, интересы разнообразных групп людей.

Представление о том, что максимизационный эгоизм не обязательно выступает как определяющий элемент человеческого поведения, развивается впоследствии в концепциях «организованной культуры», что позволило включить проблему рационального выбора в институциональный контекст социокультурных систем, формирующий разнообразные модели экономического поведения. Такое включение происходило прежде всего путем формирования соответствующих аксиологических матриц экономического поведения, интерпретируемых как «организационная мораль» (Г. Саймон, Д. Мари), «символическая реальность» (А. Петигрю, П. Сильвермен), «культурная парадигма» или «базовые представления» (Е. Шайн), поэтому рационалистическая парадигма в трактовке экономического поведения предстает лишь как элемент в сложной системе социокультурной детерминации.

Более подробная дифференциация аксиологических матриц осуществляется в рамках «нормативной модели» относительно автономных сфер современного общества, контекстуально определяющих основные характеристики экономического поведения (Л. Болтански и Л. Тевено). Эти сферы институционально оформляют способы экономического поведения внутри себя, но и сами регулируются «синтетическими» нормами, функционально направленными на обеспечение равновесия между этими сферами, оформляемого в некую институциональную матрицу, устойчивость которой обеспечивается адекватной взаимосвязью интересов индивидов, выражаемой в «системе институциональных порядков», находящихся в состоянии взаимного равновесия и обеспечивающих возможность компромиссов между индивидами [7].

Таким образом, до настоящего времени методологический инструментарий исследования человека в экономической сфере своими крайностями имеет

проявления индивидуализма и реализма в общих методологических посылах. Эта поляризация время от времени снимается попытками синтеза, но как правило воспроизводится вновь, отражая все богатство проблематики соотношения индивидуального и общественного в экономической реальности, особенно если предпосылочно опирается на интерпретации человека в других социальных науках. При этом существенной проблемой оказывается необходимость сохранить человеческую универсальность, поскольку любое его качество может оказаться экономически значимым. Сохранению универсальности человека, преодолению его одномерных трактовок могут способствовать внутринаучный парадигмальный синтез, изменение акцентов в оценке социо-экономико-культурной реальности; адекватное понимание действительной роли идеального в развитии человека и экономической сферы. Следствием является повышение интереса к междисциплинарному анализу институтов с учетом их изменений, а также анализ содержания поведенческих актов как некой институциональной инфраструктуры взаимодействий, формирующей варианты индивидуального поведения людей применительно к той или иной сфере жизни.

Анализ отношений между институтом и действием особенно важен в условиях инновационного развития, причем включается в его содержание, поскольку инновационное развитие в форме и масштабе, определяющих способ бытия социума, не может быть локальным, селективным, оно в конечном счете должно пронизывать всю ткань общественного устройства.

Социокультурный механизм инновационного развития представляет собой совокупность элементов и структурных связей внутри культуры. Он позволяет генерировать, сохранять и транслировать во все связанные с ней сферы момент инновационности, который обеспечивает прогрессивное развитие социума (при всей проблематичности определения критерия последнего). Функционирование такого механизма предполагает институционализацию как формальных, так и неформальных практик. Несоответствие формальных институтов ожиданиям субъектов инновации переносит разрешение проблемы в неформальное русло. Следствием становится низкий уровень институционального доверия и высокая степень персонификации отношений, по своей природе исключая ориентацию на инновационность. При этом необходимо учитывать, что в инновационном механизме культуры «неполнота» институтов приводит к выполнению координирующей функции не столько самими институтами в их формальном выражении, сколько их интерпретациями, соглашениями и взаимными ожиданиями субъектов, которые выражаются в конвенциях как межсубъектных схемах интерпретации. Именно конвенции интерпретируют и легитимизируют институты, через них они приобретают свою новую или же «иную» объективную форму. Появление новых конвенций осуществляется на основе интерпретации способов применения и изменения институтов. Итог интерпретации в явной или неявной форме фиксирует в себе

тот или иной вариант согласования интересов субъектов, которые задействуют и конвенции и институты в качестве ресурсов для своей деятельности. При этом акцент делается на способах интерпретации конвенций, то есть оформления их в соответствующие институты.

Институциональные изменения – необходимая сторона инновационного развития. Причем совершенствование институциональной системы не должно отождествляться с целью развития или трансформации общества, которое выступает прежде всего как система, обеспечивающая развитие человеческого потенциала. Это необходимо учитывать в процессах конструирования институтов, их заимствования, систематизации, интеграции и конвенциональной интерпретации.

Собственную модель социально-экономического развития можно сформировать только на базе собственной культуры. Социальный субъект, выступающий с некоторой идеей, должен обосновать ее целесообразность. Идея, включаясь в процесс трансформации через систему конвенционализации институтов и их интерпретацию, претерпевает изменения. В условиях коллективной реализации идеи конечным продуктом для этой реализации оказывается в лучшем случае компромисс, а часто и нереализуемый фетиш. В ситуации трансформации социального целого особому давлению подвергается ценностная, культурная компонента, однако ее актуализация в свою очередь невозможна без экономического и политического обоснования. Поэтому очевидно, что формирующиеся в ходе трансформации институты не могут быть безразличными к культуре и менталитету, что не может не сказываться на их содержании и способах конвенциональной интерпретации.

Культура в силу своей традиционности может тормозить инновации, но чтобы инновация состоялась, она должна быть признана культурой. Корректное согласование взаимодействия экономики и культуры обеспечивается менталитетом, реализуемым в поведении, обычаях, традициях, нормах. В менталитете зафиксированы те характеристики, которые в итоге обеспечивают воспроизводство базовых алгоритмов поведения, способствующих сохранению целостности социума. В нем соединены идеология и вера, сознательное и бессознательное, рациональное и эмоциональное, статическое и динамическое и т. д. Поэтому специфика культуры раскрывается через ментальные особенности. Общецивилизационные нормы и институты включают (интегрируют) национально-культурные (региональные), но не подменяют их. Цивилизация же выступает как система культурных элементов, подвергшихся институционализации, как совокупность формализованных общественных отношений, обеспечивающих воспроизводство культуры социума [8].

Именно институты являются «несущими конструкциями» социума, вместе с нормами оказываются конвенциями, согласовывающими интересы и ценности. Именно такая природа норм и институтов обеспечивает единство цивилизационного и национального. Скорость и масштабы инноваций, не учи-

тывающие ментальные особенности, могут способствовать формированию социальной напряженности, появлению элементов конфронтации и восприниматься как принуждение. Противоречие между культурной устойчивостью и цивилизационной рациональностью объективно, но оно не должно вырастать до уровня конфликта, угрожающего сохранению национальных культур. Очевидно, что эффективность инноваций может быть обеспечена только при их «базировании» на соответствующих культурных основаниях и адекватной конвенциональной трансформации институтов.

Многообразные способы и формы бытия человека и особенности развития общественного производства создали условия, при которых человеческие качества становятся капиталом. При этом инновационная, креативная составляющая человека не отчуждаема от него и в то же время обладает общественной ценностью, независимо от конкретной востребованности рынком. Она связана прежде всего со знаковой и институциональной формами предметности, функционирующими в той части рынка, где создаются инновационные продукты. Именно эти процессы во многом определили то, что воспроизводство данных общественно востребованных личностных качеств стало частным делом индивидов. Самостоятельное использование человеком своего творческого потенциала требует определенных предпосылок не только в виде задатков, способностей, но и потребности представить их на рынок в развитой форме, содержание которой определяется культурой, ее элементами (религия, менталитет, обычаи, традиции и т. п.) и соответствующими институтами. Более того, представляется, что в плане развития социального капитала определяющим является именно институциональное строение культуры, а не индивидуальные знания и творческие способности. А это, в свою очередь, не может не порождать противоречия между потребностями в универсальной самореализации и стремлением извлечь доход.

Существующая экономическая система воспроизводит творческую составляющую человека посредством инструментов рынка. «Человеческий капитал» – это форма, в рамках которой качества человека «превращаются» в капитал, которые неоклассика стремится рассматривать как специфический ресурс и включить их в соответствующее институциональное оформление. Но при этом необходимо учитывать действие законов, лежащих в основе развития социума как целого и достаточно специфично проявляющихся в экономической сфере: развитие творческого потенциала человека при определенном уровне удовлетворения его потребностей не может не снижать значения рыночных институтов в структуре организации его деятельности, а соответственно и мотивов, связанных с рынком, следствием чего оказывается неприемлемость доминирующих представлений о рациональности в экономическом поведении. Существующая институциональная система (основанная на парадигме «рынкоцентризма») уже осознала задачу подчинения инновационного, креативного потенциала человека, а главное – процессов его воспроизводства,

тем более что творческая деятельность в ее сущностном понимании пока не является доминирующей и поэтому вынуждена встраиваться в существующую систему институтов. Пока эти процессы осуществляются путем монополизации научных и культурных сфер и соответствующего развития институтов «интеллектуальной собственности», встраиваемых в рыночное пространство, усиления контроля за элитной частью образовательной системы и т. д., однако очевидно, что уже в ближайшей перспективе этим дело не ограничится.

Развитие процессов в указанном направлении с неизбежностью может привести к формированию противоречия между человеком как универсальностью и «человеческим капиталом» как совокупностью его свойств, способных создавать новую стоимость в существующей институциональной среде, ориентированной на рынок. Преодоление этого противоречия предполагает кардинальный пересмотр сложившихся парадигм понимания как человека, так и экономики, их взаимосвязи и места в глобальном социуме, а также природы и перспектив развития последнего.

Необходимо учитывать, что одна и та же частная теоретическая схема может дать различные эмпирически проверяемые схемы, так как взаимодействие ценностей и норм, с одной стороны, отражает, а с другой – опосредует неоднозначный характер соотношения фундаментального и прикладного аспектов в теории. При этом вполне возможна конкуренция способов (механизмов) согласования ценностей, за которыми стоят соответствующие интересы, следствием такой конкуренции будет либо редукция, либо синтез ценностей. Редукционизм в анализе социально-экономических процессов с неизбежностью приводит к тому, что общественные надындивидуальные структуры, в том числе и институты, как бы поглощают, впитывают индивидуальную деятельность людей. При антиредукционистском подходе социум воспроизводится в индивидуальной совместной деятельности, приоритет отдается исследованию процессов связывания людей в их перманентности, обычности. Но в этом случае возникает проблема выведения социальных структур и институтов из контекста полисубъектной реальности. В этом случае институт выступает как самостоятельная инстанция, функционирующая в неустойчивом, неформализуемом пространстве связей как людей друг с другом, так и людей и вещей. Институт задает систему смыслов этих связей, он подобен интенционалу в логике, обладает смыслом, но не есть денотат или референт. Институт как концепт динамичен, интенционален, многослоен, структурирован, историчен, актуален и т. д., однако всегда сопряжен с термином «смысл», но только в деятельности и отношениях, только обращаясь к другому субъекту, раскрываясь только в культуре.

Включение в предмет социально-экономической теории человеческой повседневности приводит к индивидуальному измерению общесоциальных проблем, но в итоге значительно снижаются требования к методологическим

стандартам, появляется возможность их произвольного конструирования. Проблема в том, что процесс формирования такого знания определяется как реальной практикой жизни, так и исключительно внутринаучными проблемами (методологическими и институциональными). К настоящему времени отсутствует действенный инструментарий, позволяющий дать абстрактную характеристику человеческой повседневности в ее применении к культуре, но абстрактную в смысле ее содержательной интерпретации. Сама же интерпретация предлагаемых моделей и схем ограничена, степень абстрактности и формализации такова, что содержательный аспект исчезает, исследование сводится к созданию разнообразных описательных моделей, претендующих на концептуальность, якобы выражающую сущность процессов, а следовательно, исчезает возможность реального воздействия на социально-экономические процессы и развитие культуры в целом.

Список использованных источников

1. Веблен, Т. Теория праздного класса : пер. с англ. / Т. Веблен. – М. : Прогресс, 1984. – 642 с.; Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – М. : Фонд эконом. кн. «Начала», 1997. – 190 с.; Парсонс, Т. О структуре социального действия : пер. с англ. / Т. Парсонс. – 2-е изд., испр. – М. : Академ. проект, 2002. – 788 с.; Серл, Дж. Что такое институт / Дж. Серл // *Вопр. экономики.* – 2007. – № 8. – С. 4–27; Хаджсон, Дж. Экономическая теория и институты: манифест современной институциональной экономической теории / Дж. Хаджсон. – М. : Дело, 2003. – 464 с.; Уильямсон, О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, отношенческая контрактация / О. Уильямсон. – СПб. : Лениздат, 1996. – 702 с.; Эггерстон, Т. Экономическое поведение и институты / Т. Эггерстон. – М. : Дело, 2001. – 408 с.; Эльстер, Ю. Социальные нормы и экономическая теория / Ю. Эльстер // *THESIS.* – 1993. – Т. 1, вып. 3. – С. 73–91; Aoki, M. *Toward a Comparative Institutional Analysis* / M. Aoki. – Cambridge : MIT Press, 2001. – 467 p.
2. Кирдина, С. П. X и Y экономики: институциональный анализ / С. П. Кирдина. – М. : Наука, 2004. – 256 с.; Клейнер, Г. Б. Эволюция институциональных систем / Г. Б. Клейнер. – М. : Наука, 2004. – 240 с.; Тамбовцев, В. Л. О разнообразности форм описания институтов / В. Л. Тамбовцев // *Общественные науки и современность.* – 2004. – № 2. – С. 107–118; *Homo Institutiarius – Человек институциональный* / под ред. д-ра экон. наук. О. В. Иншакова. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 854 с.; Шаститко, А. Е. Неинституциональная экономическая теория / А. Е. Шаститко. – 2-е изд. – М. : ТЕИС, 1999. – 465 с.
3. Bessy, Ch. *Institutions et economie des conventions Cahiers d'economie politique* / Ch. Bessy, O. Faverean // *Papers in Political Economy.* – 2003. – N 44. – P. 119–164.
4. Иншаков, О. Эволюционная перспектива экономического институционализма / О. Иншаков, Д. Фролов // *Вопр. экономики.* – 2010. – № 9. – С. 63–77.
5. Зотов, В. В. Институциональные проблемы реализации системных функций экономики / В. В. Зотов, В. Ф. Пресняков, В. О. Розенталь // *Экономическая наука современной России.* – 2001. – № 3. – С. 51–69.
6. Кондратьев, Н. Д. Основные проблемы экономической статики и динамики: предварительный эскиз / Н. Д. Кондратьев. – М. : Наука, 1991. – 567 с. – (Социологическое наследие).
7. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. – М. : Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.; Саймон, Г. Теория приня-

Некоторые особенности институциональной интерпретации проблемы человека

тия решений в экономической теории и науке о поведении / Г. Саймон // Теория фирмы. – СПб. : Экон. шк., 1995. – С. 54–72; Тевено, Л. Ценности, координация и рациональность: экономика соглашений или эпоха сближения экономических, социальных и политических наук / Л. Тевено // Институциональная экономика / под общ. ред. А. Олейника. – М. : ИНФРА-М, 2005. – С. 76–112; Хайек, Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек ; пер. с англ. Е. Осиновой ; под ред. Е. Гордеевой. – М. : Новости : при участии Catallaxy, 1992. – 304 с.; Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия : пер. с англ. / Й. Шумпетер ; предисл. и общ. ред. В. С. Автономова. – М. : Экономика, 1995. – 540 с.; Granovetter, M. Economic Institution as Social Constructions: A. Framework for Analysis / M. Granovetter // Acta Sociologica. – 1992. – Vol. 35. – P. 3–12 и др.

8. Кириенко, В. В. Менталитет современных белорусов / В. В. Кириенко. – Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2004. – 225 с.; Российская ментальность (материалы круглого стола) // Вопр. философии. – 1994. – № 1. – С. 25–53; Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность / А. В. Сергеева. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 320 с.; Степин, В. С. Исторический вызов и проблема общенациональной идеи / В. С. Степин // Социология. – 1999. – № 4. – С. 18–28; а также работы Ю. И. Аверьянова, Л. Н. Гумилева, А. Ф. Роголева, О. Шахназарова и др.

А. О. Карасевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

МОДЕЛИРОВАНИЕ СТРУКТУРЫ ЖИЗНЕННОГО МИРА ПО Ю. ХАБЕРМАСУ

В статье описывается структура модели, позволяющей интегрировать и структурировать знание о сознании и психике. Данная модель является трехмерной и динамичной, позволяет объединить подробное описание динамики психики, организма человека и его поведения, объективного и социального внешнего мира. На основании данной модели демонстрируется структура жизненного мира по Ю. Хабермасу, а также структура приема информации и виды внимания.

Ключевые слова: психика, модель психики, знание о психике, жизненный мир, Ю. Хабермас, прием информации, виды внимания.

A. O. Karasevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

MODELING OF THE STRUCTURE OF THE LIFE-WORLD ACCORDING TO J. HABERMAS

The article describes the structure of the model, which allows to integrate and structure the knowledge of the consciousness and psyche. This model is three-dimensional and dynamic. By using a model can combine the detailed description of the dynamic of the psyche, the organism of the individual and his behavior, objective and social external world. On the basis of this model demonstrates the structure of the life-world by J. Habermas, as well as the structure of receiving of information and types of attention.

Keywords: psyche, model of psyche, knowledge about the psyche, life-world, J. Habermas, receiving information, types of attention.

В данной статье мы рассмотрим структуру жизненного мира по Ю. Хабермасу в контексте интеграционной модели, предназначенной для классификации и интеграции знания о сознании и психике. Философия и психология к настоящему времени накопили огромный, однако большей частью не систематизированный научный материал о психике. Модель позволит его привести в систему, используя знание основных философско-психологических парадигм. Визуализация – это легкодоступность и понятность знания, возможность вводить различные обозначения в модели и таким образом моделировать все разнообразие психики.

Прежде всего кратко опишем интеграционную модель, главной составляющей которой является динамическая модель психики (рис. 1). Основой дина-

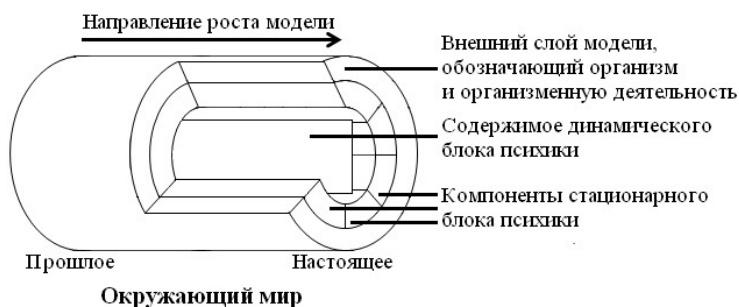

Рис. 1. Динамическая модель психики

мической модели психики является понятие *потребностно-целевой матрицы*. Это одна из структур данной модели психики, которая включает в себя временной промежуток психической деятельности между любым психическим содержимым («потребностью»), инициирующим данную деятельность, и содержимым («целью»), ее приостанавливающим или прекращающим; момент настоящего, который демонстрирует тот или иной временной срез, ограничивает потребностно-целевую матрицу, дальнейшее ее развитие моделируется аналогично. «Потребность» в данном контексте подразумевает под собой многие понятия различных парадигм, служащие для обозначения активизирующей деятельности психической силы, имеющей под собой физиологическое основание.

Потребностно-целевую матрицу можно назвать потребностно-результатной, когда результат, к которому стремится деятельность, не осознан (такая матрица в исследовании психики животных – метафорическое обозначение границ того или иного поведения, его психического отражения животным). Всю деятельность можно разделить на внешнюю (организменную) и внутреннюю (психическую). К организменной деятельности относятся движения, работа органов и вся активность в целом, к психической – процессы ощущения, восприятия, внутренней речи, мышления, воображения, памяти и эмоций. Внутренняя деятельность будет соответствовать динамическому блоку психики.

Кроме динамического блока психики, можно выделить стационарный блок, который является вместилищем всего накопленного и врожденного психического материала индивида. То есть в психических процессах находится в любой момент времени малая часть всего психического материала, основная же часть его не актуализирована. В стационарном блоке психики можно выделить множество компонентов: знания, потребности, цели, мотивы, темперамент, характер, самооценка, способы реагирования и многие другие. Причем некоторые из них не сводимы к памяти (к примеру, темперамент). Количество компонентов не задано строго, что способствует включению в модель знаний

различных парадигм. Важен лишь факт того, что это материал стационарного блока относится к не актуализированной в данный момент времени психике индивида.

Таким образом, модель состоит из трех элементов: динамического и стационарного блоков психики, а также организма и организменной деятельности (см. рис. 1). Модель основана на теории психического как процесса С. Л. Рубинштейна [3, с. 33]. Она трехмерна, динамична, полный ее вариант выполнен в программе 3dsMax. Психофизическая проблема решается в пользу психофизического единства, однако с помощью модели возможна демонстрация любого решения психофизической проблемы. С потребностно-целевой матрицей тесно связано понятие «карта осознания» – это схема стационарного и динамического блоков психики, с помощью которых можно обозначить осознанную и неосознанную части психики.

Интеграционная модель позволяет соотнести динамику психики с динамикой положения индивида в пространстве, отобразив тем самым влияние внешнего мира на психические процессы. Интеграционная модель представлена графически в трехмерном виде и состоит из следующих синхронизированных элементов, содержание которых изменяется во времени [7, с. 96]:

- 1) окно с динамической моделью психики (рис. 2, а);
- 2) окно с изображением индивида, отображающее поведение индивида и окружающий его мир (предметный и социальный) в определенный момент времени (рис. 2, б);
- 3) окно со сферой, составляющие которой обозначают поведение индивида, стационарную и динамическую психику в определенный момент времени (рис. 2, в); данное окно помогает упрощенно моделировать психическое наполнение индивида в определенном положении в пространстве-времени;
- 4) окно с моделью головного мозга (может включать всю нервную систему), в котором отображается динамика физиологических процессов, являющихся субстратом психического (рис. 2, г).

Интеграционную модель целесообразно использовать при подробном исследовании психики и необходимости подробного синхронизированного описания поведения индивида, его социального и предметного окружения, динамики его физиологических процессов и пространственного положения в контексте динамики психического. При подобном моделировании возможен учет детерминант, определяющих поведение и психику индивида, причем с помощью использования компьютерных программ учет данных детерминант сможет носить просторный и всесторонний характер, который определен направленностью модели на межнаучный и межпарадигмальный диалог. Введение дополнительных обозначений, строгой временной шкалы будет способствовать развитию модели. Кроме того, основной принцип в построении модели – это признание ее принципиальной незавершенности, то есть в случае, если модель будет иметь практический потенциал и успешно работать,

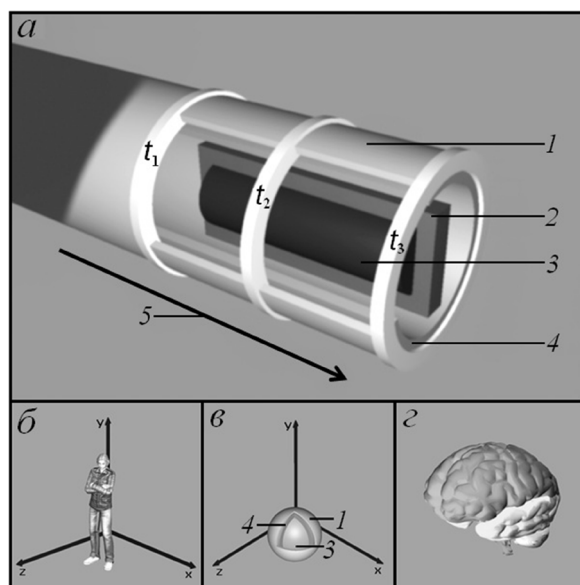

Рис. 2. Общая структура интеграционной модели [7, с. 96]: 1 – внешний слой модели, обозначающий поведение и организм индивида, 2 – потребностно-целевая матрица, 3 – динамический блок психики, 4 – стационарный блок психики, 5 – направление роста модели; t_1, t_2, t_3 – обозначение трех временных срезов

ее необходимо постоянно совершенствовать, интегрируя в ней появляющееся научное знание.

Теперь смоделируем структуру жизненного мира по Ю. Хабермасу. Под жизненным миром немецкий ученый понимал «обобществленные субъекты, которые – участвуя в совместных процессах истолкования – имплицитно используют концепт мира» [5, с. 8]. Жизненный мир является «полотном» коммуникативного действия, в котором действующие субъекты ориентируются на три мира:

объективный мир (вся полнота сущего, суждения о котором могут принимать значение формальной истины либо лжи);

социальный мир (всеобщность легитимно-регулируемых межличностных отношений, о которых можно говорить, что они «правильны» либо «ошибочны»);

субъективный мир (всеобщность субъективного опыта, которая может быть измерена в диапазоне «искренность – неискренность» и к которой действующий субъект имеет привилегированный доступ) [2, с. 41].

В коммуникативном действии объективный, социальный и субъективный миры (Ю. Хабермас также называет эти миры внешней природой, обществом, внутренней природой соответственно) посредством языка связываются в одну систему, выступающую в качестве интерпретационной рамки, в пределах которой возможно достижение взаимопонимания [2, с. 41]. Ученый отмечает,

что «действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а следовательно, и своих действий. Центральное понятие интерпретации связано в первую очередь с выработкой способных привести к согласию определений ситуации» [5, с. 11]. Действующий субъект для решения конкретной ситуации определяет цель, соотношенную с темой данной ситуации, план реализации цели с выработкой нормативной рамки, которая подчинена нормативным правилам прошлого опыта, и утверждает новые, при этом любая ситуация имеет временную и пространственную ограниченность [2, с. 42]. При рассмотрении природы взаимопонимания как направленной на согласие коммуникации, Хабермас во главу угла ставит духовно-нравственную направленность коммуникативного действия, считая, что коммуникация между людьми должна быть ориентирована на достижение консенсуса [4, с. 365].

Теперь смоделируем в общих чертах структуру жизненного мира по Ю. Хабермасу (рис. 3) в контексте описанной интеграционной модели. Ученый отмечал, что «предметная область социальных наук охватывает все, что подпадает под описание “составная часть жизненного мира”» [6, с. 7]. В этом плане интересен междисциплинарный подход к рассмотрению структуры

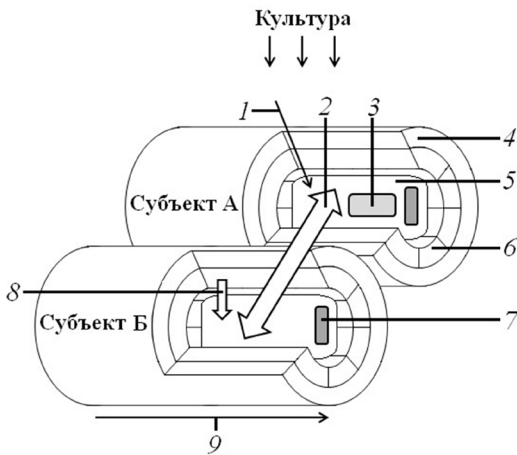

Рис. 3. Структура жизненного мира по Ю. Хабермасу: 1 – переход внешней ситуации в психический план; 2 – коммуникация двух субъектов; 3 – интерпретация ситуации субъектом А; 4 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 5 – динамический блок психики; 6 – стационарный блок психики; 7 – цель субъекта Б (координация планов действия с субъектом А); 8 – актуализация норм, определяющих процесс коммуникации; 9 – направление роста модели

жизненного мира Ю. Хабермаса через призму психологии. К примеру, можно соотнести процесс усвоения норм с механизмами интериоризации (Л. С. Выготский), ассимиляции и аккомодации (Ж. Пиаже), научением через наблюдение (А. Бандура). Также большой интерес для нас представляет моделирование телеологического, нормативно регулируемого и драматургического действия по Ю. Хабермасу.

С помощью интеграционной модели мы можем подробно рассмотреть отображение ситуации каждым субъектом коммуникации. На рис. 4 представлена структура приема информации. С помощью модели продемонстрировано, как раздражитель (Р) воздействует на органы чувств (ОЧ), в результате этого возникают нервные импульсы (НИ), которые

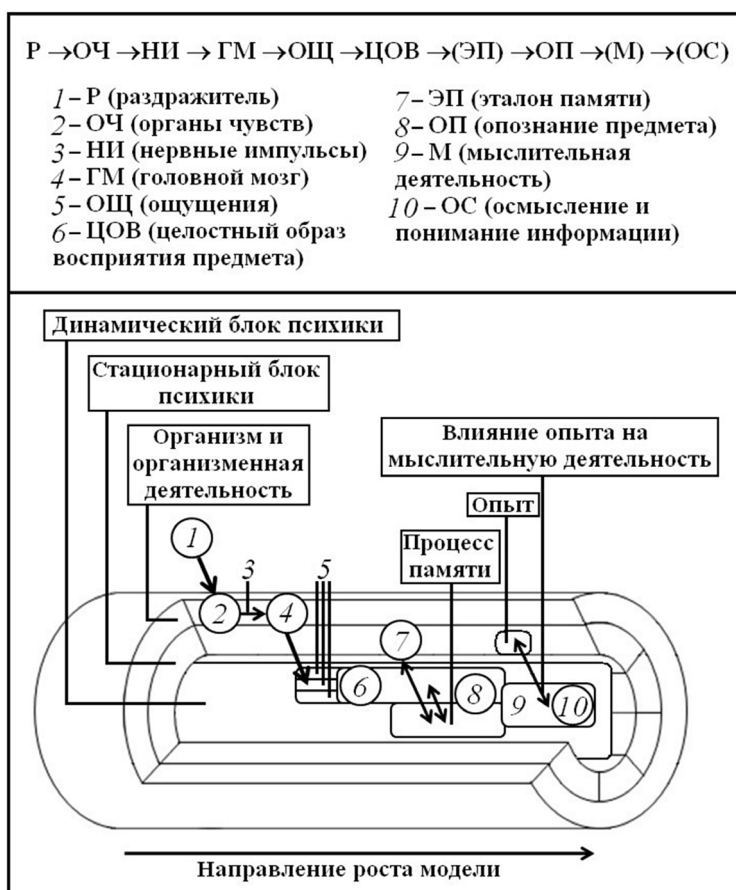

Рис. 4. Структура приема информации [1, с. 85]

по нервным проводящим путям поступают в головной мозг человека (ГМ), обрабатываются там и формируются в отдельные ощущения (ОЩ). На основе этого складывается целостный образ восприятия предмета (ЦОВ), сопоставляемый с эталоном памяти (ЭП), в результате чего происходит опознание предмета (ОП), затем посредством мыслительной деятельности (М) при мысленном сопоставлении текущей информации и прежнего опыта происходит осмысление и понимание информации (ОС) [1, с. 85].

В процессе коммуникации важным является вопрос о направленности внимания субъектов коммуникации. Смоделированные виды внимания в зависимости от активности личности: произвольное, непроизвольное и постпроизвольное внимание – отразим на рис. 5.

Таким образом, с помощью интеграционной модели мы можем смоделировать структуру жизненного мира субъектов коммуникации и продемон-

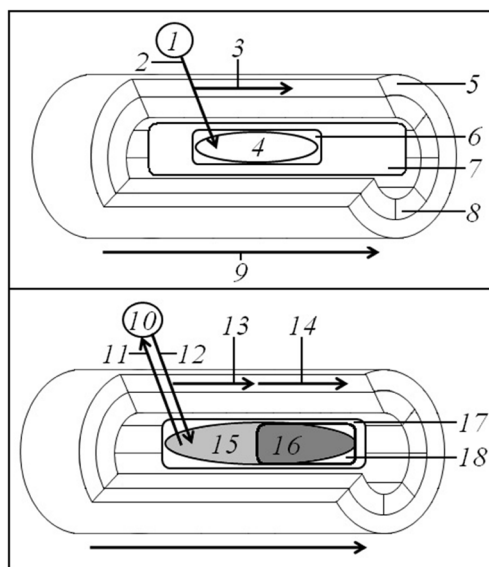

Рис. 5. Непроизвольное, произвольное и постпроизвольное внимание в контексте модели: 1 – предмет, на который индивид произвольно обратил внимание (раздражитель мог обладать большой интенсивностью, новизной, необычностью и т. д.); 2 – переход предмета в психический план; 3 – организменная деятельность, связанная с произвольным вниманием; 4 – произвольное внимание (осознание психической деятельности); 5 – внешний слой модели, обозначающий организм и организменную деятельность; 6 – потребностно-результатная матрица произвольного внимания, вторгшегося в произвольную деятельность индивида (потребностно-результатная матрица не связана с намерением, волей, поставленной целью и т. д.); 7 – потребностно-целевая матрица, в которой активно произвольное внимание; 8 – стационарный блок психики; 9 – направление роста модели; 10 – предмет, на который обращено произвольное внимание; 11 – произвольное обращение внимания на предмет; 12 – переход предмета в психический план; 13 – организменная деятельность, связанная с произвольным вниманием; 14 – организменная деятельность, связанная с постпроизвольным вниманием (обладает энергетической энергоемкостью произвольного внимания); 15 – произвольное внимание; 16 – постпроизвольное внимание; 17 – потребностно-целевая матрица, включающая оба вида внимания (инициирована потребностью и волей, целенаправленна); 18 – потребностно-целевая матрица постпроизвольного внимания, наложенная на общую матрицу и характеризуемая сменой произвольного внимания на постпроизвольное ввиду появления интереса к новой деятельности (появление новой потребности) [1, с. 161]

стрировать все богатство психического, включая психические процессы (ощущение, восприятие, память, эмоции, воображение, мышление, внутреннюю речь), стационарную психику (опыт, ценности, нормы, знания и т. д.), поведение и внешний предметный и социальный мир. Также мы можем эффективно применять методологию Ю. Хабермаса в ситуациях конфликта. Ученый отмечает: «Если оставить в стороне вопрос о том, насколько хорошо сформулировано употребляемое символическое выражение, то мы можем сказать, что действующий субъект, который в этом смысле ориентирован на взаимопони-

мание, должен посредством своего выражения имплицитно выдвинуть ровно три притязания на значимость, а именно притязание на то, что

произнесенное высказывание истинно (т. е. что предпосылки существования упомянутого пропозиционального содержания предложения выполнены в действительности);

речевое действие правильно относительно действующего нормативного контекста (т. е. что легитимен сам нормативный контекст, которому оно должно соответствовать);

манифестируемая речевая интенция подразумевается так, как она выражается» [5, с. 23].

Таким образом, мы можем соотносить любой коммуникативный акт с этими тремя критериями, демонстрируя субъектам коммуникации те моменты, которые сдерживают нахождение консенсуса, а также обсуждая пути выхода из конфликтной ситуации.

В своей работе мы ограничились рисунками интеграционной модели, хотя ее динамику лучше показать, используя видеофайлы или программы по 3D-моделированию. С помощью модели можно продемонстрировать обширное научное знание, введя соответствующие обозначения, а также объяснить поведение человека, выявив его детерминанты, законы взаимосвязи психики, поведения, окружения, биологических и физических факторов.

Список использованных источников

1. Общая психология / Л. А. Вайнштейн [и др.]. – Минск : Соврем. шк., 2009. – 512 с.
2. Дивисенко, К. С. (Авто)биографический нарратив как коммуникативное действие и презентация жизненного мира / К. С. Дивисенко // Социол. журн. – 2011. – № 1. – С. 36–52.
3. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2007. – 713 с.
4. Савруцкая, Е. П. Проблема коммуникации в немецкой философии XX века (Ю. Хабермас, Н. Луман, К. Апель) / Е. П. Савруцкая // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 3. – С. 364–368.
5. Хабермас, Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7, № 1. – С. 3–24.
6. Хабермас, Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках / Ю. Хабермас // Социол. обозрение. – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 3–33.
7. Karasevich, A. O. Modeling of quasi-graphical objects / A. O. Karasevich // Austr. J. of Humanities Sociol. Sci. – 2015. – N 11/12. – P. 95–98.

Н. Н. Куксачёв

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ПОНЯТИЕ СОСТРАДАНИЯ В «ПОЭТИКЕ» И «РИТОРИКЕ» АРИСТОТЕЛЯ

В статье разбирается понятие сострадания в работах Аристотеля «Поэтика» и «Риторика». Сострадание рассматривается применительно к поэтическому творчеству, искусству риторики, судебному делу, межличностным отношениям. Даются исторические ремарки относительно контекста возникновения указанных работ Аристотеля.

Ключевые слова: Аристотель, сострадание, милость, милосердие, страх, риторика, аффект.

M. M. Kuksachou

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

COMPASSION IN “POETICS” AND “RHETORIC” BY ARISTOTLE

The paper considers the concept of compassion in the works of Aristotle’s “Poetics” and “Rhetoric”. Compassion is considered in relation to poetry, the art of rhetoric, lawsuit, interpersonal relationships. Historical remarks about the context of the emergence of these works of Aristotle are given.

Keywords: Aristotle, compassion, mercy, clemency, fear, rhetoric, affect.

В 2016 г. исполняется 2400 лет со дня рождения великого древнегреческого философа Аристотеля (384–322 гг. до н. э.). Этой знаменательной дате по всему миру посвящен целый ряд научных событий. В связи с этим представляется актуальным обращение к трудам мыслителя при исследовании темы сострадания, ведь как энциклопедист Аристотель охватывает в своем творчестве практически все области познавательной деятельности человека: философию, историю, политику, экономику, правоведение, этику, искусство, психологию.

Темой сострадания как понимания, переживания и ознакомления с чувствами другого человека проникнуто все наше существование как социальных индивидов, что, безусловно, находит свое отображение и в нашей внутренней жизни, переживаниях, становлении всего хода наших мыслей, стремлений, поступков. Проникнуть в переживания другого – это в наши дни едва ли не главная задача всего и духовного, и материального производства. Понять, о чем думает клиент, чего на самом деле желает, предугадать его по-

требности – значит найти пути для развития и продажи своей продукции, будь то дизайн нового сотового телефона или выбор темы для новой театральной постановки. Кроме того, отмечается своего рода тенденция на коммерциализацию понимания другого, и, как следствие, такая коммерциализация сказывается на яркости и искренности межличностных отношений. В связи с такими общими тенденциями представляется крайне актуальным на сегодняшний день разобраться более подробно с тем, что же такое сочувствие, сострадание. Ведь так или иначе вопросы понимания, вчувствования сегодня выходят на первый план.

Приступая к изучению какого-либо феномена, прежде всего необходимо обратиться к рассмотрению его в философско-исторической перспективе. Порою такое обращение удивляет исследователя определенными неожиданностями, так как смысл, стоящий за одними и теми же словами, может раскрываться в истории под совершенно различными углами, иногда приобретая едва ли не противоположные толкования. Поэтому весьма важно стараться не забывать об общем историческом контексте, в котором создавались те или иные произведения. Также не стоит излишне идеализировать ту или иную позицию, исходя лишь из того, что она принадлежит признанному авторитету. Ведь как бы не старались лучшие умы своего времени, говоря словами Т. И. Адуло, «разработать гуманные социальные модели, гарантирующие, казалось бы, мир и благополучие», все же они находились в своем совершенно определенном социальном контексте и «смотрели на это мироустройство глазами своей исторической эпохи – глазами рабовладельца, господина, который в облике раба не видел человека» [1, с. 3]. Нечто подобное мы можем наблюдать, подходя к историко-философскому рассмотрению понятия сострадания.

Пожалуй, одними из первых по хронологии глубоких размышлений о сострадании в философском ключе нам будут явлены труды Аристотеля «Риторика» и «Поэтика». В первом понятие сострадания разбирается в приложении к теории ораторского искусства и судопроизводству. Во втором сострадание упоминается в его связи с театральным действием, где посредством сострадания достигается очищение-катарсис.

Сострадание у Аристотеля идет в неразрывной паре с аффектом страха. Надо отметить, что понятия эти и в «Поэтике» и в «Риторике» толкуются достаточно однородно и лишены, по выражению исследовательницы данной темы у Аристотеля В. В. Вальченко, какого-либо «трагического налета» [2, с. 49]. Сострадание и страх у Аристотеля рассматриваются в одном ряду с прочими аффектами или страстями.

Так, в «Поэтике» сострадание и страх играют своего рода очищающую роль при просмотре трагедии зрителем. Трагедия, говорит Аристотель, – действие, «совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных чувств» [3, с. 1071–1072]. Причем действия сострадания и страха тем сильнее проявляются, чем они неожиданней являются в фабуле произведения зрителем.

лю. И именно события фабулы, вернее их определенное стечение, в которых является мастерство творца трагедии, ставятся древнегреческим мыслителем в искусство высшее, нежели другие аспекты воздействия театральной композиции – общая обстановка театра, внешние эффекты. Более сильное очищающее воздействие «бывает чаще всего в том случае, когда что-нибудь происходит неожиданно, и еще более, когда происходит [неожиданно] вследствие взаимодействия событий» [3, с. 1078]. Сама обстановка театра также может влиять на возникновение чувства страха и сострадания. Однако гораздо более высоким искусством Аристотель признает создание воздействия посредством особого сочетания событий, которое достигается только лучшими поэтами, и «фабула должна быть составлена так, чтобы читающий о происходящих событиях, и не видя их, трепетал и чувствовал сострадание от того, что совершается» [3, с. 1083]. Именно таким образом возникающее сострадание доставляет большее удовольствие зрителю.

Оставим, однако, несколько в стороне широчайшую тему трагедии и связанного с нею катарсиса, которая уже успела найти самое широкое рассмотрение в философской литературе. Попытаемся сосредоточиться на понятии сострадания, которое, по Аристотелю, призвано способствовать достижению этого самого катарсиса, совершив небольшой экскурс в исторический контекст, в котором создавались обозначенные произведения Аристотеля.

Известно, что Сострадание (Милость, Милосердие) – Ἐλεος, почиталось в Афинах как божество, и в честь его был возведен алтарь на площади. Припадая к этому жертвеннику, гонимые беглецы искали защиты афинян, чему приводится несколько примеров у Аполлодора в «Мифологической библиотеке». Так, после вознесения к богам Геракла его сыновья, спасаясь от преследовавшего их Эврисфея, нашли убежище в Афинах у алтаря Милосердия, попросив заступничества афинян [4, с. 45]. Надо сказать, что впоследствии афиняне весьма гордились тем, что вступились за Гераклидов, а культ Геракла распространился на всю Грецию.

Второй случай, упоминаемый Аполлодором в «Мифологической библиотеке» об имевшемся в Афинах жертвеннике Милосердию, был связан с Адрастом, который также искал защиты у афинян. Придя в город, Адраст припал к алтарю Милосердия, положив на него ветвь оливы, что символизировало просьбу о защите. Афиняне и в этот раз приняли просьбу и пошли войной на не позволявшего предать погребению тела аргивян царя Фив Креонта. Город был завоеван, а тела переданы родственникам для погребения [4, с. 58].

Примеры упоминания почитания Милосердия как божества у афинян можно найти и у Павсания, Диодора и Стация [4, с. 170]. Следует отметить, что афиняне были единственным народом из эллинов, которые почитали сострадание как божество. Об этом говорит Павсаний в «Описании Эллады»: «...эта богиня (Элеос. – Н. К.) более всех богов при изменчивости человеческой жизни и судьбы приносит пользу и помогает людям» [5, с. 49]. С наличием тако-

го жертвенника у афинян Павсаний связывает особое человеколюбие афинян и отмечает их благочестие. Наряду с жертвенником Милости Павсаний упоминает также жертвенники Стыду, Доброй молве и Рвению.

Несмотря на такое почитание у афинян и то, что Павсаний ставит Милость (сострадание) в один ряд с другими понятиями, обозначающими благочестие, Аристотель, который прожил с афинянами достаточно времени, сострадание помещает в один ряд с такими, в терминологии автора, «движениями души», как клевета, гнев, зависть, смущение, страх и т. п. Для наших современников расположение сострадания в таком ряду понятий является отнюдь не очевидным и может вызвать некоторое недоумение. Однако проследим за логикой автора.

Аристотель в «Риторике» говорит о том, что в судье не стоит возбуждать, очевидно, негативных переживаний: «...не следует, возбуждая в судье гнев, зависть и сострадание, смущать его» [3, с. 746]. Сострадание здесь упоминается как нечто, сводящее с верного пути. Возбуждать в судье сострадание – все равно, что «искривлять линейку», которой должен пользоваться вершащий правосудие, так как под воздействием этой страсти могут изменяться наши решения. Сострадание есть «все то, под влиянием чего люди изменяют свои решения, с чем сопряжено чувство удовольствия или неудовольствия, как, например, гнев, сострадание, страх и все этим подобные и противоположные им [чувства]» [3, с. 844–845]. Таким образом, Аристотелем сострадание помещается в ряд нежелательных для вершения правосудия аффектов, уводящих с верного пути.

Дабы избежать возможности воздействия таких аффектов на судью как человека, неизбежно подверженного оным в силу рода своей деятельности, Аристотель предлагает доводить до совершенства сами законы, оставляя тем самым как можно меньше произвола судьям. Судьи принимают решения относительно отдельных случаев, тогда как законодатель составляет законы, руководствуясь принципами всеобщности, что максимально устраняет влияние всякого рода аффектов и сознания собственной пользы при принятии судебного решения. Таким образом, представляется, что можно несколько смягчить наше первое впечатление о сострадании у Аристотеля как о чисто негативном явлении. Негативное оно прежде всего постольку, поскольку оказывает нежелательное, вследствие особого рода деятельности судьи, воздействие. А любое воздействие на судью, как умиловляющее, так и гневающее, нежелательно.

Также Аристотель для более глубокого объяснения раскрываемых тем делает заметки, которые можно назвать психологическими, несколько отступая от чисто практической направленности своего рассуждения. Так, древнегреческий философ упоминает о том, что другие выражают сострадание постольку, поскольку сами имеют опыт такого же несчастья, полученный ими ранее: «Друзья соболезнуют нам и все чувствуют печаль, взирая на свои собственные бедствия» [3, с. 851]. Сострадание, понимаемое как совместное пе-

ренесение горестей с другим человеком, играет важную роль у Аристотеля для понимания таких феноменов, как любовь и дружба: «Другом необходимо будет тот, кто вместе с нами радуется нашим радостям и горюет о наших горестях, не ради чего-нибудь другого, а ради нас самих» [3, с. 856]. Таким образом, здесь подчеркивается еще одна важная деталь – бескорыстие и направленность на другого, хотя напрямую Аристотель и не связывает такие стремления с понятием сострадания.

Разбирая возникновение причин страха, мыслитель указывает на сострадание как на достоверный признак наличия такового. То есть если в человеке возбуждается сострадание, это значит, что он сталкивается с чем-то таким, что является страшным для него самого. «Вообще же говоря, страшно все то, что возбуждает в нас сострадание, когда случается и должно случиться с другими людьми» [3, с. 862]. Здесь мы вновь видим параллельно следующие два понятия: страх и сострадание, и опять же отмечаем перенесение уже полученных в опыте своих переживаний на близких нам людей, за которых мы беспокоимся.

Весьма конкретно и показательно определение сострадания, которое дает Аристотель во всецело посвященной разбору этого понятия главе VIII книги II «Риторики». Здесь находят разъяснение следующие вопросы: что возбуждает сострадание, к кому и в каком состоянии испытывают сострадание. «...Сострадание некоторого рода печаль при виде бедствия, которое может повлечь за собой гибель или вред и которое постигает человека, этого не заслуживающего, [бедствие], которое могло бы постигнуть или нас самих, или кого-нибудь из наших, и притом, когда оно кажется близким» [3, с. 873]. Здесь обращают на себя внимание несколько оговорок, которые могут быть не совсем очевидными для современного человека, но, по всей видимости, однозначны для Аристотеля.

1. Состраданием называется только переживание по поводу нестроений, постигших не заслуживающее их лицо.

2. Подобные нестроения должны быть даны страдающему в его предыдущем опыте, и страдающий должен осознавать, что подобное страдание может постигнуть его самого или кого-то из близких.

3. Сострадание возможно только по отношению к тем нестроениям, которые кажутся достаточно близкими.

Таким образом, круг понятия сострадания уже весьма сужается и конкретизируется. Но Аристотель не останавливается и на этом. В доступности переживать сострадание он отказывает людям, которые считают, что перенесли уже слишком много страданий: «...люди совершенно погибшие не испытывают сострадания: они полагают, что больше ничего не могут потерпеть, ибо [все уже] претерпели» [3, с. 873]. Хотя, казалось бы, чем больше человек претерпевает, тем более открытым для страдания другого должен он становиться, так как больший объем опыта постигнут им самим. Но древнегреческий

философ полагает, что здесь имеется некая грань, переступая которую человек становится глухим к переживаниям другого.

Также Аристотель отказывает в переживании сострадания людям, считающим себя вполне счастливыми. Они не испытывают сострадания, «но держат себя надменно» [3, с. 873].

Те же, кому доступно сострадание, это «люди, уже пострадавшие и избежавшие гибели, и люди более зрелые, и вследствие размышления, и вследствие опыта, люди слабые и еще более, люди очень трусливые, также люди образованные, ибо [такие люди] правильно рассуждают» [3, с. 873]. Здесь опять же отмечается необходимость уже имевшего опыта страдания либо пережитого ошутимо, либо прочувствованного вследствие размышления. Кроме того, отмечается, что перенос страданий может происходить также на близких людей, чьи страдания нас более затрагивают, более близки и понятны, – сострадание доступно тем, «у кого есть родители, или дети, или жены, ибо все они нам близки и способны потерпеть указанные [несчастья]» [3, с. 873].

Страх, когда он охватывает человека по отношению к своему положению, также является, по Аристотелю, препятствием к состраданию, «ибо люди перепуганные не испытывают сострадания, будучи поглощены своим собственным состоянием» [3, с. 874]. Таким образом, у них попросту нет места для сострадания из-за наличия переживания страдания своего собственного. Тем не менее мы опять-таки видим, что понятия страха и сострадания соседствуют друг с другом.

Для того чтобы испытывать сострадание к кому-то, необходимо его считать достойным этого сострадания, «ибо тот, кто никого не считает таким [хорошим], будет считать всех заслуживающими несчастья» [3, с. 874]. Таким образом, Аристотель лишает дурных людей возможности сострадания по отношению к ним. Более того, при наказании дурного человека хороший должен радоваться, так как «ни один честный человек не огорчится, если понесут наказание убийцы и отцеубийцы, ибо в подобных случаях мы должны радоваться – точно так же, как при виде людей, которые по заслугам пользуются счастьем, и то, и другое справедливо и заставляет радоваться хорошего человека» [3, с. 877].

Какие же вещи возбуждают наше сострадание? Предлагаемый список у Аристотеля выглядит довольно подробным: «...все горестное и мучительное, способное повлечь за собой гибель, возбуждает сострадание точно так же, как все, что может отнять жизнь; [сюда же относятся] и все великие бедствия, причиняемые случайностью... различные роды смерти, раны, побои, старость, болезни и недостаток в пище... неимение друзей или малое количество их... насильственная разлука с друзьями и с близкими, позор, слабость, увечье, беда, явившаяся именно с той стороны, откуда можно было ожидать чего-нибудь хорошего, частое повторение одного и того же подобного, и благо, приходящее уже тогда, когда человек испытал горе... [возбуждает состра-

дание] такое положение, когда или совсем не случилось ничего хорошего, или оно случилось, но им нельзя было воспользоваться» [3, с. 874–875].

Аристотель говорит о том, что нельзя сострадать тому, кто является для нас слишком близким. При виде горя слишком близкого нам человека мы испытываем скорее страх или ужас, чем сострадание, как будто бы это горе происходило с нами самими. «Мы чувствуем сострадание к людям знакомым, если они не очень близки нам, к очень близким же относимся так же, как если бы нам самим предстояло [несчастье]», что порождает ужас, а не сострадание. Ужасное «уничтожает сострадание и часто способствует возникновению противоположной [страсти]» [3, с. 875].

Тем не менее для переживания сострадания мы должны иметь что-то общее с объектом нашего сострадания: «Мы чувствуем сострадание к людям подобным нам по возрасту, по характеру, по способностям, по положению, по происхождению» [3, с. 875]. При этом на такую необходимость Аристотель в первую очередь ссылается не потому, что подобный опыт нам более близок либо с этим человеком нас связывают некие чувства близости. Нет, философ в этом вопросе предельно практичен, если не сказать, меркантилен. Основная причина сострадания к другим – это боязнь того, что нечто подобное может произойти и с нами. Поэтому-то в «Поэтике» Аристотель говорит, что сострадать людям хорошим сложно, так как несчастья, происходящие с ними, нас скорее возмущают, чем вызывают сострадание. Также не вызывают сострадания и дурные люди, так как «это совершенно нетрагично» и вызывает скорее чувство исполненной справедливости, чем сострадания. Сострадать возможно тому, кто «страдает невинно, а страх из-за того, кто находится в одинаковом с нами положении» [3, с. 1082], не отличается от прочих особыми добродетелями и подвергается несчастьям не по причине своей порочности, а из-за какой-нибудь ошибки.

Разбирает доступность сострадания и его причины Аристотель и исходя из возраста страдающего: «Старики доступны состраданию, но не по той самой причине, по какой [ему доступны] юноши: эти последние – вследствие человеколюбия, а первые – по своему бессилию, потому что на все бедствия они смотрят как на близкие к ним, а это, как мы сказали, делает человека доступным состраданию» [3, с. 889].

Подводя краткий итог всему сказанному, можно отметить основные мотивы, проходящие через труды Аристотеля «Поэтику» и «Риторику» относительно сострадания, которые будут находить свои логические продолжения в последующие эпохи в самых различных философских, психологических, риторических и прочих дискурсах.

1. Сострадание у Аристотеля не имеет того «трагического налета», которым оно «обросло» в последующие эпохи. Понятие сострадания раскрывается мыслителем в предельно практическом ключе и имеет скорее негативные коннотации наряду с прочими ему подобными аффектами страха, гнева и т. п.

2. Аристотель ясно отмечает необходимость наличия подобного, уже пережитого конкретным человеком опыта для того, чтобы быть способным сопереживать подобное страдание вместе с другим человеком.

3. Сострадать можно отнюдь не каждому. Объект сострадания должен быть для нас знаком и чем-то с нами схож, чтобы мы могли перенести на него свой уже наличный опыт. Однако объект сострадания не может быть для нас слишком близок, так как в таком случае сострадание превращается в ужас. То же можно сказать и относительно причины, вызывающей сострадание, – беда должна быть достаточно близкой, чтобы мы могли ее ощутить, но не в той степени, чтобы она затрагивала лично нас, так как в подобном случае мы опять-таки будем иметь дело со страхом и ужасом, а не с состраданием.

Нельзя со всей уверенностью сейчас назвать однозначные причины, по которым Аристотель разбирал феномен сострадания именно в таком ключе, как это явлено нам в его «Поэтике» и «Риторике». Здесь сыграла свою роль определенная практическая направленность данных работ на решение вполне конкретных задач – разработку теоретической концепции поэтических произведений и советы по ведению грамотной убеждающей речи. Тем не менее Аристотель смог выйти за рамки обозначенных утилитарных направлений и развить свою мысль несколько шире, придав импульс для дальнейшего развития научной мысли в данных направлениях. А методы разжигания страстей, среди которых у древнегреческого мыслителя находится возбуждение сострадания, являются и по сей день важнейшими движущими силами в маркетинге, рекламе, ораторском искусстве, судебном деле и многих других направлениях человеческой деятельности.

Список использованных источников

1. Адуло, Т. И. Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия / Т. И. Адуло. – Минск : ИСПИ, 2003. – 209 с.
2. Вальченко, В. В. О сострадании, страхе и катарсисе у Аристотеля / В. В. Вальченко // Балт. филол. курьер. – 2003. – № 2. – С. 47–55.
3. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. – Минск : Литература, 1998. – 1392 с.
4. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Аполлодор ; отв. ред. Я. М. Боровский. – Л. : Наука, 1972. – 216 с.
5. Павсаний. Описание Эллады : в 2 т. / Павсаний ; ред. К. А. Ситник. – М. : Искусство, 1938. – Т. 1. – 364 с.

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 1:316(476)(045)

Поступила в редакцию 15.02.2016
Received 15.02.2016

В. А. Максимович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

КОММУНИКАТИВНО-ТВОРЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматриваются формообразующие факторы духовной жизни современного общества, проявляющиеся в том числе и через многообразные процессы коммуникации и творчества, родовую преемственность, позволяющие раскрыть познавательный, креативный и ценностный потенциал личности, выступая при этом в роли императива нравственного порядка, духовного регулятора или индикатора поведенческих стратегий и мировоззренческих манифестаций.

Ключевые слова: коммуникация, культурная традиция, социально-личностное проектирование, творчество, идентичность, диалогичность, этно-психологическая среда, духовный мир, родовая преемственность.

V. A. Maksimovich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

COMMUNICATIVE-CREATIVE ASPECTS OF TRADITION IN FORMATION OF THE NATIONAL-CULTURAL IDENTITY

The article is devoted to the shaping factors of spiritual life of the modern society reflected through different processes of communication and creative work, generic continuity, which helps to reveal the informative, creative and value potential of personality playing the role of moral imperative, spiritual regulator or indicator of behavioral strategies and worldview manifestations.

Keywords: communication, cultural tradition, social-personal designing, creativity, identity, dialogicity, ethnic-psychological environment, spiritual world, generic continuity.

Наряду с обостряющейся тенденцией гомогенизации и универсализации мира, что ведет к стиранию различий между нациями и социальными группами, разрушению традиций, обрядов, ценностей, присущих национальным культурам, имеет место и другая – созидательная, мироустроительная, связанная со стремлением субъекта обнаружить и узаконить свое истинное место в социокультурной реальности. Это, в свою очередь, предполагает осознан-

ное отношение представителя определенной этнокультурной среды к своему идентификационному пространству. В связи с этим на первый план выступают культурно-психологические факторы, благодаря которым личность атрибутивно соотносит себя с некой культурно-идентификационной целостностью и более отчетливо ощущает свою субъект-объектную легитимность в исторически сложившемся универсуме культуры. По утверждению И. Лысака, «необходимыми условиями формирования идентичности являются усвоение ценностей и норм определенной (“своей”) социокультурной общности, что, в свою очередь, возможно лишь на основе их противопоставления иной (“чужой”) нормативно-ценностной системе, а также наличие у человека четкого представления о самой окружающей действительности, позволяющего найти свое место в ней» [6, с. 92].

В современной социокультурной действительности, когда глобализационные процессы затрагивают самые разнообразные сферы жизнедеятельности, напрямую влияя на психо-эмоциональное состояние человека, его внутреннюю константность, на формирование мировоззренческих доминант, проблема сохранения и развития национально-культурной идентичности приобретает поистине глобальные очертания. Личностное развитие человека в большой степени зависит от его отождествления (идентификации) с исторически родственной средой, усвоением ее ценностей, норм, правил поведения, в целом духовно-нравственной культуры. Отрыв от национально-культурных оснований исторического наследия ведет к нежелательной трансформации душевной организации, разрушает ментальные и поведенческие стереотипы представителя конкретного этнокультурного сообщества. Более того, происходит расшатывание базисных мировоззренческих ориентаций как отдельного человека, так и социума в целом. Свыкание же с поверхностным измерением социальной реальности, ее нормами и установлениями формирует особый тип человека, которого Г. Маркузе называет «одномерным». «Одномерный человек» (One-Dimensional Man) – это образ во многом унифицированного, однопланового, чрезмерно ангажированного человека, чей «индивидуальный космос завоеван и искромсан технологической реальностью» [8, с. 275]. «Одномерный человек» выступает своеобразным знаковым маркером современной индустриальной цивилизации, которая создает условия и предпосылки для возникновения «одномерного мышления и поведения» [8, с. 277–278]. Сущность такого рода мышления и поведения состоит в том, что «идеи, побуждения и цели, трансцендирующие по своему содержанию утвердившийся универсум дискурса и поступка, либо отторгаются, либо приводятся в соответствие с терминами этого универсума, вписываются в рациональность данной системы и ее количественных измерений (its quantitative extension)» [8, с. 275].

Симптомы «одномерности», истоки которых следует искать в конформистской ориентации массового сознания, проявляют себя в различных слоях общества. Запрограммированное и унифицированное сознание перманентно

ощущает на себе целенаправленное воздействие, вследствие чего происходит отождествление человека с так называемыми альтернативными ценностями и нормами поведения (в том числе и деструктивными), которые с завидной методичностью насаждаются и культивируются в существующей социальной реальности. Отмеченное обстоятельство неуклонно диктует необходимость акцентировать внимание на «человеческое измерение кризиса», которое выступает первичным по отношению к другим угрозам и вызовам современности. Кризис личного бытия воспринимается и трактуется в качестве квинтэссенции цивилизационного кризиса и является, бесспорно, весьма значимым для концептуально-теоретического осмысления феномена нестабильности и деформаций в эпоху смены культурной парадигмы. Морально-нравственный выбор, который зиждется прежде всего на аксиологических приоритетах и предпочтениях, в ситуации формирования глобализационного общества становится выбором историческим, определяющим характер направленности развития общества в целом.

Глобализационные стратегии «вестернизации» мира характеризуются довольно разветвленными, хорошо продуманными «маркетинговыми» технологиями, цель которых – сформировать отличные от предшествующего периода аксиологические доминанты культуры (культурную матрицу). Среди них – массовизация культуры и сознания, формирование потребительских интенций, разрушение символического капитала наций, изменение образовательно-воспитательных стандартов, навязывание брутальных стереотипов поведения, культивирование форм отчуждения, фрустрации, разрыва «связи времен», то есть тесной межпоколенческой солидарности и сотрудничества.

В связи с этим на повестку дня остро выходит проблема сохранения и развития национально-культурных идентификационных сред, национально-культурной целостности перед вызовами глобальной цивилизации. Мировое сообщество в лице ее суверенных представителей должно активно отстаивать и защищать свое право на идентичность и уверенно демонстрировать свою способность к самоопределению и сохранению самобытности в условиях глобальных угроз. Эта проблема остро осознается мировым сообществом, о чем свидетельствует, например, принятие 31-й сессией Генеральной конференции ЮНЕСКО «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии», в которой отмечается, что «культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений» [2]. В Декларации отмечается, что залогом культурного разнообразия является свобода выражения мнений, плюрализм средств информации, многоязычие, равный доступ к возможностям для художественного творчества, к научно-техническим знаниям, в том числе в цифровой форме, и обеспечение всем культурам доступа к средствам выражения и распространения идей. Сохранение и поощрение культурного

разнообразия, говорится в документе, является ключевым фактором устойчивого человеческого развития.

В эпоху перманентной нестабильности и транзитивности именно коммуникативно-творческие интенции отражают и фиксируют наиболее существенные связи и отношения в культурной реальности. Иными словами, идентификационный фактор во многом зависит от характера и состава культурной среды – своеобразной институционально-организационной сферы и важного мотивационного стимула национально-культурного позиционирования и самоопределения субъекта. Именно идентификационный фактор и культурная среда во многом определяют механизм трансляции и социализации социокультурного опыта. При этом коммуникативная компетентность и коммуникативный опыт субъектов информации представляет собой важную сферу влияния на сознание человека, на мотивацию его действий и поступков, помыслов и желаний. Неслучайно уже в самом начале XX в. К. Ясперс сделал коммуникацию одним из ключевых понятий своей философской системы: «Мы являемся тем, что мы являемся, только благодаря общности взаимного сознательного понимания. Не может существовать человек сам по себе, просто как отдельный индивид... Все то, что есть человек и что есть для человека... достигается в коммуникации», более того, «коммуникация в сфере духа есть создание из общественной субстанции идеи целого...», а разум, связь всех модусов, «требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации» [12, с. 441–442]. Известный американский философ Дж. Дьюи утверждал, что «люди живут в сообществе благодаря тому общему, что есть между ними, а общение – тот способ, благодаря которому они обретают это общее» [3, с. 165].

В ситуации обостряющегося антропогенного кризиса коммуникативное пространство межличностных отношений может приобретать разную степень выраженности психологической комфортности для участников общения. Факторы кризисности, редукция форм социокультурного и антропологического измерения позволяют по-новому переосмыслить отношение и место человека в процессе налаживания межличностных связей, социальной коммуникации. От того, как именно протекают процессы коммуникации, как реализуется право человека на творчество, в том числе духовное творение, в немаловажной степени зависит стабильность, устойчивость, полновесность общественной жизни. И более того, эти процессы необходимо рассматривать во взаимосвязи. Именно в нашем глобально-сетевом обществе творчество и коммуникация – это две стороны одной медали. Сам процесс со-общения, со-трудничества, созидания во все времена имел и имеет неоспоримое значение для налаживания межличностного (в первую очередь) диалога с учетом этнонационального пространства, ведущего к духовному (душевному) взаимообогащению, к совершенствованию культуры отношений, что предполагает умение выслушать позицию собеседника, понять направление и истин-

ное содержание мотиваций и доводов. Важное значение приобретают визуальные и тактильные способы восприятия информации в виде жестов, мимики, позы, интонации (голосовой тембральности). К ним можно отнести самые незначительные, трудно фиксируемые моменты общения. Даже обычная пауза, умолчание в отдельных случаях могут приобретать ситуационно насыщенную смысловую коннотацию.

Если рассматривать феномен коммуникации-творчества системно, то нужно, разумеется, начинать от отправной точки – человеческой личности, ее познавательного, коммуникативного, креативного и ценностного потенциала. От человека – конкретного носителя, транслятора и интерпретатора культуры – зависит адекватная, полноформатная передача и сохранение всего культурного универсума с бесконечным разнообразием его уровней, форм, видов и т. д. Сам акт трансляции культурной традиции понимается не только как передача, усвоение социального опыта, знаний, представлений, верований, оценочно-интерпретативных суждений о мире, но, что не менее важно, и как *личностное участие в приращении, обогащении социокультурного опыта, сохранении историко-генетической преемственности*. Любой представитель этнокультурного сообщества, в том числе и потенциальные творцы (креаторы), созидатели, обладающие творческими задатками, способны состояться как личности только в коммуникативном пространстве, полагаясь на базисные, онтологические основания культуры, перенимая опыт предшествующих поколений и генерируя новые креативно-коммуникативные стратегии.

Благодаря наличию коммуникации в самом расширительном значении слова объективированное, предметно-объектное содержание традиции с необходимостью дополняется фактором человекоразмерным, становясь в итоге духовно и личностно значимым. Это дает основание говорить о традиции как о многоуровневой, многоступенчатой дифференцированной целостности, имеющей социоантропогенную направленность. Именно с личностью – носителем живой активности и субъектом осознанной деятельности – связана перманентно воссоздаваемая сущность традиции как национально маркированной субстанции, непосредственно участвующей в формировании внутреннего модуса человека и позволяющей ему реализовывать свой творческий потенциал. Прежде всего это проявляется в процессе коммуникации, в которую люди вступают, будучи носителями профессиональной, религиозной, этнокультурной, национальной форм идентичности. Именно коммуникативно-трансляционный акт помогает сформировать определенный механизм узнавания и самоузнавания, выделить отличительные черты *своего, генетически родственного мира* как органически приемлемой среды существования, облегчающей способ присвоения, освоения и воспроизводства традиционных форм общезжития. Более того, глубинно онтологическая, этнокультурная среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя

конкретного сообщества, полноценному выражению его внутреннего самощущения и самопознания. «Человек традиции, – в этой связи замечает В. В. Малявин, – никогда не индивид, но всегда как бы сверхиндивидуальная сущность двух лиц: учителя и ученика, предшественника и последователя, отца и сына. <...> Наследуется в традиции, разумеется, не только некое предметное содержание опыта, не идеи или понятия, не образы или ощущения, но самое качество переживания, опыт “жизни поверх жизни”, “жизни изобильной”... извечно оживляемой и всегда другой» [7, с. 30]. И это лишний раз подтверждает тот факт, что человек является центральным звеном в духовной трансмиссии социокультурного опыта.

Известный русский философ и богослов П. Флоренский неспроста уделял большое внимание «генеалогическим отношениям», «концепции родословия». Важная, первостепенная роль отводилась им главе рода – хранителю традиции, обладающему строго организованной конституцией, соответствующими личностными характеристиками, что в наибольшей степени оказывает влияние на степень полноты охвата транслируемого материала, подлинной традиции. «Комментатор, – подчеркивает В. С. Семенов, – передает ученику не абстрактную (“объективную”), а живую, личностную истину; вместе с истиной учитель передает ученику самого себя» [10, с. 116]. В данном случае важна природная, внутренняя сущность учителя как передающего, вещающего субъекта, образующего возле себя особый – ментально значимый мир – мир отношений, ориентированный на возможность осознать себя его органической, неразрывной частью. Степень усвоения во многом обусловлена моментом эмпатии (сопереживания, вчувствования), что делает традицию как бы непосредственно осязаемой, наполненной реальным содержанием.

При этом не каждое частное проявление «родовой» коммуникации можно отнести в разряд традициозначимого. «Отдельный стереотип, для того чтобы его можно было назвать традиционным, – отмечает В. Аверьянов, – должен нести ответственность за свой сегмент всеобщего смысла. <...> Одно удачно подобранное слово становится той “последней каплей”, которая наполняет чашу понимания традиции, делает традицию живой. В конечном счете традицию как полную систему несет в себе весь язык образов и стереотипов, но несет и каждое слово этого языка в масштабе, соразмерном этому слову» [1, с. 50], благодаря чему явления эмпирической реальности, включенные в орбиту интимного переживания, незримо становятся событиями ментального плана, рождая чувство живой, космической сопричастности ко всему многообразию горизонтов бытия. Особенную значимость данное обстоятельство приобретает в ситуации нарастания мировоззренческого кризиса, «обмельчания масштаба человеческой личности». Нельзя не согласиться с русским философом И. Ильиным, полагающим, что в основе традиции лежит «передача строения внутреннего духовного акта», ретранслирующего не столько смыслы, значения, принципы, сколько само «актовое строение» духовного опыта, напря-

мую связанное с сакрально-диалогическим, возвышенным, обнаруживающим свою связь со всем Мирозданием.

Живое, непосредственное общение позволяет личности испытать себя во все новых коммуникационных позициях и ситуациях, не только приобрести и укрепить навыки межличностного общения, но и сформировать свой устойчивый стереотип мироощущения и миропонимания, что помогает ориентироваться в разных культурно- и традицимерных проекциях. Другими словами, личностный модус, родово-генетическое измерение открывает возможность самообнаружения и самопозиционирования себя не только в рамках идентификационно близкого сообщества, но и вне его, в иных социальных пространствах. Именно в личности – носителе самобытной культурной традиции происходит накапливание и кристаллизация духовного опыта в его различных стереотипных и модельно-программных формах и проявлениях. Речь идет не просто о факте формального «родового» наследования, преемственности, но о наследовании самой модели смыслопостижения, смыслодействия, смыслоразличения. «Материя» традиции как бы формирует собственно алгоритм деятельности и развертывания системно значимых связей, отношений, открывающих пути для раскрытия потенциальных возможностей личности.

С учетом высказанного коммуникацию следует трактовать не как сугубо механистическое следование ритуалу, общепризнанному канону, стандарту, а как своеобразное смыслодействие, как особую культуuroобразовательную стратегию, в русле которой возможна реализация творческих интенций, ведущих к самовыражению и самопознанию и способствующих усвоению и обогащению знаний, умений, навыков, стимулов, эмоций в генетически родственном пространстве. Свою неоспоримую действенность межличностная коммуникация проявляет в художественном творчестве, природа которого подразумевает прежде всего внутреннее, «сердечное» осмысление процесса коммуникации, пропускание его через себя, конструирование образа и смыслообраза посредством рефлексии, сопереживания, вчувствования. Благодаря субъективированию и субъективности акта коммуникации, который выходит за рамки простого речевого диалогизирования, появляется возможность не только для коннотативного приращения смысла, но и для его субъектного (авторского) расширения и контекстуального изменения. Именно творческая интенция, эксклюзивное восприятие предметов, слов, действий, зримых артефактов, установка на извлечение нестандартного, нетривиального смысла из любой коммуникативной ситуации обогащает художественный замысел, ведет к уникальному перерождению (овнутрению) смысла предметно-визуализированных картин и образов. В данном случае не так важно номинативное, первичное значение слов, фраз, изречений, сколько их иносказательный, символический смысл, глубинное постижение «лица необщего выраженья» (по выражению Е. Баратынского).

Творчество как наивысшее проявление созидательной природы сознания определяется способностью субъекта целостно постигать сущность явления

путем личностного, эмоционально насыщенного освоения форм культуры. Все разнообразие жизни воспринимается творческим реципиентом прежде всего с позиции аксиологической природы субъект-объектного как непреложного феномена культуры. Творческая личность, по мнению С. П. Иванова, «не только вовлекается в общий культурный контекст развития человеческой деятельности, но и активно творит духовное пространство своего бытия» [4, с. 331]. Если отталкиваться от признания целостности объективного мира, единства Вселенной и человека, лежащего в основе философии космизма, то собственно становление духовного мира активно и творчески действующего субъекта следует признать центральным звеном всего процесса раскрытия и постижения сущности бытия.

Здесь важно отметить, что наравне с аутентичной, отвечающей своему первоначальному предназначению, существуют и разнообразные трансмутирующие формы культурного опыта, напрямую относящиеся к имеющей место диверсификации трансляционных структур, их типовым превращениям. На практике их часто отождествляют с модернизационными проявлениями, якобы приобретшими новые семантико-семиотические характеристики под влиянием изменяющегося мира. На самом деле речь может идти о суррогатных структурах, формах культуры, адаптированных к изменяющимся условиям бытия социума. Их внутренняя природа во многом зависит от институциональных форм тиражирования культурных матриц, которые складываются и формируются в первую очередь под влиянием средств массовой информации.

Информационные технологии оказывают огромное влияние на семиотическую сферу культуры и институт трансляции социокультурного опыта, тем самым осуществляя определенные манипуляции в отношении формирования национально-культурной идентичности. Исследователи небезосновательно указывают на то, что «на современном этапе средства коммуникации становятся содержанием культуры, подчиняя и формируя особенности восприятия информации, а значит, оказывая влияние на механизмы смыслообразования, переходя из состояния некоего фона культурных событий в особое образование, доминирующее над всеми остальными, вынуждая ее функционировать по законам коммуникации» [9, с. 107]. В этом случае идентичность предстает как результат сознательных и целенаправленных информационно-цивилизационных воздействий на индивида и усилий по затруднению или разрушению самоидентификации в родственном культурном пространстве, в котором он осуществляет свою социально содержательную жизнедеятельность. В. В. Миронов в этой связи отмечает: «Культура буквально атакуется “медиа-вирусами” (Д. Рашкофф), и наибольший эффект достигается, как и в случае с живыми организмами, в тех местах, где ослаблен иммунитет, в данном случае – “культурный иммунитет” системы, или когда культура зависит от поставщика культурных вирусов. Увеличение числа культур, впитываю-

ших порции культурных инфекций, способно модифицировать всю человеческую культуру» [9, с. 108]. Примером тому может служить то же целенаправленное желание создать образ «одномерного человека», «счастливого сознания», благодаря чему человек сводится к «одномерности» культуры потребления, в которой он реализует навязанные ему «искусственные потребности».

С учетом этого место и роль традиции в системе информационно-сетевых коммуникаций приобретает особый национальный статус. Традиция является не только первостепенным и чрезвычайно важным измерением культуры, но и выражает саму сущность человеческой культуры. Это как бы регенерирующий, восстановительный ген культуры, призванный предохранять организм от поражения или амнезии отдельных ее частей и достраивать, возобновлять недостающие или отсутствующие сегменты. Традиция самым непосредственным образом влияет на устройство духовного пространства человека, делая его более упорядоченным, позволяющим жить в согласном взаимодействии с окружающей средой. При этом она подспудно сдерживает, сбавляет трудно контролируемые инстинкты, желания, агрессию, тем самым внутренне дисциплинируя человека, способствует взвешенному контролю действия и поступка, сохранению душевной цельности и полноты.

Вместе с тем традицию никак нельзя отнести в разряд неких директивных предписаний, норм, механически регламентирующих отношения человека и общества. Традиции чуждо декларирование, императивность, ограничивающие свободу выбора и волеизъявления. Напротив, ее можно охарактеризовать как такую структуру духовной жизни, которая поддерживает программу саморазвития, самоусовершенствования личности, социальной группы, общества в целом, помогает обустроить духовное пространство их бытия, непосредственно влияя тем самым на формирование ценностных и мировоззренческих доминант. Христианская традиция, в частности, способствует гармонизации, упорядочиванию, согласованности разных органов единой живой системы – личного и сверхличного, единичного и всеобщего, выступает в качестве действенного условия для подлинного взаимопонимания личностей в пространстве смыслообразований культуры. Кроме того, она способствует осознанию своей родственной связи с живой интуицией другого «Я», порождает интенцию к диалогу и соработничеству. Это ключевой фактор внутреннего роста, могущий вывести человека на иную, качественно более высокую ступень самопознания, саморазвития, ощутить подлинную радость от осознания своего живого участия в жизни – радость человеческого общения.

На уровне идеального сознания традиция латентно заключает в себе «просветительскую» целевую программу, содержащую определенный реестр навыков, знаний и представлений, включая социокультурные установки и ментальные архетипы. Все они актуализируются, проявляют себя прежде всего на

уровне личностного восприятия, переживания, «вчувствования» (Э. Гуссерль). Главное, чтобы эти связи не заменялись формальной коммуникацией, не виртуализировались, не профанировались.

В контексте данных рассуждений немаловажное значение обретает теория архетипов коллективного бессознательного К.-Г. Юнга. Именно архетипы, проявляющие и обнаруживающие себя на уровне бессознательного, формируют содержание наследования, усвоения и трансмиссии приобретенного опыта. Благодаря этому у людей появляется возможность сохранять и укреплять свою идентичность, самоидентичность на протяжении исторически продолжительного отрезка времени. С архетипами, как известно, связана и восстановительная способность культуры, ее генеративный потенциал. В данном случае не имеется в виду собственно процесс механического замещения, возобновления недостающих элементов, утраченных или ослабивших свое значение в ходе культурно-исторического развития. Подобная регенерация предполагает и в известной степени модернизацию элементов, символов и моделей традиции с учетом ее социально-динамической природы, возможности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам.

Творчество (и художественное творчество в том числе), как правило, является результатом взаимодействия сознательного и бессознательного в человеческой психике и в то же время представляет собой своеобразное вместилище универсальных чувств и моделей для постижения мира. И в этом случае немаловажное значение имеют те же архетипы. Являясь результатом коллективной мысли, они внутренне мотивируют, как бы «подсказывают» модель поведения, восприятия и действия в ситуациях, коррелирующих с определенным архетипом. Общеизвестно, что понятие «архетип» включает в себя продукты устного народного творчества: сказания, легенды, сказки, мифы, являющиеся продуктом коллективного мировосприятия, мировоззрения и характеризующиеся устойчивой и возобновляемой (трансляционной) природой. Сакральные, фольклорные, классические литературные тексты во многом формируют устойчивые образы мира, художественные (культурные) представления, мотивы поведения. Культурно-мировоззренческие доминанты, в свою очередь, входят составной частью в национальный менталитет, представляют основу некоего духовного сплава, формирующего общие мировоззренческие и нравственно-этические алгоритмы (принципы, модели) поведения.

По сути, архетипный субстрат, в отдельных случаях становясь движущей силой фабульных сюжетов и мотивов, приобретает качество своеобразной художественной субструктуры, позволяющей более рельефно увидеть динамику, взаимодействие различных социальных слоев, их соотношение, обнаружить косность социальной иерархии и одновременно ее неустойчивость. Наряду с выявлением социального это открывает возможность проникнуть в суть других жизненных явлений, погрузиться в сферу морально-нравственного, духовного, субстанциального.

Творческое обращение к архетипам по существу представляет собой своеобразную форму скрытой диалогичности, энергетического разговора с духовной сокровищницей нации. Важно при этом заметить, что не всякая диалогичность может способствовать обогащению традиции, выступать в качестве ее благодатного зерна, могущего дать здоровые всходы. Любая потенциально возможная форма сопричастия, соприложения к традиции должна иметь позитивную обращенность – мироустроительную, мирозидательную. Необходимым условием достижения по-настоящему действенного, синергичного эффекта при соприкосновении с традицией как целостности, не сводимой к составляющим ее частям, является установка на гармонизацию, слаженность, упорядоченность, что, в итоге, оказывает положительное влияние на эмоционально-психологическое состояние человека. Достигнуть органической, духовной связи с традицией возможно прежде всего в результате овладения профессиональным мастерством, приобретения устойчивых навыков в разных областях творчества, спорта, образования, воспитания и т. д.

Для человека с развитым эстетическим сознанием утилитарная функция предметов и явлений отходит на второй план, замещаясь их духовным значением. Одухотворенность реального мира получает свое логическое завершение, объективируется в различных формах культуры. Диктат эмпирической реальности замещается деятельностью конвергирующего сознания, которое словно бы открывает человеку полноту Абсолюта. Это убедительное свидетельство того, что традиция как орган духа – не догма, не застывший, застывший экспонат, а живой организм, способный к диалектическому развитию, усовершенствованию, гармонизации посредством развития творческого потенциала человека. Возобновление, «воспроизведение» традиционных форм происходит как путем мимесиса (подражания), так и творческого видоизменения, обновления (откровения). Эти формы диалектического подхода подметил Павел Флоренский, говоря о копиистах, тиражирующих добытый в истории канон, и о создателях и обновителях канона, духовидцах, получающих откровение и транслирующих его в тело традиции, а через него далее – в «мир» [11, с. 87].

С учетом функциональной историко-культурной востребованности и воздействия в жизни общества традиция может быть рассмотрена с разных позиций. Думается, следует согласиться с довольно устоявшимся мнением, что традиция представляет собой своеобразную иерархически построенную систему, где тот или иной элемент, концептуальный фрейм, мировоззренческая идеологема могут активизироваться, приобретать доминирующее значение в зависимости от конкретной сложившейся в обществе ситуации. Это касается не только определенных сфер культуры и искусства, где легитимационные черты традиции наиболее ощутимы и в той или иной мере представлены в конкретных художественных объектах и артефактах. Имеются основания говорить о традиции определенной цивилизации, включающей в себя

разные сферы человеческой деятельности (политическую, историческую, философскую, научную, экономическую и т. д.).

В последнее время налаживается конструктивный и обстоятельный разговор об интеллектуальной, духовно-нравственной традиции, традиции жизне-творчества, традиции «структуры систем», составляющих самое содержание культуры в целом и функциональные, в том числе качественные, трансформации в процессе ее развития. Определенные, в разной степени выраженности пересечения, сцепления этих систем в плане наследования исторического прошлого наблюдаются и в плане синхронии, и в плане диахронии. При всем известном временном варьировании отдельных, фигурально говоря, традиционных штаммов, все же стабильно сохраняется ядро культурного тезауруса, стержневые символические элементы, духовные ориентиры, модели культуры и общественной практики, способствующие воспроизводству идентичности социокультурного субъекта-носителя традиции.

Природа творчества связана с преобразованием и развитием ценностно-смыслового наполнения культуры. В большей степени это обусловлено тем, что переживающий, рефлексирующий субъект по-своему, индивидуально переживает внешние события, опираясь на свой внутренний духовный опыт. Этот момент И. В. Кондаков напрямую связал с интересубъективностью и интересобытийностью культуры. «В процессе освоения абстрактного бытия культуры ее конкретными субъектами происходит *интериоризация* и *субъективизация* этого бытия, – замечает исследователь, – результатом чего является его ценностно-смысловое “расслоение” и наполнение некоего “происшествия” многообразием конкретных смыслов и оценок, нередко весьма отличных друг от друга и даже противоположных по своему идейному и эмоциональному наполнению (не говоря о художественно-эстетической, философской или нравственной ценности его отображений)» [5, с. 152].

Осознание духовной сопричастности к традиционному культурным артефактам открывает возможность представителю каждой нации идентифицировать себя в качестве субъекта особого историко-культурного пространства, что в итоге способно существенно расширить и обогатить его внутренний мир. На более высоком мировоззренческом уровне художественные концепты, смыслообразы затрагивают структуры миропонимания и мироотношения и формируют наиболее общие принципы социального действия. Благодаря своей коммуникативной природе (способности передавать духовный аспект жизненного опыта) они приобретают качество одного из важнейших инструментов постижения мира, становятся предпосылкой успешной социализации субъекта в рамках конкретной культуры. Это в очередной раз подчеркивает идею пассионарного (в понимании Л. Гумилева) начала творческого акта, тесно увязанную с пониманием личности как субъекта культуры, имманентно осваивающего, расширяющего и преобразовывающего духовно-творческим актом границы культурного созидающего пространства по законам гармонии и красоты.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать заключение, что полноценная реализация духовно-нравственного компонента личностного развития предполагает наличие определенных психологически заданных параметров, которые кристаллизуются, совершенствуются, получают свое развитие в процессе индивидуального становления, духовного роста, вовлечения в сеть социальных коммуникаций. При этом «генетическая» (глубинно онтологическая, этнопсихологическая) среда призвана способствовать актуализации системы ценностных установок представителя конкретного этнонационального сообщества, полноценному выражению внутреннего самоощущения и самопознания. Она же позволяет каждому субъекту, личности полноценно, творчески реализовать себя в самых разнообразных социальных связях и отношениях, выступает стабилизирующим фактором развития, главным действенным звеном в сложной системе отношений взаимодействия и социально-личностного проектирования.

Список использованных источников

1. Аверьянов, В. В. Традиция и динамический консерватизм / В. В. Аверьянов. – М. : Ин-т динамического консерватизма, ООО «Центральный издательский дом», 2012. – 696 с. – (Издательская серия ИДК).
2. Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001271/127160m.pdf>. – Дата доступа: 27.01.2016.
3. Дьюи, Дж. Демократия и образование : пер. с англ. / Дж. Дьюи. – М. : Педагогика-пресс, 2000. – 362 с.
4. Иванов, С. П. Субъект художественного действия в построении и развитии культурных сфер / С. П. Иванов // Человек как субъект культуры. – М. : Наука, 2002. – С. 331–341.
5. Кондаков, И. В. Интерсубъективность культуры / И. В. Кондаков // Человек как субъект культуры. – М. : Наука, 2002. – С. 152–178.
6. Лысак, И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации / И. В. Лысак // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2010. – № 4. – С. 91–95.
7. Малявин, В. В. Молния в сердце / В. В. Малявин. – М. : Наталис, 1997. – 364 с.
8. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе ; пер. с англ. А. Юдина. – М. : АСТ, 2003. – 528 с.
9. Миронов, В. В. Диалог культур и глобализационные угрозы / В. В. Миронов // Диалог культур в условиях глобализации: XII Междунар. Лихачев. науч. чтения, 17–18 мая 2012 г. – СПб. : СПбГУП, 2012. – Т. 1 : Доклады. – 504 с.
10. Семенцов, В. С. Бхагавадгита в традиции и современной научной критике / В. С. Семенцов. – М. : Наука. Гл. ред. восточ. лит., 1985. – 236 с.
11. Флоренский П., свящ. Сочинения : в 4 т. / свящ. Павел Флоренский. – М. : Наука, 1992. – Т. 3 (2). – 427 с.
12. Ясперс, К. Смысл и назначение истории: разум и коммуникация : пер. с нем. / К. Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 543 с.

С. І. СанькоІнстытут філасофіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Рэспубліка Беларусь**СЛАВЯНСКАЕ SVĚŤ 1) 'LUX', 2) 'MUNDUS'
У СВЯТЛЕ АРХАІЧНЫХ УЯЎЛЕННЯЎ АБ ПРЫРОДЗЕ ЗРОКУ**

Семантычная эвалюцыя славянскага слова svěť, вынікам якой стала спецыялізацыя значэнняў 1) 'lux' і 2) 'mundus', разглядаецца ў сувязі са старажытнымі ўяўленнямі аб прыродзе зроку, найбольш «тэарэтычна» пададзенымі ў дыялогу Платона «Тымей». Паказана, што імаглікія лінгвістычныя даныя сведчаць аб тым, што працэс зрокавага ўспрымання разумеўся як вынік узаемадзеяння асаблівых светлавых прамянёў, якія сыходзяць з вачэй, з прадметнымі прамянямі, адлюстраванымі аб'ектамі знешняга свету, з аднаго боку, і з аналагічнымі прамянямі, якія сыходзяць з вачэй іншых членаў натуральна ўтворанай камунікатыўнай супольнасці, з іншага боку. Для намінацыі асаблівага «спазоравага цела», якое ўзнікае ў выніку гэтага ўзаемадзеяння, у славян і, вельмі верагодна, у старажытных індыйцаў былі выкарыстаныя словы, якія зыходна пазначалі саму прамяністую энергію – святло – як неабходную ўмову зрокавага ўспрымання.

Ключавыя словы: прырода зроку, святло, свет, грамадства, гісторыя канцэптаў, старажытнагрэчаская філасофія, старажытнаіндыйская філасофія.

С. И. Санько

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Республика Беларусь

**СЛАВЯНСКОЕ SVĚŤ 1) 'LUX', 2) 'MUNDUS' В СВЕТЕ АРХАИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИРОДЕ ЗРЕНИЯ**

Семантическая эволюция славянского слова svěť, результатом которой стала специализация значений 1) 'lux' и 2) 'mundus', рассматривается в связи с древними представлениями о природе зрения, наиболее «теоретично» представленными в диалоге Платона «Тимей». Показано, что многочисленные лингвистические данные свидетельствуют о том, что процесс зрительного восприятия понимался как результат взаимодействия особых световых лучей, исходящих из глаз, с предметными лучами, отраженными объектами внешнего мира, с одной стороны, и с аналогичными лучами, исходящими из глаз других членов естественно образованного коммуникативного сообщества, с другой стороны. Для номинации возникающего в результате этого взаимодействия особого «зрительного тела» у славян и, весьма вероятно, у древних индийцев были использованы слова, исходно обозначающие саму лучистую энергию – свет – как необходимое условие зрительного восприятия.

Ключевые слова: природа зрения, свет, мир, общество, история концептов, древнегреческая философия, древнеиндийская философия.

S. SAN'KO

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

SLAVIC SVĚTĚ 1) 'LUX', 2) 'MUNDUS' IN VIEW OF ARCHAIC NOTIONS
ABOUT THE NATURE OF VISION

The semantic evolution of the Slavic word svĕtĕ, which resulted in the specialization of values 1) 'lux' and 2) 'mundus', is considered in connection with ancient ideas about the nature of vision, presented more "theoretically" in the Plato's dialog "Timaeus". It is shown that numerous linguistic data indicate that the process of visual perception was understood as a result of interaction of specific light rays emanating from the eyes with subject rays reflected by objects of the outside world, on the one hand, and with the same rays emanating from the eyes of other members of the naturally formed communicative community, on the other hand. For nomination of a peculiar "visual body", resulting in this interaction, the Slavs and, very likely, the ancient Indians had used the words, originally designating the radiant energy itself – light – as a necessary condition for visual perception.

Keywords: nature of vision, light, world, society, history of concepts, ancient Greek philosophy, ancient Indian philosophy.

Беларускае слова *свет*, як і адпаведныя словы іншых славянскіх моў, узыходзіць да праславянскага **svĕtĕ*, якое ўжо ў праславянскі перыяд дадало да першаснага значэння 'святло' спецыялізаванае значэнне 'аб'яднаны або спарадкаваны пэўным чынам рэгіён існага'. У беларускай мове гэты сэнс стаў асноўным, тады як «прамяністая энергія, якая вылучаецца палымнеючым целам і ўспрымаецца зрокам» пачала азначацца асобным словам *святло*. У рускай мове спецыялізацыя ішла іншым шляхам: канцэпт СВЕТ стаў выражацца словам *мир*¹, тады як «прамяністая энергія» па-ранейшаму азначалася словам *свет*.

Семантычная структура канцэпту, выражанага словам *свет*, з ладнага, хоць і не на поўніцу, адлюстроўваецца адпаведным артыкулам «Глумачальнага слоўніка беларускай літаратурнай мовы» (3-е выданне, 2002 г.): 1. «Зямля з усім тым, што на ёй існуе; сусвет... а таксама людзі, якія насяляюць зямлю, і ўсё, што акружае чалавека»; 2. «тое, што і сусвет»; 3. «чалавечае грамадства, аб'яднанае пэўным грамадскім ладам, культурнымі і сацыяльна-гістарычнымі адзнакамі»; 4. «асобная галіна жыцця, з'яў, прадметаў»; 5. «якая-н. сфера, галіна дзейнасці людзей»; 6. «кола асоб, якія належаць да прывілеяваных класаў»; 7. «зямное жыццё ў процілегласць незямному».

Усе гэтыя сэнсавыя адценні слова *свет*, відавочна, ахопліваюцца ўжо згаданым агульным значэннем 'аб'яднаны або спарадкаваны пэўным чынам рэгіён існага'.

Падобнае семантычнае развіццё, імаверна, мела месца ў мове ведыйскіх арыяў. Ст.-інд. *lokáḥ* азначала 'месца', 'край, краіна', 'абшар', 'свет, сусвет', 'жыццё (сфера жыцця), быццё (філасофскі тэрмін)', у мн. л. 'людзі, народ', у падвойн. л. 'неба і зямля'. Для ведыйскага слова *lokáḥ* 'вольная прасто-

¹ Рускі канцэпт мир дэталёва прааналізаваны Ю. С. Сцяпанавым [1, с. 95–131, 599–600].

ра, пляцоўка, свет' пастулюецца генетычная сувязь з лац. *lūcus* 'свяшчэнны гай, лес', ст.-в.-ням. *lōh* 'зарослая лясная прагаліна', літ. *laukas* 'поле' і г. д. < **louko-s* 'лясная прагаліна, асветленае месца' [1, с. 100; 2, р. 7 і далей; 3, S. 113], звязанае чаргаваннем з **leuko-s* 'святло, белы' < **leuk-* 'свяціць, выпраменьваць святло'. «Як паказвае значэнне меснага склону... літоўскага слова, склону, які ўжываўся ў якасці прыслоўя, – *laukė* “звонку, не ў доме, на дварэ, на вуліцы”, першапачаткова гэтае слова азначала “чыстае поле, вольную прастору” ў супрацьпастаўленні “абгароджанай прасторы, сядзібе, дому”» [1, с. 100]. Семантычнае развіццё 'святло' > 'свет' адбылася таксама ў румынскай мове: *lume* 'свет, mundus' < лац. *lūmen* 'святло, lux' [4, с. 59].

У сваю чаргу славянскае слова *svěť* суадносіцца са ст.-інд. *śvit-* «быць яркім, быць белым», літ. *šviēsti* «свяціць, ззяць» < **k̑uōit-/k̑uēit-* [5, S. 628–629; 3, S. 404–406], якое, паводле У. М. Тапарова [6, с. 29], з'яўляецца архаічным дэрыватам **k̑eu-* 2 'свяціць; светлы' [5, S. 594–595], суадносным на глыбінным узроўні рэканструкцыі з **k̑eu-* 1 'набухаць, павялічвацца' [5, S. 592–594]. З улікам разгледжаных прыкладаў не можа быць безумоўна прыняты тэзіс С. М. Талстой: «Калі для *svěť* значэнні 'lux' і 'mundus' можна з пэўнасцю ўважаць за праславянскія, а семантычная сувязь паміж імі ўяўляецца празрыстай і кагнітыўна і культурна абумоўленай [курсіў наш. – С. С.] (свет як святло жыцця ў процілегласць цемры смерці), то сувязь паміж 'рах' і 'mundus' у семантычных стасунках не нагэтулькі відавочная» [4, с. 60].

Натуральныя светлавыя асацыяцыі беларускага слова *свет* прасочваюцца ў помніках старабеларускага пісьменства. Так, у выдадзенай у 1637 г. у Куцеінскім манастыры кнізе «Гісторыя альбо правдывое выписаніе ст. Іоанна Дамаскіна, о житіи святых преподобных отецъ Варлаама і Осафа и о наверненію індіанъ» знаходзім такое тлумачэнне: **Которые нѣбо розвѣють быти богомъ, вѣдѣют: а вѣдѣмъ и жъ са шное шборочаетъ и зѣ потребности рѣшаетъ, и з многихъ речей естъ зложено, видимо: для того вѣдѣмъ Космос, то естъ, свѣтомъ называетса** (арк. 238–238б, цыт. паводле [7, с. 48]).

Цікава, што слова *свет* адсылае не толькі да вонкавых умоў магчымасці бачыць (асветленасць або ўласнае свячэнне нечага), але і да самой чалавечай здольнасці бачыць (гл., у прыватнасці, [8, с. 151 і далей]). Гэта добра прасочваецца ў такім значэнні слова свет, як 'зрок' («Чалавек быў пры нагах, пры свеце чалавек [бачыў]» [9, с. 388]), і такіх выказах, як *вочы не* (*дрэнна, слаба*) *свецяць* – 'слепнуць, губляць здольнасць бачыць'. У рускіх гаворках (пераважна Сібіры) гэтая здольнасць проста азначаецца словам *свет*: *Топерь уж свет плохой стал, ниче не вижу; Вылечили, у ей стало сорок процентов свету; Слышит он хорошо, а вот свету-то нет совсем, худо видит* і да г. пад. [10, с. 253]. Гэтая здольнасць бачыць нездарма таксама абазначаецца словам *зрок*, рус. *зрение*, а важная частка органа зроку – словам *зрѣнка*, рус. *зрачок*, якія самі паходзяць ад дзеяслова з першасным значэннем 'свяціць, ззяць' (параўн. *зорка, зара*; < і.-е. **g̑her-* 3 'свяціць, ззяць', да якога літ. *žerėti* 'свяціць, ззяць',

срб.-хрв. *zrâk* 'святло'), напрыклад *сіня-белы свет зірае* ў беларускай песні са Смаленшчыны пра сіня-белае свячэнне, якое суправаджае з'яўленне аднаго з персанажаў з-за свету (= іншасвету). Абодва значэнні – 'свяціць' і 'бачыць' – аб'яднаныя ў блр. *зеркі* 'вочы', але і 'іскры', 'зоркі' [11, с. 208]. Аналагічныя семантычныя суадносіны і ў іншых індаеўрапейскіх мовах, напрыклад, ст.-гр. *φῶς* 'святло, ззянне', але і 'вока', ням. *blicken* 'бліскаць', 'прасвечваць', 'віднецца', але і 'глядзець', і інш. У сваю чаргу, з аднаго боку, снскр. *loká-* 'свет' суадносіцца з дзеясловам *lok* 'бачыць', а з іншага боку, *loc* 'глядзець, спазіраць' суадносіцца з *locana* 'які асвятляе', але і 'вока', і г. д.

У падмурку гэтых семантычных дачыненняў, імаверна, ляжыць архаічная тэорыя зроку, паслядоўна выкладзеная ў дыялогу Платона «Тымей» (*Tim.* 45b–d)¹:

(b) τῶν δὲ ὀργάνων πρῶτον μὲν φωσφόρα συνετεκτίθησαντο ὄμματα, τοιαῦτα ἐνδήσαντες αἰτία. τοῦ πρὸς ὄσον τὸ μὲν κάειν οὐκ ἔσχε, τὸ δὲ παρέχειν φῶς ἡμερον, οἰκεῖον ἐκάστης ἡμέρας, σῶμα ἐμηχανήσαντο γίγνεσθαι. τὸ γὰρ ἐντὸς ἡμῶν ἀδελφὸν ὄν τούτου πῦρ εἰλικρινὲς ἐποίησαν διὰ τῶν ὀμμάτων ρεῖν λεῖον καὶ πυκνὸν ὄλον μὲν, μάλιστα δὲ τὸ μέσον συμπλήσαντες (c) τῶν ὀμμάτων, ὥστε τὸ μὲν ἄλλο ὄσον παχύτερον στέγειν πᾶν, τὸ τοιοῦτον δὲ μόνον αὐτὸ καθαρὸν διηθεῖν. ὅταν οὖν μεθήμερινὸν ἢ φῶς περὶ τὸ τῆς ὄψεως ρεῖμα, τότε ἐκπίπτει ὁμοιον πρὸς ὁμοιον, συμπαγὲς γενόμενον, ἐν σῶμα οἰκειωθὲν συνέστη κατὰ τὴν τῶν ὀμμάτων εὐθυωρίαν, ὅληπερ ἂν ἀντερείδῃ τὸ προσπίπτειν ἐνδοθεν πρὸς ὃ τῶν ἔξω συνέπεσεν. ὁμοιοπαθὲς δὴ δι' ὁμοιότητα πᾶν γενόμενον, ὅτου τε ἂν αὐτό (d) ποτε ἐφάπτηται καὶ ὃ ἂν ἄλλο ἐκείνου, τούτων τὰς κινήσεις διαδιδὸν εἰς ἅπαν τὸ σῶμα μέχρι τῆς ψυχῆς αἴσθησιν παρέσχετο ταύτην ἢ δὴ ὄραν φαμεν. –

«З органаў яны [багі. – С. С.] найперш змайстравалі светланосныя вочы, прымацаваўшы (ix на твары), і вось па якой прычыне: яны задумалі, каб з'явілася цела, здольнае так запальваць агонь, каб ён не апякаў, а даваў мяккае ззянне, роднаснае святлу дня. Справа ў тым, што ўнутры нас ёсць агонь, роднасны святлу ўсякага дня, які яны прымусілі вельмі спакойна і часта струмяніцца праз вочы, асабліва ўшчыльніўшы вочы ў сярэдзіне, каб затрымліваць усё надта грубае і прапускаць толькі самае чыстае. І як толькі паўдзённае святло абымае гэтае струмяненне органа зроку, то падобнае імкнецца да падобнага, яны зліваюцца, утварыўшы адно аднароднае цела ў простым кірунку ад вачэй, акурат там, дзе струменне, што зыходзіць знутры, сутыкаецца з сустрэчным струменнем звонку. Дык вось як толькі гэтае (спазоравае) цела, аднастайна рэагуючы дзеля сваёй аднароднасці на ўсё, што здараецца, кранаецца чагосьці ці, наадварот, ад яго зазнае дотык, то распаўсюджвае рухі ад гэтых [дотыкаў] цалкам праз усё цела аж да душы і выклікае тое пачуццё, якое мы называем бачаннем».

¹ Прыводзіцца па выданні [12]. Разбор тэорыі зроку Платона гл. у [24, с. 496 і далей], а таксама ў каментары А. Рыво [25, р. 104–106].

Архаічнасць такіх уяўленняў¹ сведчыцца адпаведнымі месцамі ў паэмах Гамера, дзе ў характарыстыках герояў выкарыстоўваецца метафара палымнеючых вачэй:

ὄσσε δέ οἱ πυρὶ λαμπετόωντι εἵκτην –

«яго вочы былі падобныя да палымнеючага агню» (*Il.* I.104) пра Агамемнана;

τὼ δέ οἱ ὄσσε / λαμπέσθην ὡς εἴ τε πυρὸς σέλας –

«і пара яго вачэй заблішчэла, як быццам полымя агню» (*Il.* XIX.365–366) пра Ахілеса;

а таксама πῦρ δ' ὀφθαλμοῖσι δεδorkός –

«агонь, які заблішчэў у вачах» (*Od.* XIX.446) пра вочы вепрука.

У Эмпедокла сустракаецца ўяўленне пра струмяненне агністых прамянёў ад сузіранага прадмета, прычым адзін тып выпраменьвання звязваецца з перыядамі нянавісці, варожасці, тады як другі – з перыядамі прыязнасці, любові [13, р. 33; 14, р. 52]. Пэўнае падабенства з тэорыяй зроку ў «Тымеі» выяўляецца ў вучэнні Дэмакрыта (гл. [15, р. 23], а таксама [18; 19]). Пра антычныя тэорыі зроку гл. [20–23].

Пра сувязь зроку з наяўнасцю ўнутранага агню яшчэ да Платона пісаў піфагарэец Алкмеён (якога нават лічылі папярэднікам Гіпакрата, гл. заўвагу ў [26, р. 549]), пра што вядома з трактата Тэафраста «Аб пачуццях» (*DS* 26) [27, р. 10]:

ὀφθαλμοὺς δὲ ὄρα̃ν διὰ τοῦ πέριξ ὕδατος· ὅτι δ' ἔχει πῦρ δῆλον εἶναι, πληγέντος γὰρ ἐκλάμπειν. ὄρα̃ν τῷ στίλβοντι καὶ τῷ διαφανεῖ ὅταν ἀντιφαίνη καὶ, ὅσῳ ἂν καθαρότερον ᾖ, μᾶλλον. –

«Вочы бачаць праз вільгаць вакол іх. А што [ў воку] ёсць агонь – відавочна, бо, калі [па ім] ударыць, то з'яўляюцца зеркі². Бачаць дзякуючы бліскучаму і празрыстаму [цельцу] ўсякі раз, як яно адсвечвае ў адказ, і чым больш яно чыстае, тым лепей».

З кантэксту вельмі сціслага паведамлення Тэафраста можна зрабіць выснову, што гэты ўнутраны агонь запальваецца толькі пры наяўнасці стымулу звонку, а не сам сабой, як у Платона.

Каментатарамі XX ст. было заўважана, што ідэя ўнутранага агню як умова магчымасці зроку ў Алкмеёна і Платона перагукаецца з некаторымі ідэямі старажытнай індыйскай філасофіі. Так, Г. Бюлер у свой час звярнуў увагу Т. Гомперца на падабенства тэорыі зроку Алкмеёна да ідэй, якія развіваліся індыйскай школай Ньяя-Вайшэшыка (*Nyāya-Vaiśeṣika*) [26, р. 549]. Згодна з гэтай тэорыяй орган зроку складаецца з светланоснага агню (*téjas*), які, зыходзячы з вока ў выглядзе промня (*raśmī*), спалучаецца з аб'ектам, прымае яго форму, якая ўспрымаецца ўнутраным органам (*manas*), што трансліюе ўражанне ўласна душы (*ātman*) [28, р. 91–96; 29, р. 221, 228–229; 30, р. 36]. Падабенства

¹ Рэканструкцыі гэтых архаічных уяўленняў у грэкаў прысвечаны цэлы шэраг даследаванняў Ш. Муглера [13–17].

² Параўн. *іскры* (з вачэй) *ляцяць* (*сыплюцца*).

індійскай і грэчаскай версій кідаецца ў вочы, што правакавала з'яўленне сцвярджэнняў пра залежнасць другой ад першай [31, р. 236].

У індыйскай традыцыі ўяўленні пра ўнутраны агонь як аснову зрокавага ўспрымання не былі вылучнай асаблівасцю Ньяя-Вайшэшкі. Ж. Філіза прыводзіць паралель з «Suśruta sūtra» («Сушрута-сутры») Аюрведы, дзе апісваецца агністая форма жоўці, названая *ālocaka*, якая знаходзіцца ў воку і забяспечвае здольнасць да зроку [31, р. 235]. У «Suśruta Samhita» (XXI.7) знаходзім: «Pittam [адмысловая жоўцепадобная сакраторная вадкасць. – С. С.], якая месціцца ў зрэнках вачэй, называецца *Ālochakāgni* (Pittam або агонь зроку), бо яе функцыя – захопліваць вобраз любога вонкавага аб'екта, які знаходзіцца перад вачыма» [32, р. 197–198]. Варта заўважыць, што *ālocaka* ўтворана ад *ālok* 'глядзец', *āloka* 'погляд; выгляд' і суадносіцца з *locana-* 'вока', ст.-гр. *λεῦσσω* 'бачыць; глядзець', ст.-вал. *llygad* 'вока', літ. *láukti* 'вартаваць', параўнаем снскр. *rocana-* 'святло, бляск' пры *ruc* 'святло, бляск', 'блішчэць', праслав. **lucь* 'прамень (святла)' і інш. [3, S. 112–113].

Вучэнне Ньяя-Вайшэшкі і «Сашрута-сутры» прыблізна сінхронныя тэкстам Алкмеёна і Платона, аднак, здаецца, дагэтуль не была звернута ўвага на адзін пасаж з больш старажытнага (на некалькі стагоддзяў) індыйскага тэксту – «Шатапатха-брахмана», у якім сцвярджаецца (*ŚB* 1.6.3.41):

vīkṣate tadāgneyam rūpam śuṣke iva hi vīkṣamāṇasyākṣiṇī bhavataḥ śuṣkamiva hyāgneyamyadeva svaritī tatsaumyam rūpamārdre iva hi suṣupuṣo 'kṣiṇī bhavata ārdra iva hi soma –

«Тое, што глядзіць, падобнае да агню (Агні), бо вочы таго, хто глядзіць, сухія, а акурат сухое стасуецца з агнём (Агні). Тое ж, што спіць, падобнае да сомы (Сомы), бо вочы таго, хто спіць, вільготныя, а сома (Сома) як раз вільготны».

А далей падкрэсліваецца неабходнасць сачыць за захаваннем належнай гармоніі паміж двума пачаткамі – вільготнага і сухога, бо:

ājarasam ha vā asmiṃ loke cakṣuṣmānbhavatī¹ sacakṣuramuṣmīṃloke sambhavatī ya evametau cakṣuṣī ājyabhāgau veda –

«Хто ж ведае такім чынам, што дзве долі ахвярнага масла² – гэта пара вачэй, той відушчым дажыве да глыбокай старасці на гэтым свеце і будзе відушчым на тым».

Гэты пасаж вельмі нагадвае вучэнне Эмпедокла аб спамерным змешванні сухога і вільготнага, гарачага і халоднага³, а таксама тэорыю зроку Алкмеёна пра ролю вадкасці і агню ў забеспячэнні функцыянавання органа зроку.

Істотна адзначыць і тое, што Агні рэгулярна суадносіцца з Сонцам, тады як Сома – з Месяцам, абодва свяцілы ў ведыйскай традыцыі ўяўляюцца як вочы. Так, у «Атхарваведзе» (*AV* XV.18) яны апісваюцца як правае (Сонца) і левае (Месяца) вока касмічнай істоты Урацья (падобнай да Пурушы):

¹ У відалі нашай тэмы параўн. *cakṣa-* 'зьяненне; яснасць; погляд; зрок; вока'.

² Для абодвух бостваў – для Агні і для Сомы.

³ Дачыненне да яго тэорыі зроку гл. [33].

tásya vrātyasya

yád asya dáksīṇam ákṣy asaú sá ādityó yád asya savyám ákṣy asaú sá candrāmāh –
«У гэтага Урацья

што правае вока – то гэтае Сонца (Адзіцья), што левае вока – то гэты Месяц».

У іншых тэкстах яны называюцца вачыма Праджапаці (таксама касмаганічнай першаістоты).

Здольнасцю да зрокавага ўспрымання *par excellence* характарызуецца ў паэмах Гамера бог Сонца Геліяс: 'Ἠέλιός θ', ὃς πάντ' ἑφορᾷς καὶ πάντ' ἑλακούεις – «і ты, Геліяс, хто бачыць усё і ўсё чуе» (II. III.277); οὐδ' ἄν νῶϊ διαδράκοι Ἠέλιός περ, / (345) οὗ τε καὶ ὀξύτατον πέλεται φάος¹ εἰσοράασθαι – «бадай нават Геліяс не змог бы разгледзець нас, хаця, каб зазірнуць [за шчыльныя аблокі. – С. С.], яго позірк найвастрэйшы» (II. XIV.344–345); [Ἠέλιός] ὃς πάντ' ἑφορᾷ καὶ πάντ' ἑλακούει – «[Геліяс] які ўсё бачыць і ўсё чуе» (Od. XI.109). Тая ж здольнасць у «Працах і днях» Гесіёда прыпісваецца «воку Дзэўса»: πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας – «вока Дзэўса, што ўсё бачыць і ўсё заўважае» (Hes. Op. 267).

Параўнаем у звязку з гэтым беларускую загадку: «Што гэта за *вочы*: адно *свеціць* удзень, а другое – уночы?» з адгадкай «Сонца і Месяц» і асацыяцыяй вачэй з выпраменьваннем святла. Да сувязі Сонца – вока гл. яшчэ: «*Сонейко* ніколі не злуе, яно заўжды ласкава *пазірае* да хукае на ўсіх, як матка на сваіх дзетак» [34, с. 29]. У ірландскай мове старажытнае індаеўрапейскае слова для азначэння Сонца нават стала асноўным для намінацыі вока: ірл. *súil* 'вока' пры лац. *sōl*, праслав. **solъnъse*, літ. *saulė* і г. д. 'сонца' [35, р. 225]. Іншыя прыклады гл. [8, с. 153–154; 36, с. 115–116].

Зыходзячы з гэтых прыкладаў можна меркаваць, што маем справу не з уплывам адной традыцыі на другую, а з развіццём успадкаванага з пракрыніцы рэпертуару тэм, ідэй і канцэптаў. Яе ўсякі раз ажыўляюць прамоўленыя амаль несвядома фразы, накшталт *вочы гараць*, *агонь вачэй*, *полымя вачэй* і да іх пад. (тое самае і ў іншых мовах, напрыклад, англ. *fire of eyes*, ням. *das Feuer der Augen*, літ. *akys tryksta ugnimi, ugnis pilasi iš akių*).

Характарызуючы ключавы момант тэорыі зроку Платона, А. Ф. Лосеў пісаў: «...пагодле Платона, працэс бачання здзяйсняецца дзякуючы адначаснаму струмянню светлавых прамянёў як з відушчага вока, так і з бачнага прадмета, прычым абодва гэтыя прамяні зліваюцца ў нешта адно суцэльнае і непазельнае, што не знаходзіцца ні ў воку, ні ў бачным прадмеце і ўтварае сабою тое, што Платон называе *спазоравым целам*» [24, с. 496]. Гэтае зрока-

¹ *Φάος* тут азначае 'позірк', хаця асноўныя значэнні слова 'святло, бляск, ззянне', але рл. *фаа* 'вочы'.

² У А. Ф. Лосева тут ужыта *зрительное тело*. Беларускае *спазоравае цела* лепей перадае сутнасць працэсу, у якім гэтае цела ўтвараецца, бо прыстаўка *спа-* азначае аб'яднанне, спалучэнне таго, што абазначана коранем *зор-*, які ў дадзеным выпадку адсылае і да выпраменьвання святла і да яго ўспрымання (гл. вышэй).

вае цела ўяўляе «нейкі трэці від быцця, які не зводзіцца ні да суб'ектыўных працэсаў успрымання, ні да аб'ектыўных карцін бачнай рэчаіснасці» [24, с. 498]. Але «гэткае адзінства відушчага і бачнага само ўжо не можа абмяжоўвацца не толькі відушчым (таму што тады відушчае згубіла б бачны прадмет), не толькі бачным (таму што бачнае ўжо нікім і нічым не бачылася б, перастала б быць бачным)» [24, с. 499].

Характэрна, што, паводле Платона, акурат узаемаасветленасць суграмадзян робіць зграмаджанне індывідаў грамадой – *светам*, дзяржаву – ідэальнай, а членаў грамады – шанаванымі грамадзянамі. Платон у «Законах» піша (Legg. V 738e):

ὅπου γὰρ μὴ φῶς ἀλλήλοις ἐστὶν ἀλλήλων ἐν τοῖς τρόποις ἀλλὰ σκότος, οὐτ' ἂν τιμῆς τῆς ἀξίας οὐτ' ἀρχῶν οὐτε δίκης ποτέ τις ἂν τῆς προσηκούσης ὀρθῶς τυγχάνοι: δεῖ δὴ πάντα ἄνδρα ἐν πρὸς ἐν τοῦτο σπεύδειν ἐν πάσαις πόλεσιν, ὅπως μῆτε αὐτὸς κίβδηλός ποτε **φανεῖται** ὀφροῦν, ἀπλοῦς δὲ καὶ ἀληθῆς ἀεὶ, μῆτε ἄλλος τοιοῦτος ὢν αὐτὸν διαπατήσει. –

«Дзе ва ўзаемапаводзінах няма **святла**, але пануе цемра, там ніхто не змог бы па справядлівасці атрымаць належнай пашаны, дзяржаўных пасадаў і законных праў, бо ва ўсіх дзяржавах кожнаму чалавеку трэба імкнуцца трымацца з іншымі так, каб ніколі не **выглядаць** фальшывым, а заўсёды быць простым і праўдзівым, а будучы такім, [сачыць], каб і іншы не падмануў».

Пазней гэтая думка будзе выражана ў Евангеллі ад Матфея (Мф. 5: 16), што ў перакладзе на старабеларускую мову надрукавана ў «Катэхізісе» Сымона Буднага: да просвѣтится свѣт^s вашъ пред члѣкы, яко да видать ваша добра дѣла [37, с. 116], але, вядома, без усялякай яўнай сувязі з тэорыяй зроку Платона.

Платон, відаць, не здарма двойчы тут ужывае два аднакарэнныя словы са светлавой семантыкай, бо ў абодвух выпадках у іх актуалізуюцца канатацыі, не толькі звязаныя са святлом, але і са зрокам: *φῶς* – гэта, вядома, 'святло, ззянне', але і 'вока', а *φαίνω* (ад якога *φανεῖται*) значыць 'свяціць', але і 'з'яўляцца, паказвацца' і, нарэшце, 'здавацца, выглядаць'. Так што ідэальнае грамадскае ўладкаванне само ёсць «спазоравае цела», канстытуяванае чыннасцю ўсіх грамадоўцаў *на вачах* (у *святле*) адзін аднаго. І менавіта праз гэтае самаасвятленне чалавечае грамадства канстытууюецца як адмысловы асацыіраваны суб'ект – *свет*, які сам спрычыняецца да фенаменальнай успрымальнасці навакольнага *свету*. У Платона гэты тэзіс не знайшоў далейшага развіцця, аднак яго няцяжка заўважыць у наступным прыкладзе ўжывання слова *свет*: *Шэ такога світ ны бачыв, на такое шэ й сонцэ ны свытыло* (Драгічынскі раён) [9, с. 388] – пра нешта незвычайнае, небывалае, дзе маем яўныя альянзі і на дзве крыніцы святла: унутраную – вочы і вонкавую – Сонца (параўн. Сонца як крыніца святла *par excellence* у Платона). Параўнаем выказ гэтай асацыяванай суб'ектнасці ў кнізе «Казанье двое» Л. Карповіча (Еўе, 1615): «тыхъ скар^sбвв^s и клейнотв^s свѣтъ в^s насъ не видитъ» [37, с. 113].

Можна дапусціць, што ў аснове аналагічных семантычных суадносін праславянскага **svěť* 'lux' і 'mundus', дыял. *свет* 'зрок', *свяціць* 'бачыць' і ст.-інд. *lokāḥ* 'свет, сусвет', у мн. л. 'людзі, народ', *lok* 'бачыць', *loc* 'глядзец', спазіраць', *locana* 'які асвятляе', 'вока' ляжаць агульныя інтуіцыі найўнай гнасеалогіі, «тэарэтычна» асэнсаваныя ў піфагарэйскай тэорыі зроку «Тымея» Платона. Істотна адзначыць, што і для азначэння выніку ўзаемадзеяння прамяністых струмянёў, якім канстытуецца спакмень зрокавага ўспрымання ў розных індаеўрапейскіх традыцыях, былі ўжыты аднакарэнныя словы: праслав. **aviti* 'яўляць', адкуль блр. *ява*, *з'ява*, рус. *явление*, **итъ* (< **ai-mos*) 'розум', **avě, javě* 'яўна, відавочна', ст.-інд. *avati* 'назірае, заўважае', *āviḥ* 'адкрыта, відавочна, яўна', авест. *āviš* 'тое самае', ст.-гр. *αἰσθάνομαι* 'прыкмячаць, успрымаць, адчуваць' (< **αFis-*) пры хецкім *uh-ḥi-* 'я бачу', *aus-zi* 'ён бачыць'.

Невыпадкова ў шэрагу славянскіх працягаў развіваюцца значэнні, звязаныя са сферай міжасабовых адносін: блр. *аб'ява* 'паведамленне, якое доводзіцца да ўсеагульнага ведама', *аб'явіць* 'давесці да ўсеагульнага ведама', 'абнародаваць', чэш. *v jev, na jev* 'адкрыта, публічна'. Праз такое ж узаемадзеянне прамяністых струмянёў адкрываліся чалавеку і найвышэйшыя сферы існага, што адбілася ў блр. *праява* (параўнаем у «Галубінай кнізе»: «Якъ на сёй на горѣ на Сіяньской, / Тамко чудо прочудзілося, / Проявушка проявилася: / Выпадала книга голубиная» [38, с. 287, № 1], у валачобнай песні: «Пасярод двара праявачка праявилася: / Нова цэркаўка састанавілася. / У тэй цэркаўцы ды стаіць шацёр, / Стаіць шацёр шырок, распрасцёр, / А пад тым шатром сам Бог з Пятром» [39, с. 109, № 68, вар. № 74, 77, 87 і мноства інш.]) і ст.-гр. *ἐπι-φάνεια* 'дзіўная з'ява, праява боскай сілы'. Ва ўсіх выпадках фальклорнай формулай *праявилася праява* ўводзіцца візія прэцэдэнтнай падзеі: у духоўным вершы – гэта выпадзенне «Галубінай кнігі», дзе запісана ўся мудрасць свету, у валачобнай песні – пераход адвечнага «ўсячасся», калі ўсе «святы» сабраныя ў адным месцы, якое мае ўсе прыкметы ідэальнай прасторы, да храналагічнага парадку гадавога цыклу, усталяванага самім Богам, у купальскай баладзе («А на Ёвана Купала / Праявилася праява») – гэта таксама прэцэдэнтная падзея, сэнс якой непасрэдна не раскрываецца, але якую тым не менш трэба рэгулярна перажываць нанова («А на Ёвана Купала / Будуць дзеўкі ў краскі йсці, / Будуць яны краскі рваць, / У вяночкі завіваць, / У вяночкі завіваць, / Сястру з братам памінаць» [40, с. 272, № 604]).

У апошнім выпадку публічная прысутнасць усіх членаў вясковай грамады для супольнага перажывання праявы была абавязковай, бо ігнараванне гэтай падзеі ўспрымалася як зламыснасць у дачыненні да грамады, перасцярогай ад якой мусілі служыць формулы заклёнаў нахштальт гэтай: «Каго нету, каго нету на вуліцы, / Палажы, Божа, палажы, Божа, калодаю, / Дзетак яго, дзетак яго цельпучкамі» [40, с. 89, № 65]. І не толькі як засцярога ад малочных ведзьмаў або чараўнікоў, што круцяць заломы ў жыце, а найперш як забеспячэнне існавання самага асацыяванага суб'екта – *свету*. Пра што амаль дзве з пало-

вай тысячы гадоў таму Платон напісаў: «Дзе ва ўзаемапаводзінах няма святла, але пануе цемра, там ніхто не змог бы па справядлівасці атрымаць належнай пашаны, дзяржаўных пасад і законных праў, бо ва ўсіх дзяржавах кожнаму чалавеку трэба імкнуцца трымацца з іншымі так, каб ніколі не выглядаць фальшывым, а заўсёды быць простым і праўдзівым, а будучы такім, [сачыць], каб і іншы не падмануў» (*Legg. V 738e*).

Скарачэнні, выкарыстаныя ў артыкуле

авест. – авестыйскае	падвойн. л. – падвойны лік
англ. – англійскае	праслав. – праславянскае
блр. – беларускае	рус. – рускае
дыял. – дыялектнае	снскр. – санскрыцкае
і.-е. – індаеўрапейскае	срб.-хрв. – сербска-харвацкае
ірл. – ірландскае	ст.-в.-ням. – стараверхнямецкае
лац. – лацінскае	ст.-вал. – старавалійскае
літ. – літоўскае	ст.-гр. – старагрэчаскае
мн. л. – множны лік	ст.-інд. – стараіндыйскае
ням. – нямецкае	чэш. – чэшскае

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М. : Шк. «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
2. Gonda, J. *Loka: World and Heaven in the Veda* / Jan Gonda. – Noord-Hollandsche Uitgevers Maatschappij, 1966. – 172 p.
3. Mayrhofer, M. *Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen=A Concise Etymological Sanskrit Dictionary* / M. Mayrhofer. – Heidelberg : Carl Winter Universitätsverlag, 1976. – Bd. III : Y – H. Nachträge und Berichtigungen. – XXIV, 808 S.
4. Толстая, С. М. К семантической истории слав. **mirъ* и **svěť* / С. М. Толстая // Эволюция понятий в свете истории русской культуры / отв. ред.: В. М. Живов, Ю. В. Кагарлицкий. – М. : Языки славян. культур, 2012. – С. 58–74.
5. Pokorny, J. *Indo-Germanisches etymologisches Worterbuch* / Julius Pokorny. – Bern ; München : Francke Verlag, 1959. – Bd. I. – 1183 S.
6. Топоров, В. Н. Язык и культура: об одном слове-символе (к 1000-летию христианства на Руси и 600-летию его в Литве) / В. Н. Топоров // Балто-славянские исследования, 1986. – М. : Наука, 1988. – С. 3–44.
7. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад.: А. М. Булыка [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 1997. – Вып. 16 : Коржъ – Лесничанка. – 359 с.
8. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу / А. Н. Афанасьев ; изд. К. Солдатенкова. – М. : Тип. Грачева и Ко., 1865. – 803 с.
9. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. / уклад.: Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – Т. 4 : П – С. – 616 с.
10. Словарь русских народных говоров / сост.: О. Д. Кузнецова [и др.]. – СПб. : Наука, 2002. – Вып. 3 : С – Святковать. – 344 с.
11. Носович, И. И. Словарь белорусского наречия / И. И. Носович. – СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1870. – 756 с.
12. Plato. *Platonis opera* / Plato ; Recognovit brevique adnotatione critica instruxit Ioannes Burnet. – Oxonii : E typographeo Clarendoniano, 1902. – [XII], [538] p.

13. Mugler, Ch. Sur quelques fragments d'Empédocle / Charles Mugler // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. – 1951. – Vol. XXV. – P. 33–65.
14. Mugler, Ch. Deux thèmes de la cosmologie grecque : devenir cyclique et pluralité des mondes / Charles Mugler. – Paris : C. Klincksieck, 1953. – 193 p.
15. Mugler, Ch. Les théories de la vie et de la conscience chez Démocrite / Charles Mugler // Revue de philologie, de littérature et d'histoire anciennes. – 1959. – Vol. XXXIII. – P. 7–38.
16. Mugler, Ch. La Lumière et la vision dans la poésie grecque / Charles Mugler // Revue des Études Grecques. – 1960. – Vol. 73. – Fasc. 344–346. – P. 40–72.
17. Mugler, Ch. Dictionnaire historique de la terminologie optique des grecs : douze siècles de dialogues avec la lumière / Charles Mugler. – Paris : C. Klincksieck, 1964. – 460 p.
18. Baldes, R. W. Democritus on Visual Perception : Two Theories or One? / Richard W. Baldes // Phronesis. – 1975. – Vol. 20. – No 2. – P. 93–105.
19. Rudolph, K. Democritus' Perspectival Theory of Vision / Kelli Rudolph // The Journal of Hellenic Studies. – 2011. – Vol. 131. – P. 67–83.
20. Prier, R. A. Thaumadesthai: The Phenomenology of Sight and Appearance in Archaic Greek / Raymond Adolph Prier. – Tallahassee : Florida State Univ. Press, 1989. – XXXIII, 319 p.
21. Études sur la vision dans l'Antiquité classique / Réunion par Laurence Villard. – [Mont-Saint-Aignan] : Publications des Universités de Rouen et du Havre, 2005. – 218 p.
22. Vasiliu, A. Dire et voir : la parole visible du Sophiste / Anca Vasiliu. – Paris : Librairie philosophique J. Vrin, 2008. – 377 p.
23. Light and Darkness in Ancient Greek Myth and Religion / ed. by M. Christopoulos, E. D. Karakantza, O. Levaniouk. – Lanham : Lexington Books, 2010. – XX, 304 p.
24. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : ООО «Издательство АСТ» ; Харьков : Фолио, 2000. – 846 с. – (Вершины человеческой мысли).
25. Platon. Oeuvres complètes / Platon ; Texte établi et traduit par Albert Rivaud. – Paris : Société d'Édition «Les Belles Lettres», 1925. – T. X : Timée, Critias. – P. CXXIII, 209; XXIII, 42.
26. Gomperz, T. Greek Thinkers: A History of Ancient Philosophy / Theodor Gomperz ; transl. by Laurie Magnus. – London : John Murray, 1901. – Vol. I. – XIV, 610 p.
27. Theophrasti Eresii opera quae supersunt omnia / Theophrastus ; Ex recognitione Friderici Wimmer. – Lipsiae : Sumptibus et typis B. G. Teubneri, 1857. – T. III : Fragmenta continens. Accessit prisciani lydi metaphrasis in Theophrasti libros De sensu et De phantasia. – XXXIV, 330 p.
28. The Nyāya-Sūtra of Gotama / Gautama ; transl. by M. M. Satisa Chandra Vidyābhūṣana ; revised and edited by Nandalal Sinha. – Delhi : Motilal Banarsidass, 1990. – VI, X, XXX, 366 p.
29. Bhattacharya, H. Reals in the Jaina Metaphysics / Harisatya Bhattacharya. – Delhi : Motilal Banarsidass, 1966. – 412 p.
30. Shastri, Dh. N. Critique of Indian Realism / Dharmendra Nath Shastri. – Agra University, 1964. – 562 p.
31. Filliozat, J. The Classical Doctrine of Indian Medicine: Its Origins and Its Greek Parallels / J. Filliozat. – Delhi : Munshiram Manoharlal Oriental Booksellers and Publishers, 1964. – XXII, 298 p.
32. An English Translation of the Sashruta Samhita Based on Original Sanskrit Text : in 3 vols. / ed. and published by Kaviraj Kunja Lal Bhishagratna. – Calcutta : Printed by J. N. Bose, 1907. – Vol. I : Sutrasthanam. – LXXVI, XII, 571 p.
33. Sedley, D. N. Empedocles' Theory of Vision and Theophrastus' *De sensibus* / David N. Sedley // Theophrastus : His Psychological, Doxographical, and Scientific Writings / ed. by William W. Fortenbaugh, Dimitri Gutas. – New Brunswick ; London : Transaction Publishers, 1992. – P. 20–31.
34. Сержпудоўскі, А. К. Прымкі і забабоны беларусаў-палешукоў / А. К. Сержпудоўскі ; прадм. У. К. Касько. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 301 с.

35. Buck, C. D. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages: A Contribution to the History of Ideas / Carl Darling Buck. – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1988. – XIX, 1515 p.

36. Журавлев, А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» / А. Ф. Журавлев. – М. : Индрик, 2005. – 1004 с.

37. Гістарычны слоўнік беларускай мовы / склад.: І. У. Будзько [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011. – Вып. 31 : Рушаючыі – смушэнье. – 507 с.

38. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. – Витебск : Типолит. Г. А. Малкина, 1891. – Вып. 5 : Заговоры, апокрифы и духовные стихи. – 450 с.

39. Валачобныя песні / склад.: Г. А. Барташэвіч, Л. М. Салавей. – Мінск : Навука і тэхніка, 1980. – 560 с.

40. Купальскія і пятроўскія песні / [рэд. тома А. С. Фядосік ; уклад. тэкстаў: А. С. Ліс, С. Т. Асташэвіч ; уступ. арт. А. С. Ліса ; арт., сістэма т. і расшыфр. напеваў Г. В. Таўлай ; камент. С. Т. Асташэвіч]. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. – 630 с.

Л. Е. Земляков¹, А. В. Шерис²

¹Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

²Научно-производственное общество с ограниченной ответственностью «ОКБ ТСП»,
Минск, Республика Беларусь

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

Статья посвящена исследованию процессов реинституционализации Римско-католической церкви (РКЦ) в современной Беларуси. Дается анализ роли «Компендиума социального учения Церкви» во взаимоотношениях РКЦ и государства. Рассматриваются основные аспекты построения системы государственно-конфессиональных отношений. Раскрываются особенности конкордатного принципа взаимоотношений государства и РКЦ.

Ключевые слова: католицизм, Римско-католическая церковь, компендиум, государственно-конфессиональные отношения, конкордат.

L. E. Zemlyakov¹, A. V. Sheris²

¹Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

²Scientific Production LLC "OKB TSP", Minsk, Republic of Belarus

TOPICAL ISSUES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN STATE AND ROMAN CATHOLIC CHURCH IN MODERN BELARUS

The article covers research of the Roman Catholic Church (RCC) re-institutionalization processes in modern Belarus. The analysis of the role of "Compendium of the Church social teaching" in the relations of the RCC and the state is given. The main aspects of building of the state-confessional relationship system are considered. The peculiarities of the concordat principle of the state-RCC relations are revealed.

Keywords: Catholicism, the Roman Catholic Church, compendium, the state-confessional relations, concordat.

Процессы политических и социально-экономических преобразований в Республике Беларусь, начавшиеся в 90-е годы XX века и не имеющие прецедентов в отечественной истории по своей глубине и широте охвата, повлекли существенные изменения во взаимоотношениях государства и религиозных организаций.

Современный уровень государственно-конфессиональных отношений в Беларуси во многом обусловлен усложнившейся геополитической ситуацией и особенностями географического положения нашей страны, расположенной в зоне прохождения несколько типов границ. Первый тип – геополити-

ческая граница между Востоком и Западом. Второй – государственные границы Беларуси с пятью государствами – Польшей, Литвой, Латвией, Россией и Украиной с ее религиозно-политическим кризисом. Третий – конфессиональные границы по линии православие – католицизм.

Католицизм как самая многочисленная ветвь христианства является частью мировой цивилизации, его духовно-религиозным и социально-культурным компонентом.

Процесс реинституциализации Римско-католической церкви (РКЦ) в суверенной Беларуси включает следующие направления: организационное оформление, внутренняя структурированность организации, налаживание дифференцированных форм служения, открытие учебных заведений, активная социальная и миссионерская деятельность, создание информационной базы, последовательное осуществление политики белорусизации, активное участие в межконфессиональном диалоге, проведение внутренней административной реформы, участие в общественно-политической жизни страны, постоянная констатация собственного статуса (часть Римско-католической церкви).

Римско-католическая церковь – особый актор, совмещающий в себе свойства транснационального неправительственного учреждения и одновременно суверенного государства. РКЦ, с одной стороны, представляет собой религиозное сообщество со своими институтами, которое осуществляет деятельность, присущую любой церкви, с другой – в лице своего религиозного центра, Ватикана, является признанным международным юридическим субъектом, активно участвующим в мировой политике и ведущим интенсивную дипломатическую деятельность посредством своих делегаций и апостольских нунциатур. Своих делегатов и наблюдателей Святой Престол направляет для участия в различных международных организациях и конференциях, увеличивая таким образом влияние католической церкви в мире. Так, Святой Престол имеет статус постоянного наблюдателя при ООН, ВТО, Совете Европы, Африканском Союзе, Латинском Союзе и т. д. Папской дипломатии удалось добиться членства в ОБСЕ, ЮНКТАД, МАГАТЭ.

По состоянию на 01.01.2016 РКЦ в Беларуси объединяет четыре епархии (диоцеза). Общее количество католических религиозных общин увеличилось со 121 (1989 г.) до 493 (2016 г.), то есть в 4 раза. В республике функционируют 4 духовных учебных заведения (среди них теологическая академия, 2 духовные семинарии, катехизический колледж для мирян), сотни воскресных школ, 11 миссий и 9 монастырей Римско-католической церкви. Общины располагают 491 костелом, 37 строятся. Всего за период с 1988 по 2016 г. государством было передано РКЦ более 300 объектов под религиозные цели. В католических религиозных общинах осуществляют свою деятельность 450 священнослужителей, из них 113 являются иностранными гражданами, преимущественно из соседней Польши [1].

Как показали социологические исследования, проведенные Институтом социологии НАН Беларуси в мае–июне 2015 г., в нашей стране с католицизмом себя отождествляют 7,7 % респондентов, в то время, как с православием – 83,6 %, а с протестантизмом – 0,9 % респондентов [2, с. 85].

Таким образом, сложившаяся на сегодняшний день конфессиональная структура белорусского общества имеет ярко выраженный христианский характер.

Можно выделить четыре основных этапа на пути становления РКЦ в Беларуси: официальное возобновление деятельности Минского диоцеза (1989 г.); учреждение Гродненского и Пинского диоцезов и Минско-Могилевский архидиоцез (1991 г.), главой которого был назначен епископ (с 1994 г. кардинал) Казимир Свѣнтэк; создание Конференции католических епископов (1999 г.). С сентября 2007 г. главой РКЦ в Беларуси является Митрополит Минско-Могилевской архиепархии Римско-католической церкви архиепископ Тадеуш Кондрусевич.

РКЦ в Беларуси имеет четкую иерархическую структуру, институт подготовки духовенства, учреждения по катехизации и образованию мирян. Можно говорить об организации системной и широкой внебогослужебной деятельности на разных направлениях общественной жизни. Это во многом становится проводником политического влияния католической церкви. РКЦ в современной Беларуси демонстрирует многовекторность и динамичность развития, которое определяется такими особенностями (характеристиками), как модернизация и адаптация к современным реалиям. Причем наблюдается тенденция к учету этнических и религиозных доминант страны, которые обеспечивают в свою очередь компромиссность, а также толерантность функционирования и развития католицизма в нашей стране.

На сегодняшний день РКЦ имеет значительный потенциал, который целесообразно государству рационально использовать в условиях трансформации всех сфер белорусского общества. Многообразное воздействие конфессионального института на разные сферы личной и общественной жизни, на поведенческие нормативы людей в значительной мере привело к необходимости официального выражения позиции РКЦ в форме социальной доктрины.

Социальная доктрина католицизма претерпела сложную эволюцию. В период понтификата Иоанна Павла II (1978–2005 гг.) произошла систематизация социального учения РКЦ за предшествующий период времени. Итогом работы стал Компендиум социального учения Церкви (2004 г.), ставший первым подобным документом РКЦ [3]. Он включает основные идеи, которые разработала католическая церковь в социальной сфере на протяжении всей истории своего существования. Состоит Компендиум из введения, трех частей и заключения. Во введении показана необходимость в социальном учении церкви в начале третьего тысячелетия и значение Компендиума в этом деле. В первой части говорится о фундаментальных предпосылках социального учения, которыми являются: любовь Бога к человеку и обществу, миссия церкви и природа соци-

альной доктрины, человеческая личность и ее права, принципы и значимость социальной доктрины. Вторая представляет классические темы социального учения: семья, человеческий труд, экономическая жизнь, политика, международное сообщество, окружающая среда и мир. В третьей даются указания к использованию социальной доктрины в пастырской практике церкви и христианской жизни. Заключение Компендиума называется «К цивилизации любви», что, как нам представляется, выражает основную мысль всего документа.

Социальный документ РКЦ демонстрирует стремление сформулировать неизменные во времени и универсальные по содержанию ценности, которым должно соответствовать любое достойное человека общество. Компендиум социального учения католической церкви исходит из утверждения непререкаемой значимости «естественного права». Адресатами социального служения определены не только католики, но и все люди доброй воли. Как свидетельствует последовательность рассматриваемых тем, Компендиум считает самыми насущными вопросами «Божий замысел любви о человечестве» и «Миссию католической церкви» [3, с. 3].

В документе активно применяются дефиниции «участие» и «политическое участие». На самом деле относятся они прежде всего не к духовенству и церковным структурам, а к верующим мирянам. В соответствии с Компендиумом, участие – это ряд различных видов деятельности, благодаря которым гражданин лично или совместно с другими, непосредственно или через своих представителей вносит вклад в культурную, экономическую, социальную и политическую жизнь гражданского общества, к которому принадлежит.

Компендиум социального учения церкви и ряд последних энциклик понтификов недвусмысленно указывают, что церковь и политическое сообщество в своей деятельности автономны и независимы друг от друга, сама церковь не смешивается с политическим сообществом и не связана ни с какой политической силой [3, с. 5].

Вместе с тем, согласно социальному учению католической церкви, христиане могут и должны заниматься политической деятельностью с целью христианского свидетельства и проявления нравственных ценностей в управлении обществом [3, с. 543, 565–574].

На современном этапе своего развития позиция РКЦ по отношению к государству представляется следующим образом: церковь в своей религиозной миссии, не отождествляется и не связана ни с какой конкретной экономической, социальной и политической системой или формой культуры [3, с. 50]. Она признает автономию экономической и политической реальности с ее специфическими законами, которые должны подчиняться нравственному закону, установленному самим Творцом [3, с. 45–46, 350, 425, 571]. Эта автономия не означает отделения церкви и христианина от «земной цивилизации», а определяет их место и роль в жизни общества. Все это, однако, не означает взаимной изоляции церкви и государства, потому что они, хотя и разными способами,

служат личному и социальному призванию одних и тех же людей для их блага. Общее благо людей как раз и является платформой для сотрудничества церкви и государства. Церковь не требует себе каких-либо привилегий, но только признания и необходимых для ее присутствия и деятельности в обществе прав.

Признавая автономию государства, церковь оставляет за собой право на нравственную оценку его деятельности, когда того требуют права личности и спасение душ, применяя средства, соответствующие Евангелию и благу всех, в зависимости от требований времени и обстоятельств [3, с. 426].

В современном плюралистическом и открытом обществе, где, как правило, не существует единой духовной силы и системы ценностей, его объединяющих, необходимо сотрудничество между различными политическими силами [3, с. 189]. Это особенно важно на современном этапе развития мирового сообщества, о чем красноречиво свидетельствует предание забвению христианских ценностей во многих регионах мира, и особенно в Европейском союзе, который строится преимущественно на политическом и экономическом прагматизме. Именно через призму своей социально-политической доктрины РКЦ определяет свои общественно-политические установки и выстраивает модель отношений с государством и обществом.

В системе государственно-конфессиональных отношений белорусское государство является самостоятельным доминирующим политико-правовым институтом. Последний декларирует свободу совести каждому гражданину (ст. 31 Конституции Республики Беларусь), равенство религий перед законом (ст. 16), равенство прав и свобод гражданина независимо от отношения к религии, убеждений (ст. 31) и ряд других принципов, работающих только во взаимной связи, сохраняя при этом в религиозной сфере собственные интересы (имущественные, правовые, идеологические, внешнеполитические) путем установления юридических ограничений либеральному стандарту религиозной свободы [4].

Характер государственно-конфессионального взаимодействия в нашей стране в настоящее время определяют два фундаментальных принципа, зафиксированных как в законодательстве Республики Беларусь, так и в официальных документах РКЦ. Первый принцип заключается во взаимном невмешательстве государства и церкви во внутренние дела друг друга, второй принцип предполагает сотрудничество государства и церкви по тем направлениям, где оно полезно и необходимо.

Принятый в 2002 г. Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях» отразил реалии, сложившиеся в белорусском обществе и в сфере взаимоотношений государства и религиозных организаций, укрепил и развил политико-правовую базу государственно-конфессиональных отношений в республике, упорядочил процедуру регистрации религиозных организаций, создал условия для их конструктивного и плодотворного сотрудничества с государством.

Сформировавшаяся в стране в своей основе модель государственно-конфессиональных отношений, юридически закреплённая в указанном Законе и ряде других документов, представляет собой синтез рудиментов политико-правовой градации вероисповеданий, существовавших ранее на землях нынешней Беларуси; элементов советской модели государственного атеизма, смягченной некоторыми положениями сепарационной модели; элементов кооперационной модели, для которой характерно взаимодействие государства, сохраняющего светский характер, с наиболее влиятельными религиозными организациями по ряду важных вопросов [5, с. 96].

Несмотря на то, что в Беларуси сложилась определенная практика взаимоотношений между государством и религиозными организациями, принадлежащими к различным конфессиям, на сегодняшний день не исключается применение и такого принципа взаимодействия, как Конкордат, когда на самом высоком уровне между РКЦ и государством заключается договор, определяющий права и обязанности сторон.

С позиции католической церкви Конкордат, как известно, преследует вполне обоснованную цель – создать условия для прекращения либо препятствовать возникновению различных предпосылок столкновений между церковью и государством. Конкордат, будучи особым соглашением, объективирует интересы государственной власти с одной стороны и папы как церковного главы – с другой. Конкордат может регламентировать вопросы, как имеющие общий характер, так и специальные, касающиеся отдельных юридических аспектов: положение РКЦ на территории государства-контрагента, правовой режим церковной собственности, освобождение духовенства от налогов, воинской повинности и т. д.

Вместе с тем, по нашему мнению, при рассмотрении данного вопроса следует принимать во внимание, что, исходя из установленных Ватиканом принципов, Конкордат заключается, как правило, только между Апостольской столицей и каким-либо государством и регулирует правовой статус католической церкви в данной стране. Но учитывая особый статус Ватикана, для Беларуси данный вариант является неприемлемым, поскольку подписание Конкордата поставит относительно малочисленную в стране конфессию в особые по сравнению с другими конфессиями условия, что внесет определенное нарушение традиционно сложившегося равновесия, повысив католическое религиозно-культурное и политическое влияние в стране.

По сути, это соглашение со всей католической церковью, которая единственная среди мировых религиозных сообществ владеет международной правосубъектностью и имеет возможность от своего имени выступать участником международных соглашений [6, с. 133].

Необходимо учитывать, что на сегодняшний день Святым Престолом заключено более 60 двусторонних дипломатических договоров. Но в современный период Конкордат был заключен только с Республикой Польша (1993 г.). В классическом виде подобное соглашение становится редкостью.

Исходя из сложившихся условий отношения между государством и РКЦ целесообразно регулировать соглашениями между епископатом и государством. И если Конкордат действительно необходим как своего рода ответ посредством норм права на потребности социума, то очевидно, что при его подписании вполне уместно соблюдение принципа аналогии с заключением Соглашения между государством и Белорусской православной церковью (БПЦ), а содержание документа должно всесторонне учитывать, что территория нынешней Беларуси всегда являлась тем геополитическим пространством, которое в каждую эпоху занимало особое место, как поле борьбы за слагаемые и направленность мировоззрения и духовности населяющих ее людей. На этом пространстве в прошлом и сегодня происходит сопряжение Запада и Востока Европы и двух культур. Именно здесь наиболее полно взаимно проникают западно-католическая и восточно-православная ветви христианства и взаимодействуют христианские церкви.

Вместе с тем миссионерская и прозелитическая деятельность Ватикана имеет совершенно четкий геополитический аспект, который следует оценивать в контексте расширения Запада на Восток. Святой Престол рассматривает свою деятельность в Республике Беларусь как возвращение утерянного им пространства и усиление влияния РКЦ и католической религии на население. В настоящее время Республика Беларусь рассматривается Ватиканом как наиболее естественный и благоприятный плацдарм для миссионерской деятельности на постсоветском пространстве. Пастырская деятельность Ватикана вполне укладывается в формат современной политики Запада, что выражается как в продвижении НАТО и Европейского союза на Восток, так и в политике прозелитизма Ватикана.

Несмотря на то, что Святой Престол декларирует в своей деятельности цели экуменического и гуманитарного характера, с его стороны налицо однозначное стремление повысить общественный статус и роль Римско-католической церкви не только в Республике Беларусь, но и в других бывших советских республиках.

Однако в настоящее время отношения между церковью и государством приобретают иное измерение, где государство заинтересовано в участии РКЦ и БПЦ как общественно значимых институтов в процессе духовно-нравственного воспитания, противодействия наркомании, алкогольной угрозе, криминализации общества и проявлению экстремизма различного толка. Государство обращается к этим религиозным конфессиям для решения проблем нравственного кризиса, что находит свое отражение в области формирования духовных, моральных и нравственных ориентиров в построении общественной жизни и межличностного взаимодействия.

Сегодня Римско-католическая церковь в Беларуси активно развивается и плодотворно работает в общественной, благотворительной и социальной сферах, а пастырская и духовная деятельность Митрополита Минско-

Могилевской архиепархии Римско-католической церкви архиепископа Тадеуша Кондрусевича, как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, и в дальнейшем будет способствовать укреплению христианских традиций, упрочению гражданского мира и согласия, развитию конструктивных отношений между государством и Римско-католической церковью [7].

Представители и католической и православной конфессий все более настоятельно ставят вопрос о необходимости альянса здоровых сил для противопоставления вызовам современности и защиты христианских ценностей.

Подтверждением тому является встреча Глав двух крупнейших христианских церквей и их совместное заявление о том, что в эту тревожную эпоху необходим межрелигиозный диалог. Различия в понимании религиозных истин не должны препятствовать людям разных вер жить в мире и согласии [8].

Таким образом, вопрос взаимоотношений государства и РКЦ, а также РКЦ и БПЦ в современной Беларуси – далеко не праздный. От того, как он будет решаться, во многом зависит вектор социально-политической и духовно-нравственной жизни общества. В таких условиях, принимая во внимание новаторские подходы во взаимоотношениях РКЦ и БПЦ, которые носят мировое значение, для белорусского государства важно не только поддержать наметившийся процесс сближения двух религиозных христианских ветвей, но и способствовать преодолению кризисных явлений в церкви, сохранив исторически и традиционно сложившееся равновесие.

Список использованных источников

1. Приветствует Беларусь! [Электронный ресурс]: офиц. сайт Аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей. – Режим доступа: [http://www.belarus21 .by/](http://www.belarus21.by/). – Дата доступа: 04.01.2016.
2. Котляров, И. В. Развивая мультикультурный диалог / И. В.Котляров // Беларусь. думка. – 2015. – № 11. – С. 81–87.
3. Компендиум социального учения Церкви / пер. В. Тимофеева. – М. : Паолине, 2006. – 623 с.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2008. – 48 с.
5. Земляков, Л. Е. Современная государственная политика Беларуси в религиозной сфере / Л. Е. Земляков, А. И. Тиханский, А. В. Шерис. – Минск : Право и экономика, 2016. – 182 с.
6. Кодекс канонического права. Канон 3. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – 620 с.
7. А. Г. Лукашенко: Римско-католическая церковь в Беларуси активно развивается и плодотворно работает [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belta.by/printv/president/view/lukashenko-rimsko-katolicheskaja-tserkov-v-belarusi-aktivno-razvivaetsja-i-plodotvorno-rabotaet-176260-2016/>. – Дата доступа: 04.04.2016.
8. Патриарх Кирилл и Папа Римский Франциск встретились впервые в истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-news.su/religion/98503-patriarh-kirill-i-papirimskiy-francisk-vstretilis-vpervye-v-istorii.html>. – Дата доступа: 14.03.2016.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 111.6

Поступила в редакцию 11.02.2016

Received 11.02.2016

О. П. Пунченко

Одесская национальная академия связи им. А. С. Попова, Одесса, Украина

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ГРАНИ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ

В статье исследуется процесс развития научного творчества со становления теоретического знания. Научное творчество эксплицировано как процесс самоактуализации и самореализации субъектом личностных изысканий, которые отличаются исключительной новизной, приращением научных ценностей во всех ветвях научного знания. Выделены и обоснованы стадии творческого процесса. Рациональность репрезентирована как общенаучная культурная ценность, определяющая нормы человеческого мышления и поведения. Раскрыто влияние рассудочной, классической, неклассической и постнеклассической рациональности на развитие научного творчества, объяснено их единство через отражение в научном творчестве конструктивного движения мысли субъекта этого процесса.

Ключевые слова: научное творчество, рациональность, самоактуализация, ценность, мышление, разум, культура.

O. P. Punchenko

Odessa National Academy of Telecommunications named after A. S. Popov, Odessa, Ukraine

SCIENTIFIC CREATIVITY AND RATIONALITY: THE FACETS OF INTERPENETRATION

The article investigates the process of development of scientific creativity with the formation of theoretical knowledge. Scientific creativity is explained as a process of self-actualization and fulfillment by the subject of the personal searches, which are characterized by exceptional novelty and the increment of the scientific values in all branches of scientific knowledge. In the work identified and justified the stages of the creative process. The rationality disclosed as a general scientific cultural value, which determines the norms of human thinking and behavior. Author disclose the influence of reasonable, classical, non-classical and post-non-classical rationality on the development of scientific creativity, their unity explained through the reflection in the scientific creativity of a constructive motion of thought of subject of this process.

Keywords: scientific creativity, rationality, the self-actualization, the value, thinking, reason, culture.

Творчество и рациональность – два важнейших атрибута духовной и практической деятельности человека. Исследования их сущности и взаимосвязи никогда не выпадали из «интеллектуального горизонта» научного знания. С тех пор как феномены духа человека стали исследоваться в качестве объектов, возникающих в результате опредмечивания и овеществления всевозрастающей силы рационального мышления человека, стала очевидной и расширяющаяся связь творчества и рациональности.

Картина взаимосвязи творчества и рациональности изменяла свое содержание с развитием мыслительной деятельности человека и освоения им природной действительности. Эта картина отражалась в производстве человеком артефактов, удовлетворяющих его потребности, и на первой ступени развития человечества обнаруживается, что медленное изменение технологий производства артефактов зеркально отражало тот же темп и уровень развития мышления *Homo sapiens*. Узуальный характер производства артефактов полностью совпадал и отражал обыденно-практический уровень рациональности.

Проблема взаимосвязи творчества и рациональности резко изменяет свое содержание со становлением теоретического знания. Феномен творчества нашел свое развитие у Платона, Аристотеля, Ф. Бэкона, Р. Декарта, М. В. Ломоносова и многих других представителей естественного и гуманитарного знания. В XX в. этот феномен исследуется в работах А. Адлера, Г. Айзенка, Л. Кэмина, Г. Лемана, А. Маслоу, Э. Нельсона, Г. Уоллеса, П. Сорокина, А. Тойнби, О. Шпенглера, К. Ясперса, Н. А. Бердяева, В. И. Вернадского, А. Л. Галина, Г. А. Голицына, Е. П. Ильина, А. М. Коршунова, И. Платонова, В. С. Степина, В. М. Розина, П. К. Энгельмейера и многих других. Во всех исследованиях творчество обосновывается как основной концепт социально-практической деятельности человека.

Теоретическое обоснование проблемы рациональности, так же как и творчества, развивается со становлением науки. Вначале рациональность принимает форму рассудочной, опираясь на принципы и законы, которые сформулировал Аристотель в работе «Органон». В этой ипостаси она пронизывает всю традиционную цивилизацию.

Со становлением капитализма в работах Ф. Бэкона, Р. Декарта, Г. Лейбница и других мыслителей рациональность характеризует не только логику, но и методологию познания. Анализируя развитие науки начиная с Нового времени и по сегодняшний день, академик В. С. Степин выдвинул и обосновал содержание классической, неклассической и постнеклассической рациональности. Исследование рациональности отражено в работах П. А. Водопьянова, П. П. Гайденоко, А. И. Зеленкова, А. А. Лазаревича, В. К. Лукашевича, В. И. Мареева, Л. Лаудана, В. Ньютона-Смита, Х. Патнхэма, Ю. Хабермаса, К. Хюбнера и многих других.

Несмотря на то, что оба феномена – и творчество, и рациональность – достаточно глубоко исследованы в современной отечественной и зарубежной ли-

тературе, можно утверждать, что их взаимосвязь и взаимопроникновение рассматриваются как нечто само собой разумеющееся, аксиоматически установленное и не требующее доказательств. Но поскольку творчество реализуется в различных видах – научное, техническое, художественное, общественно-политическое и др., то и рациональность имеет особенности своего проявления в каждом из них.

Исходя из уже отмеченного обратимся к конкретному виду творчества – научному – и раскроем его взаимосвязь с рациональностью. *Цель данной статьи* – эксплицировать понятия «научное творчество» и «рациональность», раскрыть особенности их взаимосвязи в истории науки.

Творчество и рациональность, будучи атрибутами духовной и практической деятельности человека, взаимодействуя между собой, противореча и дополняя друг друга, олицетворяли те существенные черты человеческого духа, которые были и есть двигателем общественного прогресса.

Со становлением теоретического знания творчество признано прерогативой свободной индивидуальности, оно предполагает реализацию различных потенциалов человека. А. Г. Спиркин, исследуя творчество, утверждает, что это духовная деятельность, «результатом которой является созидание оригинальных ценностей, установление новых, ранее неизвестных фактов, свойств и закономерностей материального мира или духовной культуры» [1, с. 193]. При этом следует акцентировать внимание, что новизна может быть как объективной и иметь статус новизны в социально-историческом развитии, так и субъективной, то есть это открытие для субъекта творчества, хоть оно и не ново для Других. Творчество является конструирующим средством духовного мира творца и ценностно-моральных установок субъекта социальной деятельности. Это природный инстинкт, жажда достижения, сублимация энергии, базисная жизненная потребность, выражающая стремление к наслаждению самим процессом работы мысли.

Сопутствующим фактором активно-преобразовательного, творческого отношения человека к миру стала рассудочная рациональность. Творчество в аспекте этой и последующих выдвинутых академиком В. С. Степиным типов рациональности есть процесс сотворения новых, не данных природой объектов. «Однако оно не является актом произвола, хотя включает импульсивные, интуитивные, бессознательные и иррациональные моменты, – отмечает А. И. Афанасьев, – не всегда совпадающие с рассудочно-рациональной последовательностью, личностью и другими требованиями разума. Всякое творчество осуществляется в рамках определенной системы ценностей, детерминирующей модели поведения субъекта творчества в определенный исторический период» [2, с. 240].

С начала становления науки как важнейшей формы познания и преобразования мира научное творчество в качестве специфического вида духовного производства становится определяющим. Это подтверждается, например, тем фактом, что о технологическом творчестве древнегреческих механиков нам

известно гораздо меньше, чем о творчестве философов, что объясняется ценностными установками античности, которые и выявила философия: технические изобретения как относящиеся к преходящему чувственному миру менее значимы, чем знание сущего, причисляемое к вечному идеальному миру подлинного бытия. Так, оценивая социокультурный статус техники, Аристотель, с одной стороны, сравнивает техническое творчество с научной деятельностью, и это должно реализоваться образованным человеком. Но те, кто получал образование в академии Платона, в ликее Аристотеля, техническим творчеством не занимались. С другой стороны, Аристотель приходит к выводу, что конструирование техники входит в задачу ремесленников – людей невысокого социального положения, труд которых напоминает копирование аналогов из мира природы. «Следовательно, – отмечает Я. С. Яскевич, – в этом случае ни техника, ни ремесленники не могут влиять на прогресс, их статус определяется как нейтральный» [3, с. 507].

Что же касается познания сущего, то Аристотель его связывает с научным творчеством и объясняет его квинтэссенцию в «Метафизике» (так была названа группа его философских трактатов, помещенная в издании Андроника Родосского после «Физики»).

Возникшее научное творчество пронизывает всю систему формирующегося научного знания – астрономию, математику, физику, биологию, медицину, логику, этику, эстетику и др. Творчество потребовало объяснения своего источника и сущности. Объясняя их, древнегреческие мыслители часто оставались в лоне религиозно-мифологических представлений. Так, Аристотель назвал свое учебное заведение ликеем в честь храма Аполлона Ликейского, возле которого находилась школа. И первое объяснение источника творчества носило мифологический характер. Источник творчества – иппокрена, в греческой мифологии родник, возникший от удара копыта крылатого коня Пегаса по скале горы Геликон, на которой обитали музы. В переносном смысле иппокрена – это источник творческого вдохновения. Но источник творчества необходимо искать в самом творце, в самоактуализации его внутренних сил и способностей. Самоактуализация, по мнению А. Маслоу, – высшая точка вершины пирамиды человеческих потребностей. Только в таком понимании и необходимо рассматривать акт творения, выступающий у него как «универсальная функция человека, которая ведет ко всем формам самовыражения» [цит. по: 4, с. 16].

Трактовок научного творчества много, но как правило они отражают новизну открытий и чаще всего они «рассматриваются, – отмечает В. М. Розин, – как тайна, чудо, которое с трудом поддается осмыслению, а творец в науке – как человек исключительный, избранный, наделенный глубокой интуицией, богатым воображением, способностью взглянуть иначе на уже все известное, внести порядок и систему в разрозненный материал, охватить его единым взглядом» [5, с. 34]. В таком понимании научного творчества дается

характеристика субъекта творческого процесса, а не сущности научного творчества, которое сводится к тайне, к чуду, к «вещи в себе» (термин И. Канта).

Научное творчество – это процесс самоактуализации и самореализации субъектом личностных творческих изысканий, которые характеризуются исключительной новизной, приращением научных ценностей во всех ветвях научного знания. Оно фиксируется в системе предметного, объективно-истинного, нового знания. Научный творческий акт непосредственно пребывает в сфере духовного мира человека, его реализация есть самораскрытие человеком своих потенциальных сил. Полученные в результате научного творческого акта научные ценности носят непреходящий характер, их содержание можно углублять, но сами они с научной сцены не уходят. Например, геометрию Евклида (III в. до н. э.) дополнили только в XIX в. Н. И. Лобачевский (1826 г.), Б. Риман (1854 г.) и Ф. Клейн (1872 г.). Концепцию атомистического строения материи, выдвинутую еще в IV в. до н. э., в которой атом выступал «первокирпичиком» материи, дополнили только в 1897 г. (Д. Томсон), открыв электрон в атоме и заложив основы квантовой механики.

А какова внутренняя архитектура процесса научного творчества, каковы стадии его движения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проследить движение мысли субъекта научного творчества. Тогда творчество предстает в тесном взаимодействии с мышлением, оформленным в определенный тип рациональности. Творчество предполагает рациональное мышление, а рациональная мысль предстает как импульс творчества. В этой диалектической взаимосвязи творчества и рациональности первое определено как мысль субъекта о реалиях бытия. Научное творчество в этом аспекте выступает как форма движения знания, его развития, как элемент, слагаемое этого феномена.

Теорий по обоснованию стадий творческого процесса в науке несколько, но они противоречивы. Так, А. Л. Галин выделяет шесть этапов этого процесса: 1) желание узнать новое; 2) ознакомление с фактами; 3) обдумывание информации; 4) гипотеза; 5) выращивание идеи и 6) ощущение близости решения. Г. Уоллес обосновывает четыре стадии: подготовка, созревание, озарение, проверка. В. А. Коваленко репрезентирует семь стадий: 1) постановка проблемы; 2) рождение замысла; 3) атака; 4) релаксация; 5) инкубация; 6) решение; 7) инсайт (озарение истиной). И. Платонов раскрывает три стадии творческого процесса: творческое начало, присущее всем без исключения, талант и гениальность. Ученый обосновал задачи субъекта творческого процесса с позиций психологии, а сам творческий процесс – с позиций религиозного творения мира, его божественного и демонического содержания, что придало его концепции творчества религиозный оттенок.

Для осуществления научного творческого акта субъекту необходимы определенные предпосылки. Прежде всего материальные, которые порождают саму возможность и необходимость этого акта, а вместе с ними и духовные предпосылки, которые заключаются в том, что еще до начала творческо-

го акта субъект уже имеет в своем распоряжении конкретный запас знаний, имеющий отношение к данному акту, и формирует исходные позиции для его понимания. Вне взаимодействия между индивидом и обществом научный творческий акт невозможен. Каждый, кто сталкивается с любой проблемой, никогда не начинает с нуля. Более того, сама постановка научной проблемы уже обусловлена предыдущим познанием.

Отмеченное в статье выступает исходной стадией развертывания научного творческого акта, который отражает ступени движения рационального мышления субъекта этого акта:

во-первых, критическое осмысление накопленных идей в конкретной науке по конкретной проблеме, анализ и оценка ее состояния (в сократовском методе – это ирония);

во-вторых, обоснование задач творческого акта как конкретного фрейма;

в-третьих, выделение внутри фрейма субфреймов и обоснование модальных связей между ними;

в-четвертых, необходимость подключения, помимо логики мышления, интуиции как момента озарения в решении исследуемого фрейма;

в-пятых, реализация творческого замысла в виде конкретного духовного артефакта, характеризующего приращение нового.

Таковы стадии научного творческого акта. Однако на каждом этапе развития науки они обуславливаются господствующим типом рациональности. Ведя речь о гранях взаимопроникновения научного творчества и рациональности, можно утверждать, что их единство связано прежде всего с отражением в научном творчестве прогрессивного движения мысли познающего субъекта. Особенным выступало в условиях традиционной цивилизации то, что это движение мысли выражало уровень здравого смысла, базировалось на основаниях формальной логики, его фундаментом выступал рассудок. Но «рассудок – низшая ступень логического понимания, – отмечает А. Г. Спиркин. – Это скорее житейское, расчетливое мышление, отличающееся чувственной конкретностью и ориентированное на практическую пользу» [1, с. 108].

Выделение типов рациональности, прежде всего классического, было связано с двумя моментами. Во-первых, с оформлением классических наук: физики (а в первую очередь классической механики), в русле развития которой происходило развертывание нового понятийно-категориального аппарата, научной рациональности в целом. Развитие механики потребовало математизации ее содержания для укрепления связей с развивающимся индустриальным производством. Во-вторых, со становлением методологии научного познания, основы которой были заложены Р. Декартом и Б. Паскалем, а также А. Арно в его работе «Логика, или Искусство мыслить» (1662 г.).

Развернувшееся научное творчество в физике и математике в условиях индустриализации производства заложило фундаментальные основы превращения науки в непосредственную производительную силу общества. Достижения

классической рациональности в естествознании выразилось в следующем: на основе механики была обоснована новая научная картина мира; в XIX веке после работ К.-Ф. Гаусса европейская математика впервые обогнала индийскую, лидирующую еще с V в. до н. э.; научное творчество, развернувшееся в сфере материального производства и отражающее взаимосвязь последнего с наукой, породило свое новое ответвление – научно-техническое творчество, базой которого стало становление технических наук. Долгое время научное и научно-техническое творчество «были практически вне нравственной критики, подчиняясь собственным ценностным критериям, среди которых доминировали экономичность, устойчивость, производительность, а порой сюда подключались политические, бюрократические, корпоративные амбициозные мотивы, стиравшие грань между творчеством и произволом» [2, с. 241]. Особенностью взаимосвязи классической рациональности и научного творчества выступило формирование нового стиля мышления – механистического.

Таким образом, с новым типом научного осмысления мира рациональность выступила не только как ценность науки, но и как культурная ценность, определившая многие нормы человеческого мышления и поведения. Рациональность в ее классической форме оказалась одним из главных ценностных ориентиров творческой деятельности человека, особенно в науке.

В конце XIX – начале XX в. формируется новый тип рациональности – неклассический. Его становление было связано с рядом научных открытий в физике: рентген-лучей; радиоактивного элемента радия; электрона в атоме; поля как нового вида материи; теории относительности и других, приведших физику к рационально-методологическому кризису. Это предполагало совершение новой глобальной революции в науке. Необходимо было в «тело» науки интегрировать субъекта творческого познания. В классической рациональности субъект и объект были разделены, исследуемая реальность понималась как объектная данность, не зависящая от субъекта, средств, способов и условий его познавательных действий.

В неклассическом типе рациональности научное творчество расширяет свой ареал за счет расширения естественнонаучного и технического знания (становление новых наук), а также за счет расширения используемого методологического инструментария. В единстве эти аспекты дали новый импульс укрепления связи научного творчества и рациональности.

Вторая половина XX в. ознаменовалась становлением постнеклассической рациональности как результата революционных преобразований в самом характере научной деятельности. Радикально изменяются средства и методы работы с информацией. Становление информационной цивилизации направило научное творчество на разработку обоснования сущности информации, информационных ресурсов, информационных технологий, информатизации, стратегии управления информацией в условиях ее экспонциального роста. Сегодня научное творчество направлено на процессы упрощения и интегра-

ции информации; на разработку новых методов ее кодирования, которые отражают гносеологические процессы перевода мысли в знак; на символизацию, а также защиту информации как стратегическую задачу информационной безопасности социума. Это первое, что характеризует направленность научного творчества в его взаимосвязи с рациональностью на современном этапе.

Второе, что характерно для научного творчества в условиях постнеклассической рациональности, – это обоснование междисциплинарных связей и исследование новых междисциплинарных объектов, в структуру которых входит и сам человек. Человеческоразмерность – понятие постнеклассической науки. Оно связано с решением следующих проблем: как познавать самоорганизующиеся системы, как управлять ими, как использовать знание о них. Человеческоразмерность раскрывает отношения между субъектом и объектом познания, отражает изменения в содержании естественных наук. К человеческоразмерным объектам и системам можно отнести экосистемы, медико-биологические и биотехнологические объекты, нанотехнологические объекты, информационные и когнитивные системы. Вторжение науки в мир человеческоразмерных систем ставит принципиально новые задачи и перед научным творчеством и перед рациональностью.

Из всего изложенного в данной статье можно сделать следующие выводы, что научное творчество в своем развитии предполагает прежде всего овладение мышлением человека, чтобы оно было организованным, логика движения его мысли носила объективный, истинный характер. В своем единстве научное творчество и рационализм оказались не отделены от идеи деятельности, прогресса, приоритета науки. Приоритет науки и научной рациональности отвергает иные формы осмысления мира, возникающие в обыденном сознании или мифе, как недостаточно обоснованные или неистинные. Но в этом вряд ли виновата сама наука и ее рациональность, скорее – образ научной рациональности, не адекватный ее подлинной сути, воздвигнутый в ранг мировоззренческой ценности. Поэтому сегодня задачами науки и рациональности выступает необходимость формирования новых ценностных установок личности и общества, направление поиска научного творчества на обоснование истинности ценностей, отражающих динамику современного общественного развития.

Список использованных источников

1. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – М. : ИПЛ, 1972. – 303 с.
2. Афанасьев, А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки / А. И. Афанасьев. – Одесса : Бахва, 2013. – 288 с.
3. Философия / под общ. ред. Я. С. Яскевич. – Минск : РИВШ, 2006. – 624 с.
4. Ильин, Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 448 с.
5. Розин, В. М. Мышление и творчество / В. М. Розин. – М. : ПЕРСЭ, 2006. – 360 с.

Ю. В. Нестерович

Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ОЧЕРК ПО ЭКСПЛИКАЦИИ ПОНЯТИЯ НАУКИ

Понятие науки уточняется в рамках логико-эпистемологического и терминоведческого междисциплинарного исследования. Акцентируется внимание на наличии различных трактовок науки.

Ключевые слова: наука, сфера по производству научных знаний, научно-исследовательская деятельность, институт науки, возникновение науки.

Y. V. Nesterovich

Center for Belarusian Culture, Language and Literature Research of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

ESSAY ON THE EXPLICATION OF THE CONCEPT OF SCIENCE

The Concept of science is specified under the logical-epistemological terminological and interdisciplinary research. The focus is on different interpretations of science.

Keywords: science, the sphere of production of scientific knowledge, research activities, Institute of science, the emergence of science.

Термином «наука» обозначаются различные по содержанию и объему понятия, которые формируются и обосновываются в философии, методологии, истории и социологии науки, науковедении. Полисемия данного термина, приводящая к противоречиям в изложении, ставит проблему его оптимизации. Она достижима либо при *междисциплинарной проекции* построения терминосистем данных дисциплин, либо в рамках *метатеоретического знания* [1]. Отмечается, что «в традиционном понимании под “наукой” подразумевают знания, деятельность, социальный институт, академическую систему, НТР» [2, с. 447]. При этом часто ссылаются на работу Дж. Бернала «Наука в истории общества». Наличие противоречий изложения отчасти вуалируется распространением «гиперширокой» трактовки науки, соответствующей конституированию и моделированию науки *комплексным (многоаспектным) явлением*. Типичным является изложение о науке как форме деятельности и одновременно системе знаний, социальном институте, форме общественного сознания и др. Такое изложение сопровождается пояснением: «Наука выступает в трех основных ипостасях» [3, с. 84; 4, с. 541]. «Гиперширокой» трактовке науки и моделированию науки полиаспектным явлением может соответство-

вать использование не понятия (результата обобщения предметов некоторого вида и выделения логического класса), а концепта (концептуального связанного и терминологически оформленного выделения ряда обобщений предметов). Рассматривая логико-эпистемологически, в аспекте организации знания через использование категорий [5], следует продуктивно различать употребление термина «наука» для обозначения понятия в рамках определенной трактовки, обозначения концепта¹ науки.

Наряду с *гиперширокой* трактовкой науки, переходящей в использование *концепта науки*, в научном дискурсе распространена и *узкая* трактовка, когда термин «наука» употребляется в значении научного познания, научного сообщества, научных знаний, системы научных дисциплин, научного метода и др. Так, в работах Т. Куна он употребляется преимущественно в значении системы научных знаний: «...продукта множества подходов, многочисленных групп и школ» [6, с. 455]. Э. Агацци употребляет термин «наука» даже в значении научной теории [7]. В. И. Курбатов определяет его «систематическим, организованным знанием», «системой знаний, проверенных научной теорией и практикой», «она связана с проникновением в сущность предметов и процессов», воплощает «свои открытия в действительности» [8, с. 329, 336–337]. Тем самым ученый употребляет указанный термин в значении системы научных дисциплин, научных знаний, научного познания. С. А. Лебедев обозначает им понятие «социальной системы, состоящей из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение научного знания» [9, с. 26]. Вместе с тем исследователь определяет его и «специализированной когнитивной деятельностью сообщества ученых» [10, с. 142]. Между тем в научном обороте распространены термины «научно-исследовательская деятельность», «научное познание», «научные технологии» (в значении совокупности приемов и способов, выработанных в процессе научно-исследовательской деятельности (НИД), направленных на производство материальных благ, позволяющих расширять и интенсифицировать процесс материального производства) и другие, позволяющие элиминировать полисемию термина «наука».

Распространена *широкая* трактовка науки сферой по производству (и систематизации) научных знаний (СПНЗ). Научные знания отличаются от прочих специфическим набором характеристик: достоверные, верифицируемые, общезначимые и др. Стандартной представляется дефиниция «наука – одна из сфер человеческой деятельности, функцией которой является производство и систематизация знаний о природе, обществе и сознании. Наука включает в себя деятельность по производству знаний» [11, с. 115]. Неэксплицированность

¹ Гиперсемичным термином «концепт» обозначаем результат и средство познания, форму воспроизведения и организации знания, представленную комплексом сравнимых понятий, комплексом понятий, дополняющих друг друга при моделировании объекта, и иным комплексом, отличающимся от выделяемого в логике «понятия как системы знаний».

в научной литературе понятия деятельности препятствует четкому раскрытию и понятия СПНЗ. Смешение онтологического и социологического понятий деятельности усматриваем в раскрытии понятия науки И. С. Алексеевым, который определяет науку как специфическую сферу человеческой деятельности, «функцией которой является выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности». Одновременно наука характеризуется и специфической формой и видом деятельности [12, с. 403–404]. В дефиниции «наука – сфера исследовательской деятельности, направленная на производство новых знаний о природе, обществе и мышлении и включающая в себя все условия и моменты этого производства: ученых с их знаниями и способностями... научные учреждения, экспериментальное и лабораторное оборудование, методы научно-исследовательской работы, понятийный и категориальный аппарат, систему научной информации, а также всю сумму наличных знаний» [13, с. 236], раскрыты основные компоненты СПНЗ. Усмотрим в ней несоразмерности: ученых точнее характеризовать субъектами, а не условием осуществления производства знаний, а знания – результатом научной деятельности, а не моментом ее. Из характеристики СПНЗ «сферой исследовательской деятельности» имплицитно не следует включение в СПНЗ системы подготовки кадров в качестве ее компонента. При таком раскрытии понятия СПНЗ включает именно НИД, но не всякую. Понятие НИД значительно «уже» по объему понятия научной деятельности: в нем обобщается совокупность актов и процессов эмпирических и теоретических исследований, систематизации накопленных знаний. Дефиниенс в дефиниции научной деятельности, данной в Законе Республики Беларусь «О научной деятельности» («творческая деятельность, направленная на получение новых знаний о человеке, природе, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения»), соответствует термину «научно-исследовательская деятельность». Тем не менее при пояснении видов научной деятельности в данном законе придерживаются уже из следующего понятия научной деятельности: «К видам научной деятельности относятся: проведение фундаментальных и прикладных исследований; апробация результатов научных исследований; подготовка научных работников высшей квалификации...» [14, с. 65–66]. При таком выделении научная деятельность складывается из НИД, научно-коммуникационной и научно-педагогической деятельности. Мы усматриваем в этом основание для выделения науки сферой общественной деятельности и подсистемой общества [15, 16]. Субстанциональную основу выделения такой сферы составляет не только производство научных знаний, но и их систематизация, апробация, подготовка научных кадров. Поскольку научная деятельность не порождает специфические общественные отношения, выделение науки сферой общественной жизни не адекватно.

Спектр трактовок понятия науки охватывает по объему от отождествления ее со специфической формой деятельности до конституирования ее ком-

плексным явлением. В. А. Соломатин полагает, что «попытка дать краткое определение науки может выразить более или менее точно лишь какой-либо один аспект этого сложного понятия, аспект существенный либо в определенный исторический период, либо для определенной категории людей». И формирует концепт: «...наука в современном мире может рассматриваться в различных аспектах: как знание и деятельность по производству знаний, как система подготовки кадров, как непосредственная производительная сила, как часть духовной культуры. Наука как знание и деятельность по производству знаний возникла в античном мире...» Ученый характеризует науку как часть (форму) духовной культуры, а также способ познания, форму постижения бытия наряду с религией, философией, искусством, мифологией, моралью [17, с. 5–6]. Такое выделение расплывчато. Формами духовного производства выступают научные знания, методы и пр. Кроме того, хотя в отечественной философии принято обосновывать философию сферой культуры (в частности, этому посвящена монография Т. И. Адуло), следует учитывать, что философские науки «встроены» в систему научных знаний. В данном случае диалектическая взаимосвязь явлений и их аспектов обуславливает более межинтегрированное их описание.

В. С. Степин обозначает термином «наука» понятие НИД (вида познавательной деятельности), и понятие системы научных знаний, определяя его «особым видом познавательной деятельности, который направлен на выработку системно организованных и обоснованных знаний о мире» (вариант характеристики результатов научной деятельности (знаний) – «объективные и системно ориентированные») [18, с. 66]. В. Ф. Берков поясняет: «Под наукой (в широком смысле слова) понимается особая сфера человеческой деятельности, функцией которой является производство и систематизация знаний о действительности... Науку можно рассматривать в двух аспектах – как результат и как процесс. В качестве определенного результата она представляет собой совокупность полученных знаний о действительности (научное знание), в качестве процесса – особого рода деятельность по получению новых знаний (научное исследование)» [19, с. 25]. Тем самым трактовка науки совокупностью научных знаний в комплексе с НИД, предстает *узкой*.

Е. М. Бабосов, раскрывая понятие науки, характеризует его и процессом, и системой деятельности. Наука как творческий процесс исследования действительности представляет собой систему деятельности по производству знаний. НИД как специфический вид трудовой деятельности, направленный на производство особого продукта – знаний. Наука выступает не только в качестве реального процесса участия человека в научной деятельности как таковой, но и как конкретное воплощение нового научного знания [20]. В. С. Арутюнов и Л. Н. Стрекова, указывая на ограниченность «определения науки как способа познания, использующего научный метод», утверждают, что «наука двуедина. С одной стороны, она выступает как творческий процесс, зарождающийся в тайниках интеллекта, а с другой – предстает как своеобразное произ-

водство, обладающее всеми атрибутами хозяйственной деятельности» [21, с. 59, 13]. Тем самым «наука» предстает научным познанием (не НИД) в комплексе с производственной деятельностью. А. В. Лесков обозначает термином «наука» «процесс построения систематизированного образа части реальности, ориентированный на выявление ее общих свойств», тем самым употребляя его в значении даже не НИД, а научного познания. Непоследовательно (по отношению к данной им дефиниции) он рассуждает о науке и как об особой сфере деятельности: «Возникновение и развитие науки как самостоятельной сферы человеческой деятельности происходило в общем русле мировой истории...» [22, с. 347, 348]. В научном и учебном дискурсе имеет место и *гиперузкая* трактовка науки (к тому же методологически и таксономически невыверенная): наука – это теоретическая сфера жизнедеятельности людей [23, с. 714]. В. А. Лось характеризует науку «особой формой познания и вместе с тем формой общественного сознания» и «исторически развивающейся системой знаний о свойствах и отношениях изучаемых объектов» [24, с. 6]. Сам по себе конструкт «формы познания» расплывчат – без дальнейшего раскрытия, основывающегося на корреляции понятий познания, деятельности, а также и коммуникации (учитывая имеющее место, например, в работах А. Ю. Антоновского, редуцирование понятия познания к понятию коммуникации).

А. С. Кармин и Г. Г. Бернацкий утверждают: «Наука есть познание, обособившееся в самостоятельную сферу деятельности», притом что познание трактуется ими отражением субъектом объекта на основе практики и использования знаний, языка, средств познания в различных культурах, а деятельность – «специфической формой движения, активности, поведения», «способом существования человека». В соответствии с приведенными определениями наука предстает отражением материального мира, опосредованной деятельностью и обособляющимся в отдельную сферу деятельности. Такое концептуальное построение рассматривается исследователями таксономически несоразмерно: в нем форма отражения объединена в единую сферу со способом деятельности – практикой. Познание как отражение субъектом объекта адекватно рассматривать деятельностью. Однако при этом следует учитывать, что познание осуществляется и в форме совокупности индивидуально-психических актов, процессов, состояний, и в форме общественной практики и закрепления ее результатов в рукописях, изданиях, обсуждениях их научным сообществом, придерживания исследовательских программ и т. д. Не ограничиваясь употреблением термина «наука» в значении модификации познания, А. С. Кармин и Г. Г. Бернацкий употребляют его в значении научных знаний, организуемых в систему, и даже их фрагментов: «Наукой мы называем как всю систему научных знаний, так и некоторую часть ее» [25, с. 344–345, 131–132, 416]. В соответствии с таким высказыванием получается, что закон сохранения энергии – некоторая наука либо что знания, добытые в рамках физики, – отдельная наука.

Научные знания адекватно выделять элементом СПНЗ. Однако несоразмерно обозначать понятие научных знаний термином «наука». С. Э. Крапивенский описывает науку «явлением многоликим по своим основным признакам и характеристикам», выступающим особо важной в наши дни формой общественного сознания, отраслью духовного производства, «основной продукцией которого являются понятия, законы, теории», социоинститутом, непосредственной производительной силой общества. Отмечая, что «чрезвычайная многоаспектность науки как общественного феномена затрудняет выработку дефиниции... которая всесторонне отражала ее сущность», ограничивается определением понятия науки как *одноаспектного* явления: «...форма общественного сознания, отражающая действительность в понятиях, законах, теориях» [26, с. 258–259].

В. К. Лукашевич характеризует науку «сферой человеческой деятельности, направленной на производство и теоретическую систематизацию объективных знаний о природной, социальной и духовной реальности». Ученый исходит из понятия науки как многоаспектного явления, которое связано с производством научных знаний, поясняя, что «в настоящее время в философских дисциплинах и науковедении закрепилось наиболее общее представление о науке как явлении общественной жизни (культуры), специфика которого выражается указанием на его основные аспекты: 1) наука как специфическая деятельность; 2) наука как система знаний; 3) наука как социальный институт; 4) наука как производственная сила; 5) наука как форма общественного сознания» (курсив наш. – Ю. Н.). Раскрывая первый из выделяемых им аспектов науки, В. К. Лукашевич смещает акцент с пояснения науки «системой познавательных действий, направленных на производство и теоретическую систематизацию объективных знаний», в сторону дисциплинарной организации ее (системы научных дисциплин). Раскрывая третий аспект, он конституирует социальный институт не комплексом регуляторов общественного поведения, а совокупностью организованных индивидов, когда утверждает, что «наука как социальный институт – сообщество занятых научной деятельностью людей, организованных в рамках различных научных учреждений» [27, с. 15, 24–25]. Отождествление конструкторов науки как явления общественной жизни и как явления культуры само по себе делает изложение расплывчатым. Тем более что «наука как явление культуры» не может охватывать социоинститут, выступать производственной силой и т. д. Более того, сегодня принято включать науку и в социально-культурную сферу. Последняя охватывает, наряду с наукой, образование, здравоохранение, социальную защиту, спорт, туризм и иные отрасли социальной деятельности (см.: [33]).

В научном дискурсе распространено понятие социального института науки, хотя вследствие неэксплицированности этого понятия (которая обусловлена и неоткоррелированностью его с понятием *институт общества*) недостаточно четким предстает и изложение понятия института науки. Так утверждается,

что «самый естественный и плодотворный» подход к экспликации понятия науки «связан с истолкованием науки как специфической деятельности людей». При этом наука трактуется процессом познания и социальным институтом. Пояснение же социоинститута науки дается несоразмерно трактовке института формой упорядочения определенного вида деятельности, социоинститута – формой упорядочения социальной жизни: «Сегодня наука по существу представляет собой мощную отрасль по производству знаний с огромной материальной базой, с развитой системой коммуникаций» [28, с. 7, 15, 25]. «Отрасль» интеллектуального производства несоразмерно отождествлять с институтом, то есть свойством развития видов общественной деятельности, представляющим собой закрепление их в форме принимаемых законов и создаваемых учреждений/организаций. Т. Г. Лешкевич поясняет: «Наука как социальный институт или форма общественного сознания, связанная с производством научно-теоретического знания, представляет собой определенную систему взаимосвязей между научными организациями, членами научного сообщества, систему норм и ценностей» [3, с. 84]. Имеет место выделение науки институтом образования [29, с. 681]. Развивая идеи, представленные в [30], возьмем экспликатом понятия института общества понятие институализации (упорядочения, формализации общественных связей и отношений). В этом случае институт – свойство развития вида (отрасли) деятельности, когда ее функционирование закрепляется в форме принятия законодательства и создания специализированных учреждений, организаций. Кратко: форма упорядочения определенного вида (отрасли) деятельности, В таком случае институт науки предстает формой упорядочения научной деятельности, представленной сетью учреждений и правовыми регуляторами.

Трудносопрягаемыми предстают трактовки науки в философии науки и социальной философии с построениями истории науки. В последней дисциплине подчеркивается логическая несовместимость диахронного многообразия форм науки (в трудах С. А. Лебедева). Излагается история возникновения на определенном этапе развития общества античной, классической науки, но, кроме этого, научного сообщества, нормальной науки и т. д. Емкий оборот «возникновение науки» предстает в связи с полисемией термина «наука» соответствующим расплывчатому либо утрированному описанию. Проблемой представляется выделение исходного объекта ее. Тезис: «В ходе исторического развития наука превращается в производительную силу общества и социальный институт» [10, с. 403] – индифферентен относительно выделения такого исходного объекта.

Бесполезно брать понятием для выделения такого объекта до сих пор распространенное традиционное понимание науки. Не всякая описательная, объяснительная модель науки пригодна в качестве основы для выделения исходного объекта истории науки. В этих обстоятельствах Я. С. Яскевич рассуждает даже о «возникновении науки в *собственном смысле слова*» (кур-

сив наш. – Ю. Н.). При этом понятие науки она определяет «особым видом познавательной деятельности, направленной на формирование объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, а также социальным институтом, обеспечивающим функционирование специфических норм и идеалов научно-исследовательского поиска» [31, с. 291, 277]. Использование такого понятия для формирования исходного объекта истории науки будет несоразмерно концепции оформления социоинститута науки на определенном этапе развития общества. Взятие понятия СПНЗ в качестве исходного объекта развития науки также неадекватно. Выделение СПНЗ происходит по мере развития НИД (и шире деятельности, связанной с производством научных знаний), охватывая ее результаты, условия и аспекты ее осуществления (в том числе организации).

Построения истории науки, посвященные возникновению науки в античный период развития общества, в которых исходят от употребления термина «наука» в значении СПНЗ (включающей компонентами, в частности, научные учреждения), противоречивы. В. О. Голубинцев редуцирует возникновение науки к возникновению научных знаний: «Впервые в истории человечества наука возникает в VI в. до н. э.». При этом наука – «не просто совокупность каких-то отрывочных, разрозненных сведений, а определенная система знаний, являющихся результатом деятельности особой группы людей (научного сообщества) по получению новых знаний» [32, с. 57]. Исходным объектом истории науки взят комплекс научного знания и научного сообщества. Заметим, что если исходить из принятого в гносеологии различения научного и философского типа познания, то систему знаний в отмеченный период развития общества точнее характеризовать системой преднаучных знаний, поскольку естественнонаучные знания в античности – знания натурфилософские.

Обозначение термином «наука» различных понятий при изложении истории науки ведет к различному датированию возникновения науки. Так, концептуализируется, что «к середине XIX в. формируется дисциплинарная организация науки, возникает система дисциплин со сложными связями между собой... как социальный институт наука начала оформляться в XVII–XVIII вв.» [16, с. 612]. Непротиворечиво излагать о формировании в XVII–XVIII вв. не науки в качестве социального института, а института науки. Такой институт формируется как упорядочение прежде всего НИД. Терминоэлементу «наука» в рамках истории науки соответствует по мере развития исходного объекта различный комплекс явлений, первоначально – НИД и научных (а также преднаучных) знаний. Соразмерным представляется вести изложение о развитии науки, а не сферы науки. Обозначая при этом для минимизации противоречий изложения термином «сфера науки» понятие СПНЗ. Понятие СПНЗ образуется на основе признака – охватывать НИД (научную деятельность), ее результаты, формы организации, условия и аспекты функционирования. Если наука (соответствующий комплекс явлений) выступает если не субъектом,

то фактором событий общественной жизни, то сфера науки – сферой, в которой разворачиваются те из событий, которые касаются научной жизни.

Осуществляя унификацию терминов через междисциплинарную проекцию, в философии науки базовым термином «наука» продуктивно обозначать понятие комплекса общественных явлений (субъектов и формы деятельности, особенностей и методов познания и пр.), связанных с производством научных (то есть достоверных, верифицированных, общезначимых) знаний. Это позволяет непротиворечиво сопрягать понятийный аппарат философии с построениями истории науки. В этом случае, во избежание полисемии, термином «сфера науки» (базовым термином социальной философии и науковедения) соразмерно обозначать понятие СПНЗ. А термином «институт науки» (базисным термином социологии и науковедения) – понятие комплекса регуляторов общественного поведения, касающегося научной жизни. Следует целиком отказаться от дублирования термином «наука» понятий научных знаний, НИД и т. д. В построениях истории науки изложение непротиворечиво вести дифференцированно – о возникновении, становлении, развитии в определенном обществе, в определенную эпоху НИД, научных знаний, научного сообщества, беря исходным объектом ее комплекс явлений, связанных с производством научных (а также преднаучных) знаний.

Список использованных источников

1. Нестерович, Ю. В. Обоснование пересмотра оптимума значения термина «наука» / Ю. В. Нестерович // Великие преобразователи естествознания. Анри Пуанкаре. XVII междунар. чтения. – Минск, 2001. – С. 85–87.
2. Ильин, В. В. Философия / В. В. Ильин. – Ростов н/Д : Феникс, 2006. – Т. 1. – 832 с.
3. Лешкевич, Т. Г. Философия науки: традиции и новации / Т. Г. Лешкевич. – М. : ПРИОР, 2001. – 428 с.
4. Основы философии науки : учеб. пособие для аспирантов / В. П. Кохановский [и др.]. – Ростов н/Д : Феникс, 2004. – 603 с.
5. Нестерович, Ю. В. Гносеологический и логический статус философских категорий / Ю. В. Нестерович // Великие преобразователи естествознания: Мария Складовская-Кюри : XXIII Междунар. чтения. – Минск, 2011. – С. 119–121.
6. Большой толковый социологический словарь : в 2 т. – М. : АСТ : Вече, 1999. – Т. 1. – 544 с.
7. Агацци, Э. Моральное измерение науки и техники / Э. Агацци. – М. : Моск. философ. фонд, 1998. – 344 с.
8. Курбатов, В. И. Логика : учеб. пособие / В. И. Курбатов. – Ростов н/Д : Феникс, 2001. – 384 с.
8. Лебедев, С. А. Введение. Понятие науки / С. А. Лебедев // Философия науки / С. А. Лебедев [и др.] ; под ред. С. А. Лебедева. – М., 2006. – 316 с.
10. Лебедев, С. А. Философия науки : слов. основных терминов / С. А. Лебедев. – М. : Академ. проект, 2004. – 320 с.
11. Горский, Д. П. Краткий словарь по логике / Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Просвещение. 1991. – 208 с.
12. Алексеев, И. С. Наука / И. С. Алексеев // Философский энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1983.
13. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1980. – 444 с.

14. Закон Республики Беларусь «О научной деятельности» // Ведомости Вярх. Савета Рэсп. Беларусь. – 1996. – № 34.
15. Нестерович, Ю. В. Об эпистемологическом статусе науковедения / Ю. В. Нестерович // Приоритеты интеллектуальной элиты в развитии мировой цивилизации : материалы Междунар. науч. конф., Минск, нояб. 2002 г. – Минск, 2002. – С. 306–309.
16. Несцяровіч, Ю. У. Эксплікацыя паняцця навукі і акрэсленне археаграфіі як соцыёкультурнага феномена / Ю. У. Несцяровіч // Беларус. археаграф. штогоднік. – 2005. – Вып. 6. – С. 21–36.
17. Соломатин, В. А. История науки : учеб. пособие / В. А. Соломатин. – М. : ПЕР СЭ, 2003. – 352 с.
18. Степин, В. С. Наука / В. С. Степин // Новейший философский словарь / сост. А. А. Грицанов. – Минск : Книж. мир, 2003.
19. Берков, В. Ф. Общая методология науки : учеб. пособие / В. Ф. Берков. – Минск : Акад. Управления при Президенте Респ. Беларусь, 2001. – 227 с.
20. Бабосов, Е. М. Наука как практически-духовное освоение мира / Е. М. Бабосов // Наука: организация и управление (методологические вопросы) / под ред. П. Д. Пузикова, Е. М. Бабосова. – Минск, 1977. – 261 с.
21. Арутюнов, В. С. Социологические основы научной деятельности / В. С. Арутюнов, Л. Н. Стрекова. – М. : Наука, 2003. – 299 с.
22. Словарь философских терминов / науч. ред. В. Г. Кузнецова. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 731 с.
23. Философия : учеб. для вузов / под ред. В. В. Миронова. – М. : Норма, 2005. – 673 с.
24. Лось, В. А. История и философия науки / В. А. Лось. – М. : Дашков и Ко, 2004. – 432 с.
25. Кармин, А. С. Философия : учеб. / А. С. Кармин, Г. Г. Бернацкий. – СПб. : ДНК, 2001. – 536 с.
26. Крапивенский, С. Э. Социальная философия / С. Э. Крапивенский. – М. : Книга по требованию, 2004. – 416 с.
27. Лукашевич, В. К. Основы методологии научных исследований / В. К. Лукашевич. – Минск : ООО «Элайда», 2001. – 104 с.
28. Философия и методология науки / под ред. В. И. Купцова. – М. : АСПЕКТ ПРЕСС, 1996. – 424 с.
29. Добренъков, В. И. Фундаментальная социология : в 13 т. / В. И. Добренъков, А. И. Кравченко. – М. : ИНФРА-М, 2004. – Т. 4. : Общество: статика и динамика. – 1120 с.
30. Нестерович, Ю. В. Экспликация понятия социального института (логико-эпистемологический анализ) / Ю. В. Нестерович // Философско-методологические проблемы социального познания : материалы Респ. философ. чтений, Минск, 20 нояб. 2008 г. – Минск : РИВШ, 2009. – С. 156–174.
31. Яскевич, Я. С. Философия и наука: время диалога, ответственности и надежды : избр. тр. / Я. С. Яскевич. – Минск : Право и экономика, 2015. – 551 с.
32. Концепции современного естествознания : учеб. для вузов / под ред. В. Н. Лавриненко, В. П. Ратникова. – 3-е изд., доп. и перераб. – Ростов н/Д : ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 317 с.
33. Административно-правовые основы государственного управления : учеб. пособие / под общ. ред. А. Н. Крамника. – Минск : Тесей, 2004. – 704 с.

В. И. Павлюкевич

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск,
Республика Беларусь

ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ МОДАЛЬНОСТЕЙ DE RE

В работе предлагаются два варианта экспликации модальностей de re. Первый состоит в семантическом анализе и сопоставлении модальностей de re и de dicto, в результате чего структурно раскрываются смысловые аспекты различия этих типов модальностей и выявляются причины их семантической неэквивалентности. Во втором варианте экспликация модальностей de re осуществляется средствами кванторной релевантной логики. При этом удастся провести достаточно тонкую дифференциацию данных модальностей: выявляются абсолютные и относительные, сильные и слабые модальности этого типа, осуществляется их семантический анализ и сопоставление в контексте логико-философских проблем познания.

Ключевые слова: логико-семантическая экспликация, модальности de re, модальности de dicto, абсолютные модальности de re, относительные модальности de re, сильные модальности de re, слабые модальности de re, релевантная логика, сильная импликация, необходимость, возможность, случайность, категории познания, эпистемология.

V. I. Pavlyukevich

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

LOGICAL-SEMANTIC EXPLICATION OF MODALITIES DE RE

In the work there are offered two variants of explication of modalities de re. The first one is semantic analysis and comparison of modalities de re and de dicto. As a result, the semantic aspects of difference of these types of modalities are structurally disclosed and the causes of their semantic non-equivalence are revealed. In the second variant explication of modalities de re is done with quantifier relevant logic. One can do a fine differentiation of the given modalities: absolute and relative, strong and weak modalities of this type are revealed; their semantic analysis and comparison in the context of logical-philosophical problems of knowledge are conducted.

Keywords: logical-semantic explication, de re modalities, de dicto modalities, absolute de re modalities, relative de re modalities, strong de re modalities, weak de re modalities, relevant logic, strong implication, necessity, opportunity, accident, knowledge categories, epistemology.

Модальные понятия «необходимо», «возможно», «невозможно», «случайно», «доказуемо», «опровержимо», «обязательно», «разрешено», «запрещено», «всегда», «никогда», «раньше», «позже», «хорошо», «плохо», «лучше», «хуже» и подобные играют важную категориальную роль в познании. В логике разработана весьма развернутая их систематизация. Выделяются алетические, эпистемические, деонтические, аксиологические, временные и другие

виды модальностей. Проводится также существенное в эпистемологическом плане разграничение модальных понятий на абсолютные и сравнительные. Например, понятия «всегда», «никогда», «хорошо», «плохо» относятся к абсолютным, а понятия «раньше», «позже», «лучше», «хуже» – к сравнительным.

С методологических позиций зачастую существенно также деление модальностей на два типа – *de dicto* и *de re*. Такое деление имеет давнюю логико-философскую традицию. Значительное внимание различию и анализу этих типов модальностей уделяли средневековые логики (об этом см.: [1, с. 151–154]). Проблематика соотношения модальностей *de dicto* и *de re* в ряде аспектов обсуждается также и в современной логике. Так, Я. Хинтиikka в контексте этих проблем отмечает, что, например, предложение «Джон хочет жениться на красивой и богатой девушке» может быть понято двояко: «Здесь может быть, что красота и богатство являются вообще единственными требованиями Джона по отношению к жене, или может быть, что Джон намерен жениться на какой-то конкретной девушке, которая случайно обладает этими качествами. Первое является атрибутивным прочтением, последнее – референциальным прочтением. В истории логики – это различие между двумя способами чтения. В средние века референциальное прочтение называлось бы предложением *de re*, атрибутивное – предложением *de dicto*» [2, р. 202]. Я. Хинтиikka считает, что такая двусмысленность присуща в естественном языке всякому модальному предложению, в котором в области действия модального оператора имеется вхождение сингулярного термина (см.: [3, с. 319]). Он отмечает, что проблема соотношения модальностей *de dicto* и *de re* является немаловажной не только для формальных исчислений, но и для естественных языков, подчеркивая следующее: «Было бы весьма интересно изучить представления *de dicto* – *de re* контраста в естественных языках» [3, с. 320].

Далее здесь предлагается анализ соотношения *de dicto* – *de re*, который позволяет выявить некоторые аспекты данного соотношения, важные для интерпретации предложений *de dicto* и *de re* как в формализованных, так и в естественных языках. Целью данной статьи является разработка общего метода логико-семантического анализа модальностей *de dicto* и *de re*, раскрытие на этом базисе структурных содержательных аспектов их смысловых различий и семантической неэквивалентности, а также дифференцированная экспликация модальностей *de re* средствами кванторной релевантной логики.

Для раскрытия соотношения модальностей *de dicto* и *de re* потребуются рассмотреть некоторые аспекты давней традиционной философской проблемы сущности. В истории философского познания эта тема имеет немало метафизических и онтологических аспектов. В современной философской методологии этот круг вопросов иногда рассматривается в контексте проблем эссенциализма. Здесь будет затронут лишь один исключительно эпистемологический нюанс данной проблематики.

Практическая и теоретическая деятельность человека показывает, что признаки исследуемых предметов находятся в каких-либо связях друг с другом. Иногда эти связи таковы, что наличие у предмета некоторого признака S_1 может быть обусловлено наличием другого признака S_2 . Принадлежность предмету признака S_2 может быть обусловлена принадлежностью признака S_3 и т. д. Переходя в данной цепи признаков от одного признака к другому, мы в конце концов придем к какому-то признаку S_n , относительно которого не можем вполне определенно сказать, что его принадлежность предмету обусловлена наличием у предмета какого-то другого признака S_{n+1} .

В самом общем виде причины этого могут быть следующие: 1) мы знаем, что предмет действительно не обладает никаким признаком, отличным от S_n и обуславливающим принадлежность предмету признака S_n ; 2) мы не знаем, верно ли, что предмет не обладает признаком S_{n+1} , обуславливающим признак S_n , но и не знаем никакого принадлежащего предмету признака, отличного от S_n и обуславливающего принадлежность предмету признака S_n . И в том, и в другом случае признак S_n занимает особое место в цепи признаков $S_n \dots S_1$. Признак S_n обуславливает все другие признаки этой цепи (отношение обусловленности трактуется как транзитивное), сам же он не обусловлен никаким отличным от него признаком или же мы на данной ступени познания в нашей системе знания рассматриваем его как таковой*. Назовем признак S_n основным. (В целях обобщения можно считать, что основной признак обуславливает сам себя; предельный, так сказать, вырожденный случай обусловленности.) Аналогичным образом может быть предположено существование для «данного предмета» и других цепей признаков. Возникает вопрос о длине и о числе таких цепей для одного предмета. Нужно сразу заметить, что это не вопрос логики. Это дело конкретных наук, к области которых относится предмет, и философских исследований, связанных с этими науками. В самом общем случае можно предположить, что таких цепей для одного предмета может быть в принципе неограниченное число и что некоторые из этих цепей конечны, а некоторые – бесконечны.

Поскольку выделение предметов в процессе познания осуществляется по их признакам, то на каждом этапе познания имеется некоторая совокупность признаков, выделяющая нечто как «данный предмет». В контексте сказанного существенным признаком «данного предмета» можно считать основной признак «данного предмета», обуславливающий некоторый признак, с помощью которого соответствующий объект определен, некоторым образом выделен как «данный предмет». Признак, обусловленный существенным признаком, является необходимым. (При этом следует учитывать, что отношение обу-

* Если мы не знаем верно ли, что признак S_n не обусловлен другим признаком, но рассматриваем его как таковой, то это не значит, что не допускается возможность обусловленности этого признака другим, то есть это не ставит запрет на поиск признака, отличного от S_n и обуславливающего S_n .

словленности трактуется как транзитивное.) Поскольку ранее в целях обобщения было введено положение, согласно которому основной признак обуславливает сам себя, значит, на общем методологическом уровне рассмотрения вопроса всякий существенный признак оказывается необходимым, но не всякий необходимый будет существенным.

При рассмотрении вопроса о существенных признаках предмета, как правило, отмечается, что в одних случаях существенными оказываются одни признаки, в других – другие. Признаки, существенные в одной ситуации, иногда оказываются несущественными в другой. Возникает вопрос о критерии объективности выделения некоторых признаков как существенных. Часто этот вопрос ставится в форме: что же существенно предмету самому по себе? При подходе, реализуемом в данной работе, этот вопрос может быть решен следующим образом. Когда речь идет о некотором «данном предмете», то предполагается выделение его по каким-то признакам. Существенность некоторого признака для «данного предмета» может выявляться лишь в зависимости от тех свойств, которые связываются с тем, что мы называем «данним предметом». Разговор же о существенности какого-либо признака для «данного предмета» независимо от каких-то признаков, по которым он выделен как «данный предмет», является в рамках предлагаемого метода некорректной постановкой вопроса.

Критериями объективности выделения некоторых признаков в качестве существенных являются степень объективности наших знаний о признаках, по которым нечто выделено как «данный предмет», степень объективности наших знаний о связях между признаками «данного предмета», степень объективности представлений о соответствующем фрагменте реальности или о картине мира в целом, согласно которым мы нечто выделяем как «данный предмет». Это главный, кардинальный аспект проблемы критериев объективности выделения некоторых признаков предмета как существенных. В философии он вполне может решаться в пользу объективности данных критериев с учетом относительности нашего знания.

Важно также различать модальные характеристики связей между признаками независимо от их принадлежности тем или иным предметам и модальные характеристики принадлежности признаков предметам. Вполне допустимо, что между признаками Р и Q некоторого предмета существует необходимая связь, сами же эти признаки случайны для «данного предмета»; возможно, что признаки Р и Q необходимы для «данного предмета» и в то же время случайны в какой-то системе связей этого предмета; не исключено также, что имеет место необходимая связь между признаком Р одного предмета и признаком Q другого предмета, но сами эти признаки случайны для предметов; возможны, конечно, и иные варианты. Таким образом, модальная характеристика связи признаков может не совпадать с модальной характеристикой принадлежности этих признаков предметам.

На базе предложенной здесь трактовки понятия «существенный признак предмета» можно семантическим образом структурно раскрыть общие принципы подхода к проблеме соотношения модальностей de dicto и de re. Для проведения анализа соотношения de dicto и de re выделим основные компоненты, от которых зависит смысл и значение предложений с указанными модальностями. Таковыми являются: 1) модальный оператор; 2) предмет, о котором идет речь в предложении, и его (предмета) существенные признаки (совокупность существенных признаков предмета обозначим \mathcal{E}); 3) признак, по которому предмет выделен в предложении (обозначим этот признак S ; в предложениях, имеющих четко выраженную субъектно-предикатную структуру, это признак, указанный в субъекте предложения); 4) признак, связь которого с предметом или признаком, по которому предмет выделен в предложении, квалифицируется с помощью модального оператора (обозначим этот признак P ; в предложениях, имеющих четко выраженную субъектно-предикатную структуру, это признак, указанный в предикате предложения).

Учитывая данные компоненты структуры предложений с модальностями de dicto и de re, различие между данными типами предложений можно описать следующим образом. В предложении de dicto модальный оператор является характеристикой связи признака S с признаком P ; предмет рассматривается лишь как носитель признака S , без учета каких-либо иных его признаков. В предложении de re модальный оператор является характеристикой принадлежности признака P предмету в целом. Признак S является лишь способом указания на предмет. В данном случае в рассмотрении должны учитываться существенные и необходимые признаки предмета, именно от специфики их связи с признаком P зависит истинностное значение предложения de re.

Теперь можно объяснить, почему некоторые предложения de dicto, переформулированные в de re, и некоторые de re, переформулированные в de dicto, совпадают по значению, другие же не совпадают. Если связь между признаком S и признаком P имеет ту же модальную характеристику, что и принадлежность признака P предмету, о котором идет речь в предложении (т. е. ту же модальную характеристику, что и связь признака P с существенными и необходимыми признаками того предмета, о котором идет речь), то истинностное значение таких предложений de dicto и de re совпадает. В противном случае истинностные значения этих предложений различны.

Рассмотрим в общем виде случаи совпадения и несовпадения предложений de dicto и de re по истинностному значению для модальностей \diamond (возможности) и \square (необходимости). Для удобства введем сокращение: вместо «предложение de dicto (de re) принимает значение “истинно” (“ложно”)» будем писать: de dicto (de re) – И (Л). Будем считать, что признак A совместим с признаком B , е. т. е. (если и только если) $\neg\forall x((Z\wedge A(x)) \rightarrow \neg B(x))$, и признак A обуславливает признак B , е. т. е. $\forall x((Z\wedge A(x))\rightarrow B(x))$, где Z – множество законов той области действительности, к которой относятся рассматриваемые яв-

ления, \wedge – конъюнкция, \neg – отрицание, \rightarrow – сильная импликация релевантной системы E (А. Р. Андерсона, Н. Д. Белнапа).

Для модальности \diamond могут быть следующие случаи:

- 1) P совместим с S, и P совместим с E. Тогда: de dicto – И, de re – И.
- 2) P совместим с S, и P не совместим с E. Тогда: de dicto – И, de re – Л.
- 3) P не совместим с S, и P совместим с E. Тогда: de dicto – Л, de re – И.
- 4) P не совместим с S, и P не совместим с E. Тогда: de dicto – Л, de re – Л.

Для модальности \square возможны следующие случаи:

- 1) S обуславливает P, и E обуславливает P. Тогда: de dicto – И, de re – И.
- 2) S обуславливает P, E не обуславливает P. Тогда: de dicto – И, de re – Л.
- 3) S не обуславливает P, и E обуславливает P. Тогда: de dicto – Л, de re – И.
- 4) S не обуславливает P, и E не обуславливает P. Тогда: de dicto – Л, de re – Л.

Осуществленное рассмотрение показывает, что как для модальности \diamond , так и для модальности \square нет семантической эквивалентности de dicto и de re. В обоих случаях могут быть варианты, когда предложение de dicto истинно, а предложение de re ложно и когда предложение de re истинно, а предложение de dicto ложно.

С учетом предложенной в этой статье экспликации понятия «существенный признак предмета» далее рассматриваются возможности экспликации модальностей de re средствами кванторной релевантной логики. При этом используется язык логики предикатов 2-го порядка, а также, кроме уже введенных символов, будут применяться обозначения: ∇ – «случайно», E – «существенно» ($EQ(x)$ – «существенно свойство Q для предмета x»), $=Df$ – «равно по определению»; принимается также обычное соглашение, что конъюнкция связывает сильнее, чем импликация.

D1

$$\exists x \exists P \square P(x) = Df \exists P \exists Q (\exists x EQ(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow P(x)) \wedge (Q \neq P)).$$

$$\exists x \exists P \diamond P(x) = Df \exists P \neg \exists Q (\exists x EQ(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow \neg P(x))).$$

$$\exists x \exists P \neg \diamond P(x) = Df \exists P \exists Q (\exists x EQ(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow \neg P(x)) \wedge (Q \neq \neg P)).$$

$$\exists x \exists P \nabla P(x) = Df \exists P \neg \exists Q \neg \exists R (\exists x (EQ(x) \wedge ER(x)) \wedge \forall x ((Z \wedge Q(x) \rightarrow P(x)) \wedge (Z \wedge R(x) \rightarrow \neg P(x)))).$$

Если в определениях D1 отказаться от требования существенности обуславливающего признака, то получаются определения D2.

D2

$$\exists x \exists P \square P(x) = Df \exists P \exists Q (\exists x Q(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow P(x)) \wedge (Q \neq P)).$$

$$\exists x \exists P \diamond P(x) = Df \exists P \neg \exists Q (\exists x Q(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow \neg P(x))).$$

$$\exists x \exists P \neg \diamond P(x) = \text{Df } \exists P \exists Q (\exists x Q(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow \neg P(x)) \wedge (Q \neq \neg P)).$$

$$\exists x \exists P \nabla P(x) = \text{Df } \exists P \neg \exists Q \neg \exists R (\exists x (Q(x) \wedge R(x)) \wedge$$

$$\wedge \forall x ((Z \wedge Q(x) \rightarrow P(x)) \wedge (Z \wedge R(x) \rightarrow \neg P(x)))).$$

Определения D1, в которых используется понятие существенного признака предмета, можно назвать абсолютными, поскольку это понятие рассматривается как предел знания в данном направлении, достигнутый на данный момент времени. Определения D2, не использующие понятия «существенный признак предмета», можно считать относительными. Необходимо, конечно же, учитывать, что применяемый здесь термин «абсолютные» вовсе не говорит о какой-то полной независимости, несоотнесенности рассматриваемых понятий. Как абсолютность, так и относительность анализируемых здесь модальностей предполагает принадлежность их соответствующей теории или системе знаний, к которой относится используемое в этих дефинициях множество законов Z .

Следует обратить внимание на некоторые важные свойства этих дефиниций. Абсолютные (в смысле D1) необходимость и невозможность сильнее относительных (в смысле D2) необходимости и невозможности, то есть при истинности первых вторые будут истинны, но не наоборот. Абсолютные же возможность и случайность слабее относительных, то есть при истинности вторых первые будут истинны, но не наоборот.

В определениях D1 подразумевается различие существенных (обуславливающих) и необходимых признаков предмета. (Это оговаривается условием « $Q \neq P$ ».) Таким образом, признаки, обусловленные существенными признаками, являются необходимыми для предмета; квалификация же существенных признаков предполагает выявление каких-то иных, дополнительных оснований, например, происхождение предмета, гносеологические установки познающего субъекта, оценка уровня достигнутого знания и т. п. В определениях D2 дело с обуславливающими признаками обстоит аналогичным образом, но с тем отличием, что эти признаки не рассматриваются как существенные.

Определения D1 и D2 предполагают также варианты, когда необходимый признак обусловлен некоторой комбинацией двух или более признаков (существенных в случае D1 и несущественных в случае D2).

Возможен также вариант, когда необходимый признак обусловлен комплексом признаков, среди которых имеются как существенные, так и несущественные. Получается своеобразная необходимость, обусловленная частично существенным, а частично случайным образом. Это значит, что наряду с абсолютными и относительными модальностями de re (D1 и D2) возможны смешанные модальности этого типа. (Их дефиниции здесь не приводятся.)

Если в дефинициях D1 и D2 отказаться от условий « $Q \neq P$ » (при определении необходимости) и « $Q \neq \neg P$ » (при определении невозможности), то получа-

ются еще два варианта определений: D1.1 и D2.1. (Нет необходимости здесь их воспроизводить.)

Определения D1.1, в отличие от D1, трактуют существенные признаки как подкласс необходимых. Для этих определений верно, что всякий существенный признак необходим, но не всякий необходимый существенен.

Особенность определений D2.1 требует обращения к некоторым специальным философско-методологическим вопросам, касающимся понятий необходимости и невозможности. Согласно D2.1 эти дефиниции будут следующими:

$$\exists x \exists P \square P(x) = \text{Df } \exists P \exists Q (\exists x Q(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow P(x))).$$

$$\exists x \exists P \neg \diamond P(x) = \text{Df } \exists P \exists Q (\exists x Q(x) \wedge \forall x (Z \wedge Q(x) \rightarrow \neg P(x))).$$

Снятие ограничений « $Q \neq P$ » (при определении необходимости) и « $Q \neq \neg P$ » (при определении невозможности) делает допустимым вариант, когда признак может рассматриваться как необходимый относительно самого себя. Получается, что принадлежащий предмету признак может рассматриваться как необходимый относительно своего наличия у предмета, а не принадлежащий предмету признак допустимо трактовать как невозможный относительно своего отсутствия у предмета. Эти положения отчасти звучат как парадоксальные и требуют рациональных разъяснений в рамках теории модальностей.

Можно обратить внимание на то обстоятельство, что эта «парадоксальность» частично схожа с аристотелевским «парадоксом», на который указывает Я. Лукасевич. В знаменитой девятой главе сочинения «Об истолковании», быть может, самом дискуссионном фрагменте логического наследия Стагирита, имеется утверждение: «...сущее, когда оно есть, необходимо есть; точно так же и не-сущее, когда его нет, необходимо не есть» [4, с. 102]. Я. Лукасевич отмечает, что этот принцип не согласуется с основными принципами модальной логики (в силу чего он и называет данное положение Аристотеля парадоксом) [5, с. 217].

Вместе с тем у Аристотеля в названном сочинении высказываются идеи, позволяющие по-иному взглянуть на этот «парадокс». Продолжая идею, зафиксированную в приведенной цитате, Стагирит утверждает: «Однако не все сущее, необходимо есть, как и не все не-сущее необходимо не-есть, ибо не одно и то же сказать, что все сущее, когда оно есть, необходимо есть, или сказать, что оно безусловно необходимо есть. Точно так же и относительно не-сущего» [4, с. 102].

Здесь следует обратить внимание на термин «безусловно». В этом фрагменте можно усмотреть идею различия условно необходимого и безусловно необходимого. Сходное положение, как отмечает Я. Лукасевич, высказывает Теофраст, когда утверждает, что одним из родов необходимого является «наличное бытие, когда оно наличествует, ибо тогда невозможно, чтобы оно не наличествовало» [5, с. 214]. В этой же работе Я. Лукасевич констатирует, что аналогичный принцип встречается в средневековой логике [5, с. 214].

В различии безусловно необходимого и условно необходимого можно увидеть идею деления модальностей на абсолютные (так сказать, безусловные) и относительные (в этом смысле условные). Такое различие отчасти снимает «парадоксальность» дефиниций D2.1, поскольку наличный признак предмета является необходимым (в смысле D2.1) не безусловно, не абсолютно, а лишь условно, относительно своего же собственного наличия у предмета, поскольку невозможно, чтобы признак присутствовал и в то же время не присутствовал у одного и того же предмета. Отсутствующий же признак невозможен (в смысле D2.1) опять-таки не абсолютно, не безусловно, а лишь условно, относительно своего отсутствия, в силу того, что он не может отсутствовать и одновременно не отсутствовать у одного и того же предмета.

Подобная аргументация в какой-то мере может служить объяснением приведенного ранее аристотелевского «парадокса». Речь здесь идет лишь о частичном объяснении некоторых его аспектов, поскольку важно, конечно, учитывать, что проблемы так называемого аристотелевского «парадокса», о котором говорит Я. Лукасевич, формировались в существенно ином логико-философском контексте по сравнению с теми вопросами, которые рассматриваются при экспликации модальностей *de re* в данной работе.

В качестве краткого заключения можно отметить, что на базе предложенных здесь способов исследования соотношения модальностей *de re* и *de dicto* структурно раскрыты содержательные различия данных модальностей, показывающие причины их семантической неэквивалентности. Наряду с этим экспликация модальностей *de re* средствами релевантной логики дала возможность провести дифференциацию данных модальностей на абсолютные и относительные, сильные и слабые и выявить некоторые философско-методологические аспекты, связанные с интерпретацией этих модальностей. Таким образом, применение логических средств и методов позволяет раскрыть ряд существенных нюансов в трактовке алетических модальных категорий в контексте философии и методологии познания.

Список использованных источников

1. Стяжкин, Н. И. О модальной логике Средневековья / Н. И. Стяжкин // Формирование математической логики. – М. : Наука, 1967. – С. 151–154.
2. Hintikka, I. Grammar and logic: some borderline problems / I. Hintikka // Approaches to natural languages : Proceedings of the 1970 Stanford Workshop on Grammar and Semantics. – Dordrecht, 1973. – 280 p.
3. Хинтиikka, Я. Вопрос о вопросах / Я. Хинтиikka // Философия в современном мире. Философия и логика. – М. : Наука, 1974. – 712 с.
4. Аристотель. Об истолковании / Аристотель // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – М. : Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 91–117.
5. Лукасевич, Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 312 с.

А. Н. Спасков¹, О. А. Козина²

¹Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск,
Республика Беларусь

²Ульяновский государственный университет, Ульяновск, Российская Федерация

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ВРЕМЕНИ: «ВЕРТИКАЛЬНЫЙ СРЕЗ» РЕАЛЬНОСТИ¹

В статье анализируется логическое содержание понятия структуры времени и выявляется предельно абстрактная и инвариантная форма представления времени на основе метафизического принципа тождества бытия и мышления. Делается вывод о необходимости существования «вертикального среза» реальности, эквивалентного времениподобному измерению, соединяющему три автономных мира: вечное и трансцендентное единое, темпоральный мир субъективного и трансцендентального «я», и физический мир, детерминированный причинно-следственной связью. Такая синхронная структура, осуществляющая топологическую «склепку» трех миров, принципиально отличается от диахронной структуры объективного физического времени, но логически следует из анализа нашей интуиции и образного мышления, которые имеют нелинейный и спонтанный характер.

Ключевые слова: структура времени, темпоральность, метафизика, бытие, субстанция, спонтанность, квантовый мир, сознание.

A. N. Spaskov¹, O. A. Kozina²

¹Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

²Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation

THE METAPHYSICAL STRUCTURE OF TIME: “VERTICAL CUT” OF REALITY

The article analyzes the logical content of time structure. On the basis of the metaphysical principle of identity of being and reason we develop ultimately abstract and invariant form of time representation. The analysis reveals the necessity of the existence of “vertical cut” of reality which is equivalent to the temporal-like dimension, connecting three autonomous worlds: the eternal and transcendent unity, temporal world of subjective and transcendental “I”, and the physical world being determined by deterministic causality relations. Such a synchronous structure, which perform topological “merging” of these three worlds, is fundamentally different from the diachronic structure of the objective physical time. However it logically follows from the analysis of our intuition and iconic thinking, which have non-linear and spontaneous character.

Keywords: time structure, temporality, metaphysics, existence, substance, spontaneity, quantum world, consciousness.

¹ Работа выполнена при поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (договор № Г16Р-043 от 29.04.2016 и № Г16МС-020 от 20.05.2016).

Введение (постановка проблемы)

Время – это предельно абстрактная философская категория, и мы можем более или менее точно определить лишь его конкретные свойства (такие, например, как длительность, последовательность и др.). На этом пути лучше всего применять диалектический метод восхождения от абстрактного к конкретному и последовательно переходить от самого общего понятия времени ко все более содержательным его формам. Такое определение практически неограниченно, так как невозможно, пожалуй, исчерпать многообразие всех конкретных форм времени [1].

Но здесь возникает вопрос об исходном понятии времени, или максимально абстрактной идее, о которой мы можем сказать, что это понятие времени в самом общем и универсальном виде. Этого уровня абстракции можно достичь, лишь отвлекаясь от всякого конкретно научного содержания, полученного эмпирическим путем и в чувственном опыте. А это означает выход на метафизический уровень реальности, постигаемый в интуиции чистого умозрения.

Процесс восхождения от абстрактного к конкретному сам происходит в потоке времени нашего сознания, поэтому, когда мы пытаемся применить его к определению времени, возникает логический круг и неявно используется понятие, которое нужно определить. Но существует еще одна, пожалуй, самая фундаментальная логическая проблема: можно ли в понятии выразить сущность времени? Ведь понятие – это нечто статичное и вневременное, а время – это нечто текучее и ускользающее от понятийного определения. Отсюда все трудности логического выражения идеи времени и движения.

Ввиду обширности круга проблем, связанных с пониманием и представлением времени в естественнонаучных и гуманитарных дисциплинах, и необходимости интуитивной ясности в исходной идее, мы ограничимся анализом структуры времени в предельно абстрактном представлении. Это ограничение по конкретному содержанию преодолевает границы физического, биологического, психологического и других типов времени и выводит на высший метафизический уровень реальности, соответствующий философской категории времени.

Определив область нашего исследования, мы должны также предварительно прояснить и его методологию. Понятно, что характер поставленной нами задачи предполагает философские и логические методы ее решения. Но эти «правила для руководства ума» сами по себе уже имеют темпоральную структуру, которая является предметом нашего исследования. В самом деле мышление, выражаясь языком Канта, основано на некоторых априорных формах, к каковым относится внутреннее созерцание времени [2]. Трансцендентальная схема, основанная на неявно заданной темпоральной структуре, является, таким образом, необходимым условием всякого познания, а значит, и познания структуры времени.

Получается логический круг, который указывает на ограниченность формально-логического метода исследования времени. Таким образом, помимо

общих логических методов, к каковым относятся анализ и синтез, индукция и дедукция, мы намерены также апробировать некоторую «темпоральную логику», которая в большей степени соответствует духу научного творчества и не редуцируется к формализации и алгоритмизации.

Мы полагаем, что анализ объективного содержания понятия структуры времени наряду с одновременным, если можно так выразиться о единстве двух времен, или, вернее, параллельным анализом темпоральной структуры мышления о времени, поможет лучше прояснить целостную структуру времени и прийти к некоторому согласию и синтезу темпоральных представлений.

Помимо этого, мы отходим от традиционной схемы исторического и логического методов исследования проблемы. Вернее, мы не будем придерживаться строго линейной методологии исторического и логического исследования, но будем активно использовать и репрезентировать исторический материал на основе нелинейной логики.

Ключом к пониманию обозначенной нами темпоральной логики является процесс активного взаимодействия познающего субъекта и познаваемого объекта, которое само по себе имеет темпоральную структуру. По крайней мере здесь виден отход от классического идеала объективности познания и линейного метода чистой дедукции или чистой индукции.

Активное взаимодействие или акт познания означает также выделенность настоящего времени из представлений о некоем «общем» времени. Выделенность настоящего означает в свою очередь, с одной стороны, сосредоточенность на круге проблем, актуальных в данный момент исторического времени, а с другой – актуализацию как прошлого времени в виде репрезентации накопленного ранее позитивного знания и активизации нерешенных еще проблем, так и будущего времени в виде позитивных программ, перспективных оценок и телеологических ориентиров.

Перейдем теперь к логическому анализу понятия структуры времени. Прежде всего выясним следующие вопросы:

Что такое структура?

Что такое время?

Какова структура времени?

Метафизическая структура времени: принцип устойчивости изменений

Понятие структуры, согласно Советскому энциклопедическому словарю, означает «совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность самому себе, то есть сохранение основных свойств при различии внешних и внутренних изменений» [3, с. 1283].

Очевидно, что в этом определении уже неявно содержится понятие времени, парадоксальность которого как раз и заключается в единстве устойчивости (пробывание, длительность) и изменчивости (становление).

Ведь пребывание вещи в устойчивом состоянии характеризуется длительностью существования, которая является пространственным представлением времени или временной протяженностью. Но такое статическое представление времени возможно лишь в соотношении с изменчивостью, которая и является, собственно говоря, истинной сущностью времени. Невозможно ввести критерий различия тождественных состояний одного и того же объекта, не сравнивая их с изменениями. То есть неизменность (тождественность моментов по отношению друг к другу во временной протяженности) мы можем представить лишь на фоне изменчивости, определяющей нетождественность этих моментов по отношению к целостной длительности или их положение во временном ряду (порядок) тождественных состояний.

Но изменчивость означает нарушение себетождественного бытия, или разрыв временных связей, а значит, и временной структуры. Поэтому если мы связываем время с изменчивостью, то должны выяснить, имеет ли вообще смысл понятие структуры времени, так как в этом случае мы говорим об «устойчивости (неизменности) изменчивости».

Заметим, что мы не говорим об изменчивости неизменности или неустойчивости устойчивости, так как в такой логической связке два понятия взаимно исключают друг друга и их единство логически недопустимо. Ведь если неизменность изменяется, то она перестает быть неизменностью (себетождественностью и повторяемостью), так как изменчивость вносит в мир неповторимость, уникальность, единичность.

Но если мы поменяем порядок следования понятий, то получим неизменность изменчивости. А это означает, что при любых допустимых изменениях сам процесс изменения остается неизменным (повторяемым, инвариантным). Таким образом, изменчивость – это активное свойство процесса становления по отношению к становящемуся, а неизменность – это пассивное и имманентное свойство самого становления, сохраняющего его как инвариант любого активного действия.

Вот здесь мы и выходим на предельно абстрактный уровень логического анализа и обнаруживаем субстанциальное основание понятия времени. Истинное начало времени по своей сущности должно быть чем-то вневременным и абсолютно неизменным. А это и есть негативное определение субстанции как логического основания и источника всякого изменения. Ведь если мы говорим о природе и причине изменений в мире и видим их во времени, то возникает вопрос о природе самого времени, что логически приводит к понятию субстанции как генератора изменений, а значит, и источника времени.

То же можно сказать и о мышлении, которое хотя и происходит во времени, но возможно благодаря имманентной активности нашего «я», имеющего субстанциальную природу. Именно эта способность нашего мышления прерывать естественный ход времени и свободно оперировать в модусах прошлого, настоящего и будущего времени благодаря памяти, вниманию и воображению и выделяет нас из непрерывного потока детерминированного физического времени.

Наше «я» как самоидентифицирующаяся и неизменная сущность является безначальным источником нашего субъективного времени, которое хотя и подвержено влиянию внешнего объективного времени, но обладает также внутренней свободой и волеизъявлением. Благодаря такой свободе и субстанциальной активности мы в свою очередь можем вмешиваться в мировые процессы, а значит, и влиять на ход мирового времени.

Для того чтобы провести анализ структуры времени, мы должны определить понятие времени, то есть выделить его в качестве объекта нашего рассуждения. Но определение и является той логической структурой, выраженной в единстве и взаимосвязи понятий, которую мы намерены анализировать. Здесь возможны два пути – от общего к частному и от частного к общему.

В первом случае интуитивную идею времени мы должны иметь до всякого логического определения как некий исходный мыслеобраз. Во втором случае определение эквивалентно анализу структуры, в результате которого необходимо выявить основные свойства времени, характеризующие его целостность и самоидентифицируемость, а также устойчивые связи, обеспечивающие их сохранение при любых внутренних и внешних изменениях.

Что же такое время?

Согласно тому же Советскому энциклопедическому словарю, время – это «форма последовательной смены явлений и состояний материи (характеризует длительность их бытия)» [3, с. 1071].

В философском словаре время определяется как «атрибут, всеобщая форма бытия материи, выражающая длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов в мире» [4, с. 94].

Физический словарь дает следующее определение: время – это «основная форма существования материи, выражающая порядок смены явлений» [5, с. 592].

В самом общем виде время – это длительность и последовательность, между тем как понятие пространства выражает собой структурность и протяженность.

Таким образом, данные определения сходятся в одном: время – это всеобщая форма бытия материи, а его основными свойствами являются длительность бытия и последовательность смены состояний всех материальных систем и процессов.

Умопостигаемое время:

«вертикальный срез» реальности как единое настоящее

Мы начинаем с предельно абстрактного определения, полученного на пути индукции, согласно которому время – это длительность бытия. Здесь: время тождественно бытию. Понятие «быть» означает, прежде всего, быть во времени. Но ведь и «не быть» означает не быть во времени. Здесь два противоположных понятия мыслятся по отношению ко времени. Во времени можно и быть и не быть.

Но означает ли это, что время – это нечто общее для бытия и небытия? Ведь если во времени можно и быть и не быть, то время, во-первых, не зависит от того, есть ли в нем что-нибудь или нет. И, во-вторых, при таком пони-

мании время мыслится как некое внешнее условие для бытия и небытия или как некое вместилище для бытия и небытия («во времени» – значит в чем-то внешнем). Ведь именно этот смысл вкладывается в определение времени как всеобщей формы бытия материи.

Пока лишь мы можем утверждать, что как бытие, так и небытие мыслится во времени. Это означает, с одной стороны, что время – это предельно фундаментальная онтологическая категория, а с другой – то, что логический объем понятия времени чрезвычайно широк и включает в сферу своего действия понятия бытия и небытия. Но будет ли этот объем всеобъемлющим? Иначе говоря, можем ли мыслить бытие и небытие вне времени?

Что касается небытия, то формально оно, пожалуй, в равной степени может мыслиться как во времени, так и вне времени. Ведь небытие абсолютно индифферентно ко всему, а значит, и ко времени. Но мы никак не сможем содержательно мыслить о небытии, разве только в отношении отсутствия мысли о бытии. Парменид первым сказал, что бытие есть, а небытия нет, так как мы не можем его мыслить.

Отсюда следует его знаменитый метафизический принцип тождества бытия и мышления. Но отсюда же следует и отрицание реальности времени как такового. Бытие можно мыслить как нечто Единое и вечное. Причем вечность – это неизменное бытие, но совсем не бесконечная длительность, как это понимают в обыденном мнении. Время – это иллюзия наших чувств и порождение ложных мнений. Истина же находится в вечном умопостижимом Едином.

Именно это противопоставление времени и вечности Парменидом явилось узловым моментом в развитии представлений о времени. Собственно говоря, такое метафизическое представление времени как понятия, имеющего основание в вечности, и дает нам исторически первое и логически предельно абстрактное представление о структуре времени.

С именем Парменида связывают также господствующее в современной физике представление об инвариантах как сохраняющихся во времени и не подверженных никаким изменениям физических величинах. Ведь это сохранение было бы невозможно без фундаментального основания бытия в инвариантной форме настоящего времени.

Следует отметить, что понятие «быть», которое используется чаще всего в качестве логической связки, отличается от понятия «бытие». Если «бытие» – это предельно абстрактное существительное, которое выражает и неизменное сущее, и самотождественное и инертное существование, то «быть» – это глагол, выражающий субстанциональную активность. Если бытие – это предельно абстрактное, пассивное и безотносительное к чему-либо внешнее условие существования, то быть – это активное, имманентно присущее чему-либо или кому-либо внутреннее свойство. Вспомним знаменитое гамлетовское: «Быть или не быть – вот в чем вопрос!»

То есть быть – это не просто длиться по инерции (пребывать), а постоянно поддерживать свое существование. Это – антиэнтропийная сила, противостоящая разрушительному действию времени. Природа этой силы неизвестна современной науке, но именно в контексте такого понимания устройства Вселенной и имеет смысл ньютоновское понятие Абсолютного времени как «чувствилища» Бога, не зависимо от материального мира.

Таким образом, согласно Пармениду, истинную природу времени, в отличие от его иллюзорного чувственного образа, можно постигнуть в мышлении о Едином: «Не возникает оно и не подвержено смерти. Цельное все без конца, не движется и однородно. Не было в прошлом, не будет, но все в настоящем. Без перерыва одно» [6, с. 10].

Можно сказать, что настоящее и есть истинная структура времени, так как это инвариант на фоне изменяющегося прошлого и будущего. Парменид понимал настоящее как статический инвариант, подобный вечности. Такое понимание является предпосылкой статической концепции времени, согласно которой прошлое, настоящее и будущее равноценны и одновременны в мышлении, а значит, и в истинном бытии, а их разновременность – это лишь иллюзия нашего чувственного восприятия бытия. Между тем у Гераклита настоящее – также исходное понятие, но уже как становление, которое имеет смысл динамического инварианта, воспроизводящего вечное исчезновение и возникновение бытия.

В учении Парменида можно выделить следующие основополагающие идеи.

Первое утверждение: основанием всего сущего является Единое, которое обладает истинным бытием, не рождается и не исчезает, а существует целиком в вечном настоящем. Здесь, по всей видимости, речь идет о неизменной субстанции всего сущего.

Второй тезис Парменида – Единое можно постигнуть лишь умом. Постигание умом какой-либо вещи означает некое мысленное представление вещи или, другими словами, восприятие мыслеобраза, схватывание идеи-эйдоса этой вещи. Само по себе это умопостижение происходит мгновенно, как установление тождества бытия и мышления в интуитивном прозрении и более соответствует учению Платона, который сравнивал состояние души, привязанной к телу, с состоянием узника, прикованного цепями в пещере.

Сам процесс познания как восприятие идей-эйдосов выглядит по Платону как припоминание душой тех идей, которыми она обладала до воплощения на Земле, пребывая в вечном мире идей. Причем этот процесс припоминания происходит в режиме реального времени, то есть предполагает последовательный мыслительный процесс. Этот процесс имеет форму диалога (внешнего и персонифицированного, как в диалогах Сократа, или внутреннего при размышлениях).

Но сам диалог является лишь средством умопостижения (метод наведения – майевтика). В нем используется индуктивный метод движения от част-

ных мнений к общим идеям. Этот индуктивный метод сам по себе не дает истинного знания, а является лишь подготовительным этапом познания. Истинное познание возможно на основе диалектического метода мышления, включающего в себя метод раздвоения единого, противопоставление, сравнение и синтез противоположных понятий в новом общем понятии, выражающем новую, более высокую степень единства. Но сам этот синтез происходит не как механическое соединение противоположных частей, а как вневременное умопостижение целостного единства, органически включающего в себя противоположные понятия и открывающего новый, не содержащийся первоначально в этих понятиях смысл.

Сам Парменид, однако, был философом-мистиком и говорил в своей поэме «О природе», по всей видимости, о мистическом способе познания (а конкретно – о своем опыте такого познания), когда душа выходит из тела в экстатическое состояние. В этом случае физическое тело человека остается во власти времени, а душа проникает в вечный умопостигаемый мир Единого.

В любом случае оба эти метода (майевтика Сократа или экстатическое проникновение Парменида) ведут к одной цели – постижению вечного мира идей.

Третье, что утверждал Парменид, – это иллюзорность чувственно познаваемого мира и следующую отсюда противоречивость и ложность мнений об этом мире. Иллюзорность можно понимать как некоторую хаотическую и случайную смену чувственных впечатлений и соответствующих им умственных представлений или мнений. Эта калейдоскопическая смена чувственных впечатлений и мысленных образов, происходящая к тому же на некотором неопределенном фоне ощущений и случайных мыслей, и создает иллюзию течения времени.

Казалось бы, что если умом мы постигаем истинное и вечное бытие, то чувствами мы воспринимаем обманчивое и временное. Но на самом деле чувствами мы можем постигнуть лишь настоящее, и в ощущениях нам дано только настоящее.

Получается, что как в умственном, так и в чувственном познании мы постигаем лишь настоящее. Но где же тогда прошлое и будущее? Что это – иллюзия наших чувств или заблуждение нашего ума? Какой смысл имеют эти понятия?

Все же в умственно постигаемом и чувственно воспринимаемом настоящем есть различие. В первом случае, как это представлял Парменид, речь идет о вечности как о целокупном настоящем, для которого не имеют смысла понятия прошлого и будущего.

Эти понятия приобретают смысл в изменяющемся мире, когда нечто, чувственно воспринимаемое, возникает и исчезает. Прошлое и будущее – это модусы мышления об исчезнувших и возникших вещах и состояниях.

То же самое исчезновение и возникновение происходит и в мыслях, когда одни из них вытесняют другие. Это связано с ограниченным объемом нашей оперативной памяти. В этом случае вытеснение – это забвение и замещение,

постоянно пополняемое из некоторого неограниченного резервуара потенциальных возможностей. А. М. Анисов, например, называет такие системы (компьютеры, человеческий мозг) универсумами с ограниченными ресурсами (сокращенно УОР). Исходя из такой фундаментальной роли процессов забвения и пополнения, этот ученый представляет динамическую модель мира в виде вычислительного процесса и предлагает вместо геометрического образа определить времени как ресурсной системы [7, 8].

Но существует ли прошлое и будущее в реальности? Существуют ли некие физические (а не только ментальные, идеальные) связи, которые простираются в прошлое и будущее в некоей временной протяженности, имеющей субстанциональную (то есть неуничтожимую) природу?

Этот вопрос, пожалуй, самый трудный. Если в умственном постижении прошлого и будущего как некоторого состояния вещей мы не сомневаемся, то физическая реальность самого прошлого и будущего, вне зависимости от каких-либо вещей, вызывает возражение. Ведь никакими физическими приборами мы не можем зарегистрировать и измерить эту реальность, если она существует, а если и можем ее познать, то как некую умопостигаемую сущность.

Но если мы не можем установить физическую реальность прошлого и будущего, то, может быть, мы сможем установить реальность физических связей с прошлым и будущим? Этот вопрос почти не разработан в физике, хотя и имеет, как мы полагаем, веские философские основания и открывает возможность более глубокого проникновения в сущность явлений.

Таким образом, из представлений Парменида мы извлекаем следующий метафизический образ времени. Есть только одно истинное бытие – это вечное Единое. Оно не подвержено никаким воздействиям и изменениям, не зависит ни от чего, в том числе и от нашего сознания, то есть только оно одно обладает объективной реальностью. Но эта реальность недоступна никаким человеческим чувствам и физическим измерениям.

Однако человек благодаря своим умственным способностям может проникнуть в эту реальность в мистическом опыте или в интуитивном прозрении. В этом умственном постижении человек схватывает вечное как настоящее, но это умственно постигаемое настоящее не имеет никакой связи с прошлым и будущим. Эта связь возникает лишь в чувственном восприятии мира, как исчезновение и возникновение вещей.

Умственно постигаемое настоящее – это некий канал, посредством которого воспринимается образ вечности. Нельзя сказать даже, что это временной канал, посредством которого осуществляется синхронизация времени нашего мира и вечности, так как вечность нельзя характеризовать как одновременность или разновременность, а только как абсолютную единовременность.

Это настоящее, а тем более вечность, – еще не время. Поэтому о них нельзя сказать как о временных измерениях. Но все же о них можно говорить как о времениподобных измерениях, в том смысле, в котором высказывался Платон,

когда говорил о времени как некотором подобии вечности. Он пишет, что Бог «замыслил сотворить некое движущееся подобие вечности» и создал «для вечности, пребывающей в едином, вечный же образ, движущийся от числа к числу, который мы назвали временем» [9, с. 37].

Таким образом, вечность можно представить как некое времениподобное измерение, так как время – это «подобный образ вечности». Вернее было бы даже сказать не об измерении, а о некоем подобии измерения, так как в вечности нет никаких метрических связей и метрической протяженности. Это измерение можно понимать лишь в топологическом смысле: как топологически связанное множество моментов настоящего, которые не существуют отдельно, а только в нераздельном настоящем Единого.

Что касается времениподобного «канала», посредством которого вечность постигается умом как настоящее, то его можно представить в виде топологической «склейки» внутреннего нераздельного настоящего души и умственно постигаемого Единого. Таким образом, вечное Единое и умственно постигаемое настоящее можно определить как времениподобное, топологически связанное множество нераздельных моментов настоящего.

Такой же топологической структурой времениподобного Единого обладает, по всей видимости, и душа как некая целостная субстанция, поддерживающая и воспроизводящая в каждый момент изменчивого внешнего времени идентичность личности и самоидентичность сознания.

Таким образом, мы можем построить следующую метафизическую модель времени:

- 1) внутреннее настоящее души как некая субстанциональная основа самоидентификации личности;
- 2) внешнее вечное Единое как некое трансцендентное бытие;
- 3) времениподобный «канал», посредством которого осуществляется «склейка» внутреннего настоящего и трансцендентного вечного в умопостигаемом настоящем.

Такова в общих чертах метафизическая структура времени, которая остается инвариантной при любых внешних и внутренних изменениях. Таким образом, предельно абстрактным логическим и метафизическим инвариантом, неявно содержащемся в любом представлении времени, является именно настоящее, которое подобно вечности и посредством которого осуществляется связь души с трансцендентным Единым. В этой структуре, которую можно назвать первичной трансцендентальной схемой сознания, уже можно выделить триединство времени как единство внутреннего темпорального состояния души, трансцендентного вечного Единого и настоящего акта умопостижения трансцендентной реальности, благодаря которому возникает феномен актуальной реальности.

Возможно, что эта тройственность вечно пребывающего настоящего, умопостигаемого нами в виде некоего вертикального «среза» текущего настоя-

щего, является предпосылкой горизонтальной развертки этой тройственности в линейное единство прошлого, настоящего и будущего, также умопостигаемого. Здесь уже выражена диалектическая двойственность времени, которую наиболее ярко выразил Гераклит в образе вечно текущей и вечно пребывающей в своих берегах реки.

Таким образом, душа одной своей стороной обращена в трансцендентный умопостигаемый мир, а другой – во внешний чувственно воспринимаемый мир. В душе осуществляется связь трансцендентной вечности, внутреннего времени души и внешнего времени материального мира.

Парменида по праву называют основоположником статической концепции мира, которая имеет древние корни в мифологических представлениях о вне-временном бытии [10]. Возможно, что неразвитость временных представлений в древних культурах, так же как и в восприятии детей, которую отмечают многие исследователи, связана в какой-то степени с преобладанием мистического способа постижения реальности над внешним чувственным опытом, чего лишена наша рационалистическая цивилизация.

Вместо заключения: метафизика единства и гипотеза квантовой природы сознания

Нетрудно заметить, что выявленная нами метафизическая структура времени основана на своеобразном триединстве физического, субъективного и трансцендентного миров. Причем каждый из этих миров относительно автономен и не редуцируем друг к другу.

Это означает, что субъективное человеческое «я», или, если угодно, душа, имеет субстанциональную природу, отличную от материальной природы тела, подверженной физическому и биологическому детерминизму. Однако душа и тело не самодостаточны и нуждаются в трансцендентной силе, поддерживающей их существование.

Итак, первое, что мы признаем, – это субстанциональную природу нашего субъективного «я». Второе по отношению к нам, но первое по отношению к природе вещей – это то, что мы являемся в объективный мир как образ и подобие Абсолютного субъекта, или безначальной и единой субстанции. И третье, которое логически следует из первых двух, – это существование объективного мира.

Подразумеваемая нами метафизическая картина мира является, таким образом, предпосылкой метафизического образа времени в виде «вертикального среза» реальности. Такая структура принципиально отличается от структуры объективного физического времени, детерминированного причинно-следственной связью, но логически следует из анализа нашей интуиции и образного мышления, которые имеют нелинейный и спонтанный характер.

Следует отметить, что такая структура вертикальной связи имплицитно присутствует и в метафизической схеме Ньютона, на которой он основывал свою механистическую картину мира. Согласно этой схеме, все материальные процессы разыгрываются на сцене Абсолютного пространства и времени, а Бог, управляющий этими процессами, незримо присутствует за сценой, то есть вне пространства и времени. Пространство и время являются, таким образом, своего рода абсолютными вместилищами всех вещей и событий, но сами по себе они не зависят от материального мира.

В представлении И. Ньютона Абсолютное пространство и время – это сенсориум, или «чувствилище», Бога, посредством которого он воспринимает информацию о мире и обратно воздействует на него. То есть по сути Абсолютное пространство и время – это посредник между Богом и материальным миром, благодаря которому осуществляется обратная связь.

Таким образом, метафизическая парадигма Ньютона основана на трех сущностях, которые, впрочем, не равноценны, а иерархически упорядочены. Это – Бог, материальный мир, сотворенный Богом, и Абсолютное пространство и время, посредством которых Бог осуществляет обратную связь с миром и управляет им.

Эта связь, однако, отличается от причинно-следственной связи и происходит мгновенно. Таким образом, вмешательство Бога в мировое течение времени не предполагает какой-то длительности, а это и говорит в пользу того, что Ньютон неявно подразумевал такую вертикальную связь с высшей реальностью. Эта метафизическая схема является, пожалуй, наиболее общим архетипом религиозной картины мира и прообразом любой кибернетической и синергетической системы.

Дальнейшее развитие механики в духе Лапласа полностью устраняло Бога от участия в мировых процессах, а вместе с ним устраняло и саму возможность вертикального измерения времени, сводя темпоральную реальность к одномерному представлению, а время – к математическому числовому параметру, измеряемому часами.

Но уже в квантовой механике эта связь возрождается вновь в виде спонтанности и индетерминизма, природа которых необъяснима в рамках классической парадигмы. Возможно, что радикальное изменение представлений о структуре времени приблизит нас к пониманию темпорологической структуры мышления, квантовой механики и, особенно, природы нелокальных связей.

Ведь помимо внешней информации о вещах, данной нам в физических явлениях, в мозг поступает также некоторая внутренняя информация, воспринимаемая интуитивно. Природу этой информации, так же как и природу интуиции, мы не знаем, но единственный канал, обладающий подобными свойствами и который известен современной науке, лежит на квантовом уровне.

Многие ученые считают, что квантовый мир как раз и является тем связующим мостом между материей и сознанием [11].

То, что мы называем вертикальным срезом реальности, можно понимать и как метафору, и как математическое представление независимого временного измерения, которое выходит за пределы чисто физического мира, но вписывается в картину психофизического параллелизма. Это представление вполне согласуется с концепцией синхроничности К.-Г. Юнга и В. Паули, согласно которой смысловые связи между событиями выступают как дополнение к причинным связям [12].

Список использованных источников

1. Канке, В. А. *Формы времени* : учеб. / В. А. Канке. – Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. – 224 с.
2. Кант, И. *Критика чистого разума* / И. Кант. – СПб. : Тайм-аут, 1993. – 478 с.
3. *Советский энциклопедический словарь* / науч.-ред. совет: А. М. Прохоров (предс.) [и др.]. – 4-е изд. – М. : Сов. энцикл., 1988. – 1600 с.
4. *Философский энциклопедический словарь* / гл. редакция: Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
5. *Физический энциклопедический словарь* / гл. ред. А. М. Прохоров ; редкол.: Д. А. Алексеев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1984. – 945 с.
6. Молчанов, Ю. Б. *Четыре концепции времени в философии и физике* / Ю. Б. Молчанов. – М. : Наука, 1977. – 192 с.
7. Анисов, А. М. *Время и компьютер: негеометрический образ времени* / А. М. Анисов. – М. : Наука, 1991. – 152 с.
8. Анисов, А. М. *Время как вычислительный процесс* / А. М. Анисов // *Замысел Бога в теориях физики и космологии. Время.* – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – С. 53–71.
9. Платон. *Тимей* / Платон // *Сочинения* : в 3 т. / Платон. – М. : Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – С. 455–541.
10. Бестужев-Лада, И. В. *Развитие представлений о будущем: первые шаги (Презентализм первобытного мышления)* / И. В. Бестужев-Лада // *Сов. этнография.* – 1968. – № 5. – С. 123–133.
11. Менский, М. Б. *Интуиция и квантовый подход к теории сознания* / М. Б. Менский // *Вопросы философии.* – 2015. – № 4. – С. 48–57.
12. Юнг, К. Г. *Синхроничность: акаузальный объединяющий принцип* / К. Г. Юнг // *Синхроничность* / К. Г. Юнг. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 1997. – С. 195–307.

А. Л. Куиш

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ИНТЕРТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В работе анализируется проблема связей научных теорий. Исследуются сущность и свойства этих связей, проводится их типология, обозначается методология их исследования. Исследование интертеоретических связей проводится на основе представлений о структуре научной теории и области описываемой ею действительности.

Ключевые слова: *теоретическое знание, структура научной теории, область действительности теории (домен), отношение теорий, связь теорий (интертеоретическая связь), типы связей научных теорий, методология исследования интертеоретических связей.*

A. Kuish

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

INTER-THEORETICAL CONNECTIONS IN THE SYSTEM OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE

The problem of scientific theories connections is analyzed in the work. There are studied: the essence and properties of those connections, their typology, the methodology of their usage for investigations of relations of scientific theories. The research of inter-theoretical connections is done from the position of the structure of scientific theory and its domain.

Keywords: *theoretical knowledge, the structure of scientific theory, theory domain, theories relation, theories connection, typology of theories connections, the methodology of theories connections investigation.*

Проблемам сущности, роли и места теоретического знания в науке, структуры и функций научной теории в литературе по философии и методологии науки уделялось значительное внимание [1, 2, 4, 5, 9–16, 20, 23 и др.]. Однако этого нельзя в полной мере сказать о проблеме связей теорий науки. Вместе с тем каждая область научного знания представляет собой по сути систему связанных друг с другом элементов теоретического знания. Чтобы описать эту систему, недостаточно представить функционирующие в этой области теории, законы, закономерности, теоретические схемы, также важно отразить связи между этими элементами. Только в этом случае мы получим более системную и целостную картину действительности и наше знание станет точнее, яснее, глубже. Исследование связей теорий полезно и в методологическом плане. Его результаты могут быть применимы при анализе научного знания как системы и при изучении его структуры.

Цель данной работы заключается в том, чтобы с помощью представлений о теоретическом знании и научной теории, изложенных в работе [8], исследо-

вать сущность и свойства связей научных теорий. Попытаемся также на основе полученных результатов провести типологизацию межтеоретических связей с описанием их основных свойств. Для реализации этой цели будет предложена соответствующая методология.

Прежде всего изложим кратко суть наших представлений о теории и теоретическом знании. Говоря о *теоретическом знании*, мы будем иметь в виду всю совокупность теоретических представлений о реальности, включающую в себя использование таких форм абстрактного мышления, как идеи, понятия, идеализированные объекты, проблемы, суждения, принципы, умозаключения, гипотезы, модели, закономерности, законы, представления, описания и др. Это понятие обладает высшей степенью обобщения в системе научного знания. Теоретическое знание характеризуется преобладанием рационального аспекта познавательной деятельности над эмпирическим. При этом живое созерцание, чувственное познание здесь не устраняется, но как бы отходит на второй план, дополняя рациональное знание.

Теоретическое знание отражает объекты, явления и процессы со стороны их универсальных внутренних связей и закономерностей функционирования. Немалую роль при этом играет рациональная обработка данных эмпирического знания, которая осуществляется с помощью понятий, умозаключений, законов, принципов, посредством методологического аппарата, включающего соответствующие подходы, методы, приемы и способы исследования [16].

Теория является наиболее развитым элементом теоретического знания. Необходимость ее создания непосредственно связана с формированием, развитием, систематизацией и обобщением некоторой конкретной области научного знания. Цель ее создания хорошо сформулировал Г. И. Рузавин: «Основная цель построения теории состоит в том, чтобы свести в единую систему все знания, накопленные в определенной области исследования... Существенное отличие теории от других форм рационального мышления, таких как понятие, суждение, гипотеза и закон, заключается в том, что она дает связное, цельное представление об изучаемой области действительности» [14, с. 20].

Акцентируем внимание на некоторых аспектах теории, касающихся нашего рассмотрения. Теория, будучи системой абстрактных понятий и утверждений, представляет собой не непосредственное, а идеализированное отображение действительности. Понятия и утверждения теории, в строгом смысле слова, описывают не свойства и отношения реальных явлений или объектов, а особенности поведения некоторой *идеализированной схемы*. В процессе создания теории в ее основу закладывается определенная система представлений о реальности. Как правило, это идеализированные объекты, модели реальных систем, механизмы явлений и процессов.

Центральную роль в формировании теории играет *идеализированный объект* – теоретическая модель существенных связей реальности, представленных с помощью определенных гипотетических допущений и идеализа-

ций (например, в классической механике – система материальных точек, в молекулярно-кинетической теории – множество замкнутых в определенном объеме хаотически соударяющихся абсолютно упругих молекул и т. д.). Идеализированный объект содержит определенную программу исследования, которая реализуется в построении теории. Соотношения элементов идеализированного объекта – это теоретические законы, которые формулируются не непосредственно на основе опытных данных, а путем определенных мыслительных операций с идеализированным объектом.

Таким образом, теории современной науки создаются не просто путем индуктивного обобщения опыта (хотя такой путь не исключается), а за счет первоначального движения в поле ранее созданных идеализированных объектов, которые используются в качестве средств конструирования гипотетических моделей новой области исследований. «Именно теоретическое исследование, основанное на относительно самостоятельном оперировании идеализированными объектами, способно открывать новые предметные области до того, как они начинают осваиваться практикой. Теоретизация выступает своеобразным индикатором развитой науки» [16, с. 704].

В уже упомянутой работе [8] была предложена *структура теории*, которая включает в себя следующие элементы:

1. Философские установки и представления, социокультурные и ценностные факторы.
2. Методологические установки, подходы, принципы.
3. Эмпирические предпосылки теории: ее основные факты, данные и результаты их простейшей логико-математической обработки.
4. Систему понятий, говоря более широко, – язык теории.
5. Модели и механизмы описываемых реальных объектов и явлений.
6. Основные положения теории: принципы, аксиомы и постулаты.
7. Регулярности, закономерности, законы.
8. Логико-математический аппарат теории: система определенных правил, методов и способов доказательства, нацеленных на выяснение сущности, структуры, свойств изучаемых объектов, явлений и процессов.
9. Система законов и утверждений, выведенных в качестве следствий из основных положений теории.
10. Результаты применения аппарата теории к исследованию действительности.

Эмпирические теории, то есть теории, имеющие референты в реальности (а подавляющее число теорий являются именно такими), имеют собственные *области описываемой ими действительности* (называемые также *доменами*). Домен обладает целостностью, связностью, упорядоченностью элементов, имеет собственные границы, правда, не всегда четко очерченные. Развитая теория содержит в себе сведения о причинных, генетических, структурных и функциональных взаимодействиях реальности. Такая теория открыта для

описания, интерпретации и объяснения новых фактов, а также готова включить в себя дополнительные метатеоретические построения.

В работе [8] мы градуировали области действительности тех или иных теоретических описаний, выделяя их для идеализированных объектов, теоретических схем, теорий, предметных и дисциплинарных теоретических описаний. Такими областями действительности соответственно являются: локальные элементы действительности, локальные области действительности, домены теорий, предметные и дисциплинарные области действительности. Эти представления дают нам возможность рассматривать различные теоретические описания в связи с их референтами в реальном мире. Более того, анализируя связи теоретических описаний друг с другом, мы также можем анализировать и связи их областей действительности, что дает нам дополнительный источник знаний как о структуре теоретического знания, так и описываемой им реальности.

Таким образом, *теория – это форма научного знания, претендующая на достоверное отражение объектов, явлений, процессов определенной области действительности в некотором языке, представляющая собой развивающуюся систему взаимосвязанных утверждений и доказательств и содержащая объяснения и методы предсказания явлений данной предметной области.*

Основываясь на этих данных о теоретическом знании, о сущности, структуре научной теории и ее связи с областью описываемой действительности, обратимся к анализу межтеоретических связей. Область логики и методологии науки, занимающаяся этими проблемами, обычно называют *интертеоретическим анализом*, предмет исследования этой области – *интертеоретические отношения*.

Исследование связей теорий можно обнаружить в работах [14, 18, 19, 22, 24]. Обращались к этой проблеме и такие исследователи, как С. В. Илларионов, Е. К. Войшвилло и В. И. Купцов, в [1, 3, 6, 9, 16, 21] и др. Однако широких, системных, фундаментальных исследований этой области научного знания не проводилось.

В интертеоретическом анализе можно выделить два аспекта исследований: *онтологический* и *методологический*. Онтологический аспект исследований отражает сущность, структуру связей теорий, определяет их типологию, исследует как теоретические основания этих связей, так и их референты в реальном мире. С помощью этого аспекта мы получаем представление о том, как связаны друг с другом те или иные теории. Методологический аспект призван дать инструментарий исследования интертеоретических связей, позволяет изучить их различные свойства. В рамках этой методологии можно выделить следующие подходы: *философско-методологический, семантический, логический, формализационный, иерархический, асимптотический, интерпретационный, эмпирический, эксплицитационный, эстетический* и др.

Философско-методологический подход позволяет выявить сущность и структуру теории, ее связь с действительностью и с другими теориями, дать общее

представление о роли и месте теории в системе научно-теоретического знания, разработать методологию исследования как ее самой, так и ее взаимодействия с другими теоретическими объектами, изучать особенности ее функционирования, а также пути и способы развития.

Семантический анализ исследует теорию с позиций смысла и значения ее терминов и высказываний. При этом главное внимание обращается на то, как теории соотносятся в качестве лингвистических систем по смыслу и значению. Важнейшим при этом является анализ смысла понятий. При этом часто прибегают к поиску ключевых понятий и приему их расщепления по смыслам.

Логический анализ направлен на исследование логической структуры теории [3]. Оно проводится в отношении понятийного, логического, математического аппаратов теорий. Данный подход позволяет выявить и изучить связи теорий, особенно это касается редукции и корреспонденции.

Формализационный методологический подход позволяет исследовать теорию с позиций таких ее структурных элементов, как математические формализмы, с помощью которых производится описание и изучение тех или иных теоретизированных объектов, моделей, схем. При этом исследуются структура этих формализмов, способы их функционирования, особенности описания объектов реальности, связь этих формализмов друг с другом для различных теорий и т. п.

Иерархический подход позволяет анализировать теории с позиций их иерархических отношений. При этом определяются уровни иерархии, на которых находятся теории друг по отношению к другу в рамках того или иного типа связи. Существуют различные виды этих отношений. L. Tizsa, например, для установления порядка иерархии теорий использует понятие доминанты [24]. Так, по его мнению, сферическая геометрия является доминирующей системой по отношению к геометрии на плоскости, в то время как последняя выступает в качестве подчиненной. Переход от доминирующей системы к подчиненной характеризуется изменением определенных параметров системы (в данном случае радиуса сферы). Когда этот радиус стремится к бесконечности, тогда сфера приближается к плоскости. Преемственность между доминирующей и подчиненной теориями ученый видит в наличии определенных инвариантов.

Асимптотический анализ направлен на выявление асимптотических отношений теорий. Это тот случай, когда математический формализм одной теории при придании некоторому его параметру (параметрам) предельных значений переходит в математический формализм другой теории. Как правило, асимптотическая связь выявляется на границе соприкосновения доменов теорий.

Одним из исследовательских подходов является *интерпретационный*, согласно которому теории связаны посредством общих интерпретаций тех или иных феноменов или же составляют интерпретационную цепь, посредством которой такая интерпретация осуществляется. Примером таких теорий яв-

ляются классическая и квантовая механики. Поскольку в области квантовой механики ситуация напрямую не является наблюдаемой, то она должна прибегать к методам интерпретации квантовых явлений посредством механики классической, которая описывает объекты макромира, являющиеся наблюдаемыми для человека.

Интересным фактом, выявленным с помощью этого подхода, является то, что обоснование и проверка одних теорий нередко предполагает использование понятий и методов других теорий. Например, в геометрической оптике, в таких областях механики, как статика и кинематика, настолько активно используют геометрические и аналитические методы математики, что иногда эти области физики рассматривают в качестве области прикладной математики. Подобно этому при проверке и обосновании химических и биологических теорий, например в молекулярной биологии, очень часто обращаются к физическим теориям [14].

Эмпирический подход касается области, описываемой теорией действительности. При этом исследуются совокупность объектов, процессов и явлений, которые входят в эту область, ее размер, границы, связь с другими областями, адекватность ее описания теорией, референты теоретического описания в реальности, собственно представления о реальности, которые дает научная теория. На основе результатов этих исследований делаются выводы о структуре самих теорий и их связях.

Эксплицитационный аспект исследований позволяет соотносить результаты развития и применения теории к описанию реальности с фактологическим материалом, который нам дает экспериментальная наука. Можно сказать, что этот аспект исследует степень точности описания теорией реальности.

Эстетический подход достаточно экзотичен с точки зрения философии и методологии науки, тем не менее он часто используется учеными, в частности физиками, математиками, при создании и развитии теории. При этом вводятся такие понятия для характеристики теории, как красота, изящество, простота, полнота, непротиворечивость, завершенность [4, 17 и др.]. Можно сказать, что в данном случае оценивается степень совершенства теории.

Характеризуя методологию исследования теорий и межтеоретических связей, отметим, что она во многом определяется теоретическим знанием, на основе которого формируются парадигма, принципы, направления дальнейших исследований. Именно анализ этого знания дает представление о видах теоретических объектов, их роли и месте в структуре теоретического знания, связях между ними. Анализируя структуру теоретического знания, мы выявляем те или иные отношения теорий и определяем дальнейший путь исследования этих отношений. Важное значение для интертеоретического анализа играет взаиморасположение доменов теорий и их связь. Взаиморасположение доменов помогает определить тип отношения теорий. Дальнейший анализ связей теорий осуществляется с помощью представлений о структуре теории.

На этом этапе мы имеем возможность определить, уточнить, конкретизировать наши знания о межтеоретической связи, проследить связи теорий через связи конкретных элементов их структур.

Таким образом, методологию исследования межтеоретической связи можно представить в виде следующих этапов:

- 1) анализ места, роли и функций теорий в структуре теоретического знания;
- 2) анализ самой теории, ее структуры, логико-математического аппарата, области описания;
- 3) сопоставление доменов теорий;
- 4) анализ связей теорий посредством элементов их структур.

Нашей дальнейшей задачей в рамках этой работы будет выявление и типологизация связей теорий науки, общее описание их свойств. Однако прежде определимся с ключевыми для этой области исследований понятиями *отношения* и *связи теорий*. Это сложные для определения термины и точно их сформулировать довольно проблематично, поэтому попробуем изложить лишь представление о них. Понятие *отношения между теориями* является более общим, нежели понятие связи. Оно отражает наличие или отсутствие какого-либо взаимодействия теорий по отношению друг к другу, а также определяет способ этого взаимодействия. Это означает, что теории могут и не находиться в состоянии взаимодействия, но тем не менее отношение между ними будет определено (например, взаимодействия между квантовой механикой и акустика или квантовой хромодинамикой и теория Максвелла нет, но отношение между ними может быть определено как отношение несопоставимости (несоизмеримости)).

Понятие же *связи теорий* более конкретно, содержательно, весомо и является отражением наличия между теориями кроме определенного отношения еще и определенного рода взаимодействия, которое может характеризоваться, к примеру, корреляцией, экстраполяцией, асимптотической согласованностью, взаимопроникновением, наличием общих структурных элементов (например, связь соответствия, редукции, эквивалентности и др.). Вместе с тем у обоих понятий есть и общий смысл, заключающийся в сопоставлении, сравнении теорий, определении их статуса по отношению друг к другу.

Характеризуя отношения теорий, следует начать с отношения иерархии, поскольку представления о нем являются одним из исходных элементов нашего анализа. Можно давать разные интерпретации этому понятию в зависимости от того, какой критерий мы будем выбирать в качестве основного для определения данного отношения. В нашем случае в качестве такого критерия будем определять более глубокий уровень природы, который анализируемая теория описывает по отношению к теории рассматриваемой. Более глубокий уровень природы может характеризоваться меньшими расстояниями, размерами объектов, массами, более высокими энергиями. В теоретическом плане это связано с более широкими обобщениями, находящими, как правило, свое

выражение в математических формализмах теорий. Понятие более глубокого уровня природы связано с понятием фундаментальности. Чем более глубокий уровень природы теория описывает и чем шире охват ею описываемых процессов, объектов, явлений, тем она фундаментальнее. На основе этих представлений сформировалось понятие «фундаментальная физика», хотя и стоит признать его некоторую неоднозначность. Следует отметить, что отношение иерархичности теорий касается только тех из них, которые относятся к одной и той же предметной области.

Определим и опишем типы связей научных теорий, которые являются одноименным отражением их отношений. Одним из наиболее простых таких типов является *изоморфизм*. Смысл этого отношения заключается в том, что если первоначальным понятиям и исходным утверждениям теории однозначно соответствуют такие же понятия и утверждения другой теории и наоборот, то такие теории будут изоморфны. Анализируя связь этих теорий с позиций соотношения их доменов, следует отметить, что это теории одного и того же иерархического уровня, имеющие одну и ту же область описываемой действительности. Данные теории, как правило, имеют разные, но эквивалентные математические аппараты. К таким теориям в физике можно отнести волновую и матричную версии квантовой механики, разные формулировки классической механики (Гамильтона, Мюпертьюи, Лагранжа).

Далее следует выделить связь *редукции*, где имеет место сведение одних теорий к другим. При этом, как правило, речь идет об общих и частных теориях, описывающих некоторую общую для них область действительности (или пересекающуюся из двух областей). Для эмпирических теорий одним из важных примеров такой связи является включение одной теории в другую (формальная редукция), при этом базис одной теории составляет подмножество другой. Новая теория при этом получается путем расширения базиса старой теории. Что касается соотношения доменов теорий, то это теории разного иерархического уровня, области действительности которых пересекаются или вложены одна в другую и принадлежат к одной и той же предметной области.

Редукционизм был очень популярен в XVIII – первой половине XIX в. Тогда принципы классической механики позволили провести успешное описание разнообразных явлений, происходящих в твердых, газообразных и жидких телах, успешное использование механистических моделей в акустике, гидродинамике, в теориях теплоты и, отчасти, электричества и магнетизма. Многим ученым казалось, что вся наука может быть выстроена в единую стройную логическую и иерархическую систему, в основе которой лежит некая единая теория. Однако реальность оказалась сложнее, а область применения редукционизма – значительно уже. Дело здесь в том, что способность классической механики участвовать в описании различных физических явлений основывается на том, что в доменах указанных теорий присутствуют тела и частицы, движение которых подчиняется законам механики. Именно отсюда проистекает столь высокая эффективность классической механики в опи-

сании различных физических явлений, но эта способность еще не является способностью к редукционизму.

Строгое понимание редукции предполагает логический вывод одной теории из другой или некоторого закона из более общего закона или теории. Наряду с дедуктивными схемами нередко используются и индуктивные модели. Хорошим примером редукции является вывод законов Бойля–Мариотта, Шарля–Гей-Люссака из молекулярно-кинетической теории. Точно так же мы можем привести много примеров редукции из области механики (скажем, редукция в область теории колебаний, движения небесных тел, классической физики твердого тела и др.), электродинамики (законы Ампера, Ома, правила Кирхгофа и др.). Многие законы, установленные в этих областях знания задолго до создания общих теорий, можно вывести как следствие из положений этих теорий. При этом различают редукцию первого рода, когда она происходит в одной и той же области физической действительности, скажем, в механике, и редукцию второго рода, когда мы имеем дело с переходом из одной области описываемой действительности в другую, в случае, например, с механикой и термодинамикой, когда с помощью механистических представлений о природе (в данном случае о движении атомов и молекул) мы объясняем различные термодинамические процессы.

В качестве отдельного типа связи теорий Г. И. Рузавин выделяет асимптотическую связь как связь теорий на пограничной, общей для обеих теорий, области действия [14]. Он ссылается здесь на исследования принципа соответствия, описывает эту связь в традициях классической интерпретации данного принципа. Полагаем, что не следует отрицать наличие и такой связи как частного случая, однако мы склонны считать, что асимптотическая связь является одним из элементов *связи соответствия*, поэтому на уровне общей типологизации связей теорий ее упоминать не будем. Что же касается связи соответствия, то мы ее будем рассматривать в качестве одного из основных типов связи теорий в науке. В этом случае теории выступают как самостоятельные элементы теоретического знания разного иерархического уровня, имеющие различные собственные, но стыкующиеся домены, которые в свою очередь принадлежат к одной и той же предметной области. В соответствии со структурой теорий между ними устанавливается асимптотическое соответствие, их языки, математические аппараты, модели и механизмы описания физических объектов и явлений обладают свойством корреспонденции [7].

Важным типом связи в системе теоретического знания является связь *унификации*. Эта связь позволяет объединить на некоторой более общей, фундаментальной основе две или несколько научных теорий. При этом дается их более глубокое, обобщенное описание, создается общий теоретический базис. С точки зрения соотношения их доменов это теории одного иерархического уровня, имеющие непересекающиеся и не стыкующиеся домены и принадлежащие к общему для них предмету. К таким теориям относятся, например, классическая механика по отношению к термодинамике, геометрической оп-

тике, акустике и др.; электродинамика по отношению к теориям электричества и магнетизма; теория Вайнберга–Салама по отношению к теории слабого взаимодействия и квантовой электродинамике. Связи унификации присущи свои особые свойства, изучив их, мы сможем провести анализ теоретического знания в области физики на предмет выявления связей унификации теорий и составить их описания.

Следует также отметить такой случай отношения теорий, как *отношение несопоставимости*. Этот тип отношения не имеет референции к понятию связи теорий. Он указывает на то, что теории не имеют между собой, говоря простым языком, ничего общего. Их домены различны, не имеют общих границ и принадлежат к различным предметам. Их математические аппараты не редуцируют, не корреспондируют, в понятийных аппаратах базовые понятия описывают разные физические явления и т. п. Этот тип отношений теорий также является весьма распространенным и принадлежит к одному из основных.

По аналогии с основными типами отношений теорий можно рассматривать *логические, математические, языковые, доменные аспекты отношений теорий*. Все они также отражают те или иные аспекты связей теорий, которые (связи) по сути своей имеют комплексный характер.

В данной работе мы представили типологизацию и описание основных связей научных теорий. Более углубленное изучение этих связей предполагает использование специальной методологии, включающей выявление структурных элементов теорий, определение взаиморасположения их доменов, исследование связей их логико-математических и языковых аппаратов и т. п.

Говоря о структуре теории как на сегодняшний день основном объекте, который может быть эффективно использован для изучения связей теорий, следует отметить, что такие элементы структуры теорий, как понятийные, математические и логические аппараты, модели и механизмы физических явлений, содержат в себе значительный исследовательский потенциал для изучения интертеоретических связей, поскольку с их помощью и на их основе создаются разные интерпретационные версии редуцируемых, корреспондируемых, унификационных теорий. Это связано с широкими возможностями интерпретаций понятийного аппарата теорий, гибкостью математических аппаратов, достаточной универсальностью моделей и механизмов описываемых объектов, явлений и процессов.

Такую типологию отношений и связей научных теорий можно представить на сегодняшний день. Она требует дальнейшего исследования, выявления более глубоких оснований этих связей, более точного определения их свойств, детализации их особенностей. Эти исследования предполагают методологию выявления, анализа и описания каждой конкретной связи теорий. Результатом таких исследований будет создание более системной, связанной, целостной картины теоретического описания реальности, в которой представлено знание не только о самих областях действительности, но и об отношениях и связях между ними.

Список использованных источников

1. Баженов, Л. Б. Строение и функции естественнонаучной теории / Л. Б. Баженов. – М. : Наука, 1978. – 233 с.
2. Бурбаки, Н. Архитектура математики / Н. Бурбаки. – М. : Знание, 1973. – 32 с.
3. Войшвилло, Е. К. К вопросу о соотношении теорий / Е. К. Войшвилло, В. И. Купцов // Философские проблемы теории относительности : материалы симпозиума, 2–3 дек. 1968 г. / общ. ред. Л. Я. Станис. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1968. – 116 с.
4. Гейзенберг, В. Шаги за горизонт : пер. с нем. / В. Гейзенберг ; сост. А. В. Ахутин ; общ. ред. и вступ. ст. Н. Ф. Овчинникова. – М. : Прогресс, 1987. – 366 с.
5. Дюгем, П. Физическая теория: ее цель и строение : пер. с фр. / П. Дюгем ; предисл. Э. Маха. – 2-е изд. – М. : Комкнига, 2007. – 328 с.
6. Кедров, Б. М. Принцип соответствия / Б. М. Кедров, Н. Ф. Овчинников. – М. : Наука, 1979. – 318 с.
7. Куиш, А. Л. Принцип соответствия: история и современные интерпретации / А. Л. Куиш // Научные труды РИВШ. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2009. – Вып. 7 (12). – С. 311–317.
8. Куиш, А. Л. Научная теория в свете интертеоретических связей / А. Л. Куиш // Философские исследования. – 2015. – № 2. – С. 260–273.
9. Ляпунов, А. А. О некоторых особенностях строения современного теоретического знания / А. А. Ляпунов // Вопросы философии. – 1966. – № 5. – С. 39–42.
10. Мамчур, Е. А. Проблема соизмеримости теорий / Е. А. Мамчур // Физическая теория. – М. : Наука, 1980. – С. 114–135.
11. Мостепаненко, М. В. Философия и физическая теория / М. В. Мостепаненко. – Л. : Наука, 1969. – 239 с.
12. Поппер, К. Логика и рост научного знания / К. Поппер ; под ред. А. А. Антонова. – М. : Прогресс, 2003. – 292 с.
13. Ракитов, А. И. Логическая структура научной теории / А. И. Ракитов // Вопросы философии. – 1966. – № 1. – С. 24–32.
14. Рузавин, Г. И. Научная теория: логико-методологический анализ / Г. И. Рузавин. – М. : Мысль, 1978. – 244 с.
15. Стёпин, В. С. Становление научной теории (Содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики) / В. С. Стёпин. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – 319 с.
16. Стёпин, В. С. Теоретическое знание / В. С. Стёпин. – М. : Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
17. Эйнштейн, А. Физика и реальность / А. Эйнштейн. – М. : Наука, 2000. – 359 с.
18. Bunge, M. Problems concerning inter-theory relations / M. Bunge // Weingartner, P. Induction, Physics, and Ethics / P. Weingartner, G. Zecha. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1970. – P. 287–325.
19. Krajewski, Wl. Correspondence Principle and Growth of Science / Wl. Krajewski. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1977. – 138 p.
20. Hempel, C. G. The Theoretician's Dilemma: A Study in the Logic of Theory Construction / C. G. Hempel // Minnesota Studies in the Philosophy of Science. – 1958. – N 2. – P. 173–226.
21. Shapere, S. Scientific Theories and their Domains / S. Shapere // The Structure of Scientific Theories / ed. F. Suppe. – Urbana : Univ. of Illinois Press, 1977. – P. 518–565.
22. Straus, M. Modern Physics and its Philosophy / M. Straus. – Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1972. – 552 p.
23. Suppe, F. The search for Philosophic Understanding of Scientific Theories / F. Suppe // The Structure of Scientific Theories / ed. F. Suppe. – Urbana : Univ. of Illinois Press, 1977. – P. 3–243.
24. Tisza, L. The Conceptual Structure of Physics / L. Tisza // Rev. of Modern Physics. – 1963. – N 35. – P. 151–185.

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК (608.1+614.253):(571+572+575)

Поступила в редакцию 12.11.2015
Received 12.11.2015

В. К. Савченко

Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь

ЭТИЧЕСКИЕ РИСКИ ГЕНОМНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Геномные технологии открывают новые возможности для лечения различных болезней человека, а также перспективы для успешного развития персональной и регенеративной медицины. Практическое применение находят тестирование и терапия генома человека, возникают предложения по его улучшению, что потенциально способно вызвать генетическое неравенство людей. С целью предупреждения этических рисков, связанных с использованием геномных технологий, а также правового регулирования их практического применения был принят ряд международных деклараций. Эти документы послужили ориентиром для разработки различными государствами механизмов социально-правового регулирования такой деятельности на национальном уровне.

Ключевые слова: биоэтика, геном человека, геномные технологии, тестирование генома, терапия генома, биобезопасность, директивы Европейского союза, декларации ЮНЕСКО, этические риски, социально-правовое регулирование.

U. K. Sauchanka

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus

ETHICAL RISKS OF GENOMIC TECHNOLOGIES AND THEIR SOCIAL AND LEGAL REGULATION

Genomic technologies offer new opportunities for the treatment of various human diseases, as well as the prospects for the successful development of personal and regenerative medicine. Practical application of technologies for testing and therapy of the human genome is developing and there are suggestions for genome improvement that could potentially cause genetic inequality of people. In order to prevent ethical risks associated with the uncontrolled use of genomic technologies were adopted a number of international declarations for the purpose of regulation their practical application. These documents served as a guide for the development by the various states of socio-legal mechanisms for regulation such activities at national level.

Keywords: bioethics, human genome, genomic technologies, genome testing, genome therapy, biosecurity, the European Union directive, the UNESCO declaration, ethical risks, social and legal regulation.

Новые возможности и этические риски

Международный проект «Геном человека» завершился секвенированием, или прочтением, последовательности нуклеотидов геномной ДНК человека длиной 3,2 млрд пар. Сначала казалось, что полученные знания помогут окончательно понять генетическую природу и механизмы функционирования тела человека с тем, чтобы избавить его прежде всего от наследственных болезней. Эта цель объединила усилия исследователей разных дисциплин на совместную работу и привела к ускоренному развитию геномики человека как новой научной области. В результате была разработана технология фрагментирования генома и последующего секвенирования последовательностей нуклеотидов геномной ДНК, создания автоматизированных лабораторных установок и компьютерных программ для анализа этих последовательностей с целью выявления структуры функциональных генов.

Первый сюрприз был связан с тем, что вместо ожидаемых 100 тыс. генов в геноме человека выявили всего около 20,5 тыс. таких структурных последовательностей ДНК в качестве аннотированных генов, причем почти половина из них имеют пока не известную функцию. Геном человека насыщен дубликациями последовательностей ДНК, а около 7 % его белковых семейств специфичны для млекопитающих. Эта работа напоминала технологию извлечения из руды нужного человеку продукта, причем оказалось, что в кодировании структурных генов принимает участие лишь около 1,5 % последовательностей геномной ДНК. Выяснилось, что вместо получения окончательных ответов на более низком молекулярном уровне организации генома теперь возникло много новых, более сложных вопросов о системном характере функционирования жизни в ходе ее взаимодействия с биотической и абиотической окружающей средой. Эти вызовы дают мощный импульс для исследования явлений жизни на междисциплинарной основе в рамках системной биологии. Появился ряд новых постгеномных проектов, таких как «1000 геномов», «Протеома человека», «Цитома человека», «Микробиома человека», «Вариома человека», «Коннектом человека», Геногеографический проект, «Мозг человека», «Геном неандертальца», «Геном шимпанзе» и др. Новые знания, полученные в ходе реализации указанных проектов, позволят в дальнейшем развивать и модернизировать медицину, образование и воспитание подрастающего поколения на обновленной научной основе с использованием возможностей геномных технологий в клинической практике [1–3].

Важным результатом расшифровки генома человека стала организация службы тестирования генома пациентов на протяжении жизненного цикла – от зачатия до его завершения. Список предлагаемых тестов возрастает ускоренными темпами и в настоящее время уже превышает 2500 наименований, что позволяет диагностировать наследственные болезни задол-

го до их фенотипического проявления и в соответствии с этим корректировать стиль жизни пациентов. Успешно разрабатываются технологии терапии наследственных заболеваний, включая и такие опасные заболевания, как рак, сердечно-сосудистые и иммунные болезни. Совершенно новые возможности связаны с разработкой методов репрограммирования генома клеток и тканей человека для их регенерации и восстановления нарушенной функции. Это достижение позволяет избежать иммунной реакции отторжения чужеродных тканей, которая обычно наблюдается при трансплантации с целью замены поврежденных органов. Наступает эпоха персональной медицины на основе данных тестирования индивидуальных геномов и использования полученных результатов как в клинической практике, так и для социальных нужд. Например, для выявления родственных связей, решения проблем спорного отцовства, поиска биологических родителей для покинутых детей, выявления преступников на основе биологических образцов, покинутых на месте преступления, идентификации личности жертв преступлений, стихийных бедствий и военных конфликтов, исследования генеологических связей и этнического происхождения людей.

Результаты расшифровки генома человека и изучения его молекулярно-биологической вариомы позволяют по-новому подойти к целенаправленному поиску эффективных лекарств нового поколения, которые создаются не на основе купирования зачастую расплывчатых симптомов болезни, а на основе тестирования генома пациента и точной адресации действия лечебных препаратов для восстановления нарушенной биологической нормы. Данные о расшифрованных геномах болезнетворных патогенов в сочетании с данными о структуре и функции генома человека позволяют наметить эффективные пути борьбы с появлением новых болезней и борьбы с периодически возникающими эпидемиями уже известных болезней. В последнее время расширяются исследования в области эволюционной медицины, а также происхождения и эволюции генома человека и близких нам видов приматов с целью лучше понять особенности нашего эволюционного пути.

Такое понимание необходимо для прогнозирования нашего возможного дальнейшего эволюционного развития. С этим связаны возникающие после завершения секвенирования генома человека этические риски, которые требуют внимательного анализа.

В 1990 г. в рамках Международного проекта «Геном человека» была основана Программа по этическим, легальным и социальным проблемам использования нового знания и для финансирования исследований в этом направлении было выделено 5 % от общего бюджета. Эта Программа сосредоточила внимание на исследовании социальных последствий для людей возможного использования индивидуальной генетической информации работодателями и страховыми компаниями. Если такая информация будет находиться в открытом доступе, то может возникнуть дискриминация людей при приеме на ра-

боту и при заключении договоров о медицинском страховании или страховании жизни. Это побудило американских законодателей принять в 1996 г. Акт об охране информации и ответственности при страховании здоровья (*Health Insurance Portability and Accountability Act – HIPAA*), который защищает население от не согласованного с пациентом использования индивидуальной информации о состоянии его здоровья каким-либо посторонним пользователем, не относящимся к системе здравоохранения. Этот закон запрещает отказ от приема на работу или заключения страхового договора на основе любой информации о состоянии здоровья индивида, включая его генетические данные. В дальнейшем в связи с предложением платных услуг по тестированию генома, исходящим как от медицинских, так и немедицинских учреждений, положения закона о конфиденциальном характере полученной таким образом генетической информации всегда принимаются во внимание при заключении договоров.

Серьезные возражения этического характера вызывают появившиеся новые биотехнологии, позволяющие клонировать человека, использовать суррогатное материнство для вынашивания плода, искусственного включения последовательностей ДНК для усиления телесных и ментальных признаков с целью добиться биологических преимуществ на основе сознательной модификации генома на платной основе. Геномные технологии открывают новые возможности для усиления генетического неравенства людей в области познавательной деятельности, художественного творчества, спорта, бизнеса и других направлениях человеческой деятельности. Появились сторонники искусственного ускорения эволюционного процесса в популяции человека, создания детей по специальному «дизайну» на основе заказа будущих родителей.

Предложения по нетерапевтическому вмешательству в геном человека вызывают неприятие научного сообщества по этическим соображениям – как противоречащие достоинству личности и способные принести в дальнейшем непредвиденные социальные последствия в виде искусственного увеличения генетического неравенства людей. Это побудило международные организации выступить с возражениями против приватизации информации о геноме человека, необоснованного вмешательства в геном здоровых людей, включая попытки клонирования человека и конструирования усовершенствованного варианта его генома. Такое развитие привело к этическим дискуссиям на международном уровне, завершившимся принятием согласованных деклараций международных организаций и последующей трансляцией их основных положений в национальное законодательство отдельных стран с целью государственного регулирования исследовательской деятельности и практического использования ее результатов для охраны здоровья населения и совершенствования существующей медицинской практики.

Международное регулирование

Еще в 1991 г. была принята Инуямская декларация на конференции «Генетика, этика и человеческие ценности», которую организовал Совет международных организаций медицинских наук [4]. Многие положения Декларации касались использования технологий терапии генома. В разделах 1–8 этого документа подчеркивалось, что такая деятельность должна соответствовать этическим стандартам проведения медицинских исследований, а полученная научная информация – использоваться с осторожностью. Терапию генома пациентов следует осуществлять только при обнаружении наследственного заболевания, и она не должна касаться эстетических, поведенческих, когнитивных признаков у здоровых людей. Терапия генов в клетках зародышевых линий должна быть позволена лишь тогда, когда все возможные риски будут устранены.

Эта позиция была позже подтверждена в Декларации, принятой в Валенсии 2-м рабочим совещанием по кооперации, проведенным в рамках выполнения Международного проекта «Геном человека». Валенсийская декларация подтвердила допустимость терапии генов в соматических клетках человека при наличии наследственных заболеваний, но указала на нежелательность попыток вмешательства в геном зародышевых линий в связи с технологической сложностью такого вмешательства и его этической неприемлемостью, поскольку оно может затрагивать интересы будущих поколений [5].

Совет Европы, основанный в 1949 г. для усиления кооперации стран-участниц в области политики, законодательства и культуры, начал работу по подготовке Конвенции по биоэтике еще в 1991 г. После периода обсуждений и согласований в рамках Парламентской ассамблеи Европейская конвенция по правам человека и биомедицине была принята Комитетом министров Совета Европы в 1996 г. [6]. В этой Конвенции рассмотрены противоречивые этические проблемы биомедицины с учетом прав человека. Поэтому ее модель и текст часто напоминают Конвенцию по охране прав человека и фундаментальных свобод, принятую в 1950 г. Основанием для подготовки и принятия Конвенции по биоэтике явился быстрый прогресс биомедицины, что обусловило отставание законодательства стран от развития новых биотехнологий. Такие прорехи в законодательстве позволяли проводить исследования в обход ограничений и этических рисков, которые возникали при этом. В основу документа были положены принципы автономии и самоопределения, что требовало получения информированного согласия пациентов. Это способствует сохранению конфиденциальности медико-генетического профиля индивида и защищает его от возможных нежелательных социальных последствий в случае утечки и разглашения генетической информации.

Специальный раздел Конвенции по биоэтике отведен проблемам генома человека. О конфиденциальности генетической информации индивида в до-

кументе говорится несколько расплывчато. В отношении генетического скрининга отмечается, что процедуру тестирования следует осуществлять лишь в медицинских целях для диагностики наследственных заболеваний или выявления склонности к ним, а также в ходе научных исследований этих явлений, и она должна сопровождаться генетическим консультированием пациентов. В тексте содержится четкий запрет на любую дискриминацию личности на основании результатов генетического анализа при приеме на работу и при заключении страхового соглашения. Генетическое тестирование на рабочем месте можно допускать лишь в том случае, если работник получает от этого пользу для своего здоровья. Следует запрещать попытки генетического тестирования на рабочем месте с целью выявления лиц, имеющих предрасположенность к определенным профессиональным заболеваниям. Аналогично считается неприемлемым проведение или использование данных генетического тестирования для оценки рисков при заключении договоров страхования здоровья. В тексте документа содержится общий запрет на дискриминацию личности на основе широкого понятия «наследственные особенности». Сюда следует включать дифференциацию страховых рисков, связанную с половыми различиями. Известно, что продолжительность жизни мужчин и женщин различна, и многие страховые компании устанавливают разный размер взносов для разных полов. Однако пол индивида является его очевидной генетической особенностью, основанной на случайном комбинировании пары хромосом в процессе формирования зародыша, и является наследственной особенностью личности.

Большое внимание регулированию этических, законодательных и социальных проблем, связанных с геномными технологиями, уделяет Европейский союз (ЕС), который выработал для стран-участниц множество директив прямого действия. Наиболее значительные директивы касаются ограничения использования и осторожного введения в аграрный сектор и на продовольственный рынок генетически модифицированных организмов (ГМО). Эти рекомендации могут непосредственно использоваться странами-участницами ЕС или подвергаться адаптации в рамках национального законодательства. К числу таких директив принадлежат директивы о предотвращении ущерба здоровью и окружающей среде в результате использования или случайного выпуска ГМО в природные экосистемы, а также получения разрешения на маркетинг и обязательную маркировку продовольственных продуктов, содержащих ГМО [7–9].

Первая директива направлена на предотвращение вреда окружающей среде при возможном случайном выпуске ГМО путем гармонизации законодательства стран-участниц, которое должно связать пути использования ГМО с необходимостью охраны здоровья населения и окружающей среды. Этот документ обязывает страны принять все необходимые меры с целью избежать нежелательных воздействий ГМО на здоровье людей и окружающую среду. В целях гарантирования биобезопасности директива обязывает страны сооб-

щать о принятых мерах, включая разработку инструкций по безопасному практическому использованию генетически модифицированных организмов. В заключительной части содержится просьба к странам каждый год сообщать Европейской комиссии обо всех случаях ограниченного использования ГМО.

Целью второй директивы явилось сближение законодательств стран-участниц, процедур регулирования и административных мер для защиты здоровья населения и охраны окружающей среды в случае преднамеренного выпуска ГМО в агроэкосистемы, а также поставки на рынок продуктов на основе ГМО или содержащих такие компоненты. Директива содержит 23 детально составленные статьи, которые предписывают обязательные меры биобезопасности для исследователей, которые планируют создание ГМО и их последующий выпуск в окружающую среду. В документе, однако, не содержится указаний на то, касаются ли предписываемые меры биобезопасности лиц, которые в той или иной форме воспользовались услугами геномных технологий для терапии соматических клеток в случае наследственных болезней или раковых заболеваний, а также в случае искусственного экстракорпорального оплодотворения.

В третьей директиве приводится прямое указание на то, что положения директивы ЕС 90/220 о преднамеренном выпуске ГМО в окружающую среду не должны касаться медицинских препаратов, содержащих продукты генетически модифицированных организмов, для использования человеком. В 1993 г. Европейская комиссия учредила Европейское агентство для оценки медицинских продуктов с целью стандартизации процедуры выпуска на рынок медицинских препаратов и выдачи разрешений. Директива определила, что для выпуска в среду обитания ГМО или на рынок продуктов, имеющих в своем составе ГМО или их компоненты, необходимо представить техническое досье, содержащее письменное согласие от компетентного органа на выпуск, оценку экологического риска, а также результаты научных исследований, проведенных в целях развития. Европейское агентство обязано провести консультации с учреждением по биобезопасности страны-участницы и подготовить руководство по использованию ГМО в сотрудничестве с другими заинтересованными сторонами. В целях обеспечения безопасности лекарств любые негативные реакции на любой медицинский продукт должны быть представлены в агентство.

Следует отметить, что Европейский парламент еще 1989 г. принял Резолюцию по этическим и законодательным проблемам генетической инженерии, в которой отражена практика применения генетического скрининга и терапии генома. Совет Европейской комиссии одобрил в 1994 г. специальную программу по биомедицине и здравоохранению, в которой рассмотрен прогресс исследований генома человека и подтверждена недопустимость терапии генома в зародышевых клетках человека при нынешнем уровне наших знаний.

Декларации ЮНЕСКО

Важный вклад в разработку международных базовых документов, регулирующих этические и правовые аспекты развития и использования геномных и биомедицинских технологий с учетом прав человека и ответственности перед будущими поколениями, внесла ЮНЕСКО. Ее декларации были одобрены Генеральными конференциями ЮНЕСКО и служат международными ориентирами для стран-участниц в качестве эталонных моделей для трансляции и последующей адаптации в национальное законодательство. Четыре декларации, кратко рассмотренные далее в этой статье, на системной основе взвешенно проанализировали весь комплекс проблем, возникших в связи с быстрым развитием геномных и репродуктивных биотехнологий и их практическим использованием для целей медицины и охраны окружающей среды. Тексты деклараций полезны для тех, кто участвует в законодательной и международной деятельности, а также для регулирования исследований в области естественных и гуманитарных наук, образования и информации общественности [10–13].

Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (1997 г.) содержит 25 статей. В первом разделе «Человеческое достоинство и геном человека» подчеркивается, что геном является общим достоянием человечества, знаменует изначальную общность людей, является основой их достоинства, разнообразия и уникальности, в естественном состоянии он не может служить объектом для извлечения доходов. Становление личности зависит от совместного влияния генетических особенностей, природной и социальной среды. В разделе «Права отдельных лиц» отмечается, что исследование, диагностику и терапию генома человека можно проводить только при условии соблюдения всех мер безопасности, полного информирования о пользе и возникающих рисках и после получения свободного и ясно выраженного согласия пациента. Должно неукоснительно соблюдаться право каждого человека знать или не знать результаты проведенного генетического анализа. Если в результате исследования не ожидается улучшения здоровья, то оно должно проводиться в исключительных случаях, избегая рисков для здоровья, и если такое исследование может принести пользу другим людям с аналогичным заболеванием. Генетические данные не могут служить основанием для любой дискриминации человека, а сами данные должны храниться с полным соблюдением их конфиденциальности.

В разделе «Исследования генома человека» отмечается, что никакие исследования не могут превалировать над правами человека и его достоинством, не допускается клонирование человека, как противоречащее его достоинству, рекомендуется уважать свободу исследований генома человека, целью которых является уменьшение страданий людей и сохранение их здоровья, и обеспечивать всеобщий доступ к их результатам. В разделе «Условия осуществления научной деятельности» указывается на ответственность исследова-

дователей как при проведении опытов, так и представлении их результатов с учетом этических и социальных последствий. Государствам следует создавать благоприятные условия для проведения исследований генома человека, а их результаты использовать только в мирных целях, содействовать созданию междисциплинарных и плюралистических этических комитетов для оценки этических, правовых и социальных проблем, встающих при проведении таких исследований и использовании их результатов.

Государствам в разделе «Солидарность и международное сотрудничество» рекомендуется проявлять солидарность с отдельными лицами, семьями и группами населения, предрасположенными к наследственным заболеваниям или страдающим от них, укреплять международное сотрудничество в области исследований генома, изучения генетического разнообразия людей, улучшения образования и распространения информации о полученных результатах. В рамках международного сотрудничества с развивающимися странами предлагается расширять и укреплять международные научные связи и оказывать им помощь в организации исследований и использовании их результатов для улучшения здоровья населения и предотвращения возможных злоупотреблений, поощрять обмен научной информацией и содействовать росту их научного потенциала.

В разделе «Содействие провозглашенным принципам декларации» страны призываются к содействию по осуществлению указанных принципов путем повышения уровня научных исследований, подготовки кадров, улучшения образования различных слоев населения в области биотехники с целью способствовать осознанию обществом характера возникающих проблем и содействия их решению. Следует оказывать поддержку международным дискуссиям для свободного обсуждения различных мнений социально-культурного, религиозного и философского характера. В разделе «Осуществление декларации» страны призываются всеми способами способствовать осуществлению ее положений, включая образование, распространение информации, соблюдение и действенное применение принципов декларации. Следует содействовать установлению связей и обменов информацией между этическими комитетами. Созданному Международному комитету ЮНЕСКО по биоэтике предписывается вести мониторинг осуществления декларации, выявлять случаи, не совместимые с достоинством человека, анализировать возникающие сложные проблемы и готовить предложения для руководящих органов ЮНЕСКО.

Декларация об ответственности нынешнего поколения перед будущими поколениями (1997 г.) содержит 12 статей. В ней провозглашается ответственность современного социума обеспечить защиту потребностей и интересов нынешних и будущих поколений с тем, чтобы они пользовались полной свободой выбора своих политических, экономических и социальных систем и имели возможность сохранить свое культурное и религиозное многообразие для сохранения человечества на вечные времена. Никакие посягательства

на существование и формы человеческой жизни не допустимы. Каждое поколение обязано заботиться о сохранении жизни на Земле и рационально использовать природные ресурсы, стремиться к устойчивому развитию и оберегать целостность окружающей среды, не загрязнять ее. Необходимо охранять геном человека и биологическое разнообразие, сохранять материальное и нематериальное наследие, нельзя наносить вред человеческому роду.

Необходимо сделать усилия, чтобы жить в условиях мира, безопасности и уважения прав и основных свобод, избавить будущие поколения от ужасов военных конфликтов, агрессии и негуманного использования оружия. Нынешние поколения должны обеспечить устойчивое и справедливое развитие будущих поколений на основе разумного использования природных ресурсов для борьбы с нищетой. Образование способствует развитию личности и общества, оно должно служить укреплению мира, справедливости, взаимопонимания, терпимости и равенства для нынешних и будущих поколений. Нынешние поколения должны воздержаться от любых действий и мер, влекущих за собой любые формы дискриминации для будущих поколений.

ЮНЕСКО призывает государства, другие агентства системы ООН, правительственные и неправительственные международные организации, государственные и частные органы, отдельных лиц взять ответственность и участвовать в распространении провозглашенных идеалов, использовать их в системе образования, поощрять их полное признание и воплощение в жизнь.

Международная декларация о генетических данных человека (2003 г.) содержит 6 разделов, которые объединяют 27 статей, провозглашающих принципы построения систем сбора, обработки и хранения генетических данных человека, которые не нарушают общепризнанных прав человека и его основных свобод. Раздел А «Общие положения» включает 7 первых статей, где характеризуются цели и сфера применения Декларации, перечисляются 17 генетических терминов, относящихся к генетическим и протеомным данным и биообразцам человека, объясняется научное понимание идентичности человека как производное его генома, полученного образования и воздействия социальной среды, подчеркивается особый статус генетических данных человека, описываются процедуры получения согласия, проведения анализа, получения и хранения данных, обращается внимание на недопустимость их использования для дискриминации и стигматизации личности.

Раздел В «Сбор данных» содержит статьи 8–12, касающиеся получения информированного согласия на участие в проведении анализа и процедуры отзыва этого согласия в любое время без каких-либо последствий для участника обследования. Подчеркиваются право человека на свободный доступ к своим генетическим данным и право не быть информированным о результатах тестирования, порядок проведения генетического консультирования по результатам анализа, а также характеризуются особенности процедуры сбора биообразцов в судебно-медицинских целях.

В раздел С «Обработка данных» входят статьи 13–15, регулирующие право доступа к генетическим данным, обеспечения права людей на частную жизнь и конфиденциальность их генетической информации, требование к достоверности, надежности, качеству и безопасности хранения информации.

Раздел D «Использование данных» включает статьи 16–19, в них говорится о невозможности изменения цели, для достижения которой было получено первичное согласие на взятие биообразцов, указания о хранении биологических образцов крови, кожи, мазков, клеток, о распространении научных данных, касающихся генома и протеомы человека, организации международного сотрудничества развитых и развивающихся стран в этой области, а также совместного использования возникающих возможностей, выгод и благ для улучшения здоровья человека.

Раздел E «Хранение данных» включает статьи 20–22, посвященные созданию систем контроля и управления хранящимися данными, приводятся основания для уничтожения данных, подчеркивается необходимость перекрестного сопоставления данных с целью определения их надежности.

Раздел F «Содействие осуществлению» состоит из статей 23–27, освещающих пути осуществления Декларации, включая образование, подготовку кадров и распространение в обществе провозглашенных этических норм и основных принципов, на которых она построена. Отмечается важная роль Международного комитета ЮНЕСКО по биоэтике и Межправительственного комитета ЮНЕСКО по биоэтике для осуществления странами-участницами принципов Декларации, перечисляются уже предпринятые ЮНЕСКО действия в этом направлении после принятия в 1997 г. Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека. Подчеркивается также недопустимость действий стран, международных организаций и отдельных лиц, противоречащих правам человека, его основным свободам и достоинству.

Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005 г.) имеет синтетический характер и завершает цикл ранее принятых Деклараций, посвященных этическим проблемам нового знания и соблюдения прав человека, возникающих в процессе развития наук о жизни и прогресса биомедицины. Документ включает 5 разделов, содержащих 28 статей. В разделе «Общие положения» первая статья посвящена описанию сферы применения Декларации, а вторая провозглашает две ее основные цели. Первая из них направлена на помощь государствам в выработке национального законодательства на основе провозглашаемых принципов, а вторая служит для облегчения ориентации в проблемах биоэтики отдельных лиц, групп и различных правительственных и неправительственных органов.

Раздел «Принципы» содержит 15 статей и является основной частью документа. Здесь подчеркивается необходимость уважать достоинство и права личности, которые являются приоритетом по сравнению с интересами науки и общества. Любые исследования должны приносить пользу участвующим

лицам и сводить к минимуму возможный вред. Любые научные исследования и медицинские вмешательства с профилактической, диагностической или терапевтической целью необходимо осуществлять после получения согласия лица, получившего достаточное информирование об ожидаемой пользе и возможном риске для его здоровья. Следует признавать уязвимость человека, неприкосновенность личности и ее частной жизни, строго соблюдать конфиденциальность личной информации. Должен исполняться принцип равенства в части достоинства и прав человека, а также обеспечиваться справедливые и равноправные отношения. Подчеркивается недопустимость дискриминации и стигматизации отдельной личности или группы лиц на любых основаниях. Должное внимание следует уделять уважению культурного разнообразия и плюрализма, на этом основании нельзя ущемлять достоинство человека и нарушать его права и основные свободы. С этой целью нужно поощрять солидарность между людьми и международное сотрудничество. Содействие укреплению здоровья и развитию социума должно быть приоритетом правительств и поддерживаться всеми слоями общества. Следует способствовать равноправному доступу к качественным медицинским услугам и лекарствам, обеспечивать надлежащее снабжение питанием и водой, улучшать условия жизни и состояние окружающей среды, сокращать масштабы нищеты и неграмотности, не допускать маргинализации и отчуждения лиц ни на каких основаниях. Общественные блага, связанные с проведением научных исследований, должны совместно использоваться в интересах всех людей. Необходимо уделять должное внимание воздействию наук о жизни на будущие поколения, включая их генетические характеристики. Следует поддерживать хорошие взаимоотношения человека с иными формами жизни, заботиться о защите биосферы, окружающей среды, охране биоразнообразия, обеспечению надежного доступа к биологическим и генетическим ресурсам.

В раздел «Применение принципов» включены статьи 18–21, в которых содержатся рекомендации по принятию решений на основе компетентного и транспарентного рассмотрения этических проблем, по созданию системы независимых междисциплинарных этических комитетов, их участия в этической оценке исследовательских проектов, консультировании, подготовке рекомендаций и информировании населения и государственных органов по проблемам биоэтики. Следует содействовать правильной оценке и своевременному регулированию рисков, связанных с биомедицинскими технологиями. Предлагается объективно анализировать транснациональные виды практики и принимать надлежащие меры для борьбы с биотерроризмом и незаконным оборотом органов, тканей, биообразцов, генетических ресурсов и генетических материалов.

Раздел «Содействие реализации Декларации» содержит статьи 22–25, в которых определяется важная роль государств-членов в создании законодательных и административных механизмов для реализации принципов Декла-

рации, организации этических комитетов, содействию образованию, профессиональной подготовке и распространению информации в области биоэтики. В области международного сотрудничества государствам-членам предлагается поощрять участие в распространении и обмене научной информацией, заключать договоры для сотрудничества в области культуры и науки, поддерживать и развивать солидарность между государствами, организациями и отдельными лицами в целях поддержки тех, кто оказался в уязвимом положении вследствие болезни, инвалидности, воздействия вредных экологических или неблагоприятных социальных факторов.

Раздел «Заключительные положения» включает статьи 26–28, в которых отмечается, что последующая деятельность ЮНЕСКО направляется на реализацию Декларации во взаимодействии с обоими ее комитетами по биоэтике, обеспечивая взаимосвязанность и взаимодополняемость ее принципов. Ограничение действия провозглашаемых принципов следует делать лишь на основе законов по обеспечению безопасности, выявления и наказания за правонарушения, охраны здоровья и прав других лиц. Ничто в Декларации не может быть истолковано государствами, организациями, отдельными лицами или их группами в качестве основания для ущемления прав человека, основных свобод и человеческого достоинства.

В своей совокупности рассмотренные Декларации ЮНЕСКО, имеющие рекомендательный характер, служат хорошим ориентиром для дальнейшего совершенствования национального законодательства отдельных стран с учетом новейших достижений геномики и биомедицины при их практическом использовании в здравоохранении. Совершенствование законодательства должно сопровождаться обязательным соблюдением прав человека и свобод личности, а также обеспечением свободного проведения научных исследований, не нарушающих достоинства человека и не приносящих вреда его здоровью.

Национальное регулирование

Рассмотрим особенности регулирования этических проблем биомедицины, возникающих в процессе научных исследований и практического применения их результатов для охраны здоровья человека в развитых странах Европы, Америки и Австралии [14, 15].

Франция. Эта страна разработала одну из наиболее современных систем социального регулирования применения геномных технологий. Это связано с тем, что данная область научных исследований получила быстрое развитие в стране, а общественность, парламент и партии активно обсуждали возникающие этические вызовы. В результате этих обсуждений были подготовлено несколько аналитических докладов по использованию геномных технологий (Lenoir, Serusclat, Bouliac, Matic Reports). Аналогичные доклады подготовил Национальный консультативный комитет по этике наук о жизни и охране

здоровья (CCNE). Этот комитет в 1990 г. высказался за запрет геномной терапии зародышевых клеток, а терапию соматических клеток ограничил моногенными мутациями с неблагоприятным прогнозом с расширением в 1993 г. списка болезней при соблюдении пяти четко сформулированных требований. Запрещалось вмешательство в геном для изменения физических и ментальных характеристик здоровых людей; геномной терапии соматических клеток в клинике должно предшествовать всестороннее испытание технологии на животных; геномная терапия соматических клеток допускается лишь в случае отсутствия других протоколов лечения обнаруженной болезни с серьезной угрозой здоровью пациента; все научные исследования в этой области должны подвергаться мониторингу их научной и технологической обоснованности, а также оценке их этической составляющей; любая информация о потенциальных возможностях геномной терапии должна быть объективной, реалистической и сдержанной, чтобы не вызывать необоснованных ожиданий у пациентов.

В подчинении Министерства здравоохранения Франции имеется Агентство медикаментов, в рамках которого действуют Комиссия вирусной безопасности и Комиссия клинических испытаний. С целью обеспечения выполнения Директив Европейского союза в области геномных технологий созданы Комиссия по генетической инженерии и Комиссия по биомолекулярной инженерии, которые контролируют создание и использование ГМО, а также процедуру их контролируемого выпуска в окружающую среду. Обе комиссии отчитываются перед Агентством медикаментов. В двухуровневой системе в рамках Консультативного комитета осуществляется этический контроль на местном уровне по защите лиц, участвующих в биологических исследованиях.

Великобритания. Законодательное регулирование разработки и применения геномных технологий в различных областях основано на публикациях правительственных докладов. В Соединенном Королевстве была впервые разработана технология искусственного оплодотворения изолированных яйцеклеток в стеклянных пробирках. В 1984 г. основан Комитет Варнока для анализа этических проблем, связанных с использованием технологии ЭКО. Годом позже вышел доклад этого комитета, основные положения которого вошли в текст законодательного Акта об оплодотворении человека и эмбриологии (1990 г.). В документе инициировалось создание одноименного правительственного органа для регулирования этой области путем выдачи соответствующих лицензий для медицинских центров, занимающихся указанной деятельностью. В частности, в тексте Акта содержался запрет на замещение ядра яйцеклетки или эмбриона аналогичной биоструктурой другого лица. Это положение просуществовало до своей отмены в начале 2015 г., когда было разрешено создавать эмбрионы, содержащие ядерный геном матери, имеющей мутацию в геноме митохондрий, и цитоплазму другой здоровой матери с нормальными митохондриями. Это один из первых законодательных актов о ле-

гализации создания эмбрионов человека, содержащих генетический материал от двух матерей и одного отца.

Для регулирования проблем терапии генома Палата общин создала комитет, который возглавил сэр Сесил Клотье. Комитет не возразил против использования терапии соматических клеток, но считал неприемлемым проводить терапию зародышевых клеток, как затрагивающую не только самого пациента, но и его потомство. В отношении терапии соматических клеток предлагался более осторожный по сравнению с обычными лечебными процедурами подход и более тщательный контроль за осуществлением терапии. Практической рекомендацией этого комитета стало предложение основать Сопроводительный орган по генной терапии, в компетенцию которого вменялась этическая оценка новых предложений по осуществлению терапии генома. Но похоже, что, как и в подобных органах других стран, его члены интересуются в первую очередь научными достоинствами предложений, а их этическая оценка отходит на второй план.

Общий обзор состояния законодательства по регулированию использования генетических технологий был представлен в докладе избранного Палатой общин Комитета по науке и технологиям. В докладе содержался анализ этических проблем, связанных с использованием этих технологий, и были представлены критические замечания по существующим процедурам регулирования. Комитет рекомендовал учредить Комиссию по генетике человека для мониторинга дальнейшего развития указанных технологий. Такая Комиссия была учреждена в 2000 г. для надзора за осуществлением всего спектра научных исследований по генетике человека.

Швейцария. Эта страна стала первой, внесшей поправку в Федеральную Конституцию, которая запрещает злоупотребления достижениями геномных и репродуктивных технологий в отношении человека и окружающей среды. Запрет касается нетерапевтического вмешательства в геном гамет и эмбрионов человека; перенос генетического материала в геном человека от других биологических видов; любую модификацию генома зародышевых линий человека на основе коммерческих подходов; при этом генетические данные человека могут быть проанализированы, зарегистрированы и открыты третьей стороне только с его согласия. Кроме того, в законодательные акты кантонов внесены дополнительные положения, касающиеся геномных технологий. С 1993 г. вступили в силу Правила межкантонального контроля медицинских продуктов. Хотя лекарства и их клинические испытания контролируются на уровне кантонов, новые правила гармонизируют процедуры регулирования и определяют компетенцию локальных этических комитетов. Эти документы касаются непосредственно всей работы по регулированию развития в стране технологий терапии генома человека и их клинических испытаний.

Механизмы регулирования использования и выпуска в окружающую среду ГМО отражены в Законе об охране окружающей среды и Законе об эпи-

демиях, которые совместным решением учредили Комиссию экспертов по биобезопасности. В регулировании использования геномных технологий принимают участие также Академия медицинских наук и Комиссия по биологической безопасности Швейцарии. Правила Академии требуют проведения предварительной этической оценки исследовательских проектов, которые касаются человека, а в некоторых кантонах это положение содержится в законодательстве. Учитывая перспективность новых биотехнологий, академия также учредила специальный подкомитет по проблемам развития терапии генома человека.

Комиссия по биобезопасности со своей стороны разработала Руководство для работы с генетически модифицированными организмами для исследователей, планирующих использовать в своих проектах протоколы, включающие геномные технологии. Это руководство сходно с аналогичным документом, разработанным Национальным институтом здоровья США. Любой протокол по терапии генома человека должен получить предварительную поддержку со стороны группы экспертов Комиссии по биобезопасности. Заявитель проекта обязан информировать кантональные власти и направить свой проект для рассмотрения в локальный этический комитет. Заявитель проекта должен информировать Комиссию по биобезопасности о любых нежелательных эффектах, обнаруженных в ходе исследования, и направить туда же текст заключительного отчета.

Соединенные Штаты Америки. Эта страна использует эффективную систему регулирования различных протоколов геномных технологий. Протоколы терапии генома находятся под наблюдением Администрации продовольствия и лекарств (АПЛ) и Консультативного комитета рекомбинантной ДНК (ККР) Национального института здоровья (НИЗ). АПЛ занимается рассмотрением всех новых и находящихся в фазе исследования протоколов терапии генома в стране, проводимой ее Центром биологических оценок и исследований. ККР рассматривает только те протоколы терапии генома человека, которые получают финансовую поддержку со стороны НИЗ. Этот комитет представляет собой междисциплинарный орган, в который входят ученые, врачи, юристы и специалисты в области этики, причем все его заседания проходят в открытом режиме. На локальном уровне все проекты терапии генома проходят первичную апробацию на уровне институтских рецензионных коллегий.

В последнее время процесс рецензирования был усовершенствован. Проекты, претендующие на получение общественного финансирования, сначала оцениваются с точки зрения их новизны. Если протокол основан на новых подходах, он затем направляется на рассмотрение уже упомянутых национальных структур (АПЛ и ККР). Если используемая технология не содержит новых элементов, то ее дальнейшее рецензирование ограничивается лишь АПЛ. Если заявленный протокол имеет новизну и получил одобрение со стороны обеих структур (АПЛ и ККР), то следующим шагом является соответствие предмаркетинговым требованиям АПЛ, заключение по которым дает ее

подразделение по исследованию новых лекарств. В случае положительного заключения это лекарство продолжает свой путь к потребителю, а в другом случае на основе оценок специалистами в области фармакологии, токсикологии и клиницистами заявителю сообщают о возникших сомнениях, и если он докажет свою правоту, то его лекарство продолжает свой путь к клиническим испытаниям. Наиболее частыми основаниями для приостановки этого движения являются выявление различных рисков, а также мнение рецензентов о том, что заявитель не представил достаточно информации по оценке степени рисков. Если проект получает поддержку, заявитель обязан сообщать о всех обнаруженных в процессе дальнейшей разработки нежелательных явлениях, а также направлять в АПЛ ежегодный отчет о прогрессе исследований.

Клинические испытания в США проходят три фазы. На первой фазе продукт вводят в организм и оценивают его безопасность и токсичность при увеличении дозы. На втором этапе определяются краткосрочные побочные эффекты и риски, а также эффективность продукта в более строгом исследовании. На третьей фазе испытаний проводится более углубленный анализ биологической эффективности, безопасности и токсичности продукта, что позволяет дать общую оценку его достоинств и возможных рисков.

Система рецензирования и оценки предлагаемых протоколов терапии генома, используемых ККР, доказала свою эффективность. К ее недостаткам следует отнести то, что она распространяется на предложения, исходящие лишь от исследователей НИЗ, и тот факт, что в этом случае институт выступает в качестве инициатора, финансиста и регулятора исследований, что может приводить к внутреннему конфликту интересов.

Австралия. Система социально-правовой регуляции научных исследований в области геномных и репродуктивных технологий человека и их клинического применения возникла на основе Акта о Национальном совете по научным исследованиям в области здоровья и медицины, принятого в 1992 г. В соответствии с этим законом были созданы Национальный совет научных исследований в области здоровья и медицины и Австралийский комитет по этическим проблемам здоровья. Национальный совет возглавляет все исследования по проблемам здоровья и инициировал создание на локальном уровне институтских этических комитетов в качестве первичного звена для этической экспертизы заявок на финансирование проектов. Комитеты проводят мониторинг выполнения проектов и осуществляют проверку должного соблюдения процедуры получения согласия пациентов на участие в исследованиях. Причем локальные этические комитеты научных структур и организаций рецензируют не только заявки на финансирование проектов, направляемых в Национальный совет научных исследований, но также рассматривают проекты, финансируемые из внутренних академических фондов или получающие финансовую поддержку за рубежом. Все институтские этические комитеты в свою очередь отчитываются перед Австралийским комитетом по этическим

проблемам здоровья. В области терапии генома все локальные этические комитеты ориентируются на Руководство, изданное в 1992 г. Национальным советом научных исследований, которое разрешает проводить терапию генома в соматических клетках и не допускает вмешательства в геном клеток зародышевых линий. Отдельный пункт Руководства рассматривает терапию генома в качестве экспериментальной технологии и обязывает локальные этические комитеты на местах убедиться, что планируемое исследование не нарушает установленных этических норм, а сами исследователи достаточно компетентны, чтобы осуществить его.

Национальный совет научных исследований в области здоровья и медицины учредил в 1994 г. центральный Комитет по генной терапии по образцу аналогичного английского и адаптировал многие протоколы американского Комитета по рекомбинантной ДНК. Комитет по генной терапии не проводит публичных слушаний, как это принято в США. Эта двухступенчатая система для регулирования разработки и использования геномных технологий в области биобезопасности дополнена Консультативным комитетом генетических манипуляций, который наблюдает и регулирует использование генетической инженерии для создания ГМО и предотвращения их последующего проникновения в окружающую среду.

К тому же Австралия как федерация штатов имеет наряду с федеральным также законодательство отдельных штатов, которое отражает их особенности в регулировании использования геномных и репродуктивных технологий. Отдельные штаты различаются в отношении практики лицензирования применения репродуктивных и геномных технологий. Эти различия колеблются от использования системы саморегулирования до создания законодательных рамок для регулирования.

Анализ национальных систем регулирования использования геномных технологий показывает, что страны следуют рекомендациям, выработанным международными научными ассоциациями и содержащимся в Декларациях ЮНЕСКО. В большинстве развитых стран принята двухступенчатая система рецензирования этических сторон заявляемых протоколов. Наблюдается тенденция подводить систему регулирования применения геномных технологий под модель уже существующего законодательства по регулированию вспомогательных репродуктивных технологий, а терапию генома – под ряд экспериментальных медицинских технологий. На национальном уровне наблюдается принятие терапии генома соматических клеток и неодобрение любых вмешательств с целью изменения генома клеток зародышевого пути. К сожалению, пока еще недостаточно внимания законодатели стран уделяют этическим проблемам скрининга новорожденных, тестирования генома человека на протяжении жизни, генетического консультирования, охраны персональных генетических данных и недопущения любых форм социальной стигматизации и дискриминации на основе генетических данных.

Список использованных источников

1. Савченко, В. К. Генетически модифицированные организмы в биосфере / В. К. Савченко // Эколог. вест. – 2009. – № 2 (8). – С. 12–22.
2. Савченко, В. К. Геном человека: этические вызовы и риски / В. К. Савченко // Наука и инновации. – 2010. – № 12. – С. 36–40.
3. Савченко, В. К. Этические проблемы, возникающие при использовании репродуктивных биотехнологий / В. К. Савченко // Вес. НАН Беларусі. Сер. біял. навук. – 2012. – № 1. – С. 60–69.
4. The Inuyama Declaration // Genetics, Ethics and Human Values: Human Genome Mapping, Genetic Screening and Gene Therapy. – 1991. – Geneva : CIOMS. – P. 1–3.
5. Bilbao Declaration // International Digest of Health Legislation. – 1994. – Vol. 42, N 2. – P. 234–237.
6. Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine. Oviedo, 4.IV.1997 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm>. – Date of access: 15.04.2015.
7. EC. Contained Use Directive 90/219 EC [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/dir_1990_219/dir_1990_219_en.pdf. – Date of access: 15.04.2015.
8. EC. Deliberate Release Directives 90/220 EC [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31990L0220&from=EN>. – Date of access: 15.04.2015.
9. EC. Marketing Authorization Directive 2309/93 EC [Electronic resource]. – Mode of access: http://ec.europa.eu/health/files/eudralex/vol-1/reg_1993_2309/reg_1993_2309_bg.pdf. – Date of access: 15.04.2015.
10. UNESCO. Universal declaration on the human genome and human rights. – 1997 [Electronic resource]. – Mode of access: www.unesco.org/...human.../bioethics/human-genome-and-human-rights. – Date of access: 15.12.2014.
11. UNESCO. Declaration UNESCO on the Responsibilities of the Present Generation Towards the Future Generation. – 1997 [Electronic resource]. – Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=13178&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. – Date of access: 15.12.2014.
12. UNESCO. International Declaration on Human Genetic Data. – 2003 [Electronic resource]. – Mode of access: http://portal.unesco.org/en/ev.php-URL_ID=17720&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html. – Date of access: 15.12.2014.
13. UNESCO. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights. – 2005 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001461/146180E.pdf>. – Date of access: 15.12.2014.
14. Cohen-Haguenauer, O. Overview of regulation of gene therapy in Europe: A current statement / O. Cohen-Haguenauer // Human Gene Therapy. – 1995. – Vol. 6. – P. 773–785.
15. Lawton, A. Regulating genetic destiny: A comparative study of legal constraints in the Europe and the United States / A Lawton // Emory International Law Journal. – 1997. – Vol. 11, N 2. – P. 365–418.

П. С. Карако

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ И. ПРИГОЖИНА И ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

В статье выявляется содержание воззрений И. Пригожина на природу, сущность его концепции природы и ее понятийного аппарата. Подчеркивается роль необратимости, направленности, диссипативных структур и других понятий в раскрытии активности природы и ее эволюции. Особое внимание уделяется анализу характера отношения человека к природе, излагаемому в трудах ученого, и обоснованию им постнеклассической рациональности. Утверждение последней связывается с предлагаемой Пригожиным стратегией познания природы, трактуемым им местом человека в ней и возрастанием его ответственности за ее состояние в настоящее и будущее время.

Ключевые слова: *природа, наука, синергетика, детерминизм, научная рациональность, «стрела времени», диссипативные структуры.*

P. S. Karako

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

PRIGOGINE'S CONCEPTION OF NATURE AND POSTNONCLASSICAL RATIONALITY

The article reveals the contents of Prigogine's views on the nature, the essence of his conception of nature and its conceptual apparatus. It is stressed on the role of the concepts of irreversibility, orientation, dissipative structures, etc. in the disclosure of the activity of the nature and its evolution. Particular attention is paid to the analysis of human attitude to the nature as it is presented in the Prigogine's works and to the justification of postnonclassical rationality. Adoption of the postnonclassical rationality is associated with the proposed by Prigogine strategy of knowledge of nature, his interpretation of man's place in it and an increase of man's responsibility for her condition at present and the future.

Keywords: *nature, science, synergetics, determinism, scientific rationality, "arrow of time", dissipative structures.*

Тема природы находилась в центре внимания еще философов античности. Ими были сформулированы и первые философские концепции природы, которые представляли собой различного рода натурфилософские суждения о строении и организации природы. Натурфилософия была первой философией природы. Свое дальнейшее обоснование и развитие она получила в философии и науке Нового времени. Натурфилософия оставалась господствующей философией природы и в XIX в. Осуществленные в этом веке крупные открытия в естествознании способствовали преодолению натурфилософских

представлений о природе и утверждению подлинно научных воззрений на ее организацию и бытие. Особенно значительный вклад в постижение природы внесли представители естествознания XX в. Однако до настоящего времени не создано единой целостной теории природы. Не сформулирована и современная концепция философии природы. Более того, в «научном сообществе медленно осознается потребность в построении новой философии природы, несмотря на то, что изучение наиболее значительных естественнонаучных теорий XX в. наталкивает на осознание принципиальной важности подобного раздела философии» [1, с. 33].

Причину такого отношения к названному «разделу философии» И. К. Лисеев связывает с философией марксизма, которая якобы «не способствовала развитию философии природы». По его утверждению, «марксизм выступил не только с критикой натурфилософии XIX в., прежде всего гегелевской натурфилософии, но и с отрицанием вообще возможности и актуальности философии природы как таковой. Анти-натурфилософский пафос марксизма, обусловленный его социологизмом, стремлением объяснить все и вся исходя из социальных особенностей той или иной общественно-экономической формации, повлек за собой ограничение философии науки лишь методологией и логикой, отказ от уяснения и анализа онтологических схем и моделей, действенных в естественных науках на любом этапе их развития» [1, с. 33–34].

С процитированным выводом нельзя согласиться. Его автору следует напомнить, что, например, труд Ф. Энгельса «Диалектика природы» был написан не с позиций «социологизма», а на основе обобщения данных естествознания XIX в. и существующей практики отношения человека к природе. Им и К. Марксом развивались диалектико-материалистические воззрения на природу, обосновывалась важность утверждения рациональных форм природопользования. А вот влияние их идей на становление «онтологических схем и моделей» природы в XX в. может быть проиллюстрировано на конкретном анализе воззрений И. Пригожина. При этом следует иметь в виду, что природу он понимал в «широком» смысле слова – как материю, материальный мир в целом, универсум.

В природе имеет место «внутренняя активность»

С диалектико-материалистическими воззрениями на природу К. Маркса и Ф. Энгельса соотносил свои представления на эту область материального мира и выдающийся естествоиспытатель второй половины XX в. И. Р. Пригожин (1917–2003). В книге «Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой» (1986), написанной совместно с французским философом И. Стенгерс, отмечается, что их понимание природы «аналогично» тем «историческим» представлениям на нее, которое развивали Маркс и Энгельс [2, с. 224–225]. В чем же конкретно выражается содержание идей Пригожина и Стенгерс о природе?

Ответ на поставленный вопрос дают сами авторы названной книги: «Наше видение природы претерпевает радикальные изменения в сторону множественности, темпоральности и сложности. Долгое время в западной науке доминировала механистическая картина мироздания». Она формировалась классической физикой, которая «рассматривала фундаментальные процессы как детерминированные и обратимые. Процессы, связанные со случайностью или необратимостью, считались досадными исключениями из общего правила. Ныне мы видим, сколь важную роль играют повсюду необратимые процессы и флуктуации» [2, с. 6]. Далее авторами отмечается всеобщность названных ими процессов: «Мы все глубже осознаем, что на всех уровнях – от элементарных частиц до космологии – случайность и необратимость играют важную роль, значение которой возрастает по мере расширения наших знаний. *Наука вновь открывает для себя время*» [2, с. 7]. Раскрытию содержания сделанных наукой открытий и коренному изменению воззрений на природу и посвящена их книга.

В ней подтверждается, прежде всего, идея В. И. Вернадского о наличии необратимых процессов в неживой природе. Подробно содержание этой идеи освещается в нашей работе [3, с. 86–87]. В трудах Пригожина идея необратимости получила свое более конкретное обоснование. Им было установлено, что необратимые процессы являются универсальными процессами природы. Они есть выражение «самопроизвольной внутренней *активности*, проявляемой природой» [2, с. 113]. Причем эти процессы присущи всем уровням организации живой и неживой природы. Благодаря им становится возможным образование из хаотических состояний упорядоченных структур и процессов. «Необратимость, – пишут авторы книги, – есть источник порядка на всех уровнях. Необратимость есть тот механизм, который создает порядок из хаоса» [2, с. 257].

Необратимые процессы приводят к возникновению особого рода динамических систем, которые были названы Пригожиным *диссипативными структурами*. Они являются неравновесными структурами и в ряду многих своих свойств обладают способностью к самоорганизации и самоусложнению. Образование их в физических и химических процессах является, по утверждению выдающегося естествоиспытателя, установленным научным знанием фактом, с которым следует считаться. Более того, становление диссипативных структур – это «путь, который свидетельствует о последовательности эволюционных ветвлений. О структуре, сформированной вследствие такого развития, можно сказать, что ее деятельность есть продукт ее истории, поэтому в ней самой можно различать ее прошлое и будущее» [4, с. 90].

Обстоятельно процесс становления и наличия диссипативных структур в неживой и живой природе раскрывается в исследованиях А. Баблюяц. Она отмечает, что такие структуры возникают в системах, обменивающихся веществом и энергией с окружающей их средой и состоящих из множества

элементов. Эти системы должны находиться и в неравновесном состоянии. «Диссипативные структуры появляются всякий раз, – пишет А. Баблюянец, – когда система, способная к самоорганизации за счет своих кооперативных свойств, измеряет время и организует пространство для того, чтобы “выжить” при различных воздействиях, оказанных на нее, или для того, чтобы лучше использовать окружающую среду» [5, с. 171]. По ее убеждению, постижение причин становления таких структур, их сущности будет способствовать «укреплению уверенности исследователей в овладении тайнами природы» [5, с. 24]. Какие же конкретно «тайны природы» могут выявляться при использовании концепции диссипативных структур?

Ответ на поставленный вопрос можно получить при анализе научных трудов И. Пригожина. В них отмечается значимость данной концепции для постижения механизмов становления современной природы и приводится обоснование новых методологических подходов в постижении ее организации и дальнейшей эволюции.

Образование диссипативных структур начинается с момента Большого взрыва и начала формирования Вселенной, а затем и нашей природы. Пригожин подчеркивал, что основные траектории изменений диссипативных структур «могут быть выведены из свойств образующих их молекул». В силу этого и «все диссипативные структуры, по существу, отражают глобальную ситуацию в порождающей их неравновесной системе» [2, с. 33]. «Глобальность ситуации» в данных структурах находит свое выражение в том, что у них фиксируются прошлые, настоящие и будущие их состояния. А все это есть свидетельство и их способности к эволюционным изменениям. Обоснованные факты необратимости процессов самоорганизации и эволюции структур физического мира открывают теперь «возможность установить эволюционную парадигму в физике. Причем не только на макроскопическом уровне, но и на всех уровнях описания» [2, с. 262] физических объектов.

Если в физике возможность утверждения эволюционной парадигмы только создается, то в других областях научного знания она стала реальным фактом. По заключению Пригожина, эта парадигма «охватывает всю химию, а также существенные части биологии и социальных наук» [2, с. 27].

Конкретным выражением наличия эволюционной парадигмы в современной химии может быть появление в ней самостоятельного научного направления – *эволюционной химии*. Права гражданства получила и теория химической эволюции. Причем основу концептуального аппарата последней составили понятия «необратимость», «самоорганизация» и «саморазвитие» [3, с. 101–103].

В рассматриваемом труде И. Пригожина и И. Стенгерс значительное внимание уделялось раскрытию наличия эволюционных процессов во всей Вселенной. Ими подчеркивалось, что еще в 20-е годы XX в. в космологических идеях А. А. Фридмана, Ж. Леметра и Э.-П. Хаббла фиксировалось на-

личие явлений нестационарности Вселенной и была даже сформулирована теория расширяющейся Вселенной. Но «тем не менее на протяжении многих лет физики всячески сопротивлялись принятию “исторического” описания эволюции Вселенной» [2, с. 190]. К концу XX в. ситуация с «принятием» идеи эволюции Вселенной в корне изменилась. Полученные к этому времени сведения о наличии реликтового излучения и другие открытия в космологии привели к признанию научным сообществом данной идеи. Принятие указанной эволюции имело исключительное значение для понимания природы: «Без неравновесности и связанных с ней необратимых процессов Вселенная имела бы совершенно иную структуру. Материя нигде не встречалась бы в заметных количествах. Повсюду наблюдались бы лишь флуктуации, приводящие к локальным избыткам то материи, то антиматерии» [2, с. 205]. Но всего отмеченного во Вселенной не произошло. И это было связано с необратимостью и направленностью процессов в ней.

«Время – ключ к пониманию природы»

Всеобщность эволюционных процессов в природе, их подтверждение данными современного естествознания позволило И. Пригожину ввести в систему его представлений о природе выражение «стрела времени». Самой характерной особенностью последней представляется то, что она фиксирует необратимость и направленность процессов и явлений в природе. «Все стрелы времени в природе, – пишет он, – имеют одну и ту же ориентацию. Они производят энтропию в одном и том же направлении времени, которое по определению есть будущее» [6, с. 94].

Время исследователь называл «ключом к пониманию природы» [7, с. 216]. В труде «От существующего к возникающему» им раскрывалось различие в трактовках природы (Вселенной) классической и современной наукой. Согласно первой, Вселенная считалась неизменной, «статической Вселенной, Вселенной *существующего без возникающего*» [7, с. 29]. В ней не могло иметь место что-то новое. В той Вселенной и все процессы признавались только обратимыми и повторяющимися. Теория диссипативных структур, идеи необратимости и направленности процессов природы позволили современному научному знанию понимать природу как существующую и возникающую. Причем существующее не определяет однозначно возникающее. Подобное понимание их соотношения связано с тем, что «существующее связано с состояниями, возникающее – с законами, по которым преобразуются состояния» [7, с. 215].

Такого рода отношение существующего к возникающему имеет место и в природных системах, в которых выполняется второе начало термодинамики и нарушается временная симметрия. Как писал Пригожин, второе начало приемлемо только к неустойчивым системам, в которых протекают и необра-

тимые процессы: «Необратимость и неустойчивость тесно связаны между собой: необратимое, ориентированное время может появиться только потому, что будущее не содержится в настоящем» [7, с. 215]. Будущее формируется в процессе эволюции настоящего. Так, «нарушенная временная симметрия является существенным элементом нашего понимания природы» [7, с. 215].

Включение в современную картину природы идеи неустойчивости приводит и к тому, что «смысл законов природы коренным образом изменяется, ибо теперь они выражают возможности, или вероятности» [6, с. 11]. Новые законы природы требуют для своего освоения и нового понятийного аппарата, отличного от аппарата классической науки.

Утверждение «новых формулировок законов природы»

В трудах И. Пригожина первостепенное значение отводилось принципам и категориям материалистической диалектики для выражения полученных знаний о природе. Со всей определенностью он утверждал, что современным естествоиспытателям «необходим более диалектический взгляд на природу» [6, с. 158]. Обоснование ученым наличия в природе прошлых, настоящих и будущих состояний есть признание ее развития. Принцип развития являлся у него исходной методологической основой постижения природы. Пригожинным использовались и другие принципы диалектики. Так, в его трудах значимое место занимает принцип системности. Последний чаще всего применялся исследователем в форме системно-исторического подхода. Первоначально данный подход использовался им при постижении организации живого, ее исторической обусловленности. Полученные при использовании такого подхода знания имели важное значение для постижения объектов неживой природы. В его совместной с исследователем Г. Николисом работе отмечается, что знания о системной организации живого и ее «исторической» обусловленности «дают импульс физическим наукам для лучшего понимания сложности» [8, с. 42] физических и химических объектов природы. Постигание учеными сложности физических и химических систем позволило установить «связь между физико-химической организацией и биологической упорядоченностью». По убеждению Пригожина и Николиса, такая связь «просматривается особенно четко». Все это позволяет говорить о системной организованности физико-химических объектов и процессов природы и проникновении системной парадигмы в физику и химию. Работа названных естествоиспытателей может быть примером использования системной методологии в познании природы.

Столь же результативным было использование И. Пригожинным принципов детерминизма и причинности в познании процессов и явлений природы.

В труде «Порядок из хаоса» Пригожиным и Стенгерс большое внимание уделяется раскрытию ограниченности лапласовского детерминизма и причинности классического этапа развития науки как методологии познания природы во второй половине XX в. Ими вносится определенный вклад в обоснование современной формы детерминизма – вероятностного детерминизма и статистической причинности. Так, исследователи пишут, что в настоящее время при осуществлении исследований природных процессов «мы не можем говорить более о причинности в каждом отдельном эксперименте. Имеет смысл говорить лишь о статистической причинности. С такой ситуацией мы столкнулись довольно давно – с возникновением квантовой механики, но с особой остротой она дала о себе знать в последнее время, когда случайность и вероятность стали играть существенную роль даже в классической динамике и химии. С этим и связано основное отличие современной тенденции по сравнению с классической» [2, с. 274–275].

Далее авторы указывают, что эта «современная тенденция» в химии находит свое выражение в использовании положений статистической теории при описании скоростей химических реакций. По их убеждению, «только статистическое описание» таких реакций позволяет наиболее полно выразить сущность химических процессов. Вот почему в понятийном аппарате современной химии надежно «прописались» и качественно новые для нее термины – «бифуркация», «флуктуация», «распределение вероятностей» и т. д., которые используются для описания статистического характера химических реакций и процессов.

И. Пригожин подчеркивает важность вероятностных идей для всего научного знания и формирования нового «взгляда» на природу, так как и в самой природе имеют место случайности. В силу этого законы природы, ее динамики, «должны формулироваться на уровне распределений вероятности». С признанием данного положения исследователь связывал и наличие у природы ранее не фиксируемого научным знанием свойства – стохастичности ее процессов. По его мнению, «стохастичность становится фундаментальным свойством природы» [6, с. 44].

Постижение данного свойства природы наложило свой отпечаток и на научное знание. Оно стало включать в систему своих познавательных установок идею вероятности. «Вероятность, – пишет И. Пригожин, – играет существенную роль в большинстве наук – от экономики до генетики. Тем не менее до сих пор бытует мнение, что вероятность – всего лишь состояние ума. Теперь нам необходимо сделать еще один шаг и показать, каким образом вероятность входит в фундаментальные законы физики, классической и квантовой. Стала возможной новая формулировка законов природы» [6, с. 21]. Какие особенности природы должны отражаться в этих «новых формулировках» законов природы?

По Пригожину, в них следует фиксировать установленные естествознанием явления необратимости, физику неравновесных процессов, всеобщность детерминированного хаоса, вероятностный характер осуществления явлений, наличие самоорганизации и диссипативных структур в природе. Все это существенно меняет сложившиеся представления о природе. Уже в настоящее время «мы в состоянии получить формулировку законов природы, пригодную для описания нашей эволюционирующей Вселенной – описания, включающего в себя стрелу времени, так как прошлое и будущее не играют более в нем симметричные роли» [6, с. 11].

В свете новых законов природа предстает эволюционирующей системой. Если законы классической науки фиксировали только бытие природы, то современная наука обращает внимание на ее эволюцию и становление новых состояний, которые осуществляются через случайные процессы. «Законы природы, – пишет И. Пригожин, – трактуют теперь не об определенностях, а о возможностях и служат своего рода мостами через вековую пропасть, разделявшую бытие и становление. Они описывают мир нерегулярных хаотических движений, который по своему духу ближе к миру, рожденному фантазией древних атомистов, чем к миру регулярных ньютоновских орбит. Этот беспорядок составляет самую основу макроскопических систем, к которым мы применяем эволюционное описание» [6, с. 136].

При таком «описании» ученый рекомендует учитывать и наличие человека в природе. «Стрела времени, – пишет он, – не противопоставляет человека природе. Наоборот, она свидетельствует о том, что человек является неотъемлемой составной частью эволюционирующей Вселенной. В правильности подобного вывода мы убеждаемся на всех уровнях описания» [7, с. 215] такой Вселенной. Именно подобное понимание и «описание» Вселенной и есть выражение «нового взгляда» на природу.

Этот «взгляд» формируется на идеях системной организованности природы, необратимости и направленности протекающих в ней процессов, саморазвитии ее объектов и ее самой как целостности. Отмеченные и другие аспекты природы находят свое выражение и закрепление в междисциплинарной области современного научного знания – *синергетике*. В ее становление существенный вклад внес И. Пригожин. Синергетика с помощью своего понятийного аппарата (аттрактор, бифуркация, нелинейность, саморазвитие, флуктуация, детерминированный хаос и т. д.) как раз и выражает «новый взгляд» на природу. Она становится и стратегией ее исследования. Данный аспект синергетики выявляется в работах В. Т. Буданова, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, В. С. Стёпина и других исследователей. Новое понимание природы налагает свой отпечаток и на научную рациональность. В трудах Пригожина последней уделялось пристальное внимание. Причем содержание научной рациональности увязывалось им с уровнем знаний природы и осознанием действительного места человека в ней.

Человек, природа, наука и «новая рациональность»

Обоснование Пригожиным современного понимания природы и места в ней человека сопровождалось и предложениями о пересмотре существующего типа научной рациональности. В одной из последних своих работ он писал, что уже наступило время «преодоления того типа рациональности, который не соответствует нашему времени» [9, с. 105]. Новому этапу познания природы «не соответствовала» рациональность классического периода научного знания, так как она базировалась на утверждениях, что «свойства материи не зависят от измерительного прибора», а потому и должна старая концепция «подлежать критическому пересмотру» [7, с. 187]. На чем основываются сделанные Пригожиным выводы?

Они были получены на основе обобщения проведенных им эмпирических измерений с помощью соответствующих средств многих термодинамических процессов в химии и физике и с использованием разного рода идеальных объектов. Все это позволило вскрыть и описать необратимость и направленность эволюции природы, роли хаоса и внутренних случайностей в ее осуществлении, явления самоорганизации и т. д. По сути, И. Пригожин с позиций своих исследований сформулировал неклассический тип научной рациональности. Ее содержание концептуально освещается в работах академика В. С. Стёпина. «Неклассический тип рациональности, – пишет он, – учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира» [10, с. 326]. Именно благодаря использованию конкретных «средств и операций», теоретическому обобщению полученных фактов и установленным эмпирическим закономерностям Пригожин предложил наиболее обоснованную в XX в. научную концепцию природы.

В предлагаемой Пригожиным «новой рациональности» заложены и контуры современной – *постнеклассической рациональности*. По В. С. Стёпину, для последней характерно то, что «внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями. Этическая экспертиза включается в качестве компонента в идеал обоснования научных знаний» [11, с. 455]. Процитированная характеристика содержания постнеклассической рациональности порождает и следующий вопрос: в какой мере Пригожин поднимал и обсуждал соотношение этики и науки, ценностных аспектов науки?

Поиск ответа на поставленный вопрос следует начинать с выяснения характера понимания им отношения человека к природе. В его научном творчестве данные вопросы занимали существенное место.

Достигнутый уровень постижения природы и получение в будущем новых знаний о ней Пригожин считал одной из целей науки. Но им отмечалось

и то, что «эту цель не следует идентифицировать с идеей овладения природой» [6, с. 135]. В трудах мыслителя обосновалась гуманистическая идея диалога человека с природой и вопрошание природы. Для него получение научных знаний о природе – это выражение диалога с ней. По мнению И. Пригожина, «современная наука научилась с уважением относиться к изучаемой ею природе. Из диалога с природой, начатого классической наукой, рассматривавшей природу как некий автомат, родился совершенно другой взгляд на исследование природы, в контексте которого активное вопрошание природы есть неотъемлемая часть ее внутренней активности» [2, с. 265].

Все это должен иметь в виду и человек при своем взаимодействии с природой. Она не противостоит человеку. Он является частью природы. В силу этого человек должен вести только диалог с остальными равноправными частями природы и ею самой как целостным образованием. Пригожин подчеркивал, что «наш диалог с природой» будет «успешен лишь в том случае, если он ведется внутри природы» [2, с. 193]. При этом человек обязан нести, по его убеждению, «некую этическую ответственность» [2, с. 276] за характер и выраженность этого диалога. Он считал, что в условиях коренного изменения воззрений на природу «порождается потребность» и в «новых отношениях между человеком и природой так же, как и между человеком и человеком». Для Пригожина природа – объект нравственного отношения человека, так как она является носителем этических ценностей. Последние становятся и предметом научного постижения, а «старое априорное различие между научными и этическими ценностями более неприемлемо» [2, с. 275].

Вопросы этической ответственности человека за состояние природы и ее будущее Пригожин поднимает и обсуждает в последующих работах. Так, в статье «Философия нестабильности» (1991) эту ответственность он выводит из своего понимания природы. Поскольку в ней имеют место хаотические состояния и случайные процессы, которые не жестко определяют ее будущее, постольку у человека есть возможность выбора своего поведения в природе и отношения к ней. Для Пригожина «выбор означает... и определенную этическую ответственность» [12, с. 52] человека за сохранение природы в настоящее время и обеспечение ее эволюции к своему будущему состоянию.

Обеспечение будущего бытия природы он связывал с преодолением разрыва наук о человеке и наук о природе. Именно понимание мира как сложной эволюционирующей системы, где существенное место занимает человек, приводит к сближению этих областей знания: «Видение мира, который находится вокруг нас, и того, который мы имеем внутри себя, конвергирует» [13, с. 35–36]. Идея конвергенции (сближения) мира человека и мира окружающей его природы созвучна с развиваемым в отечественной научной литературе положением о коэволюции человека и биосферы. В настоящее время оно становится парадигмальным для науки и культуры [3, с. 107–138].

С реализацией конвергенции человека и природы И. Пригожин увязывал и утверждение качественно нового отношения первого ко второй. Это отношение будет определяться научным знанием, ориентирующим человека на «поэтическое слушание природы» и происходящих в ней процессов. Ученый выражал уверенность, что уже «пришло время нового содружества, начатого издавна, но долгое время непризнанного, между историей человека, человеческими обществами, знанием и использованием Природы в наших целях» [4, с. 95].

Наука будущего времени, по убеждению Пригожина, «объединит все эти аспекты», а будущее общество «воплотит как человеческие ценности, так и науку» [14, с. 20]. Результатом такого «воплощения» станет появление гуманного общества и этически «нагруженной» науки. Откроются и новые перспективы постижения природы: «Мы начинаем обретать возможность описывать эволюционирующую Вселенную в соответствии с нашей сегодняшней картиной, в которой эволюция играет существенную роль на всех уровнях описания, от космологии и до человеческой истории» [9, с. 103–104].

Современное научное знание в состоянии не только описывать историю природы и историю общества. Оно «может делать предсказания относительно поведения сложных систем... стабильности нашей планетарной системы и нашей экосистемы» [9, с. 104]. Элементом последней является и человек. В настоящее время в отечественной философии науки такого рода системы называют человекоразмерными объектами. А их «объективно истинное объяснение и описание... предполагает включение аксиологических факторов в состав объясняющих положений». Более того, продолжает далее В. С. Стёпин, «возникает необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общественного характера» [11, с. 454]. Все это есть выражение постнеклассической рациональности. К ее становлению и обоснованию причастен и И. Пригожин.

Пригожин выражал уверенность и в том, что «новая рациональность» и ее утверждение даже в «новом нестабильном состоянии современного общества» не допустит осуществления идей «конца Науки», «конца Истории» и наступления эры «Пост-Человечества». Вот почему «будущие поколения должны быть бдительными, чтобы гарантировать, что это никогда не случится. Один признак надежды – это то, что интерес к изучению природы и желание участвовать в культурной жизни никогда не были так велики, как сегодня. Мы не нуждаемся ни в каком “пост-человечестве”» [14, с. 21]. Только современный человек, осуществляя конвергенцию знаний о природе с другими элементами культуры, будет содействовать, по заключению естествоиспытателя, становлению гуманного общества и его разумному отношению к природе.

Как видим, оптимизм суждений И. Пригожина в отношении будущего природы и человечества порождается его глубокими знаниями природы и факторов ее эволюции. На основе обобщения этих знаний исследователем была предложена и оригинальная концепция природы. Существенной сторо-

ной его представлений о природе являлось и то, что в их содержание включался и человек, подчеркивалась его ответственность за современное и будущее состояние природы. Пригожин обосновал и новый тип научной рациональности, соответствующий современному уровню познания природы. Хотя и по сегодняшней день единой концепции природы не сформулировано, но идеи И. Пригожина о природе и направлениях ее постижения, по нашему мнению, будут значимыми в будущей единой теории природы. При ее обосновании следует учитывать и другие научные концепции природы, особенно учение В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере, выявлять в них рациональные стороны и на их основе формулировать будущую теорию и философию природы.

Список использованных источников

1. Лисеев, И. К. Природа в современном философском дискурсе / И. К. Лисеев // *Философия природы сегодня*. – М. : Канон +, 2009. – С. 29–42.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : УРСС, 2003. – 310 с.
3. Карако, П. С. Философия и методология науки: В. И. Вернадский: учение о биосфере и ноосфере / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2008. – 262 с.
4. Пригожин, И. Возвращенное очарование мира / И. Пригожин, И. Стенгерс // *Природа*. – 1986. – № 2. – С. 86–95.
5. Баблюянец, А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи / А. Баблюянец. – М. : Мир, 1990. – 375 с.
6. Пригожин, И. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы / И. Пригожин. – Ижевск : НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2001. – 208 с.
7. Пригожин, И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / И. Пригожин. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 288 с.
8. Николис, Г. Познание сложного. Введение / Г. Николис, И. Пригожин. – М. : УРСС, 2003. – 342 с.
9. Пригожин, И. Креативность в науках и гуманитарном знании: исследование отношений между двумя культурами / И. Пригожин // *Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности*. – М. : Прогресс-Традиция, 2003. – С. 99–105.
10. Степин, В. С. Философия науки: общие проблемы / В. С. Степин. – М. : Гардарики, 2006. – 384 с.
11. Степин, В. С. Постнеклассическая рациональность и синергетическая парадигма / В. С. Степин // *Синтез философии, науки и культуры: к 80-летию акад. В. С. Степина*. – Минск : БГУ, 2014. – С. 448–462.
12. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // *Вопросы философии*. – 1991. – № 6. – С. 46–57.
13. Пригожин, И. Природа, наука и новая рациональность / И. Пригожин // *В поисках нового мировидения: И. Пригожин, Е. и Н. Рерихи*. – М. : Знание, 1991. – С. 32–41.
14. Пригожин, И. Кость не брошена / И. Пригожин // *Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве*. – М. : Прогресс-Традиция, 2002. – С. 15–21.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

БЕЛОРУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПУТЬ И НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ (К юбилею Института философии НАН Беларуси)

В 2016 г. Институт философии Национальной академии наук Беларуси отмечает свое 85-летие.

Думается, это важная дата не только для ученых-философов, но и для самой Академии наук, всех деятелей науки и образования в нашей стране. Ведь философское знание – это не просто древнейшая форма интеллектуального творчества. Сегодня оно выступает как интегратор научного процесса, предпосылка диалога и сотрудничества представителей всех подсистем духовной сферы. Философия выступает той средой, где наука как социальный институт, имеющий свои внутренние закономерности и цели, встречается с мировоззрением и ценностями всего общества. Она служит организующим центром той сферы отношений, в которой формируется социальный заказ на науку и одновременно происходит социализация – то есть осмысление и духовно-практическое освоение продуктов научно-технического прогресса.

Не секрет, что для современного общества именно философия служит той формой связи между вечным, универсальным и повседневным, насущным, благодаря которой научные идеи и решения раскрывают свой общекультурный, общечеловеческий потенциал. С открытием своего философского измерения любая научная дисциплина приобретает фундаментальный статус, а значит, перспективу развития, «допуск» в пространство трансдисциплинарного, человекомерного знания.

Благодаря деятельности Института философии белорусская наука уже много десятилетий получает необходимое методологическое и ценностное обеспечение. Скажем больше: никогда на протяжении своей истории институт не оставался в стороне от вызовов, стоящих перед обществом, шагая вместе со страной сквозь перипетии истории XX и начала XXI в.

С момента своего образования в 1931 г. один из старейших институтов Академии наук направил свою работу на решение задач социального и культурного строительства молодой советской республики. Важное место отводилось теории национального вопроса, аккумуляции идей западной философии. В числе важнейших публикаций 1930-х годов – труды первого директора института С. Я. Вольфсона, первого ученого секретаря Н. И. Шаповалова,

а также И. М. Ильюшина, Б. Э. Быховского, Р. М. Выдры и др. Научный поиск 1940–1960-х годов отличает системный подход к проблемам теории познания, логики и методологии научно-технической деятельности. В эти годы опубликованы известные по всему Советскому Союзу и за его пределами труды Г. Ф. Александрова, В. А. Сербенты, В. И. Горбача, П. Д. Пузикова и многих других исследователей. С 1950-х годов велась систематическая работа по изучению истории философской и общественно-политической мысли Беларуси. Труды Н. О. Алексютовича, Н. С. Купчина, И. Н. Лушицкого, Я. И. Порецкого, Е. С. Прокошиной, В. И. Протасевича и ряда других ученых заложен фундамент изучения белорусского гуманизма, Возрождения и Реформации, религиозного сознания и литературно-художественной практики на белорусских землях.

Эпоха 1970–1980-х годов ознаменовалась разработками по вопросам повышения роли человеческого фактора в экономической и социально-политической деятельности, социокультурного потенциала научно-технического прогресса. Коллективная монография «Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся»¹ была награждена в 1977 г. дипломом ВДНХ СССР, а руководитель авторского коллектива К. П. Буслов – бронзовой медалью выставки. Над книгами, раскрывающими пути становления белорусской интеллектуальной традиции, работали В. М. Конон, А. С. Майхрович, С. А. Подокшин и другие авторы. В 1984 г. цикл работ по истории философии Беларуси дооктябрьского периода был удостоен Государственной премии БССР. В авторстве и под редакцией талантливых ученых и организаторов науки Д. И. Широканова, Е. М. Бабосова, П. А. Водопьянова, А. К. Манеева, А. И. Савастюка, Г. А. Жебита и других вышли значительные труды по проблемам диалектики, методологии научного познания и управленческой деятельности, а также по новому для республики научному направлению – социальной экологии. Наградой для монографии «Детерминизм: системы, развитие» стал в 1986 г. Диплом I степени ВДНХ СССР, а руководитель ее авторского коллектива член-корреспондент АН БССР Д. И. Широканов был удостоен золотой медали ВДНХ.

С обретением Республикой Беларусь независимости институт приступил к решению новых актуальных задач, связанных с постулированием и разработкой мировоззренческих и духовно-нравственных аспектов национального самосознания и идентификации. Вехой этой работы стала монография члена-корреспондента НАН Беларуси А. С. Майхровича «Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси»², удостоенная в 1993 г. премии Академии наук. Продолжились плодотворные исследования

¹ Гуманизация общественных отношений и возрастание активности трудящихся / АН БССР, Ин-т философии и права ; под ред. К. П. Буслова. – Минск : Наука и техника, 1975.

² Майхрович А. С. Поиск истинного бытия и человека. Из истории философии и культуры Беларуси / Ин-т философии и права АН Беларуси, Отдел науч. информации по гуманитар. наукам. – Минск : Навука і тэхніка, 1992.

в области теории и методологии познания, на основе которых выполняются разработки в области методологии государственного строительства, социального управления, образования и воспитания. Они отражают становление парадигмы меж- и трансдисциплинарных исследований, которые решают задачи, связанные с устойчивым развитием социотехносферы. Яркий пример – белорусско-молдавская монография «Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям»¹ под редакцией академика НАН Беларуси Д. И. Широканова и академика Академии наук Молдовы А. Д. Урсула, удостоенная в 2010 г. Премии академий наук Украины, Беларуси и Молдовы.

В институте сформировались и продолжают развиваться научные школы по истории философской и общественно-политической мысли Беларуси; в области логико-методологических основ и структур научного познания; по философии религии, этике, эстетике; по социальной экологии; в области теории и методологии становления информационного общества. Деятельность научного учреждения и творческий вклад его ученых отмечены многими государственными и международными наградами.

Что можно назвать в качестве самого общего, интегрального результата, обретенного Институтом философии на его насыщенном, многогранном 85-летнем пути? Нам кажется, что это *концептуальная модель субъектности Беларуси как нации-государства в глобализирующемся мире*. Благодаря тому, что она присутствует в методологическом капитале института, а в известном смысле и формирует его основу, белорусская академическая философская школа стала важнейшим проводником гуманитарного развития страны. Данная модель обладает чертами, значимыми в стратегическом планировании внутренней и внешней политики в условиях глобализации и международных интеграционных объединений. Понятие субъектности охватывает национально-культурную идентичность и политико-экономический суверенитет. Ее предпосылкой является неотчуждаемое ядро общественной жизни – национальная культура, в которой центральное место занимает интеллектуальная культура нации – основа общественного сознания и самосознания, предпосылка научного, политико-правового, хозяйственного мышления.

Исследования в области интеллектуальной культуры Беларуси опираются на мировой приоритет белорусской философской школы в изучении философской традиции «региона Великого Княжества Литовского»: Беларуси, Литвы, Польши, Украины, а также истории русской и западноевропейской философии. В трудах института впервые для мирового сообщества системно и целостно изложено становление и развитие философской мысли Беларуси как культуротворческий процесс. Введены в научный оборот либо существенно

¹ Высокие технологии в структуре устойчивого развития: проблема соответствия ноосферным ценностям / Д. И. Широканов [и др.]; ред.: Д. И. Широканов, А. Д. Урсул; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск: Право и экономика, 2009.

расширены представления о философском творчестве Евфросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Франциска Скорины, Сымона Будного, Казимира Лыщинского, Симеона Полоцкого, Мелетия Смотрицкого, Фомы Иевлевича, Яна Снядецкого, Соломона Маймона, Анёла Довгирда и десятков других мыслителей. Изданы четыре тома фундаментальной работы «Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі», готовятся к выходу в свет следующие тома.

Необходимо отметить и следующий момент. В современном мире динамика интеллектуальной культуры определяется прежде всего процессами постиндустриальной трансформации, переходом к высоким технологическим укладам. Этим обусловлена направленность философско-методологических исследований последних лет, в которых обоснована *неклассическая версия становления в Беларуси общества, основанного на знаниях*, концепция динамики индивидуального и общественного сознания в условиях информатизации социальной жизни. Их результатом стало обоснование принципов стратегии «мягкого» рефлексивного управления процессами развития информационного общества в Беларуси.

Анализ трансформаций общественного пространства и связанных с ними рисков выводит на системное понимание гуманитарных основ устойчивого развития социума. В работах, увидевших свет в Институте философии НАН Беларуси, сформулирована концепция *духовно-нравственных оснований национальной стратегии развития и обеспечения гуманитарной безопасности Республики Беларусь*. Разработаны методологические принципы изучения динамики религиозности белорусского общества, общественно-государственной координации процессов в конфессиональной сфере. На рубеже второго десятилетия XXI в. научное учреждение приступило к реализации обширной исследовательской программы, связанной с теоретико-методологической поддержкой интеграционной политики Республики Беларусь, инициатив многовекторного международного сотрудничества.

Опираясь на эти выводы, можно с уверенностью говорить о том, что феномен белорусской академической философской школы заслужил право стать самостоятельным предметом исследования. В последние годы история и теоретико-методологический багаж Института философии отразились в ряде научных публикаций. Это, прежде всего, коллективная работа «Институт философии НАН Беларуси: источник и символ самосознания культуры»¹, вышедшая в 2011 г., обзорная монография о деятельности институтов Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси², а также новое издание – не-

¹ Институт философии НАН Беларуси : источник и символ самосознания культуры : [к 80-летию института (1931–2011 гг.)] / А. А. Лазаревич [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Беларус. навука, 2011.

² Аддзяленне гуманітарных навук і мастацтваў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі: (да 75-годдзя з дня заснавання) / Нац. акад. навук Беларусі ; рэдактар: А. А. Каваленя (старш.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. навука, 2011.

большая иллюстрированная книга «Институт философии НАН Беларуси: традиции и инновационный потенциал»¹, которая увидела свет накануне нынешнего юбилея. Особенность этого, последнего по времени издания в том, что, помимо исторического очерка, в нем приводится широкая панорама актуальных разработок научного учреждения и его сотрудников, формирующих научно-инновационный потенциал белорусской академической философской школы.

Сегодня работа Института философии НАН Беларуси строится с учетом мировых тенденций философской науки и, в частности, роста практической ориентированности философских исследований. Об этом говорит комплекс наукоемких услуг, которые предлагаются учреждениям и предприятиям страны и зарубежья. Они связаны с выявлением и снятием системных ограничений в деятельности предприятий, повышением инновационной готовности и креативных качеств руководителей и ИТР; аудитом организационной культуры, морально-психологического климата и стиля управления в организациях. Следует также назвать услуги в области этической экспертизы издательской и рекламной продукции; по стажировке и повышению квалификации исследователей и преподавательских кадров, организации научно-практических конференций, обучающих сессий, тренингов.

В багаже научного учреждения немало оригинальных идей. Это, в частности, проект по созданию серии видеороликов «Пантеон белорусского просвещения», которые знакомят широкую аудиторию с интеллектуальной культурой страны (разработка стала финалистом конкурса «100 идей для Беларуси» 2015 г.); стратегия деятельности по формированию метапредметных компетенций средствами учебно-методического комплекса «Философия в школе»; разработка в сфере ресоциализации пожилых людей с помощью инструментария практической философии и ряд других.

На протяжении десятков лет институт координирует проводимые в стране исследования в области философии и смежных дисциплин. Его ключевая роль в организации научного процесса позволила впервые в истории белорусской науки организовать работу философского кластера – *Республиканского центра фундаментальной и практической философии*, который открылся осенью 2015 г. Кластерный принцип используется в деятельности совместных подразделений с вузами республики: сегодня это филиалы кафедр философии и методологии науки, политологии Белорусского государственного университета, кафедра-лаборатория социогуманитарной экспертизы в сфере науки и образования, созданная совместно с Институтом социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета.

¹ Институт философии НАН Беларуси: традиции и инновационный потенциал / авт.-сост.: А. А. Лазаревич, С. А. Мякчило ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии. – Минск : Право и экономика, 2016.

Институт философии активно участвует в международном научном сотрудничестве. В последние годы выполнялись совместные проекты, подготовлены публикации с научными и учебными учреждениями России, Украины, Молдовы, Казахстана, Литвы, Польши, Болгарии, Германии, Словакии, Китая, Ирана, Индии, стран Латинской Америки. Эта деятельность вносит вклад в укрепление имиджа Беларуси как государства с многовековой интеллектуальной традицией, важнейшего научно-культурного центра на евразийском континенте.

Ежегодно научным учреждением организуется более 10 международных конференций, семинаров, круглых столов. Сегодня «имя» и «марка» института на евразийском пространстве поддерживается его крепкой репутацией в качестве организатора диалога философских сообществ, площадки для встречи и поиска путей координации, взаимопонимания самых различных субъектов социокультурного процесса.

И когда речь зашла о том, каким образом отпраздновать юбилей белорусской академической философской школы, самым естественным ответом было: организовать крупный международный научно-практический форум и провести конкурс творческих работ молодых исследователей, который послужил бы привлечению молодежи в науку, ее знакомству с традициями и новейшими достижениями философской мысли в нашей стране.

Задуманное осуществилось в первом полугодии 2016 г. В *республиканском конкурсе философских работ среди студентов и магистрантов* приняли участие начинающие исследователи из Минска и всех областных городов Беларуси. Им было предложено проявить свой творческий потенциал в форме эссе, раскрывающего одну из таких проблем, как «Роль философии в современном мире», «Возможности философии в осмыслении глобальных проблем современности», «Философско-этические проблемы науки, техники и новейших технологий», «Проблема человека в информационно-сетевом обществе», «Национальная философская мысль Беларуси: история и современность», «Институт философии Национальной академии наук Беларуси и его роль в развитии белорусской интеллектуальной культуры» и др. Конкурсное жюри после тщательной работы с поступившими материалами назвало лауреатов конкурса, в число которых вошли пятикурсница Белорусского государственного университета И. Э. Вансович (диплом I степени), студенты Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова В. В. Сергеев и И. А. Степанов, а также студентка Белорусского государственного университета М. В. Ровбо (дипломы II степени), магистрантка Витебского государственного университета имени П. М. Машерова М. В. Богоносова, студент Белорусского государственного университета В. А. Верещагин и студент Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова Е. И. Головень (дипломы III степени).

Чествование победителей состоялось в рамках *Международной научной конференции «Философское знание и вызовы цивилизационного развития»*,

прошедшей в г. Минске 21–22 апреля 2016 г. Она стала центральным мероприятием в серии юбилейных торжеств. Для участия в форуме в Минск прибыли руководители Института философии Российской академии наук, представители руководства и ведущие ученые Института исследований культуры Литвы, Института философии, политологии религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан, Одесской национальной академии связи имени А. С. Попова, Университета информационных технологий и управления в г. Жешуве (Польша), множества других научно-исследовательских и учебных заведений из Беларуси, стран ближнего и дальнего зарубежья.

Мотивом проведения научного форума именно под таким названием стало стремление сформировать целостную картину проблематики и направлений развития современного философского знания в контексте глобальных проблем и вызовов современности. Участникам было предложено оценить место философии в структуре духовной практики и уточнить ее роль в становлении интеллектуальной культуры общества сквозь призму достижений и потенциала философской науки в Республике Беларусь, традиций белорусской академической философской школы, ее участия в региональном и глобальном сотрудничестве. В целом конференция была призвана продемонстрировать, что в XXI в. философия по-прежнему остается незаменимым, актуальным и инновационно насыщенным знанием, обладает потенциалом к решению ряда проблем общественной практики на основе конвергенции гуманистического мировоззрения и научно-технической рациональности.

Для достижения этой масштабной цели следовало обозначить основные проблемы и направления развития философского знания на пространстве ЕАЭС, в регионе Восточной и Центральной Европы. Это, в свою очередь, направило фокус интеллектуального поиска на осмысление рисков глобального развития, обоснование средств их преодоления с опорой на механизмы культурной преемственности, взаимодополнение традиционных ценностей и новаций в интеллектуальной культуре. Особое внимание было уделено роли и функциям философского знания, философской школы, духовно-философской практики в регуляции общественных процессов, гуманизации сферы политики, образования, технологического развития; вопросам изучения, сохранения и использования богатого философского наследия Беларуси и других стран Восточной Европы в интересах устойчивого развития.

По откликам участников конференции, в заинтересованном межнациональном и междисциплинарном диалоге действительно удалось отыскать ключ к решению многих из упомянутых задач. В рамках конференции состоялись международная дискуссионная сессия «Философия в евразийском пространстве: традиции и задачи национальных школ», проблемные сессии «Философия в трансдисциплинарной парадигме интеллектуальной культуры» и «Человек, общество и культура в глобальном мире», специальное мероприятие для молодых ученых на тему «Эвристика философского знания

и гуманитарные инновации». Особый интерес у собравшихся на конференцию методологов, теоретиков науки и практиков инновационной деятельности вызвал круглый стол «Логико-философские проблемы познания», прошедший под экспертным руководством польского логика с мировым именем члена-корреспондента Польской академии наук Я. Воленского.

В ходе этих заседаний подробно освещались цивилизационные риски как предмет философского осмысления; «точки роста» и стратегии устойчивости социально-экономических систем в условиях кризиса; философские аспекты межкультурных и межконфессиональных отношений в глобальном мире; антропологическая составляющая современных глобальных процессов; феномен национальной философии в глобальном социокультурном пространстве. Современное философское знание было проанализировано как источник мировоззренческого и методологического обеспечения интеграционной динамики, фактор формирования и роста человеческого капитала, механизм рефлексии процессов трансформации жизненного мира человека и общества в информационно-коммуникационном пространстве. И, разумеется, много теплых слов, доброжелательных и взвешенных оценок высказывалось в адрес белорусской академической философии, ее истории, ведущих персоналий, перспектив.

Яркая и плодотворная конференция осталась позади. Но мероприятия юбилейного года продолжают. В их числе весомые книгоиздательские проекты – в частности, очередной, четвертый том «Гісторыі філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі», коллективная монография под редакцией члена-корреспондента НАН Беларуси Л. Ф. Евменова «Логика свободы и достоинства личности»¹ – первый в нашей стране труд, открывающий программу исследований в области философских предпосылок и ценностных основ гражданского строительства, гуманизации социальной жизни и реализации прав человека в условиях постиндустриального перехода. Институт развивает свои международные научные связи, охватывая новые регионы и направления работы.

Дорога белорусской академической философии, проложенная поколениями ярких мыслителей XX – начала XXI в., зовет к новым горизонтам.

*С. А. Мякчило,
научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

¹ Логика достоинства и свободы личности : посвящ. 85-летию Ин-та философии НАН Беларуси / сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск : Беларус. навука, 2016.

ПОСТИГАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ И ДИНАМИКУ ЭПОХ

(К 85-летию академика Е. М. Бабосова)

Об академике Евгении Михайловиче Бабосове – незаурядной личности, оставившей глубокий, яркий след в различных сферах гуманитарной науки, – можно говорить долго. Уже один тот факт, что им опубликовано более 1000 научных работ, в том числе более 50 индивидуальных монографий, посвященных исследованию актуальных проблем философии, социологии, политологии и культурологии, подготовлено более 100 кандидатов и докторов наук, говорит сам за себя. А наряду с масштабной исследовательской деятельностью лауреат Государственной премии БССР, заслуженный деятель науки Республики Беларусь Евгений Михайлович Бабосов не менее активно и творчески занимался и продолжает до сих пор заниматься педагогической работой. Как ведущий лектор Всесоюзного общества «Знание» ученый выступал с лекциями и докладами в самых разных уголках нашей страны и далеко за ее пределами. Но и это еще не всё. На протяжении многих лет он успешно руководил Институтом философии и права, создал и долгие годы возглавлял Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, работал на ответственных должностях в руководящих органах государства. Это зрелый период научной, педагогической и организаторской деятельности академика, 85-летие со дня рождения которого не так давно было отмечено на самом высоком уровне.

Но и в юном возрасте Евгений Михайлович был не менее заурядной и не менее активной личностью – возглавлял комсомольскую организацию в Белорусском государственном университете, участвовал в освоении целинных земель, организовывал различные спортивно-массовые мероприятия и сам активно занимался спортом. Он относится к тому поколению советских людей, которое прошло суровую закалку – с честью выдержало суровые испытания в годы Великой Отечественной войны и послевоенного обустройства страны. С золотой медалью окончил школу, с отличием – отделение философии Белорусского государственного университета, затем – аспирантуру, успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Свою научную деятельность Евгений Михайлович начинал в области диалектики, логики и теории познания, представляющей собой наиболее важный

и в то же время наиболее сложный сегмент философской науки. Еще в аспирантские годы он овладел фундаментальной теоретико-методологической базой исследования различных сфер бытия, обрел широту и глубину мышления, способность глубоко постигать сущее и предвосхищать будущее, что позволило успешно работать в дальнейшем в различных областях гуманитарной науки.

Итогом первого этапа научного творчества стала фундаментальная монография «Диалектика анализа и синтеза в научном познании» (1963), в которой отстаивается диалектическая логика и раскрывается ее методологическая роль в познавательной деятельности субъекта. «Основная задача научного мышления, – утверждает ученый, – познать мир как единое целое во всем его многообразии, во взаимосвязи его явлений, сторон и тенденций развития, в их закономерных взаимосвязях»¹. Эти идеи актуальны и в наши дни. Сейчас, в весьма противоречивую историческую эпоху, которую американский социолог Д. Белл называет «эпохой разобщенности», диалектическое мышление, как никогда ранее, становится востребованным для выработки теоретически обоснованной, выверенной стратегии развития нашего государства, системного осмысления и прогнозирования динамики мирового сообщества.

Важный этап научного творчества Е. М. Бабосова представлен разработкой фундаментальных аспектов научно-технической революции. Это был период, когда в Беларуси так же, как и в других союзных республиках, решался жизненно важный вопрос создания мощной научно-технологической базы народно-хозяйственного комплекса. В монографиях «Сущность современной научно-технической революции и ее место в историческом процессе» (1972), «Социальные аспекты научно-технической революции» (1976), а также многочисленных разделах коллективных работ и статьях ученый сконцентрировал внимание на главном субъекте научно-технической революции (НТР) – человеке, его всестороннем развитии и совершенствовании, обосновал возросшую потребность значительного повышения не только профессионально-технического уровня, но и духовно-культурного потенциала трудящихся, ибо «понять сущность и особенности этой революции можно только в том случае, если не ограничиваться анализом “чисто научных”, “чисто технических”, “чисто производственных” ее компонентов, а рассматривать ее в более широком плане – в контексте социально обусловленных целей, характерных черт и направленности использования ее достижений, весьма различных, а по ряду важнейших параметров и диаметрально противоположных в разнотипных социальных системах»². Как видим, Е. М. Бабосов на философско-теоретическом уровне

¹ Бабосов Е. М. Диалектика анализа и синтеза в научном познании. – Минск : Изд-во АН БССР, 1963. – С. 5.

² Бабосов Е. М. Социальные аспекты научно-технической революции. – Минск : Изд-во БГУ, 1976. – С. 4.

обосновывает новую, диалектическую трактовку НТР. Его вывод сводится к следующему: «Поскольку в своей глубинной сущности НТР представляет собой революционный переворот в современных производительных силах, она не ограничивается революционными сдвигами в науке и технике, но затрагивает в первую очередь главную производительную силу общества – человека. А это означает, что вне рассмотрения влияния НТР на человека, на его повседневный труд, быт, отдых, на социально-экономические отношения между людьми, равно как и вне рассмотрения влияния социально-экономических отношений на революционные сдвиги в науке, технике и производстве, нельзя правильно понять сущность исследуемого социального процесса»¹. И поэтому именно человек во всех его многообразных гранях становления и развития выступает главным объектом дальнейших научных поисков Евгения Михайловича.

Одной из первых авторских фундаментальных работ по этой теме стала монография «Личность, коллектив, общество» (1975). В ней содержится анализ многообразных факторов и условий формирования гармонически развитой личности, выясняется роль семьи, школы, вуза, трудового коллектива, утверждается необходимость единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, необходимость перехода знаний в глубокие внутренние убеждения. Многие из обоснованных автором положений не потеряли актуальности и в наши дни. Ученый при этом приходит к следующему заключению: чтобы постичь сущность и динамику человека, недостаточно диалектической логики и чисто абстрактного мышления. Наряду с теоретическим постижением бытия не менее важно систематически «замерять» постоянно происходящие в самом человеке изменения. Осуществить это можно путем изучения общественного сознания. Ведь «общественное сознание, которое вполне измеримо и может быть достаточно адекватно оценено средствами социологии и социальной психологии, очень живо и заинтересованно реагирует на все преобразования, происходящие в нашем обществе»². Следовательно, необходим синтез философии и эмпирической социологии.

Возглавив Институт философии и права АН БССР, Евгений Михайлович уделил самое серьезное внимание исследованию человека и социума на эмпирическом уровне. Для этой цели в научном учреждении создается сектор исторического материализма и методологических проблем социологических исследований, укомплектованный опытными и молодыми специалистами. В течение каких-то 10 лет сотрудниками этого сектора под руководством Е. М. Бабосова были успешно реализованы фундаментальные научные проекты в области социальной структуры общества, молодежной политики, ду-

¹ Бабосов Е.М. Социальные аспекты научно-технической революции. – С. 7.

² Бабосов Е. М. Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения. – Минск : Наука і тэхніка, 1992. – С. 6.

ховной культуры. В опубликованных работах в системном виде раскрыта социальная структура советского общества, показан исторический процесс формирования и развития рабочего класса, крестьянства и интеллигенции в Беларуси, на базе проведенных социологических исследований выявлены проблемные вопросы, предложены конкретные пути их разрешения.

Особое место в творчестве Е. М. Бабосова занимают исследования, посвященные осмыслению различных аспектов переходной эпохи 1990-х годов. Это была непростая, или, лучше сказать, драматичная эпоха, ставшая серьезным испытанием для граждан бывшего СССР. И опять же в центре внимания ученого постоянно находится человек со всеми его повседневными заботами и проблемами. В монографии «Человек на пороге рынка: социальные ожидания населения» (1992) на основе статистических данных, полученных в результате проведенных социологических исследований, раскрываются динамика и коллизии общественного сознания, сделан вывод, что «перестройка, декларированная как процесс перехода от старого качественного состояния общества к новому, более демократическому, гуманному и справедливому, натолкнулась на огромные трудности, препятствия и заглохла, дав повод многим говорить о наступлении постперестроечной эпохи»¹. Ученый не ограничивается лишь фиксацией зародившихся глубоких социальных противоречий и проблем. Он стремится отыскать конкретные причины сложившейся проблемной ситуации, грозящей перерасти в масштабное социальное противостояние огромных масс людей, предлагает возможные оптимальные варианты мирного ее разрешения. «Ситуация, достаточно сложная сама по себе, – отмечает Евгений Михайлович, – усугубляется тем, что стремительная ломка отживших форм осуществляется в большинстве случаев без предварительной разработки научно обоснованной стратегии и тактики перемен, без учета вероятных последствий принимаемых решений и возможных альтернатив. Следствием этого становится разбалансированность социальной, экономической, политической сфер жизнедеятельности общества и их взаимодействия, усиление социально-экономической и политической дестабилизации, обострение социальной напряженности»². Дальнейшую научную разработку поднятая тема получила в исследованиях Е. М. Бабосова в сфере конфликтологии.

Обобщающим трудом, посвященным различным аспектам переходной эпохи, социальной трансформации, стала монография «Модернизация социальных систем» (2014), в которой раскрыты особенности модернизации экономической, политической, социальной и культурной систем. И в этом исследовании человек снова представлен главным субъектом социального бытия.

¹ Бабосов Е. М. Человек на пороге рынка... – С. 4.

² Там же. – С. 5.

«Как бы глубокомысленно мы ни анализировали и теоретически ни эксплицировали модернизацию, какие бы новые грани в ее развитии ни выявляли, как бы ни восторгались ее успехами (или печалились ее неудачами), – отмечает ученый, – рано или поздно мы приходим к вполне определенному выводу. Суть его такова: модернизация может стать успешной только в том случае, когда ее основным субъектом, активнейшим двигателем становится человек – человек неравнодушный, целеустремленный, креативный, нравственно зрелый и гражданственно ответственный»¹.

Не обошел вниманием Евгений Михайлович историко-философскую и историко-социологическую проблематику (у читателей получили признание его монографии «Эрих Фромм» (2008), «Карл Густав Юнг» (2009) и др.), а также религиозоведческую тему (опубликованы фундаментальные работы «Тейярдизм: попытки синтеза науки и христианства» (1970), «Научно-техническая революция и модернизация католицизма» (1971) и др.).

В последние годы Евгений Михайлович уделяет большое внимание инновационным стратегиям подготовки руководителей в контексте повышения конкурентоспособности объектов управления. Это не случайно. Как известно, проблема подготовки руководителей различного уровня применительно к разнообразным сферам хозяйственной и общественной жизни еще с древнейших времен привлекала внимание исследователей. Стоит вспомнить философские трактаты древнекитайских и древнеиндийских мыслителей, сочинения Платона и Аристотеля. Не пропал интерес к этой теме и в XX в. Но особенно остро он встал перед молодыми государствами, обретшими независимость в 1990-е годы. Новое поколение управленцев руководствовались отчасти старым багажом знаний, а отчасти лишь здравым рассудком, шли путем «проб и ошибок», поскольку прошлый опыт был уже мало пригоден для решения постоянно возникающих нестандартных задач национального строительства, а новых теоретических разработок еще не было. Такая ситуация сложилась и в Беларуси.

В целом можно констатировать, что актуальность разрабатываемой в последние годы Е. М. Бабосовым проблемы обуславливалась, с одной стороны, отсутствием у нашего государства должного национального опыта подготовки руководителей. С другой стороны, она порождалась необходимостью решения на государственном уровне новых, доселе не известных задач, связанных с переводом национальной экономики, да и всего государства, на инновационный путь развития. Всё это неизбежно требовало подготовки нового поколения управленцев, обладающих необходимой компетенцией для выполнения столь масштабных задач.

Эта проблематика занимает важное место в монографиях «Человек в социальных системах» (2013), «Современный социум: характер и направлен-

¹ Бабосов Е. М. Модернизация социальных систем. – Минск : Беларус. навука, 2014. – С. 11.

ность развития» (2013), «Модернизация социальных систем» (2014) и др. В названных работах, базирующихся на эмпирическом материале проведенных конкретных социологических исследований, раскрываются качественное состояние и кадровый потенциал различных управленческих институтов в Беларуси, выявляются специфические особенности, позитивные и негативные стороны процесса подготовки руководителей в стране. Ученый не ограничивается выявлением сущности и констатацией состояния отечественной управленческой сферы, а вносит конкретные предложения по ее модернизации. По этой проблеме Е. М. Бабосовым подготовлен ряд учебников и учебных пособий, а также методические материалы с учетом мирового опыта и перспектив отечественной управленческой практики, которые широко внедрены в учебный процесс в Беларуси и за рубежом. К ним следует отнести: «Управление персоналом: учеб. пособие» (2012), «Социология управления: учеб. пособие для системы корпоративной учебы» (2012), «Конфликтология: учеб. пособие для вузов» (2012) и др.

Научная новизна названных публикаций состоит в том, что в них на философско-теоретическом уровне раскрыта сущность управления и управленческого процесса как таковых, а также роль управленческой культуры в современном социуме; впервые разработана интегративная модель компетенций современных руководителей различных организационно-управленческих уровней; раскрыты возможности инновационных методов в процессе подготовки управленческих кадров. Характерная особенность указанных работ – их органичная связь с социальной практикой. В данном случае имеется в виду прежде всего масштабная эмпирическая база исследований.

Наконец, нельзя не сказать о практической значимости теоретических разработок академика Е. М. Бабосова. Автор не является «кабинетным ученым», он максимально внедрил свои разработки в социальную практику. Его аналитические материалы на протяжении многих лет активно использовались различными государственными службами, а учебники, учебные и методические пособия надежно обеспечивают учебный процесс как в Беларуси, так и далеко за ее пределами.

Ученый ратует за целостность, системность науки. Он не только теоретически обосновывает данное принципиальное положение, но своими разработками утверждает его на практике. «Целостность науки как системы научной деятельности и развивающейся системы знаний, – отмечает он, – заключается в том, что все ее отличительные признаки и особенности взаимодействуют друг с другом таким образом, что эта сложная система никоим образом не может быть сведена к сумме свойств составляющих ее частей, будь то теории, методы или отрасли знаний»¹.

¹ Бабосов Е. М. Человек в социальных системах. – Минск : Беларус. навука, 2013. – С. 335–336.

Нельзя не сказать и об организационно-управленческом таланте юбиляра. Неординарной, яркой, инициативной, творческой личностью проявил себя он на посту директора Института философии и права АН БССР. Коллектив института в те годы был большим – в одном учреждении работали философы, социологи и праведы. Управлять таким огромным коллективом было непросто. Но Евгений Михайлович успешно справлялся со своими обязанностями, прекрасно ориентировался в философии и социологии, был замечательным организатором научных исследований, умел создавать творческую атмосферу – и сам активно работал, и молодежи, которая к нему тянулась, не давал покоя. У него всегда были идеи, задумки. Наряду с теоретическими разработками в области методологии науки, истории философии, теории и истории права активно проводились масштабные социологические исследования. Постепенно формировались национальные философские школы. Именно тогда были опубликованы многие фундаментальные работы по философии, социологии и праву, а группе научных сотрудников института присуждена Государственная премия БССР. Одновременно с известными учеными активно занимались научными разработками молодые исследователи. Для этого имелись все условия: молодежь могла стажироваться в ведущих научных центрах АН СССР, при институте успешно работал совет по защите докторских диссертаций. Институт был органично связан с другими структурными подразделениями АН БССР, являлся организатором и самым непосредственным участником академических методологических семинаров. В ту пору установились также его тесные научные связи с академическими институтами Москвы, Киева, Вильнюса, что позволяло координировать работу, обмениваться опытом, успешно осуществлять совместные научно-исследовательские проекты.

Неизмерим вклад Евгения Михайловича в педагогическую науку и практику. Об его уникальном педагогическом таланте утверждают все, кому посчастливилось слушать разнообразные лекционные курсы ученого, отличающиеся логической последовательностью, глубиной мышления и эмоциональной насыщенностью. Фундаментальный научный потенциал и огромный педагогический опыт обрели практическое воплощение в лекциях, научных докладах, многочисленных учебниках и учебных пособиях академика, выдержавших не одно издание и заслуженно пользующихся большим авторитетом у студентов. Это «Конфликтология» (1997), «Общая социология» (2002), «Социология управления» (2002), «Основы идеологии современного государства» (2007), «Идеология белорусского государства: теоретические и практические аспекты» (2009), «Основы идеологии белорусского государства: учеб. пособие для студентов учреждений высшего образования» (2013) и др.

В предисловии к монографии «Человекомерность социальных систем» (2015) Евгений Михайлович отмечает: «С каждым новым человеком, который приходит в мир, в социальную реальность входит нечто новое, уникальное, неповтори-

мое, а в своих конкретных проявлениях и действиях личность индивидуальна по способу своего существования и социальна по своей сути»¹. Эти слова с полным на то основанием следует отнести и к самому автору. Как ученый, мыслитель, исследователь, умудренный опытом организатор и вдохновитель гуманитарной науки Евгений Михайлович уникален и индивидуален, но одновременно и социален, поскольку его многочисленные печатные труды воспроизвели и во многом предвосхитили широкий спектр многообразного социального бытия XX – начала XXI в., а личная трудовая и организационная деятельность составили его весомую долю.

Крепкого Вам, Евгений Михайлович, здоровья, благополучия, молодости духа, дальнейших творческих свершений.

*Т. И. Адуло, доктор философских наук,
профессор, заведующий Центром социально-философских
и антропологических исследований
Института философии НАН Беларуси*

¹ Бабосов Е. М. Человекомерность социальных систем. – Минск : Беларусь, наука, 2015. – С. 6.

ЖРЕЦ ПРЕКРАСНОГО

Третий год пошел уже, как нет среди нас Николая Игнатьевича Крюковского – выдающегося белорусского эстетика, ветерана Великой Отечественной войны (награжден орденом Отечественной войны I степени), человека сложных и неоднозначных исканий, прошедшего непростой путь от языковеда до специалиста в области эстетики и культурологии, от поста президента Белорусской эстетической ассоциации до поста председателя Белорусской христианской демократической партии. И хотя идеологические пристрастия ученого не всегда разделялись эстетической общественностью, его стремление к многообразию (характерная черта эстетика) не могло не находить отклик у его многочисленных учеников и коллег. Он увлекался (на любительском уровне, но близком к профессиональному) и астрономией и музыкой. Кроме всего прочего, Николай Игнатьевич обладал высокими человеческими качествами – благородством, честностью, высоким чувством достоинства, добротой... И, как обычно, когда уходит человек, он оценивается, как правило, по тому главному вкладу, который он оставляет людям. Для Николая Игнатьевича Крюковского этим главным вкладом, несомненно, была теоретическая эстетика, одним из родоначальников которой в Беларуси он был...

Писать о Николае Игнатьевиче Крюковском легко и одновременно достаточно сложно. Легко потому, что он воплотил в себе облик типичного белорусского человека в его истинной позитивной ипостаси: он нес в себе черты радушия, доброжелательности и неконфликтности (хотя когда задевали его сокровенные взгляды на жизнь и, особенно, науку, – немедленно восставал и был непреклонен в своих принципах).

Сложно потому, что, будучи, по сути, пионером белорусской советской эстетической школы, Николай Игнатьевич, временами, «отклонялся» и на другие сферы духовной деятельности: в молодости – на языкознание, затем – на философию, культурологию, в солидном возрасте – и на общественно-политическую деятельность. О последних его христианско-демократических воззрениях мне, естественно, писать не с руки. И дело здесь не только в презумпции свободы совести – естественно, если у меня несколько другие (признаюсь, социал-демократические) взгляды, то разность мировоззрения так или иначе скажется в оценке тех или иных общественных явлений. Мне бы этого не хотелось, тем более, что человека, на мой взгляд, следует оценивать по высшему его «взлету», по тому самому важному, что он оставил людям. И это важное касается прежде всего гуманитарной науки, которая в советское время была в достаточной степени в «загоне», выступала в роли перманентно отстающей структуры. Физики в начале 60-х годов XX в., помнится, шутили: все нау-

ки делятся на «естественные», «неестественные» и «противоестественные». Второй раздел четко указывал на отсутствие объективности, логической выверенности (признаки, которые, как тогда думалось, присущи подлинной науке). Третий намекал на сильную идеологическую насыщенность (характерная черта эпохи начинающейся эры «развитого социализма»), что, естественно сразу отправляло ту или иную дисциплину за пределы сферы науки. Гуманитарные науки в этой классификации занимали место на стыке между вторым и третьим разделами. Николай Игнатьевич с задором неопита (прошедшего Великую войну) принялся исправлять «издержки» гуманитарного знания.

Первым объектом его изысканий стало языкознание. Николай Игнатьевич подошел к исследовательской работе с пафосом молодого ученого, воспитанного в академических традициях. Поскольку юность его пришлась на военные годы, он окончил университет довольно поздно. Но филологическое образование дало возможность молодому человеку осмыслить свой, уже довольно объемный жизненный опыт и ощутить себя своим в гуманитарной науке. Все это позволило Н. И. Крюковскому защитить кандидатскую диссертацию по языкознанию.

Диссертационное исследование, где приводятся интересные рассуждения автора по взаимодействиям близкородственных языков, и ныне может привлечь внимание заинтересованных историков науки уровнем обобщений, который продемонстрировал новоявленный кандидат наук. Он явно приближался к философскому, а по сути – и был им...

Впоследствии, когда я ближе познакомился с биографией своего белорусского наставника, из первых уст узнал, откуда возникла эта особенная тяга Николая Игнатьевича к философии, и в частности к Гегелю.

В годы Великой Отечественной войны Николай Игнатьевич воевал в партизанской бригаде Константина Заслонова и, находясь в партизанском окружении, защищал каждый лист из книги Гегеля, который его друзья-партизаны стремились использовать в качестве «полуфабриката» для самокруток с махоркой... И потом жадно читал каждую «отвоеванную» страницу великого немца. Именно тогда и пришла к нему любовь к философии.

Однако философия многогранна и многомерна. Конечно, в 1950-е годы такой четкой градации философских учений, из которых она состоит (онтология, антропология, аксиология и т. д.), в нашей гуманитарной науке не было. Но почему Николай Игнатьевич потянулся все-таки к эстетике, а не к, скажем, близкой ему по научной ментальности логике... Тайна, до конца не раскрытая...

...Хотя можно и догадываться. Ведь он, кроме всего прочего, так любил играть на скрипке и так жалел, что из-за ранения руки не смог стать скрипачом... И потом, эти его постоянные метания (уже в зрелые годы) между «женой»-филологией и «возлюбленной»-эстетикой.

...Что касается автора этих строк, то вспоминается, как, будучи студентом Белорусского государственного университета, в начале 1960-х уже «накрепким» в сторону эстетики и искусства, я услышал впервые про какого-то

«чудаковатого» языковеда, который сумел открыть нечто новое в эстетике. А несколько позже, на одной из научных конференций в университете удалось и непосредственно познакомиться с Николаем Игнатьевичем Крюковским, осуществившим настоящий переворот в эстетической науке не только в Беларуси (тогда БССР), но и во всем СССР. Показался мне он тогда вдохновенным, мечтательным, необычайно обаятельным...

...А теперь о том самом «перевороте в эстетике». В 1965 г. вышла в свет монография Н. И. Крюковского «Логика красоты», которая подытожила его эстетические воззрения и которая может считаться тем первым камнем, который лег в основание белорусской теории эстетики. В ней едва ли не впервые на советском пространстве была представлена попытка теоретического построения эстетического отношения, самой эстетики как определенной системы логического развития эстетических категорий.

Эта первая, новаторская книга пионера теории белорусской эстетики, поэтому она требует особого рассмотрения. Тем более что она как бы задала тон всему дальнейшему научному творчеству Николая Игнатьевича. Отношение эстетического объекта и эстетического субъекта составляет противоречивое единство, основанное на соотношении, где объект выступает как общее, а субъект – как особенное.

На основе взаимоотношений общего и особенного, с видимой интерпретацией гегелевской диалектики строится и категориальная система эстетики. Прекрасное представляет собой их гармоническое единство, трагическое – преобладание общего над особенным, комическое – преобладание особенного над общим, а безобразное – конфронтацию особенного и всеобщего.

Реализация эстетических категорий наиболее наглядно проявляется в искусстве; субъективная направленность творческого процесса по-своему корректирует выявленные общеэстетические закономерности.

Автор рассматривает всю многообразную сферу проявления эстетического в действительности (в цвете, звуке, пространственно-временных формах, в человеке), а также в искусстве, в его видах и жанрах. Искусство, по мысли ученого, представляет собой результат эстетической деятельности, которая специфически выделяется в структуре эстетического отношения тем, что здесь акцент переносится на субъекта. Исследователь именуется центральной задачей современной эстетики строго научное описание эстетических явлений, указывает на необходимость построения соответствующего формально-го аппарата, который мог бы адекватно отразить такую сложную систему понятий, и, что особенно важно, движение, развитие этой системы.

Работа Н. И. Крюковского, как уже отмечалось, представляла заметное явление в развитии теории эстетики в СССР. Многие ее принципиальные положения до сих пор сохраняют научную ценность. Особенно это касается разделов «эстетическое в действительности» и «эстетическое отношение и эстетическое чувство». Они логически аргументированы, сущностная природа

эстетического выявляется на самом высоком уровне философского дискурса, обстоятельно обосновывается структура и характер эстетического отношения.

Конечно, ныне – полвека спустя после появления новаторской книги Н. И. Крюковского обнаруживаются и отдельные недостатки (ведь эстетика как наука не стоит на месте!). Так, сегодня очевидно, что искусство не исчерпывается эстетическим отношением, и эстетические ценности хотя и являются важнейшими, но не единственными, которыми обладает искусство (в спектр художественного входят еще и познавательные, и нравственные ценности). К тому же сам творческий процесс с трудом может быть выражен до конца в логических рамках, он всегда допускает импровизационный момент (обусловленный в том числе и субъективным характером художественного творчества).

Но все эти замечания не могут повлиять на общую оценку работы, которая стала 50 лет назад подлинным ноу-хау для советской эстетики. Поэтому у нее (и ее автора) появились не только сторонники, но и противники (особенно в верхних эшелонах тогдашней советской эстетики). Так, И. Л. Маца опубликовал в «Вопросах философии» (№ 6 за 1966 г.) статью «Нерешенная задача», посвященную книге Н. И. Крюковского. Рецензент не увидел (или не захотел увидеть!) в ней главного: плодотворного исследования сущности эстетического, осуществленного на точной логической основе. Противники новаторского вклада Николая Игнатьевича и стали главной причиной того, что он дважды, с перерывом более чем в 10 лет, защищал свою докторскую диссертацию...

...Отчетливо помню это время – самый конец 1960-х годов... Я уже был аспирантом кафедры эстетики философского факультета Московского государственного университета и отчаянно уговаривал своего руководителя – декана философского факультета М. Ф. Овсянникова принять Н. И. Крюковского. Декан одновременно был создателем первой в СССР кафедры эстетики, обладал высшим авторитетом в эстетических кругах. Но надо было знать Николая Игнатьевича: он никогда не уступал в принципиальных вопросах и имел редкое для современных людей качество – сохранял чувство собственного достоинства. Помнится, я приложил поистине титанические усилия, прежде чем мне удалось уговорить его пойти на прием к декану философского факультета московского вуза.

...Доктором философских наук Н. И. Крюковский стал уже в конце 1970-х годов. К этому времени вышли в свет еще две его фундаментальные работы – «Основные эстетические категории» (1974) и «Кибернетика и законы красоты» (1977).

Первая из них как бы продолжает идеи, намеченные в «Логике красоты». Автор еще более детально рассматривает эстетическое отношение, особо выделяет во взаимодействии между объектом и субъектом «средний» тип ценностного отношения, когда оба компонента (сущностная и явленческая сторона у объекта и рационально-чувственная – у субъекта) являются «в целостности, в диалектически противоречивом единстве их сторон». Именно этот тип ценностного отношения автор и определяет как эстетическое. В русле этой общей концепции и выстраивается дифференциация эстетических категорий;

автор различает среди них объективные и субъективные. Центральной объективной категорией признается категория прекрасного, где зафиксирован оптимальный момент развития объекта – момент единства сущности и явления. Остальные категории образованы отклонением от этого оптимального состояния. Категориями восходящей ветви развития являются трагическое-возвышенное-прекрасное; нисходящей ветви – комическое-низменное (сатирическое) и безобразное. Работа Н. И. Крюковского содержала ряд принципиально новых положений. В ней в полной мере реализован философский подход для анализа внутренней структуры эстетических явлений. Логико-диалектический анализ позволил близко к оптимальному выявить общую картину соотношения общего и особенного, сущности и явления; убедительно выглядит и субординационно-координационная система взаимозависимостей эстетических понятий и категорий. Конечно, фундаментальной разработки требовали система субъективных категорий (ныне мы ее именуем субъектной) и проблемы развития искусства. Но в целом идеи эстетика представлялись (особенно в коррекции на время, когда они вырабатывались!) и интересными и перспективными.

В 1977 г. выходит в свет монография Н. И. Крюковского «Кибернетика и законы красоты». Этой работой как бы завершается «триптих» исследований ученого в области применения философско-логических методов как основополагающей методологии эстетического анализа и открывается, на наш взгляд, новое направление общетеоретических разработок современной эстетики Беларуси.

В этой книге автор пытается «логический костяк эстетики» истолковать в терминах, как он утверждает, «современной науки, прежде всего теории множеств и кибернетики». Причем на фоне довольно большого количества отечественных и зарубежных специалистов, пытающихся анализировать искусство в свете теории информации, подход Н. И. Крюковского отличался оригинальностью и конструктивностью. Он применяет математические и кибернетические методы не автоматически, а сообразуясь с закономерностями искусства, используя при этом наработанный, по сути авторский, логико-диалектический подход. Поскольку действительность с кибернетической точки зрения представляется как сложнейшая иерархическая панорама систем и подсистем, множеств и подмножеств, которая находится в связи и постоянном движении. В этом русле автор трактует и взаимоотношения между человеком и действительностью, между субъектом и объектом. В понятиях теории информации Н. И. Крюковский рассматривает и взаимоотношения между эстетическим субъектом и объектом; анализирует эстетическое на фоне таких понятий, как оригинальность и избыточность информации, обратная связь, изоморфизм и гомоморфизм, энтропии и неэнтропия.

Сделав критический анализ теоретико-информационного описания эстетического отношения М. Бензе и А. Моля, ученый приходит к выводу, что данные исследователи не выясняют специфику эстетической информации (у М. Бензе, например, недостаточно ясная трактовка избыточности как основы эстетической информации, а у А. Моля – противопоставление логического и образ-

ного). Выясняя специфику эстетической информации, автор рассматривает структуру эстетического объекта (отправитель эстетической информации) и эстетического субъекта (приемник эстетической информации). Специфику эстетической информации исследователь видит в моменте единства «оригинальности» и «банальности» (максимум количественного объема информации), а нули – на моменты соответственно абсолютной «оригинальности» и абсолютной «банальности». Автор делает попытку вывести формулу эстетической информации (опираясь на модифицированный вариант формулы К. Шеннона); механизм выведенного в понятиях кибернетики эстетического отношения применяется для рассмотрения эстетических категорий. С помощью трехзначной и одного из вариантов четырехзначной логики исследователем анализируются объектные и субъектная (категория эстетического вкуса) категории, а также их возможные переходные состояния.

Оценивая книгу Н. И. Крюковского, в целом, можно утверждать, что эта фундаментальная работа, несомненно, весьма значима для развития истории белорусской (в то время всей советской) эстетики.

В то же время в свете современной теории эстетики некоторые ключевые положения работы представляются небесспорными. Слишком многообразны проявления эстетического; не все они могут быть объяснены с логических позиций. Известная неразработанность, на наш взгляд, проявляется и в анализе субъективных категорий эстетики, под которыми в работе понимается система «категорий эстетического вкуса». Это тем более значимо в русле современных взглядов на субъекты рациональности и, особенно, на ее место в постнеклассической науке. Во всяком случае ныне общефилософский взгляд сосредотачивается на субъективности, на внутреннем (духовном) мире человека. В отношении эстетики это означает перенос внимания на субъектные ее категории, а также на спецификацию искусства, особенно в видовых и жанровых его изменениях. Тем не менее попытка Н. И. Крюковского (на характерном для него высоком философском уровне) «наведения мостов» между различными областями науки, предпринятая в конце 70-х годов XX в., не может интерпретироваться иначе, как вклад в белорусскую науку.

В 1983 г. увидела свет новая книга маститого эстетика «*Homo pulcher*. Человек прекрасный: очерк теоретической эстетики человека». В этой работе он продолжает свои изыскания. Теперь в центре их находится человек как эстетический объект, а в качестве рабочего инструмента используется (как всегда у Н. И. Крюковского) диалектическая логика, как пишет автор, в «традиционно философском и, разумеется, материалистическом ее толковании».

Книга строится на восприятии разнообразных сторон человека: биологическое начало выступает основанием для обнаружения физической красоты человека, рассматривается и проблема духовной красоты человека; наконец, человек в единстве физического и духовного признается высшим эстетическим объектом. При этом автор пытается обозначить и категориальные состояния эстетического человека. Построения Н. И. Крюковского, как всегда,

интересны, однако эта монография показывает и определенные слабости логико-философского подхода.

Насыщение категориальным аппаратом приводит к абстракции, чувственная конкретика (в чем, собственно, и заключается специфика эстетического) теряется. К тому же диалектико-материалистическая трактовка жизнедеятельности человека часто приводит автора к смешению социального и духовного. Хотя попытка рассмотрения эстетического идеала человека в его историческом развитии рассматривается как позитивное достижение работы.

Впоследствии эти наработки Николай Игнатьевич использует в своей последней книге «Блеск и трагедия идеала» (2004). Здесь наиболее интересна корректировка понятия идеала в его не только объективной ипостаси; но особенной убедительности в плане показа субъективных аспектов его проявления автор не достигает. Еще более спорным выступает проектирование идеала на структуру социального пространства первого десятилетия XXI в. У автора просто не хватает опыта осмысления социальных процессов нового века, а абстрактно-логические построения (представляющие интерес в чисто философском смысле) в проблемах, которые требуют максимальной конкретики, вызывают, конечно, ощущение неудовлетворенности.

Так, рассматривая проблему национальной идеи, Н. И. Крюковский никак не связывает ее с проблематикой национального самосознания и национального менталитета, в силу этого все правильные положения философа выглядят абстракциями, далекими от реальности. Хотя в патриотизме автора, в благородстве его идей, в его боли переживаний за судьбу родного белорусского этноса не приходится сомневаться.

С научной точки зрения работа Н. И. Крюковского начала 2000-х годов «Философия культуры: введение в теоретическую культурологию» представляет большую значимость. Здесь и в самом деле обнаруживается конструктивная попытка философа построить систему понимания культуры как огромного единого организма, взаимосвязанного во всех его частях. Несомненным достижением работы можно считать то, что она строится на аксиологической основе; автор определяет культуру как «целостную системно организованную совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством в процессе его исторического развития и способствующих нормальной, счастливой жизни человека». Если исключить последнее, несколько публицистическое добавление (впрочем, оправдываемое тем, что книга является учебным пособием), то общее понимание культуры, за редким исключением, может считаться вполне конструктивным.

Исключение как раз составляет градация частей культуры, предпринятая Н. И. Крюковским. Согласно ей культура делится на три большие части: материальную, духовную и художественную. Здесь автор, на наш взгляд, отрицая марксистский философский подход, внутренне следует ему. Иначе трудно понять, как цивилизационные структуры (в основе которых лежат материальные ценности) смешиваются у него со структурами, насыщенными культурой

(порождением духовных ценностей). К тому же неточная трактовка духовного (ученый придерживается классической интерпретации его, куда включаются ценности религии, а мораль и право – последнее представляет собой скорее социальную, чем культурную структуру – как бы дополняют их), приводит и к размытости всего ареала культуры. Ибо автор оказывается не в состоянии ответить на простой вопрос: разве художественное не строится на духовном субстрате и, следовательно, не входит в сферу духовной культуры?

Да и логическая дифференциация видов искусства едва ли может считаться конструктивной (особенно это касается выразительных видов искусства). Тем не менее сама направленность книги не может не привлекать. Ее главная заслуга – в обосновании существования философии культуры (и ее отличия от культурологии – в точности понятийных структур), а также в утверждении аксиологических оснований культуры.

Оглядывая в целом обширное научное наследие Н. И. Крюковского, можно подчеркнуть то обстоятельство, что оно сыграло огромную роль в развитии восточнославянской эстетики в XX в. Логико-философский подход, исповедуемый талантливым ученым, оказал значительное воздействие на исследователей гуманитарной науки советской эпохи (особенно в 1970–1980-е годы). Что касается белорусской эстетики, то Н. И. Крюковский был, по сути, основателем ее теории, безусловным лидером этого направления философско-эстетического дискурса.

Он человек, которого можно обозначить в качестве патриарха белорусской эстетики (именно так называлась статья автора этих строк в журнале «Мастацтва», который он возглавлял в 2003 г., посвященная 80-летию Н. И. Крюковского). Кроме высокого профессионального реноме, ученый – и с этим согласится всякий, кто близко знал выдающегося белорусского эстетика, – обладал и подлинно человеческими качествами, был интеллигентом в точном значении этого понятия. Он обладал непререкаемым авторитетом не только в научных кругах. Это, в частности, выразилось и в том, что на конференции деятелей эстетики и эстетического воспитания, представляющих все области БССР, в 1990 г. он единогласно был избран президентом Белорусской эстетической ассоциации...

...Что остается после ухода человека из нашего бренного мира? Его образ, который не исчезает из памяти знавших его друзей. И его дела, утвердившие его имя в этом мире. Современники, я глубоко убежден, никогда не забудут светлый образ Николая Игнатьевича Крюковского, человека высокой мысли, креативного поиска. А люди XXI века, лично не знавшие одного из создателей белорусской эстетики, могут познакомиться с ним благодаря его «делам» – книгам, которые он оставил людям. Ведь, как утверждал великий пращур белорусского народа Франциск Скорина, «написанное остается».

*В. А. Салеев,
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель культуры Республики Беларусь*

ТРУЖЕНИК, ВОИН, МЫСЛИТЕЛЬ (К 95-летию со дня рождения А. К. Манеева)

Алексей Климентьевич Манеев (1921–2016) – один из выдающихся и наиболее творческих, оригинальных исследователей в истории Института философии НАН Беларуси. Слова, стоящие в заголовке данного краткого очерка о сложном и интересном жизненном пути Алексея Климентьевича, вполне точно характеризуют его как достойного гражданина нашей страны и видного представителя своей эпохи.

Алексей Климентьевич Манеев родился 15 мая 1921 г. в крестьянской семье в деревне Роги Гомельского района. В 1937 г. окончил среднюю школу, а в 1940 г. – Гомельский медицинский техникум, после чего был призван на службу в Красную Армию. В июне 1941 г. направлен в г. Ленинград, где прошел курс усовершенствования медицинского состава. Здесь же его застигло военное лихолетье.

На протяжении всего труднейшего периода блокады Ленинграда Алексей Климентьевич являлся участником героической обороны города в рядах действующей армии, вошел в летопись героических защитников Ленинграда. В 1944 г. после тяжелого ранения был демобилизован и проходил лечение.

В 1946 г. он поступил в Белорусский государственный университет на отделение логики, психологии и русского языка филологического факультета. Острый, пытливый ум уже тогда отразился на широте научных интересов исследователя: параллельно он занимается на физико-математическом факультете и в медицинском институте. В 1951 г. А. К. Манеев с отличием закончил Белгосуниверситет, а затем, в 1951–1953 гг., там же проходил обучение в аспирантуре. В последующем с 1954 г. трудился в Белорусском телеграфном агентстве при Совете Министров БССР. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблемам логики. Далее, с 1957 по 1991 г., Алексей Климентьевич работал в Институте философии и права АН БССР, где вел плодотворную научно-исследовательскую деятельность.

Фронтвик, ветеран Великой Отечественной войны Алексей Климентьевич Манеев за ратную и трудовую доблесть был удостоен многих наград Родины. Это орден Отечественной войны II степени; медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда»,

«За боевые заслуги». Среди наград ветерана – много юбилейных медалей: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «65 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «70 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; «70 год вызволення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў», медали Вооруженных Сил СССР; «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Руководители славного града на Неве регулярно отмечают вклад А. К. Манеева в оборону города. Он награжден медалью «65-летие полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады»; памятным знаком Санкт-Петербурга «В честь 70-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады», медалью «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

Во время работы в Институте философии Алексей Климентьевич Манеев находился в постоянном творческом поиске и вел активные философско-методологические разработки. Его перу принадлежат более 100 научных публикаций, в том числе шесть монографических исследований.

Над разрабатываемыми проблемами Алексей Климентьевич работал вдохновенно и увлеченно. Его многогранный талант проявился в необычайно широком спектре изысканий: это предмет формальной логики и диалектика; анализ апорий Зенона Элейского; философское исследование антиномий науки; выявление и раскрытие типов противоречий и множество других проблем философско-методологического содержания. Значительное внимание талантливый ученый уделял разработке вопросов преемственности в развитии категорий в процессе познания. При этом с особой глубиной он исследовал существенные для философского понимания природы и общества категории пространства, времени, движения, противоречия, развития, проводя их системное, комплексное рассмотрение. Такой подход дал возможность осуществления достаточно полной, многосторонней, многоплановой и результативной разработки этих сложных философско-методологических проблем. Интересна и методологически полезна его классификация систем по характеристикам специфики их изменения: быстро прогрессирующие системы; системы с замедленным темпом развития; системы, находящиеся в состоянии стабильной устойчивости; медленно деградирующие системы; бурно разрушающиеся системы. Философское исследование вопросов движения и развития естественным образом направило интерес А. К. Манеева к проблемам становления, возникновения и уничтожения, вечности и бессмертия. Некоторые из проблем данной области он рассматривает, сопоставляя пару понятий «возникшее» и «подлинно вечное как существующее, но не возникавшее».

Многие логико-методологические идеи, которые развивал Алексей Климентьевич, получили признание на самом высоком научном уровне. Так, оп-

понентом на защите его диссертации был выдающийся философ и логик, один из крупнейших специалистов по истории философии доктор философских наук, профессор, действительный член Международного института философии (Париж) Валентин Фердинандович Асмус, который поддержал диссертационное исследование А. К. Манеева и дал ему высокую оценку. Научным редактором его монографии «Предмет формальной логики и диалектика» был выдающийся философ, методолог, логик доктор философских наук, профессор Дмитрий Павлович Горский.

А. К. Манеев в своих исследовательских поисках, в постановке и разработке ряда проблем выходил за рамки господствовавшей в советские времена диалектико-материалистической парадигмы. Это одна из характерных отличительных особенностей его философских воззрений. Яркой чертой в творчестве Алексея Климентьевича явилось стремление найти свое оригинальное философское решение ряда вечных проблем, волнующих умы и души людей: возникновение, бытие, время, вечность, жизнь, бессмертие и др. К этому направлению исследований относится его концепция субстанции. Для гипотетического учения о субстанции, которое разрабатывал талантливый философ, характерна исследовательская смелость, оригинальность и основательность. Оно развивается в нескольких работах, в том числе в монографии «Движение, противоречие, развитие» (Минск, 1980). Субстанция трактуется как континуально-полевая сущность, являющаяся исходной причиной всего имеющегося во Вселенной. В интерпретации А. К. Манеева субстанция – это безначально существующая (т. е. подлинно вечная) целостная реальность полевого типа. Ей присуща созидательная самоактивность, проявляющаяся в порождении микро- и макросистем. Макромасштабными порождениями субстанции, согласно концепции исследователя, являются континуальные биополя, которым присуща неуничтожимость, вечность; в составе живых организмов – это их бессмертные души, сохраняющиеся после разрушения вещественной оболочки.

Свою возвышенную идею о бессмертии, о вечности Алексей Климентьевич выразил в стихотворной форме:

Биополя в бессмертии желанном,
Память над прахом, что в земле сырой,
Светло сияют крупнозвездным планом,
Где вечной музыки высокий строй.

Гипотетические концепции А. К. Манеева вызывают значительный интерес. В книге «Русский космизм» (Москва, 1993) работа белорусского философа «Гипотеза биополевой формации как субстрата жизни и психики человека» включена в один ряд с трудами таких выдающихся мыслителей, как Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, П. А. Флоренский, Н. А. Бердяев, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский и др. Философские заслуги А. К. Манеева

Труженик, воин, мыслитель

отмечены и в известном энциклопедическом словаре «Философы России XIX–XX столетий: биографии, идеи, труды» (Москва, 1999). В этом издании Алексею Климентьевичу и его философским исследованиям посвящена большая содержательная статья. Своим творчеством он внес значительный вклад в исследование философских проблем методологии, логики, онтологии.

Чуткий, отзывчивый, добрейшей светлой души человек, Алексей Климентьевич Манеев всегда стремился поддержать коллег в научном поиске и в любой затруднительной жизненной ситуации, щедро делился своими знаниями, богатым научным опытом с поколением молодых сотрудников.

*В. И. Павлюкевич,
научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

ФИЛОСОФ И ПЕДАГОГ (Памяти И. Я. Левяша)

31 марта 2016 г. ушел из жизни главный научный сотрудник Центра стратегических европейских исследований и межкультурного сотрудничества Института философии Национальной академии наук Беларуси Илья Яковлевич Левяш.

Илья Яковлевич прожил большую и яркую жизнь, его наследие велико и многогранно. Известный ученый, признанный педагог, оригинальный мыслитель, он оставил незабываемый след в памяти своих учеников, последователей, коллег. Обозначим главные вехи и достижения его жизни.

И. Я. Левяш родился 22 августа 1937 г. в г. Винница Украинской ССР. Окончив общеобразовательную школу, юноша поступил в Одесский государственный университет им. И. И. Мечникова на специальность «история». Свою трудовую деятельность будущий ученый начал в 1957 г., еще во время учебы в университете. Он стал преподавателем основ политических знаний в профессионально-техническом училище в Винницкой области. После окончания университета в 1960 г. Илья Яковлевич переехал в г. Иркутск (РСФСР), где устроился на работу методистом научно-методического управления Иркутского политехнического института. В 1962–1964 гг. работал директором школы-интерната.

По-настоящему же открылся ему путь в науку, когда И. Я. Левяш перешел на работу старшим преподавателем кафедры философии Иркутского финансово-экономического института (1964–1970 гг.), а затем – старшим преподавателем кафедры философии технологического института (1970–1972 гг.). В эти годы Илья Яковлевич активно занимается научной деятельностью, пишет кандидатскую диссертацию и после ее защиты в 1972 г. переезжает в г. Куйбышев (РСФСР), где с 1972 по 1978 г. работает доцентом кафедры философии Куйбышевского политехнического института. После защиты докторской диссертации в 1978 г. ученого переводят на должность и. о. профессора этой же кафедры.

В том же, 1978 г. Илья Яковлевич переезжает в г. Николаев Украинской ССР, где после присвоения ему звания профессора (1979 г.) работает в должност-

сти заведующего кафедрой философии, а затем – заведующего социологической лабораторией Николаевского кораблестроительного института.

Ученый переехал в Беларусь в 1982 г. и сразу стал работать профессором кафедры научного коммунизма, затем – кафедры философии Белорусского технологического института им. С. М. Кирова. В годы постперестроечного лихолетья Илья Яковлевич уезжал в Израиль, где в 1991–1992 гг. работал профессором, старшим научным сотрудником Иерусалимского университета. Однако Беларусь привлекала его больше, поэтому в 1992 г. он вернулся обратно и устроился на работу в должности профессора, потом – и. о. заведующего кафедрой теории и истории культуры, и. о. заведующего кафедрой культурологии Минского государственного лингвистического университета. В этом университете он работал по 2001 г., а затем перевелся на работу в Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка на должность профессора кафедры культурологии, после чего с 2007 г. трудился профессором кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств.

В 2009 г. И. Я. Левяш решил посвятить себя научно-исследовательской деятельности и перешел на должность главного научного сотрудника отдела межгосударственных отношений Института экономики НАН Беларуси, с 2011 г. до своей кончины ученый работал в Институте философии НАН Беларуси. Среди широкого круга научных интересов И. Я. Левяша центральное место занимало постдисциплинарное знание как синтез социальной философии, философии культуры, глобалистики, геополитики, регионалистики, философии науки и образования.

Мы с ним встречались в стенах института, на конференциях, иногда обсуждали те или иные проблемы. В своих выступлениях, монографиях, статьях, он всегда умел высказать некоторую оригинальную, яркую мысль, которая привлекала своей остротой, точностью, глубиной понимания проблемы. Помнится, на одной из конференций, среди своей объемной речи, посвященной проблемам современного общества, он как бы невзначай сказал: «А, собственно говоря, мало в нынешнем мире думают о простом человеке...» Сказал в раздумье, с грустью и сожалением. А ведь, пожалуй, – это действительно одна из главных проблем современного социума, которая вносит дисбаланс в функционирование общества, тормозит его развитие.

Профессор И. Я. Левяш неоднократно являлся научным руководителем заданий (и их разделов) государственных программ научных исследований, отдельных исследовательских проектов. Он регулярно выступал с проектными инициативами и предложениями, направленными на повышение прикладной значимости и экономической эффективности проводимых научных исследований.

Благодаря своей активной научной, публицистической, педагогической деятельности ученый приобрел широкую известность в Республике Беларусь и за ее пределами. Он являлся автором многих научных, научно-публицистических статей в отечественной и зарубежной периодике. Илья Яковлевич активно печатался в таких российских журналах, как «Социс», «Полис», «Свободная мысль», «Социально-гуманитарные знания», «Общественные науки и современность», белорусских журналах «Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук», «Наука и инновации», «Социология», «Организация и управление», «Беларуская думка» и др.

Заслуги Ильи Яковлевича признаны международным научным сообществом, ученый являлся членом престижных научных организаций, академий: действительным членом Всемирной академии наук, технологий, образования и гуманистики (2003, Барселона, Испания), Российской академии гуманитарных наук (2000, Москва), Нью-Йоркской академии наук (1995, США), Международной культурологической академии (2002, Партазарати, Индия); членом-корреспондентом Международной академии наук Евразии (2006, Париж, Франция), профессором-исследователем Международного культурологического института (2003, Индия), профессором-консультантом Международного франкофонского университета (2008, Бельгия).

Творческие и научные достижения И. Я. Левяша были отмечены и Национальной академией наук Беларуси. В 2012 г. он удостоен благодарности Отделения гуманитарных наук и искусств НАН Беларуси за большой вклад в исследование культурно-цивилизационных основ глобального развития, разработку теории и методологии геоглобалистики, многолетнюю плодотворную научно-образовательную деятельность. Ему была вручена Почетная грамота Института философии НАН Беларуси за большой вклад в развитие социально-философских и культурологических исследований в Республике Беларусь, успешную научно-организационную деятельность.

В педагогической деятельности И. Я. Левяш проявлял свой талант воспитателя научных кадров. Помимо чтения курсов лекций, он неоднократно руководил подготовкой кандидатских диссертационных исследований, консультировал подготовку докторских диссертаций, выступал научным экспертом и оппонентом на защитах диссертаций, систематически вел учебные курсы по подготовке к сдаче соискателями кандидатских экзаменов.

Ученый опубликовал свыше 20 монографий, более 200 статей в Беларуси, России, Германии. Отметим лишь некоторые книжные издания, увидевшие свет:

- Культурология : учеб. пособие для вузов. 5-е изд. М. : Айрис-пресс, 2004;
- Русские вопросы о России. Дискурс с Марианом Бродой. М. : Лабиринт, 2007;
- Гуманитарно-культурологическая модель образования для всех. СПб. : Эйдос, 2010;

Философ и педагог

Базовые универсалии культуры: смысл и структура. Саарбрюккен : LAP, 2011;
Глобальный мир и геополитика: культурно-цивилизационное измерение :
в 2 т. Минск : Беларуская навука, 2012 и др.

Илья Яковлевич Левяш был авторитетным ученым, хорошим организатором науки, ответственным и внимательным педагогом, признанным экспертом в области современного социально-гуманитарного знания и реализации его аналитико-прогностического потенциала в управлении социальными процессами. Светлая память об ушедшем из жизни профессоре останется в сердцах его учеников, соратников, коллег.

*А. Л. Куши, кандидат философских наук,
доцент, старший научный сотрудник
Института философии НАН Беларуси*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- **Адуло Тадеуш Иванович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: tadoul@mail.ru;
- **Белокрылова Вера Анатольевна**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси;
- **Земляков Леонид Евгеньевич**, доктор политических наук, профессор, Белорусский государственный университет;
- **Ивин Александр Архипович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии РАН;
- **Капитонова Татьяна Александровна**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси;
- **Карако Петр Семенович**, доктор философских наук, профессор, Белорусский государственный университет;
- **Карасевич Антон Олегович**, аспирант, Институт философии НАН Беларуси;
- **Карпенко Александр Степанович**, доктор философских наук профессор, Институт философии РАН;
- **Козина Олеся Анатольевна**, кандидат философских наук, доцент, Ульяновский государственный университет, e-mail: olesyakozina@rambler.ru;
- **Куиш Александр Леонтьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: alkuish@mail.ru;
- **Куксачёв Николай Николаевич**, аспирант, Институт философии НАН Беларуси;
- **Лазаревич Анатолий Аркадьевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: a.a.lazarevich@gmail.com;
- **Максимович Валерий Александрович**, доктор филологических наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: valery.maximovich@gmail.com;
- **Мякчило Степан Антонович**, исследователь, Институт философии НАН Беларуси;
- **Нестерович Юрий Владимирович**, кандидат исторических наук, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси, e-mail: nesterca.com@yandex.by;
- **Павловская Ольга Александровна**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси;
- **Павлюкевич Вадим Иосифович**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси;
- **Пунченко Олег Петрович**, доктор философских наук, профессор, Одесская национальная академия связи имени А. С. Попова (Украина), e-mail: kaphedra.philos@onat.edu.ua;
- **Савченко Владимир Кириллович**, доктор биологических наук, член-корреспондент НАН Беларуси, профессор, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: u.sauchanka@tut.by;

Сведения об авторах

- **Салеев Вадим Алексеевич**, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь, Белорусская государственная академия искусств, e-mail: vas@telegraf.by;
- **Санько Сергей Иванович**, кандидат философских наук, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: siarhey.sanko@gmail.com;
- **Сивицкий Арсений Владимирович** магистр, Институт философии НАН Беларуси;
- **Середа Юлия Петровна**, научный сотрудник, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: sereda.yulya@gmail.com;
- **Спасков Александр Николаевич**, кандидат философских наук, доцент, Институт философии НАН Беларуси, e-mail: a.spaskov@gmail.com;
- **Титаренко Лариса Григорьевна**, доктор социологических наук, профессор, Белорусский государственный университет, e-mail: larissa@bsu.by;
- **Цепаев Сергей Павлович**, кандидат философских наук, доцент, Брестский технический университет;
- **Шерис Александр Владимирович**, кандидат политических наук, НПР ООО «ОКБ ТСП».

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

**Редакционная коллегия приглашает авторов к публикации
в ежегодном сборнике научных трудов «Философские исследования»**

Тематические приоритеты (рубрики):

- Проблемы онтологии и теории познания
- Философские проблемы социальной динамики
- Философско-антропологические исследования
- Аксиологические аспекты социального бытия
- Философско-методологические проблемы науки и техники
- Историко-философские исследования
- Философия культуры и образования
- Проблемы формирования экологической культуры
- Национальная философская мысль

Статьи, оформленные согласно указанным ниже требованиям, в распечатанном виде принимаются по адресу: 220070, г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, к. 810, Институт философии НАН Беларуси, и в электронном виде на e-mail: journal@philosophy.by. Справки по телефону: 8-017 284 29 25.

Требования к оформлению работ

Объем печатного материала должен составлять от 0,4 до 0,8 авт. л. (или 16 000–36 000 знаков с пробелами). Текст предоставляется в формате Word for Windows, шрифт Times New Roman, кегль 14, с абзацным отступом 1,2 и выравниванием справа и слева, межстрочный интервал одинарный, страницы не нумеруются; все поля – 2 см.

Следуя через один интервал, в статье помещаются следующие элементы ее структуры:

УДК;

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора;

посередине строки – место работы автора, город, страна;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи (не более двух строк);

резюме на русском языке;

ключевые слова на русском языке;

Информация для авторов

посередине строки прописными буквами – инициалы и фамилия автора по-английски;

посередине строки строчными буквами – место работы автора, город, страна по-английски;

посередине строки прописными буквами жирным шрифтом – название статьи по-английски;

резюме по-английски;

ключевые слова по-английски;

основной текст;

посередине строки жирным шрифтом – название «Список использованных источников»;

список использованных источников, который оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008/СТБ 7.208-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки на источник указываются в тексте в квадратных скобках: номер источника, номер страницы (например, [10, с. 795]); нумерация источников – в порядке цитирования или в алфавитном.

Рисунки к статье предоставляются в форматах jpg или tiff.

В конце статьи данные автора: полностью фамилия, имя и отчество; степень, звание, должность, место работы, телефон для контактов, адрес почтовый и электронный.

К статье прилагается рецензия, заверенная учреждением рецензента.

Редакционная коллегия вправе отклонять материалы, не соответствующие тематике сборника, требованиям к научному уровню, объему, оформлению и корректуре.

Научное издание

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 3

Редактор *И. А. Старостина*
Художественный редактор *Д. А. Комлев*
Техническое редактирование
и компьютерная верстка *О. А. Толстой*

Подписано в печать 21.12.2016. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,89. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 150 экз. Заказ 254.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.